

2024 – № 2

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руй-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАО В. Г. Одинокова

Якимова Л. П., Силантьев И. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Виктор Георгиевич Одинок (10.06.1924 – 17.08.2016)	10
Васильев В. К. (Красноярск, СФУ) Архетипическое прочтение поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» как попытка постижения авторской стратегии тайны	16
Синякова Л. Н. (Новосибирск, НГУ) Танатология Ф. Сологуба: персонажи-медиумы в ранней прозе писателя («Утешение», «Жало смерти»)	27
Хлопина О. Ю. (Нантер, Университет Париж X) Сандрар и Достоевский: функции литературных реминисценций	35
Проскурина Е. Н. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Поэма в прозе: своеобразие жанра, сюжетно-мотивный репертуар	46

Литературоведение

Шум О. Ю. (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского) Раннее творчество М. Горького в издательских стратегиях социал-демократов	59
Осовский О. Е. (Москва, РЭУ им. Г. В. Плеханова) Дубровская С. А. (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарёва) Библейский дискурс в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х годов	71
Рогачева Н. А., Дроздова А. О. (Тюмень, ТюмГУ) Дефекты оптики в лирике В. Набокова французского периода	86
Борисов Б. Н. (Москва, ММУ) «Анатомический атлас» города: смертельный код в романе А. Платонова «Счастливая Москва»	99
Марьин Д. В. (Барнаул, Алтайский ГАУ) «Конец я себе придумал»: смертельное моделирование в литературном творчестве В. М. Шукшина	112

Фольклористика

Кузнецова В. С. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Земля стоит на Божьем море»: рассказы о сотворении мира из Приангарья в записи А. А. Макаренко	126
Сатанар М. Т. (Якутск, СВФУ) Системный подход в исследовании мифологического понятия <i>иччи</i> : к постановке проблемы	137
Ойроткинова Н. Р. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Жанровые особенности песен и благопожеланий в свадебной обрядности алтайцев	151

Языкознание

- Аникин А. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Из работы над «Русским этимологическим словарем»: дополнения и поправки 164
- Ян Цзайхуэй** (Новосибирск, НГУ)
Роль вспомогательного глагола в составе русской глагольной перифразы (на материале современных электронных СМИ) 178
- Ковылин С. В.** (Москва, ИСП РАН; Томск, ТГПУ)
Дезидератив в ласкинском говоре нарымского диалекта селькупского языка 192
- Арская Ю. А., Мамедов А. А.** (Иркутск, ИГУ)
Лирический герой и образная картина мира Екатерины Боярских по данным языка 212
- Кравченко М. А.** (Ростов-на-Дону, РГУПС)
Семасиологический и ономасиологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов 226
- Куцаева М. В.** (Москва, ИЯз РАН)
Хранительница нематериального культурного наследия: о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры (на материале социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона) 240

Рецензии

- Патроева Н. В.** (Петрозаводск, ПетрГУ)
Рецензия на книгу: Словарь языка русской поэзии XX века. Том IX. Книга 2: Уж – Цезарь / Сост.: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 536 с. – (Studia philologica) 254

2024 – No. 2

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

On the 100th anniversary of the birth of Viktor Georgievich Odinokov, corresponding member of the Russian Academy of Education

Yakimova L. P., Silantev I. V. Viktor Georgievich Odinokov (10.06.1924–17.08.2016)	10
Vasilyev V. K. Archetypal reading of the poem “Dead Souls” by Nikolai Gogol: comprehending the author’s strategy of mystery	16
Sinyakova L. N. Thanatology of F. Sologub: characters-mediums in the early prose (“Consolation”, “Sting of Death”)	27
Khlopina O. Yu. Cendrars and Dostoyevsky: functions of literary reminiscences	35
Proskurina E. N. The prose poem: genre originality, plot and motive repertoire	46

Literature

Shum O. Yu. The early works of Maxim Gorky in the publishing strategies of social democrats	59
Osovskiy O. E., Dubrovskaya S. A. Biblical discourse in the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin during the 1900s and early 1910s	71
Rogacheva N. A., Drozdova A. O. Optical aberrations in the lyrics of V. Nabokov’s French period	86
Borisov B. N. “Anatomical atlas” of the city: the mortal code in the novel “Happy Moscow” by Andrei Platonov	99
Maryin D. V. “The end I thought up for myself”: mortal modeling in the literary work of V. M. Shukshin	112

Folklore

Kuznetsova V. S. “The earth stands on God’s sea”: stories about the creation of the world from the Angara region recorded by A. A. Makarenko	126
Satanar M. T. A systematic approach to studying the mythological concept of <i>ichchi</i> : the problem statement	137
Oynotkinova N. R. Poetics of songs and good wishes in the wedding ceremony of the Altai people	151

Linguistics

Anikin A. E.	
The work on the “Russian Etymological Dictionary”: addenda et corrigenda	164
Yan Tszaihuei	
The role of auxiliary verbs in the composition of the Russian verbal periphrasis (a case study of modern electronic media)	178
Kovylín S. V.	
Desiderative in the Laskino subdialect of the Narym dialect of the Selkup language	192
Arskaya Yu. A., Mamedov A. A.	
Persona and figurative picture of the world in the poetry of Ekaterina Boyarskikh in the light of linguistic data	212
Kravchenko M. A.	
Semasiological and onomasiological factors of meta-language commentary generation: determining the grounds for constructing a semantic typology of reflexives	226
Kutsaeva M. V.	
Keeper of intangible cultural heritage: the role of grandmothers in the transmission of ethnic language and culture (a case study of sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region)	240

Reviews

Patroeva N. V.	
A book review: Dictionary of Russian Poetry Language of the Twentieth Century. Volume IX. Book 2: Uzh – Tsesar. Compiled by L. L. Shestakova (Ed. in Ch.), A. S. Kuleva (Ed.), A. V. Gik. Moscow, LRC Publishing House, 2022, 536 p. (Studia philologica)	254

**К 100-летию со дня рождения
члена-корреспондента РАО В. Г. Одинокова**

10 июня 2024 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося российского филолога, литературоведа, специалиста в области русской литературы, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования Виктора Георгиевича Одинокова.

Ученики и последователи Виктора Георгиевича помнят его как человека предельно скромного и сосредоточенного на своем деле. Эти качества личности ученого многое объясняют в судьбе его научного наследия. Высокий талант Виктора Георгиевича, глубину и новаторский характер его исследований научный мир осознал не сразу. Вокруг его имени не было шума. Он был погружен в работу, которая была для него оправданием жизни. А большего и не надо.

В наше время типологические исследования ученого в сфере классического русского романа выходят на первый план актуальной науки о литературе.

В первом разделе номера представлены статьи, посвященные светлой памяти профессора Одинокова.

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/87/1

Виктор Георгиевич Одинок
(10.06.1924 – 17.08.2016)

Людмила Павловна Якимова¹
Игорь Витальевич Силантьев²

^{1, 2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

² silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Аннотация

Рассматриваются основные этапы и итоги научной и педагогической деятельности выдающегося российского литературоведа Виктора Георгиевича Одинок (10.06.1924 – 17.08.2016). Органической особенностью исследовательского почерка ученого явилась сосредоточенность на генеральных линиях и глубинных процессах национальной литературы. Важнейшую сторону научно-теоретической значимости монографий В. Г. Одинок составляет методология, развивающаяся в направлении от изучения поэтики отдельных типов произведений к общей системности литературного текста, затрагивающей сферу отношений писателя и читателя и выводящей исследовательскую мысль на уровень изучения законов герменевтики. Научные подходы В. Г. Одинок заметно отличались как от канонов официального советского литературоведения, выстраивавшего свои методологические принципы в соответствии с догматикой исторического материализма, так и от общего направления поисков структурно-семиотической школы, предельно широко трактующей предмет своих исследований. Построенный ученым методологический вектор от типологии к системности явился существенным вкладом в литературоведческую методологию и сформировал оригинальную научную школу. В. Г. Одинок стал одним из инициаторов и организаторов издания «Очерков русской литературы Сибири», которые получили признание в отечественном и зарубежном литературоведении как первое в России исследование по истории региональной литературы. Известный российский литературовед В. Г. Одинок своими трудами оставил глубокий след в русской национальной культуре.

Ключевые слова

В. Г. Одинок, литературоведение, русская литература, типология, системность

Для цитирования

Якимова Л. П., Силантьев И. В. Виктор Георгиевич Одинок (10.06.1924 – 17.08.2016) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 10–15. DOI 10.17223/18137083/87/1

© Якимова Л. П., Силантьев И. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 10–15

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 10–15

Victor Georgievich Odínokov
(10.06.1924–17.08.2016)

Lyudmila P. Yakimova¹, Igor V. Silantev²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

² silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Abstract

The paper presents a detailed account of the scientific and pedagogical achievements of Viktor Georgievich Odínokov, a renowned Russian literary critic (06.10.1924–08.17.2016). A distinctive characteristic of Odínokov's research style was his focus on the overarching themes and profound processes of national literature. The scientific and theoretical significance of his monographs lies in their methodology, which progresses from analyzing the poetics of specific literary works to understanding the systematic nature of the literary text as a whole. This approach encompasses the relationship between the writer and the reader, elevating research thought to the level of hermeneutics. Odínokov's scientific approaches differed significantly from both the dogmatic principles of official Soviet literary criticism, which were grounded in historical materialism and the broad interpretation of the subject matter by the structural-semiotic school. His methodological trajectory from typology to systematicity made a significant contribution to literary methodology and established an original scientific school. Odínokov was one of the initiators and organizers of the publication "Essays on Russian Literature of Siberia," which was recognized both domestically and internationally as the first study in Russia on the history of regional literature. The works of Viktor Georgievich Odínokov, a distinguished literary critic from Siberia, have made a profound contribution to Russian national culture.

Keywords

V. G. Odínokov, literary criticism, Russian literature, typology, systematicity

For citation

Yakimova L. P., Silantev I. V. Victor Georgievich Odínokov (10.06.1924–17.08.2016). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 10–15. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/1

10 июня 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения известного российского филолога-литературоведа Виктора Георгиевича Одинокова. Он был долгожителем: умер на 93-м году жизни, сохраняя глубинную причастность к духовной жизни страны и развитию филологической мысли до конца дней.

Ощущением своей предназначенности служению филологической науке оказался отмечен и подчинен весь жизненный путь В. Г. Одинокова. В 1945 г. он поступил и в 1948 г. окончил заочно полный курс Новосибирского государственного педагогического института по специальности «Русский язык и литература». В 1953 г. окончил аспирантуру при НГПИ. В 1954 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Трилогия Л. Н. Толстого "Детство", "Отрочество", "Юность"». В 1973 г. в Институте мировой литературы состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Проблемы поэтики русского романа XIX века (типологический аспект)».

Та же предназначенность филологической науке как служению и делу всей жизни сказалась на выборе учителей и наставников: официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации был Н. Н. Гусев – личный секретарь Л. Н. Толстого в 1907–1909 гг., официальными оппонентами на защите докторской – д-р филол. наук У. Р. Фохт, д-р филол. наук Г. М. Фридендер, д-р филол. наук П. А. Николаев, известные фундаментальными исследованиями по теории русской литературы. В 1974 г. В. Г. Одинокovu было присвоено звание профессора по кафедре общего языкознания Новосибирского государственного университета, в 1992 г. он стал членом-корреспондентом Российской академии образования.

В НГУ В. Г. Одинокov работал с 1962 г. В составе Государственной комиссии по общественным наукам он принимал непосредственное участие в организации гуманитарного факультета НГУ (разработка учебных планов, программ, подбор педагогических кадров, чтение лекций на филологическом и историческом отделениях, организация секции литературоведения в составе кафедры общего языкознания). С 1962 по 1965 г. работал как совместитель, а затем по конкурсу был избран на должность доцента, затем профессора кафедры общего языкознания, в составе которой он руководил секцией литературоведения. В 1975 г. он создал кафедру литературы, которую возглавлял до 2008 г.

Сосредоточенность на генеральных линиях и глубинных процессах национальной литературы как определяющая особенность исследовательского почерка В. Г. Одинокova органично проявилась в создании трудов, внесших существенный вклад в ту область теории литературы, которая связана с изучением ее поэтики и типологии. Важнейшую сторону научно-теоретической значимости таких монографий В. Г. Одинокova, как «Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века» [1971], «Художественная системность русского классического романа. Проблемы и суждения» [1976a], «Поэтика романов Толстого» [1978], составляет методология, развивающаяся в направлении от изучения законов поэтики отдельных типов произведений (типологии) к системности, постепенному расширению текстовой системы и переходу ее к другой системе, затрагивающей уже сферу отношений писателя и читателя и выводящей исследовательскую мысль на уровень изучения законов герменевтики.

Научные подходы В. Г. Одинокova тем самым заметно отличались как от канонов официального советского литературоведения, выстраивавшего свои методологические принципы в соответствии с догматикой исторического материализма, так и от общего направления поисков структурно-семиотической школы, предельно широко трактующей предмет своих исследований.

Простроенный ученым методологический вектор от типологии к системности явился существенным вкладом в литературоведческую методологию и сформировал научную школу, в русле которой продолжилось научное творчество учеников В. Г. Одинокova, плодотворно работающих в университетах и научно-исследовательских учреждениях не только России, но и многих зарубежных стран.

Под научным руководством В. Г. Одинокova были защищены 25 кандидатских и 7 докторских диссертаций.

Долгая жизнь в таком богатом и своеобразном по характеру своей природы, истории и культуры регионе, как Сибирь, тем более в таком уникальном месте, как новосибирский Академгородок, известном своими новациями, не могла не сказаться на особой глубине интересов В. Г. Одинокova к духовной истории края, неповторимым особенностям его культуры, истории, литературы. Когда в 60-е годы прошлого века в Институте истории, философии и филологии СО АН

при поддержке академика А. П. Окладникова и патриарха сибирской литературы А. Л. Коптелова возникла идея и родился проект создания фундаментального труда по истории сибирской литературы, В. Г. Одинокоев явился одним из инициаторов и организаторов издания «Очерков русской литературы Сибири» [1982], которые получили признание в отечественном и зарубежном литературоведении как первое в России исследование по истории региональной литературы.

Сегодня особенно важно отметить, что свойственная В. Г. Одинокоеву широта международных контактов во многом способствовала продвижению интереса зарубежных исследователей к работе сибирских литературоведов. Им были прочитаны циклы лекций в пятнадцати университетах России, он периодически преподавал в университетах Западной Европы (Мюнхенский, Регенсбургский, Ольденбургский, Тюбингенский, Эрлангенский, Лодзинский, Бременский). На руководимой им кафедре литературы НГУ проходили стажировку студенты из университетов Германии, Китая, Кореи, США, Турции, Италии, Голландии, Японии, Швейцарии.

В 2008 г. В. Г. Одинокоев был председателем оргкомитета Международной научно-практической конференции «Русско-немецкие культурные связи», организованной Генеральным консульством Германии и кафедрой литературы XIX–XX веков Новосибирского университета.

Органичной и плодотворной была связь В. Г. Одинокоева с органами духовной, культурной, научной жизни Сибири. Он был членом нескольких диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при Томском, Уральском, Красноярском университетах, Институте филологии СО РАН, Сибирском институте образовательных технологий РАО.

Многие годы В. Г. Одинокоев сотрудничал с редколлегией серийного издания «Литературное наследство Сибири», с 1977 по 1987 г. входил в состав редколлегии журнала «Сибирские огни», в котором курировал отделы прозы и критики, был членом редколлегии «Сибирского филологического журнала», ответственным редактором «Вестника НГУ».

Человек энциклопедического склада ума и широты духовных интересов, он столько же радел об укорененности филологической культуры в общественной среде, и практике популяризации литературы он отдал много труда и времени. Этому посвящена несколько раз переизданная массовым тиражом небольшая по объему, но емкая по смыслу книга «Чтение как искусство» [1976б], переводящая проблемы герменевтики на язык «правильного чтения», искусства улавливания и понимания смысловых сцеплений.

Когда в 1990-е гг., в эпоху тотального обрушения национальных ценностей, опасности бесконтрольной манипуляции подверглась и классическая драматургия, в том числе и пьесы Чехова, В. Г. Одинокоев оказался в ряду тех, кто неотступно продолжал развивать принципы «правильного чтения» не только прозы, но и драматургии, утверждая, что для постижения глубинного смысла пьес Чехова «их нужно читать медленно», как пушкинского «Бориса Годунова».

Разносторонняя научно-педагогическая и широкая просветительская деятельность В. Г. Одинокоева была по достоинству оценена обществом и подчеркнута его избранием в состав Российской академии образования.

Эпиграфом к книге «Чтение как искусство» В. Г. Одинокоев предпослал слова Л. Н. Толстого: «Для критики искусства нужны люди, которые... постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства».

Таким безусловно «нужным» был и остался известный российский литературовед, филолог В. Г. Одинокоев, и благородством своего личного облика, и своими трудами оставивший глубокий след в нашей национальной культуре.

Список литературы

- Одинокоев В. Г. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века. Новосибирск: Наука, 1971. 192 с.
- Одинокоев В. Г. Художественная системность русского классического романа. Проблемы и суждения. Новосибирск: Наука, 1976а. 196 с.
- Одинокоев В. Г. Чтение как искусство. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976б. 46 с.
- Одинокоев В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.
- Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. / Гл. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1982.

References

- Ocherki russkoy literatury Sibiri: V 2 t.* [Essays on Russian literature of Siberia: In 2 vols.]. A. P. Okladnikov (Ed. in CH.). Novosibirsk, Nauka, 1982.
- Odinokov V. G. *Chteniye kak iskusstvo* [Reading as an art]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1976, 46 p.
- Odinokov V. G. *Khudozhestvennaya sistemnost' russkogo klassicheskogo romana. Problemy i suzhdeniya* [The artistic consistency of the Russian classical novel. Problems and judgments]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 196 p.
- Odinokov V. G. *Poetika romanov L. N. Tolstogo* [Poetics of Tolstoy's novels]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 160 p.
- Odinokov V. G. *Problemy poetiki i tipologii russkogo romana 19 veka* [Problems of poetics and typology of the Russian novel of the 19th century]. Novosibirsk, Nauka, 1971, 192 p.

Информация об авторах

Людмила Павловна Якимова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Игорь Витальевич Силантьев, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Information about the authors

Ludmila P. Yakimova, Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Igor V. Silantev, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Статья поступила в редакцию 22.01.2024;

одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted on 22.01.2024;

approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья

УДК 82-31

DOI 10.17223/18137083/87/2

**Архетипическое прочтение
поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»
как попытка постижения авторской стратегии тайны**

Владимир Кириллович Васильев

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Аннотация

Представлена попытка приблизиться к пониманию загадок поэмы «Мёртвые души» – ее прочтения, основанного на архетипическом подходе. Подчинение алгоритмам сюжета-архетипа об Антихристе заставило Гоголя заняться серьезной разработкой плана «похождений» (биографии) и нравственного облика Чичикова. После кражи средств, предназначенных на строительство храма Христа Спасителя, Чичиков позиционируется автором как противник Сына Божия (отсюда тема Антихриста). Стратегия тайны воплощена автором и в последующей перестройке биографической фабулы в сюжет. Читатель с самого начала не догадывается о демонической природе Чичикова, причинах его приезда в город NN и сущности этого города.

Ключевые слова

Гоголь, загадки «Мёртвых душ», методология литературоведения

Для цитирования

Васильев В. К. Архетипическое прочтение поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» как попытка постижения авторской стратегии тайны // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 16–26. DOI 10.17223/18137083/87/2

**Archetypal reading of the poem “Dead Souls” by Nikolai Gogol:
comprehending the author’s strategy of mystery**

Vladimir K. Vasilyev

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

Abstract

The paper endeavors to unravel the mysteries of the poem “Dead Souls” by employing an archetypal methodological approach developed by the author through numerous works. Gogol started to write the poem without a deliberate plan. Nevertheless, while working, he came

© Васильев В. К., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 16–26

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 16–26

to realize that the portrayal of a hero, someone who purchases deceased souls, could only be depicted in an anti-Christian manner. In adherence to the algorithms of the archetype plot concerning the Antichrist, the author was compelled to undertake a thorough development of the “adventures” (biography) and moral character of Chichikov. The author positions the hero solely as an adversary of the Son of God through the involvement in the commission for the construction of the Cathedral of Christ the Savior and the theft of funds for its creation. It is due to this fact that Gogol dressed Chichikov in a tailcoat, “woven” from sparks, flames, and smoke. The strategy of mystery is also embodied in the subsequent transformation of the biographical fable narrative into a plot narrative. The exceptional power of subordination inherent in the (binary) archetype of Christ and Antichrist manifested itself in the transformation of Gogol’s life through the psychoanalysis of the hero’s pathologies, reshaping his internal reality. He takes the path of Christ-imitation. This holds the key to unraveling the mystery of the poem and provides insight into the author’s message.

Keywords

Gogol, the mystery of “Dead souls”, methodology of literary criticism

For citation

Vasilyev V. K. Archetypal reading of the poem “Dead Souls” by Nikolai Gogol: comprehending the author’s strategy of mystery. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 16–26. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/2

1. Поскольку настоящее издание посвящено памяти Виктора Георгиевича Одинокова, хочется выразить благодарность Учителю за то, что его лекции и работы являли пример впечатляющего профессионализма, неустанности научного поиска, ответственности ученого за сказанное слово. Высота планки, продемонстрированная Виктором Георгиевичем, показывала студентам, насколько это серьезно, невероятно сложно и увлекательно – заниматься анализом текста! Нет сегодня и Елены Ивановны Дергачевой-Скоп... Елена Ивановна предложила мне научную тему: «Типология жанра жития». Думаю, не ошибусь, если скажу, что Виктор Георгиевич в своих научных интересах был именно типологом. Так два Учителя определили область и методологию моих начальных изысканий. В итоге эти изыскания а) *вывели меня на открытие структурных универсалий, пронизывающих тексты русской литературы на всем протяжении ее развития – с момента появления первых сочинений до дня текущего*, б) *значительно усложнили методологию анализа*.

Полученные результаты всякий раз *обязывают* строить рассуждения в определенных границах. Начинать приходится с объяснения, что представляет собой метод, он же технологический аналитический комплекс. В него входят структурные сюжетные модели и соответствующие им ряды *разно-тождественных* текстов. Обоснованием для их построения служит не только типологическая теория, но и учение К. Г. Юнга о коллективном бессознательном (инстинктах и архетипах), типологическое и психоаналитическое по своей природе. Центральный архетип в названном комплексе – (сюжет-)жизнеописание Христа и Антихриста. Основной источник для построения модели жизнеописания Христа – Евангелие. Проблема жизнеописания Антихриста заключается в том, что оно никогда и никем не написано, не существует в подобном цельном виде. Однако имеется солидная источниковая база (тексты Нового Завета, сочинения Отцов Церкви, апокрифы и народные легенды) для его реконструкции¹. Выясняется, что *такая реконструкция насущно необходима, поскольку сюжет об Антихристе порождает*

¹ Реконструкцию см., например: [Васильев, 2009, с. 29–36].

*ет трудно исчислимое количество литературных сюжетов-аналогов и в принципе моделирует (бессознательное) пространство зла. Без понимания механизма его функционирования невозможно построить научную историю русской литературы. Именно здесь и формулируется ответ на вопрос: почему приходится обращаться к концепции К. Г. Юнга, а не других психоаналитиков? Позднему К. Г. Юнгу принадлежат слова: «Я предпочитаю термин “бессознательное”, хотя знаю, что могу с тем же успехом говорить “Бог” или “демон” <...> “мана” [психическая энергия], “демон” и “Бог” – синонимы “бессознательного”» [Юнг, 1998, с. 409]. Ученый не мог обойти вниманием и фигуры Христа и Антихриста. В частности, он писал: «Раннее христианство с непогрешимой логикой противопоставило Христу Антихриста. Ибо как можно говорить о “высшем”, если нет “низшего”, о “правом”, если нет “левого”, о “хорошем”, если нет “плохого”? <...> Приход Антихриста <...> это непреложный психологический закон» [Юнг, 2019, с. 82, 60]. (Увы, но нет возможности развивать эту тему.) Таким образом, *то, с чем пришлось столкнуться мне, и то, о чем говорит К. Г. Юнг, образует сферу синонимии*. В данном совпадении я бы выделил несколько существенных аспектов. К. Г. Юнга часто упрекают в размытости и спорности рассуждений. Литературоведческий метод / структурно-типологический операционализм придает строгую зримость, формально-логическую воплощенность сюжету-архетипу о Христе и Антихристе / Боге и демоне. А вся описанная мною система (вместе с хронологически упорядоченными типологическими рядами) позволяет устранить аморфность применительно к построениям К. Г. Юнга – *в этой части* она верифицирует его учение, переводит его из разряда гипотезы в разряд научной теории. Это во-первых. Во-вторых, архетип Христа и Антихриста предстает как цельность – бинарная система, в которой «сакральное» не существует без «демонического». Об этом, т. е. о поиске цельности, нельзя забывать при анализе текстов. В-третьих, рассматриваемые образы-феномены вводят в сферу познания глубинных психологических законов. Им подчиняется и творчество – психология литературных героев, автора и, несомненно, читателей. Также рационально-нигилистически настроенные коллеги и читатели упрекали и упрекают К. Г. Юнга в мистицизме. Между тем в христианстве мистика – это тайна человеческого духа. В литературоведении она сводится к проблеме анализа образа-характера. Если угодно, основной психологический закон видится в том, что «конструкты» Бога и демона (в различных ипостасях последнего) образуют глубинную, скрытую основу человеческой психики. Психологическая сфера архетипа Антихриста представлена по отношению к архетипу Христа как опрокинутое пространство – антимир, в котором «всё наоборот».*

В целом речь идет о «выработке нового метода научного мышления» [Лотман, 1994, с. 25], именно о структурализме (можно оставить данный термин, хотя он явно недостаточен). Однако выглядит этот реальный структурализм куда сложнее, чем представлялось искренне уважаемому Ю. М. Лотману.

2. В творческом процессе функция ментальной сущности, именуемой архетипом Бога и демона / Христа и Антихриста, – текстопорождение. Природа литературной текстуальности определяется изначальной формой *двух жестко структурированных антиномичных сюжетов-жизнеописаний*, говоря иначе, произведение разворачивается по заложенной в него психоаналитической программе. Естественно, она всякий раз варьируется в зависимости от внутренних (собственно литературных) и внешних (социально-исторических) обстоятельств. Как любая программа такого рода, *она подчиняет себе того, кто ее воплощает*. В связи

с этим при анализе приходится сталкиваться с парадоксальными на первый взгляд ситуациями.

2.1. В качестве примера я возьму поэму Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Представляется, что сколько ни пытайся ее анализировать, результат будет в той или иной степени неполноценным, пока мы не разберемся в архетипических законах построения «сюжета о Чичикове» и не дополним его... «сюжетом о Гоголе». «Я начал было писать, – признавался автор, – не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой <...> на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? <...> что нужно делать, когда приходят такие вопросы? Прогонять их? Я пробовал, но неотразимые вопросы стояли передо мною <...> Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного»² (Гоголь, 2009, т. 6, с. 223).

В итоге план, который Гоголю приходилось уточнять и совершенствовать до самого завершения первого тома, в целом и в деталях *явился воплощением стратегии тайны*. И настолько успешным воплощением, что на протяжении вот уже более 180 лет беллетристы и ученые *говорят о загадках поэмы, о том, что она не прочитана*.

При знакомстве с произведением мы плохо понимаем, кто такой Чичиков, что такое город NN, зачем он туда приехал и пр. Добравшись до одиннадцатой главы, мы, конечно, узнаем, что благодаря подсказке секретаря опекунского совета в голове героя сложился «странный сюжет» (Гоголь, 2009, т. 5, с. 233)³ – купить мертвых душ, заложить их как живых «по двести рублей за душу» (с. 232). Для осуществления задуманного Павел Иванович и отправляется в город NN. Но всё равно многое остается неясным. Между тем *архетип как предварительно расшифрованный сюжет и язык описания позволяет декодировать любой порожденный им текст*. (Конечно же, несмотря на точную оптику и строгость алгоритма сюжета-архетипа, недочеты и ошибки возможны всегда.)

С моей точки зрения, для того чтобы приблизиться к раскрытию тайн поэмы (реализовать *первейшее условие работы с любым литературным произведением – прочитать и понять*), необходимо восстановить фабулу – выстроить жизнеописание Чичикова в хронологическом порядке. Гоголь начинает с истории родителей / рождения и воспитания Павлуши, затем следуют отъезд в город, учеба в училище, служба в казенной палате за ничтожное жалованье – «тридцать или сорок рублей в год» (с. 221), эпизод с обманом понытчика и его дочери, добыча «хлебного мещечка» (с. 223), участие в комиссии «для построения какого-то казенного весьма капитального строения» (с. 224), служба на таможне, работа поверенным, которая и свела его с секретарем опекунского совета. Изложи Гоголь события в таком порядке, не было бы не только никакой тайны, но и самой поэмы. Герой вышел бы вполне понятным, а повествование скучным, поскольку пропала бы интрига. Так что надо отдать должное мастерству автора: перестройка фабулы в (тайнственный) сюжет является частью плана построения поэмы. Хотя стратегия тайны указанной перестройкой далеко не исчерпывается.

² Курсивом здесь и далее, кроме специально оговоренного случая, выделено мною. – В. В.

³ Далее текст «Мертвых душ» цитируется по данному изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Кто, куда и зачем въезжает? Прежде чем появиться в городе NN, Чичиков пожил и в провинции, и в Москве. С момента, как отец, оставляя сына в городе, дал ему «умное наставление»: «угождай учителям и начальникам» и «больше всего храни и береги копейку» (с. 217, 218), тот старательно воплощал его в жизнь. Карьеру чиновник «средней руки» строил исключительно за счет лжи и взяток, каждое место и любой служебный «проект» он превращал, говоря языком юридическим, в источник незаконного обогащения. (Цензоры, обсуждавшие поэму, не могли не определить «предприятие Чичикова» иначе, как «уголовное преступление» (Гоголь, 2009, т. 12, с. 8). Читатель знает, что оно далеко не единственное.) Решиться на дела, которым «свет дает название *не очень чистых*» (с. 234) (курсив оригинала. – В. В.), Павлу Ивановичу было не так уж просто. «Самый трудный порог, через который перешагнул он», – обман «невесты» и понытчика. «С этих пор пошло легче и успешнее» (с. 223). Однако было в его жизни событие, с точки зрения автора, куда более значительное. Читатель совершенно не обращает на него внимания, между тем упустить данное событие никак нельзя. Речь идет о работе Чичикова в комиссии «для построения какого-то казенного весьма капитального строения». В одной из ранних редакций Гоголь сказал несколько определеннее – об участии в комиссии «постройки Храма Божия» (Гоголь, 2012, с. 391–392, 698). Конкретно же Гоголь включает в поэму скандальную, уголовную историю строительства Храма Христа Спасителя по первоначальному проекту А. Л. Витберга. Гоголь сообщал матери (в письме от 10.02.1831), что комиссия была «уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками» (Гоголь, 2009, т. 10, с. 151). В итоге Храм не был построен, а у проворовавшихся «строителей» очутилось в Москве «по красивому дому гражданской архитектуры». Чичиков «оказался одним из деятельнейших членов» (с. 224) комиссии. В тюрьме он признается Муразову: «Вот под три<ста> тысяч было капиталу. Трехэтажный дом был уже» (с. 469). Документальный в своей основе эпизод с комиссией позволил автору выразить сущность образа-характера, проявить внутреннюю природу героя-«подлеца» / «хозяина, приобретателя» (с. 234). Делает это он не только через поступки, но и через костюм Павла Ивановича. «Тут только (!) долговременный пост наконец был смягчен», Чичиков завел «кое-какие излишества», в частности «уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния⁴, и с этих пор (!) стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрой» (с. 224). В 1, 2 и 7-й главах читатель видит героя, облаченного во фрак «брусничного цвета с искрой» (с. 15, 22, 148). В сохранившихся главах второго тома Чичиков выбирает то же сукно, при этом Гоголь дополнительно уточняет его цвет «наваринского дыму с пламенем» / «пламени с дымом» (с. 341, 350, 351–354, 458 и др.). Как видим, история с Храмом четко определила место Павла Ивановича по отношению к Христу – против! И он тут же был облачен автором во фрак, сотканный из искр, пламени и дыма! Этот и множество других поступков Чичикова отвечают на вопрос автора, «кто же он относительно качеств нравственных?» (с. 234). Отсюда и пассаж, свидетельствующий о незаконнорожденности Павлуши: «Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне <...> лицом он на них не походил <...> “он родился просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца”» (с. 216). Данный мотив отождествляет Чичикова с противником Сына Божия, незаконнорож-

⁴ Отмечу эту выделенность Чичикова по костюму, т. е. своего рода уникальность героя, среди губернского населения.

денным Антихристом⁵. Отсюда уподобление героя Наполеону-Антихристу (см. с. 198–200), а также слухи между раскольниками, что «народился антихрист, который и мёртвым не дает покоя, скупая какие-то мёртвые души» (с. 360, 476), или мнение начальства, «что это был чёрт, а не человек» (с. 227) и т. п.

Итак, Гоголь перестраивает фабулу, начинает повествование не с истории родителей, не с рождения, а с приезда героя, находящегося уже в средних летах, в губернский город NN (читай: в Россию). В начальном эпизоде мы видим брочку, в которой сидит не понять кто: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод» (с. 9). Неведомый приезжий представлен как герой всеохватный, синтетический, вмещающий в себя множество неназванного населения города NN: «отставных подполковников, штабс-капитанов, помещиков, имеющих около сотни душ крестьян, словом всех тех, кого называют господами средней руки». (Ср. с Хлестаковым: «Я везде, везде».) Далее мы слышим разговор двух мужиков о колесе, которое доедет в Москву, но не доедет в Казань. Потом видим вроде бы молодого человека, но на самом деле лишь его отсутствие – перед нами исключительно тряпье: панталоны, фрак, картуз и булавка. В довершение появляется половой, вертлявый «до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо» (с. 9). Все эти четыре фрагмента говорят об одном: об отсутствии – лица, образа, смысла. О празднословии и пустоте! (Ср. гоголевское объяснение замысла первого тома: «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие <...> Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно <...> Смерть поражает нетрогающийся мир» (с. 502)). Таковы будут и все остальные герои, двойники Чичикова. Например, тот же добряк-губернатор, «который подобно Чичикову был ни толст, ни тонок» (с. 14), умеет... вышивать кошельки и по тюлю. Вероятно, за это он и награжден государственным орденом. (Сколько у нас было и есть подобных губернаторов?)

В трактире приезжий заставил слугу «рассказывать всякий вздор». *«Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, словом – не пропустил ни одного значительного чиновника; но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках, сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство»* (с. 11–12).

Я выделил курсивом то, что, как показывает практика, опять же не замечается читателем. Кто въехал и зачем?

В «сборный город» – в царство смерти, в ад въехал черт, антихрист в одеянии из искр, пламени и дыма, без-ликий и без-образный. (Нечисть не имеет лица, она легитимизируется, входит в мир и действует через личины, маски и лжериторику. Это прямо о Чичикове, способном «обворозить нужного человека» [Смирнова-Чикина, 1974, с. 58].) Приезжий имеет в голове коммерческий план / тайный, преступный сценарий. В этом смысле герой – манипулятор и игрок, подменивший

⁵ О топосе незаконнорожденности в сюжете-архетипе об Антихристе см.: [Васильев, 2009, с. 31–32, 153].

жизнь своеобразным театральным действием. Для осуществления сценария ему нужно завязать знакомства с чиновниками города и владельцами душ, помещиками. (Кто же не знает, что в России связи с первыми лицами решают все вопросы?) Приехал человек, пронизанный своеобразной некрофилией – любовью к смерти, жаждой ее. Ему надо, чтобы в губернии (напомню: символизирующей Русь!) было как можно больше убийственных событий. Смерть и нажива от ее плодов – единственное, что вызывает в Чичикове предельно сильные чувства. Приступая к делу, он вдохновлен тем, что *«время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, славу Богу, немало»* (с. 232). Услышав от Манилова, что купчую тот берет на себя, степенный Павел Иванович «чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только *в самых сильных порывах радости*. Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку» (с. 37). Услышав от Собакевича о существовании Плюшкина, у которого люди мрут как мухи, Чичиков *«даже почувствовал небольшое сердечное биение»* (с. 97). Он едва скрывает радость, услышав от самого Плюшкина, что горячка выморила у него «со дня подачи последней ревизии» (с. 119) до ста двадцати душ. Веселие от смерти, от ее обилия, от неустойчивости жизни охватывает Павла Ивановича после выгодной сделки. *«Герой наш <...> был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было суций подарок <...> не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек!* Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая пожива, но такой прибыточной никак не ожидал» (с. 127). Радость приобретателя так велика, что приводит его в несвойственное ему состояние – он заиграл и запел. «Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачив слегка головой, сказал: “Вишь ты, как барин поет!”» (с. 127).

Таким образом, Чичиков в начале поэмы явлен как воплощение «нечистой силы», персонаж «с прошлым». Естественно, что читатель ни о чем подобном догадаться не может. Что же касается архетипа как программы, то она требует от автора встать на точку зрения Бога в отношении к героям и творимому миру. Если это антимир, то любой органически соответствующий ему персонаж находится в метафизическом конфликте с Божественным мирозданием. Соответственно сам антимир выступает как его отрицание. Гоголь эту программу осуществил.

2.2. Попытка прочтения гоголевской поэмы через архетип Антихриста показывает, что автор дал нам все разгадки в самом тексте. Иначе и быть не может (и не только в данном случае).

Стратегия тайны воплощена Гоголем 1) в виртуозной перестройке фабулы в сюжетное повествование, 2) а также в приемах кодирования образа-характера главного героя по законам архетипики – создания психотипа, воплощающего демоническую идентичность. Все соответствующие мотивы, психологемы и символы сведены автором в единую систему (нет возможности ее рассмотрения). Если читатель и видит отдельные элементы, то понимание целостности ему не дается.

Обдумывая (фабульную) историю похождения Чичикова, Гоголь создал условия для перекодирования образа героя – эпизод с Храмом Христа Спасителя позволил облачить его в одеяние демона. Эта мистическая визуальность дала возможность при воплощении окончательного плана перекодировать само пространство поэмы – заключить его в границы символического мертвого города NN – и насе-

лить его двойниками Чичикова. В общем-то, автор сделал всё для того, чтобы поколения читателей было максимально трудно разобраться в семантике текста.

Метафизическое измерение гоголевской действительности не переводится в реалистический план. Конечно же, можно пытаться представить описанное в «Мёртвых душах» в виде картин реальной жизни, однако, как мы видим, имеется препятствие, делающее эту попытку неудачной, неадекватной замыслу. (Любая театральная постановка или экранизация поэмы обречена быть своего рода пародией на оригинал. Первый вопрос: как показать въезд демона в одеянии из искр, пламени и дыма в царство смерти? Никак!) Иногда исследователи пытаются это по-своему выразить. «Вместо России он изобразил нам Атлантиду» [Анненский, 1979, с. 224], – утверждал И. Ф. Анненский. В. В. Набоков не мог понять, «какой надо иметь склад ума, чтобы увидеть в Гоголе предшественника “натуральной школы” и реалистического живописания русской жизни». В поэме он усматривал плоды воображения автора, «его ночных кошмаров, населенных выдуманными им, ни на что не похожими существами» [Набоков, 2010, с. 58, 33]. Не думается, что авторы подобных высказываний окончательно правы. Ведь поэма написана Гоголем с установкой отобразить жизнь «в ее действительности, а не в мечтах воображения» (Гоголь, 2009, т. 6, с. 228). Мы не найдем никакого парадокса в данной установке, если определим «Мёртвые души» так, как, на мой взгляд (вполне согласующийся со взглядом Гоголя), их следует определить: это *классическое психоаналитическое произведение*, «дело, взятое из души, и вообще душевная правда» (Гоголь, 2009, т. 6, с. 83).

Пример Гоголя показывает, насколько мощным является воздействие архетипа как бессознательной преобразующей программы на творческую личность. Эта программа принудила автора не только долго и мучительно искать и выстраивать совершенно определенный план повествования, но... изменила его внутренний мир и жизненный путь! Дела Чичикова обращают мир в «царство Антихриста»⁶, в ад, в котором он, вечный неудачник, бесконечно кружится в погоне за миражными целями. Гоголь же *был принужден* отторгнуть ад и «душевную» смерть и искать дорогу прямо противоположную. «Анализ над душой человека (!) таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом». Данный анализ он называл «арифметическим расчетом»: «складываю просто, не горячась и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы» (Гоголь, 2009, т. 14, с. 79, 80). В этих признаниях заключен, пожалуй, главный итог работы автора над поэмой. Неизбежен вывод, что еще одним ключом и дополнением к «Мёртвым душам» служит жизнеописание Гоголя, история преобразования светского писателя в проповедника и пророка⁷. Она заключена в письмах, мемуарах, лирических отступлениях и других источниках, ее надо изучить заново, поскольку загадки поэмы без этого разгадать невозможно. (Напомню о цельности бинарной природы архетипа и необходимости дополнить «сюжет о Чичикове» «сюжетом о Гоголе». Это отдельная масштабная проблема; частично об этом см.: [Васильев, 2010].)

⁶ Не случайно структура гоголевского нарратива идеально встраивается в контекст других повествовательных циклов, описывающих «царство Антихриста» – см., например: [Васильев, 2011].

⁷ В оппозиции Христос – Антихрист, воплотившейся в концепции поэмы, видится надуманность рассуждений о работе над ее продолжением по плану Данте. В этом я полностью согласен с В. Г. Одиноким. Гоголевский текст не дает *никаких оснований* говорить о наличии такого плана. См.: [Одинок, 2003, с. 96–98].

Автору пришлось осознать архетипическую программу до конца. Когда Гоголь строил планы продолжения поэмы, то не понимал, что второй том / воскрешение Чичикова и обитателей города NN невозможно. Найти и изобразить единичного «положительного героя» не составляло ему никакого труда. Однако невозможно преобразовать Антихриста в Христа, «коллективного демона» в творца. Неосуществима задача воскресить мертвецов, если они не хотят воскресать. Уничтожение второго тома было закономерным. И это далеко не проходное событие в русской истории. Именно истории! За ним стоит приговор Гоголя современному антихристианскому человеку и миру!

«Дух ваш мертв, и глаза ваши пусты, и дела ваши – дела лжи и смерти» – вот, собственно, тот смысл, который мы можем сегодня извлечь из гоголевской поэмы. Он обращен и к современникам, и к нам, потомкам. История его подтвердила. Сегодня Чичиков, действительно, овладел всем миром. А «запрос» Гоголя, обращенный внутрь души каждого из нас: «нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» – самый страшный запрос русской литературы.

Список литературы

- Анненский И.* Художественный идеализм Гоголя // Анненский И. Книги отражений. М.: Наука. 1979. С. 216–225.
- Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени: Монография. Красноярск: СФУ, 2009. 260 с.
- Васильев В. К.* Творчество позднего Гоголя в свете сюжетики Курбского и Аввакума // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8. С. 106–112.
- Васильев В. К.* Чичиков и Гоголь. Статья вторая. Разгадка и «великий перелом» // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 39–46.
- Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–263.
- Набоков В.* Николай Гоголь (1809–1852) // Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 43–112.
- Одинокое В. Г.* Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2003. 262 с.
- Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Комментарий. Л.: Просвещение, 1974. 319 с.
- Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ-ЛТД; Львов: Инициатива, 1998. 480 с.
- Юнг К. Г.* Эон. Исследования о символике самости. М.: АСТ, 2019. 352 с.

Список источников

- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7, кн. 1: Мёртвые души. Поэма. 804 с.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., 2009. Т. 5: Мёртвые души. 680 с.; Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. 744 с.; Т. 10: Переписка 1820–1834. 392 с.; Т. 12: Переписка 1842–1844. 704 с.; Т. 14: Переписка 1847. 392 с.

References

- Annenskiy I. Khudozhestvennyy idealizm Gogolya [Gogol's artistic idealism]. In: Annenskiy I. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 216–225.
- Lotman Yu. M. Lektsii po struktural'noy poetike [Lectures on structural poetics]. In: Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Y. M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow, Gnozis, 1994, pp. 10–263.
- Nabokov V. Nikolay Gogol' (1809–1852) [Nikolay Gogol (1809–1852)]. In: Nabokov V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2010, pp. 43–112.
- Odinokov V. G. *Russkie pisateli 19 veka i dukhovnaya kul'tura* [Russian writers of the 19th century and spiritual culture]. Novosibirsk, 2003, 262 p.
- Smirnova-Chikina E. S. *Poema N. V. Gogolya "Mertvye dushi". Kommentariy* [Gogol's poem "Dead souls". Commentary]. Leningrad, Prosveshchenie, 1974, 319 p.
- Vasil'ev V. K. Chichikov i Gogol' . St. vtoraya. Razgadka i "velikiy perelom" [Chichikov and Gogol. Article Second. The solution and the "great turning point"]. *Siberian Journal of Philology*. 2010, no. 4, pp. 39–46.
- Vasil'ev V. K. *Syuzhetnaya tipologiya russkoy literatury 19–20 vekov. Arkhetipy russkoy kul'tury. Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: Monografiya* [Plot typology of Russian literature of the 19–20 centuries. Archetypes of Russian culture. From the Middle Ages to the New Time: Monograph]. Krasnoyarsk, SFU, 2009, 260 p.
- Vasil'ev V. K. Tvorchestvo pozdnego Gogolya v svete syuzhetiki Kurbskogo i Avvakuma [The work of late Gogol in the light of the plot of Kurbsky and Avvakum]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, no. 8, pp. 106–112.
- Yung K. G. *Eon. Issledovaniya o simvolike samosti* [Eon. Research on the symbolism of the self]. Moscow, AST, 2019, 352 p.
- Yung K. G. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections]. Moscow, AST-LTD, Lviv, Initsiativa, 1998, 480 p.

List of sources

- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t.* [Complete collection of works and letters: In 23 vols.]. Moscow, Nauka, 2012. Vol. 7, bk. 1: *Mertvye dushi. Poema* [Dead souls. Poem], 804 p.
- Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.* [Complete collection of works and letters: In 17 vols.]. Moscow, 2009. Vol. 5: *Mertvye dushi* [Dead souls], 680 p.; Vol. 6: *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected passages from correspondence with friends.], 744 p.; Vol. 10: *Perepiska 1820–1834* [Correspondence 1820–1834], 392 p.; Vol. 12: *Perepiska 1842–1844* [Correspondence 1842–1844], 704 p.; Vol. 14: *Perepiska 1847* [Correspondence 1847], 392 p.

Информация об авторе

Владимир Кириллович Васильев, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Information about the author

Vladimir K. Vasilyev, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of journalism and literary studies of the Institute of Philology and Language Communication of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 29.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 01.02.2024
The article was submitted on 29.01.2024;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 01.02.2024*

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.17223/18137083/87/3

**Танатология Ф. Сологуба:
персонажи-медиумы в ранней прозе писателя
(«Утешение», «Жало смерти»)**

Людмила Николаевна Синякова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

scholast.sinyakova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6485-4692>

Аннотация

На материале ранних повестей Ф. Сологуба выявляется сюжетная и концептуальная связь образов-символов ребенка и смерти, которая персонализирована в фигуре проводника в мир иной. Символическая фигура медиума в повествовательной перспективе приобретает очертания ангела («Утешение»). Повесть получает эстетическое завершение в символике грядущего рая.

Уход из жизни персонажей второй повести – жертвы и искусителя – сопровождается метафорикой окончательной гибели («Жало смерти»). Персонаж-медиум дьяволичен, его цель – индивидуальная свобода после смерти.

Вариабельность символично-образного содержания персонажей-медиумов позволяет подтвердить универсальность формулы «ребенок – смерть» в раннем творчестве Ф. Сологуба.

Ключевые слова

Ф. Сологуб, танатология, ребенок, смерть, персонаж-посредник

Для цитирования

Синякова Л. Н. Танатология Ф. Сологуба: персонажи-медиумы в ранней прозе писателя («Утешение», «Жало смерти») // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 27–34. DOI 10.17223/18137083/87/3

**Thanatology of F. Sologub:
characters-mediums in the early prose
("Consolation", "Sting of Death")**

Lyudmila N. Sinyakova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

scholast.sinyakova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6485-4692>

Abstract

The paper examines the conceptual relationship between symbolic images of a child and death in the early prose of F. Sologub. Two stories published in the storybook "Sting of

© Синякова Л. Н., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 27–34
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 27–34

Death” (1904) feature contrasting versions of a symbolic image of a medium who guides the main characters on their journey to either heaven or hell. “Consolation” centers on the life of Mitya, a poor teenager who witnesses the tragic death of a young girl. Seeing a sudden death makes Mitya experience visions of the girl’s ghost. The girl’s soul is urging him towards death, regarded as the only means for the unhappy boy to escape from the cruel world. Rayechka, also known as Raya in her post-death manifestations, acts as a guardian angel accompanying Mitya during his final descent onto the pavement. Raya would expose him to a heavenly experience, motivating the courageous protagonist to pursue eternal joy. The story “Sting of Death” unfolds as the protagonist, Kolya, is gradually led towards contemplating suicide by the malevolent influence of Vanya. Vanya despises all living things, including everything vibrant and blooming. His appearance and philosophy both embody a devilish nature. Consequently, both boys succumb to the fatal influence of death magic and die. In conclusion, examining the primary themes of a child and death, as well as the character of the medium who connects these symbolic elements, helps establish their universal significance in Sologub’s literary works.

Keywords

F. Sologub, tanatology, a child, death, medium

For citation

Sinyakova L. N. Thanatology of F. Sologub: characters-mediums in the early prose (“Consolation”, “Sting of Death”). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 27–34. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/3

Введение

В творчестве Ф. Сологуба 1890–1900-х гг. формируется концептуальная матрица мирообраза писателя – символично-декадентская, что было замечено еще критиками-современниками (см.: [Айхенвальд, 1994; Белый, 1994; Иванов, 2001] и др.). Она определяется взаимодействием важнейших для художественной системы поэта-декадента концептных блоков: «Главный нервный узел художественного творчества Сологуба – *любовь – страдание – боль – стыд – сладострастие – смерть* – обозначился, таким образом, уже с самых первых шагов его писательского пути (курсив автора. – Л. С.)» [Павлова, 2007, с. 61].

Особенно примечательна в разрешении творческой задачи совмещения декадентского тезиса «всё устремляется к смерти» и символистской теургии постановка рядом фигур / символов ребенка и смерти. Это составило одну из самых узнаваемых черт сологубовского творчества исследуемого периода: «Характернее всего рассказы о детях, которые сохраняют наивное отношение к природе, к смерти и к любви и находятся под обаянием всеобщей одушевленности. <...> Столь часто звучащий у Сологуба мотив смерти имеет двойственный характер. Наряду с паническим ужасом перед лицом смерти <...> говорится о притягательности смерти, об искушении смертью. Смерть может стать избавительницей из земного плена <...>» [Хольтхузен, 1995, с. 300–301].

Указанная позиция соответствует принципам бинарности сологубовского художественно-философского универсума и дуальности его антропологии, что зафиксировано им в статье «Человек человеку – дьявол» (1907): «Непреложный закон нашего познания в том, что совершенно противоположное – это тождественно»; «Такова природа человеческого познания, что всякая истина полярно расщепляется на да и нет» (Сологуб, 2001, т. 2, с. 565, 567). Соединение обеих

сущностей в жизни человека (который, по Сологубу, и есть злобный дух)¹ достигимо сознательным усилием души; есть и персонажи, которые можно назвать медиумами – посредниками между «куском жизни, грубым и бедным» и «сладостной легендой» (кредо Сологуба-поэта).

Поскольку настоящая статья посвящена исследованию «медиумной» группы персонажей на материале ранних произведений писателя, отметим, что в повестуемых историях носители основного события – перехода из мира дольного в мир горний – являются детьми, увлекающими других детей в инобытие. Тожественное сюжетное завершение этих историй не исключает различий в мотивировке самоубийств юных персонажей. Последняя, согласуясь с двоичностью сологубовского образа мира, инициируется либо ангелическим, либо дьяволическим воздействием на героев.

Материалом послужили две концептуально базисные в архитектонике сборника «Жало смерти» (1904) повести: «Утешение» (1904) и «Жало смерти. Рассказ о двух отроках» (1903). Эти же повести позднее вошли в сологубовский прозаический цикл «Недобрая госпожа», составивший часть четвертого тома прижизненного собрания сочинений писателя (1913). Образ-символ Недоброй госпожи – Жизни во вступлении к циклу эквивалентен когнитивной метафоре «Человек человеку – дьявол», причем во вступлении к циклу обозначается страдающее существо – дитя: «Маленькие и невинные, но уже обремененные грехами поколений, пришли они к Жизни – улыбаться и радоваться. Чем же ты, Жизнь, обрадовала их? <...> зачем же ты злая и мучительная? И зачем ты хочешь, чтобы плакали дети? И ты требуешь, чтобы тебя любили!» (Сологуб, 2001, т. 1, с. 498)².

Движение от жизни к смерти становится главным испытанием, а точнее – искушением, переживаемым героями повестей.

Результаты исследования

Переход от одной формы существования к другой³ происходит в анализируемых повестях посредством внушения главным персонажам идеи благости смерти. Воздействие на них осуществляется ангелом в образе умершей девочки («Утешение») или, наоборот, бесом-искусителем в образе злого подростка («Жало смерти»).

В повести «Утешение» несчастный Митя Дармостук, кухаркин сын, затравленный грубыми учителями и бессердечными учениками городского училища, жестокой барыней Урутиной, попрекаемый отупевшей от работы матерью, становится очевидцем падения с головокружительной высоты четвертого этажа маленькой девочки Раечки. Потрясение Мити от того, что он только что слышал ее

¹ «Дьявольскую злобу питают они (люди. – Л. С.) друг к другу. Они придумывают один о другом страшные, чёрные слова, которые прожигают душу до дыр. <...> Кто же мучительствует? Человек или Дьявол? Человек человеку – Дьявол». Но человек тянется к Богу, мечтая преодолеть дьяволово разъединение: «Поймите же, поймите, что надо прийти ко мне, возлюбить Меня» (Сологуб, 2001, т. 2, с. 569, 570).

² Далее ссылки на первый том этого издания приводятся в тексте с указанием страницы. Ссылки на второй том приводятся полностью.

³ Поскольку Сологуб воспринимал ницшеанскую идею «вечного возвращения» – наравне с погружением в философию буддизма, – он постигал переход в вечность в качестве очередной фазы существования. См., в частности: [Дворяшина, 2009, с. 15–18; Дмитриевич, 1998] и др.

смех и звонкий голос (она весело наблюдала за игравшими внизу детьми), сменившийся стуком ее разбившейся головы, – переворачивает в его сознании уже привычное восприятие жизни как нагромождения мелких неурядиц и всеобщего беспорядка: «В Митиных настроениях была смута. Мелочи лезли в глаза и больно царапали душу, раньше почти не замечавшую их. Хотелось еще рассказывать о Раечке, еще разжалобить кого-то» (с. 516). Повторяя рассказ о трагическом происшествии разным слушателям и с разными эмоциональными оттенками – от неловко-насмешливого до глубоко драматического, Митя постепенно «присваивает» себе память о погибшей четырехлетней девочке. Раечка начинает ему являться, утешая его в его жизненной скорби.

Митя убежден, что Раечка воскресла: «Что из того, что ее схоронили, зарыли, забыли! Вот она подходит в торжественном сиянии, белая, строгая, <...> ясен взор ее, вся она туманная и легкая» (с. 539). Видение предупреждает героя, что она уже не Раечка, а Рая – ведь она уже большая (и в самом деле, образ ангельской девочки будто растет с каждым ее воплощением перед Митей): «Меня зовут Рая, потому что я живу в раю» (Там же). Голос ее напоминает звук серебряных струн, а образ подобен золотому сверкающему шару, превосходящему «радостною взором красотою» солнце (Там же).

В одно из своих явлений Рая что-то говорит издалека Мите – слов он не слышит, но «след ее слов» воспринимает: «Она смотрит на Митю отрадно-темными и строгими глазами и к смерти клонит его. Не сама ли она смерть? Прекрасная смерть! И зачем тогда жизнь?» (с. 541). Жизнь страшна: «За стенами тоска и страх, темные нежити стерегут <...>» (Там же); по улицам ходят «случайные, ненужные и безобразные люди»; «...шли русалки с манящими глазами, странно-белыми лицами и тихо журчащим смехом, – шли какие-то, в черном, злые и нечистые, словно извергнутые адом, – домовые подстерегали у ворот, – и еще какие-то предметы, длинные, стоячие, были как оборотни» (с. 534, 535).

У Раи появляется земной двойник – пятнадцатилетняя Дуня, будто бы выросшая Рая, – которая ютится с матерью на чердаке какого-то дома, куда случайно забрел Митя. Власовы, мать и дочь, продолжают «достоевскую» традицию «бедных людей» – без своего угла, голодные, брошенные, оставленные Богом, но живущие верой в Его промысел. Кроткая и бледная, «почти бестелесная» Дуня любит на близкое небо («Как близко небо-то!» – восхищается Митя) и так же, как Митя, убеждена в том, что жизнь – это морок, сон: «Как во сне живем <...>, и ничего не знаем <...>. И о себе ничего не знаем, и есть мы или нет. Ангелы сны видят страшные, вот и вся жизнь наша» (с. 531). Выход, впрочем, у Дуни находится: «Бог устроит, <...> а захочет – приберет. Это мы думаем, деться некуда, – а дверь-то рядом» (с. 533). Дверь на чердачное окно – выход вниз, к смерти. И Митя под влиянием Дуниного упования на Божью волю успокаивается: «Он чувствовал теперь, что не больно умирать: только покоряйся тому, что будет» (с. 531). Дунина убежденность, что жизнь несчастных людей проходит «как во сне», находит объяснение в неоплатонической философии мира в эстетике Ф. Сологуба и символизма в целом. Ведущие персонажи повести обитают среди теней или каких-то уродливых сущностей, и жизнь их преисполнена страдания.

В сознании героя происходит смешение обликов Дуни и погибшего ребенка – она лишь одно из звеньев бесконечных повторений земных отражений далекого подлинного мира (первый сборник рассказов Сологуба, вышедший в 1896 г., так и назывался – «Тени»). «Мите хотелось иногда представить себе Дуню, но ее образ в его памяти смешивался с Раечкиным...»; глядя на ночлежный дом на окраи-

не и воображая горемычных чердачных знакомцев, Митя «думал... как-то странно смешивая Раечку с Дунею» (с. 535, 537). Наконец, в третий визит к Власовым Митя здоровается с девушкой: «Здравствуй, Рая!» «Дуня посмотрела на него ясными, как у Раи, глазами, и ответила: “Я – Дуня”. <...> “Я ошибся. Ты, Дуня, похожа на Раечку”» (с. 539). Дуня живет предчувствием будущего загробного счастья, которое Рая уже извела: «Как легко! И новое небо откроется» (с. 546).

Перед самоубийством, воспринятым как избавление от нестроения земной жизни, Мите представилась Рая, окончательно воплотившаяся в ангельский чин: «...от алтаря, как горний вестник, приближалась Рая, трепеща и сияя дивными крыльями <...>» (с. 553). Она обещала проводить его в новую жизнь, «когда настанет время» – она и доводит его до открытого подъездного окна всё на том же четвертом, самом высоком этаже: «Не бойся!». «Рая взяла Митю за руку и через тесную дверь вывела его на светлую дорогу, где пламенели дивные розы...» (с. 562). Ангел-проводник уводит Митю в лучший мир. Смерть представляется обоим акторам этой петербургской повести освобождением от горестей жизни.

В заглавной повести сборника «Жало смерти» проводником в мир иной выступает герой бесовской природы. Два «дачных мальчика» – Коля Глебов и Ваня Зеленов – представляют собой контрастную пару персонажей, аллюзивно соотносимую с символикой приятия мира Божия и отвержения от Божьего миропорядка (светлое – темное, добро – зло и пр.). Первый подросток «сразу казался красивым, <...> был беленький и веселый», смеялся «очень мило» и обладал «нежно звенящим голосом». Второй «производил с первого же взгляда впечатление уродца, хотя трудно было сказать, что же в нем особенно дурно <...> что-то искаженное чудилось в этом лице, – придавленное, злое» (с. 567). Он «любил гримасничать и кривляться» и даже казался горбатым, хотя таковым не был; говорил «хриплым детским баском». Восприятие облика Вани будто бы двоящимся зрением: не урод – но видится уродом, не горбун – но представляется именно таким, присущая ему «мельтешащая» мимика, постоянные гримасы мешают увидеть настоящее его лицо⁴. Лицо Вани – личина, кажимость. Сущность его обнажается в первом же эпизоде, когда Коля восхищается запахом соснового бора, видом цветущего луга и пр., Ваня на всё выдвигает «контроверзу»: пахнет не смолой, а «шкипидаром», вместо юркой белки замечает дохлую ворону, на роскошном лугу примечает коровью лепешку...

Отрицание красоты Божьего мира, свойственное натурам демоническим, а в данном случае – дьяволическим⁵, постепенно отравляет душу мягкого Коли. Внушения злобного Вани внедряются в сознание приятеля по каким-то магическим, сверхчеловеческим каналам: «...точно он (Ваня. – Л. С.) знал какие-то гибельные и неотразимые чары. Он заманивал Колю в лес и чаровал под сумрачными лесными сенями. Прозрачные глаза его наводили забвение на Колю» (с. 582); он призывает товарища принять смерть, «устремляя <...> неотразимо-прозрачный

⁴ Злая сущность Вани не только придана ему метафизическими силами, но и детерминирована земными факторами – воспитанием в скверной семье, а также законами наследственности: Ванин отец, «юрист по образованию и свинья по природе», «ничтожный человек», «как будто» не имел «никакого облика и как будто бы не имел ничего настоящего и верного в себе» (с. 579).

⁵ Демоническое сознание раздвоено, транслируя «высокое зло, связанное со страданием» (Б. М. Эйхенбаум), что объясняется его прежней природой. Дьяволическое совершенно подчинено злу и является однородно злым. Демон совмещает в себе стихии добра и зла, Дьявол – воплощенное сверхзло.

взор своих чарующих глаз» (с. 589). Взгляд его ассоциирован со «змеиным», «прельстительным» мотивом: «Он смотрел <...> ясными, словно змеиными, глазами, неподвижными, круглыми» (с. 591). Ваня, змей-искуситель, подбивающий Колю на самоубийство и затем сам подпавший под обаяние своей злой мечты, – «соблазнил... и себя самого смертным соблазном, – своим ядом отравленный отравитель» (с. 594).

Взгляд не по-человечьи прозрачных Ваниных глаз (недаром деревенские жители считают, что у него дурное око) лишает приятеля воли и радостного предощущения жизни: «странный, смущающий» его взор «словно затемнял его (Коли. – Л. С.) память» (с. 569). «Прозрачно-светлые Ванины глаза показались Коле странными, скверными, – и Коле стало страшно» (с. 570).

Приняв решение утопить Колю из-за порки дома, что ему пришлось пережить (вполне заслуженно) якобы по вине приятеля, Ваня изобретает изощренный способ убийства – добровольное (само)заклание жертвы: «Он послушается. Его можно заставить, заговорить, заморозить» (с. 588). Отметим «русалочью» метафорику, связанную с образом малолетнего искусителя: «Захотел звонко, по-русалочьи, и принялся гримасничать и кривляться»; «посмотрел <...> прозрачными, русалочьими глазами» (с. 574, 575). Коля, стремительно теряя связь с прежде понятным и дружественным по отношению к нему миром, «ощущал необычайную пустоту в душе и равнодушие. Словно кто-то <...> вынимал из него душу и заменял ее холодною и свободно стихийною русалочьею душою <...>» (с. 582). В поэтике повести русалочьи метафоры помимо аллюзии с миром низших демонов несут функцию предвещения: оба подростка утопятся в омуте.

Коля, увлекаемый прочь от жизни философией смерти, которую транслирует приятель, сначала отчуждается от самого близкого своего круга – семьи, «мамочки» (с. 582); затем – от Бога (с. 591, 597); наконец – от жизни как таковой: «И обо всем начал забывать Коля. От всех привязанностей отрешалось его сердце. <...> И не всё ли на этой земле равно неверно и призрачно? Ничего здесь нет истинного, только мгновенные тени населяют этот изменчивый <...> мир» (с. 593). Но и Колин «ангел смерти» (с. 593), персонаж-трикстер Ваня, подпадает под обаяние своей идеи. Последнее, что ощущает Коля, – под ногами стелется «Мать сыра земля!» (с. 595). Последнее, что он видит, – «Мертвую луну», которая ждет их гибели («смотрела пристально и ждала») (с. 596). Эти архетипические образы становятся символической рамкой существования для героев повести: от рождения (земли) до смерти (когда-то на Луне тоже была жизнь, убежден Ваня, а теперь она мертвая и только торопит их гибель).

Осталось отметить связь «змеинового» маркера образа «ангела смерти» – Вани и заглавия как повести, так и всего сборника, в котором она помещена. Сборник предваряется эпиграфом: «Жало смерти – грех». В эпиграфе приводится усеченный стих из Первого Послания ап. Павла к Коринфянам (15: 56). В развернутом виде высказывание звучит как утверждение победы Христа (вечной жизни) над вечной смертью – адом: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? Жало же смерти – грех; а сила греха – закон» (15: 55, 56). Поэтому гибель героев названных повестей не окончательна. Всех этих отроков ждет «вечное возвращение».

Заключение

В прозе начала 1900-х гг. танатология Ф. Сологуба находит художественное воплощение в образах-символах отрока и смерти и ассоциированных с ними мо-

тивов страдания, поиска избавления от жизни и гибели / самоубийства. Смерть воспринимается как благо и не является окончательным завершением жизни. Персонажи Сологуба уходят в вечность, которая наполнена радостью («Утешение») или «свободой» («Жало смерти»).

В антропосфере повестей появляется фигура проводника героя в иной мир. В повести «Утешение» это уже погибшая девочка, которая в последовательных посмертных появлениях преобразуется в светлого ангела и увлекает героя за собой. В повести «Жало смерти», напротив, к самоубийству подростка призывает персонаж дьяволического плана, который невольно увлекается своей философией смерти и тоже кончает с собой.

Побудительные причины соблазна к смерти со стороны проводника в первой повести – жалость к живущему персонажу и желание обретения им покоя. Во второй повести – злость на него и устранение его из своей жизни. В первой повести смерть воспринимается ведущим персонажем (персонажем-реципиентом) в качестве утешения в земной скорби, во второй – в качестве избавления от «обмана» жизни. Соответственно ценностному и концептуальному содержанию призывов к инобытию создаются образы персонажей-медиумов – ангела-утешителя и дьявола-искусителя.

Список литературы

Айхенвальд Ю. Федор Сологуб // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 378–386.

Белый А. Федор Сологуб // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 382–392.

Дворяшина Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Сургут, 2009. 50 с.

Дмитриевич Н. П. Проблемы мифологизма в поэзии Федора Сологуба: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 26 с.

Иванов Вяч. Рассказы тайновидца // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М.: Интелвак, 2001. Т. 3. С. 720–722.

Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: НЛЮ, 2007. 512 с.

Хольтхузен И. Федор Сологуб // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М.: Прогресс, 1995. С. 294–301.

Список источников

Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М.: Интелвак, 2000. Т. 1. 662 с.; 2001. Т. 2. 621 с.

References

Aykhenvald Yu. Fedor Sologub. In: Aykhenvald Yu. *Silueti russkikh pisateley* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Respublika, pp. 378–386.

Belyy A. Fedor Sologub. In: Belyy A. *Simvolizm kak miroponimaniye* [Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika, 1994, pp. 382–392.

Dvoryashina N. A. *Fenomen detstva v tvorchestve russkikh simvolistov (F. Sologub, Z. Gippius, K. Bal'mont)* [The phenomenon of childhood in the works of Russian sym-

bolists (F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss., 2009, 50 p.

Dmitriyevich N. P. *Problemy mifologizma v poezii Fedora Sologuba* [Problems of Mythology in Poetry of Fyodor Sologub]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 1998, 26 p.

Ivanov Vyach. *Rasskazy taynovidtsa* [Stories of the secret-seer]. In: *Sologub F. Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols.] Moscow, Intelvak, 2001, vol. 3, pp. 720–722.

Khol'tkhuzen I. *Fedor Sologub. Istoriya russkoy literatury. 20 vek. Serebryanyy vek* [History of Russian literature. 20th century. Silver age]. Moscow, Progress, 1995, pp. 294–301.

Pavlova M. *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov* [The Writer-Inspector. Fyodor Sologub and F. K. Tetetnikov]. Moscow, New Literary Observer, 2007, 512 p.

List of sources

Sologub F. Sobr. soch.: V 6 t. [Collected works: In 6 vols.]. Moscow, Intelvak, 2000, vol. 1, 662 p.; 2001, vol. 2, 621 p.

Информация об авторе

Людмила Николаевна Синякова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Lyudmila N. Sinyakova, Doctor of Philology, Professor, History and Theory of Literature Section, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 22.01.2024;

одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 29.01.2024

The article was submitted on 22.01.2024;

approved after reviewing on 29.01.2024; accepted for publication on 29.01.2024

Научная статья

УДК 801.73+81'37 (093.3)

DOI 10.17223/18137083/87/4

Сандрар и Достоевский: функции литературных реминисценций

Оксана Юрьевна Хлопина

Университет Париж X

Нантер, Франция

oxana.khlopina@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию литературных реминисценций в творчестве французского поэта швейцарского происхождения Блеза Сандрара (1887–1961). Обращение к анализу его произведений позволило уточнить, что поэт активно использовал русские культурные коды. В стихах, романах и биографической прозе Сандрар ведет постоянный диалог с Ф. М. Достоевским, в том числе в семантическом поле петербургского текста. Показано, что отзвуки тем, обсуждаемых русским писателем, созданные им образы повлияли на творчество Сандрара. Сделан вывод, что на первый план им выносятся тема воскресения и идея о том, что жизнь и творчество неразделимы. Это позволило охарактеризовать важную роль литературных реминисценций в произведениях Сандрара.

Ключевые слова

Сандрар, Достоевский, сравнительный анализ, реминисценции, петербургский текст, воскресение

Для цитирования

Хлопина О. Ю. Сандрар и Достоевский: функции литературных реминисценций // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 35–45. DOI 10.17223/18137083/87/4

Cendrars and Dostoyevsky: functions of literary reminiscences

Oxana Yu. Khlopina

University Paris X

Nanterre, France

oxana.khlopina@gmail.com

Abstract

This paper examines the presence of literary reminiscences in the writings of Blaise Cendrars (1887–1961), a French poet of Swiss descent. The biographical factors that shaped the poet's

© Хлопина О. Ю., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 35–45
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 35–45

interest in Russia and the works of F. M. Dostoevsky are presented. This study examines the impact of Dostoevsky's character, personality, and literary works on the development of Blaise Cendrars's artistic identity. It is shown that Cendrars' poetry, novels, and biographical prose demonstrate a continuous conversation with the writings of the Russian author. This conversation is especially noticeable in his description of the urban landscape: Cendrars's St. Petersburg aligns perfectly with what literary scholars later referred to as the St. Petersburg text in Russian literature. It is worth mentioning the transition from the development of descriptive elements commonly found in the works of the Russian writer to his very characters and images, which undergo a novel interpretation in Cendrars. The analysis discloses the resemblance between little Jeanne of France in "Prose about the Trans-Siberian Express" (1913) and Sonya Marmeladova. The main character in "Moravazhin" (1926) is depicted as a modern Prince Myshkin derived from Dostoevsky's drafts. A conclusion is drawn that Dostoevsky proved to be a talismanic author for Cendrars. Dostoevsky's influence was not limited to the text. It was multifaceted, affecting not only the characters, plot lines, and artistic means of depiction but also the creation of a literary biography of Cendrars, with the motif of resurrection and rebirth to eternal life borrowed from Dostoevsky appearing as fundamental.

Keywords

Cendrars, Dostoevsky, comparative analysis, reminiscences, St. Petersburg text, resurrection

For citation

Khlopina O. Yu. Cendrars and Dostoyevsky: functions of literary reminiscences. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 35–45. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/4

Вместо предисловия

Когда пришло время задуматься о дипломной работе, меня от любимого привычного Чехова внезапно повело к неизведанному Сандрапу. В 1999 г. о нем мало что слышали не только у нас в НГУ, но и во Франции, которая стала для поэта второй родиной.

А ведь он чуть было не остался жить в России: шестнадцатилетний слушатель швейцарского коммерческого училища Фредерик-Луи Созе так утомил своих несчастных родителей прогулами и «неудами», что они, отчаявшись, отправили сына в далекий Петербург, в обучение к соотечественнику – торговцу швейцарскими часами, прямо накануне первой русской революции. Юноша прожил в России два с половиной года, а впечатлений о пережитом и увиденном с лихвой хватило на всю жизнь: большая часть творчества Блеза Сандра (псевдоним он выбрал себе после второго путешествия в Петербург, в 1911 г.) так или иначе связана с его русскими воспоминаниями.

Опубликованных переводов было мало: роман «Золото», изданный Горьким в 1926 г., одна поэма в сборнике Павла Антокольского «Два века поэзии Франции» (1976), да еще издательство «Наука» выпустило в 1974 г. однотомник поэзии Сандра «По всему миру и вглубь мира» в переводе Михаила Кудинова с комментариями академика Н. И. Балашова. Впрочем, предисловие не ставило задачи помочь начинающему исследователю: целью Н. И. Балашова было «провести» двусмысленно пишущего о революции поэта в советское академическое издание, к тому же доверив перевод пусть и талантливому, но всё же неблагонадежному Михаилу Кудинову, отсидевшему двенадцать лет по политической статье в Степлаг. Шалость удалась – советский читатель получил доступ к яркому необычному тексту Сандра в максимально приближенном к оригиналу переводе. Но вот сам поэт после такой презентации был на долгие годы зачислен в революционеры с характеристикой, которая ничего, кроме улыбки, вызвать не могла: «Сандра (франц. “сандр” – зола, пепел) – аналог слову “сандрье” – “зольник”»,

человек самой нищенской профессии, “Золушка в мужском роде”» [Балашов, 1974, с. 145].

Целую неделю я набиралась храбрости, чтобы подойти к Виктору Георгиевичу Одинокovu, в надежде, что он согласится руководить дипломной работой с немислимой темой «Русские мотивы в творчестве Блеза Сандрара». Он, как всегда, шел своей стремительной походкой из лабораторного корпуса в главный. Там, в переходе, у окна в пол, из которого нещадно сквозило, я его и догнала. Виктор Георгиевич молча слушал, изредка поднимая брови. У него вообще была очень экспрессивная живая мимика.

– Надо подумать. Подойдите через два дня.

Так началось путешествие по творчеству Сандрара, которое привело в Сорбонну. И там на первой же лекции выяснилось, что профессора Одинокова знают все французские слависты¹. Виктор Георгиевич научил нас самому главному: не бояться. Можно быть уверенной, что, если какая-то мысль родилась, она имеет на это право. А вот чтобы мысль превратилась в стройную гипотезу, будь добра, найди ей весомые аргументы. Чтобы доказать русофилию Блеза Сандрара, а также огромное влияние русской культуры на его формирование как писателя, пришлось затеять долгое расследование в библиотеках, музеях и частных коллекциях, в Москве, Петербурге, Берне и Париже, пока доказательств не набралось на увесистую диссертацию.

Оказалось, что творчество Сандрара (1887–1961), которое он задолго до появления постмодернистов категорически отказывался отделять от жизни, всё проникнуто русской литературой, музыкой, живописью. Невозможно не заметить в его тексте постоянные отсылки к истории, вскользь оброненные там и тут русские слова, имена и названия. Искусшенный читатель распознает скрытое, а иногда и почти дословное цитирование Пушкина, Достоевского, Гоголя, Мережковского и Блока. В личной библиотеке Сандрара сохранились, несмотря на его постоянные переезды и путешествия, русские книги, многие – с автографами: поэт хорошо знал Бориса Савинкова (которого в тесном мирке монпарнаасской «Ротонды» с легкой руки Аполлинера все называли не иначе, как «наш друг убийца»), встречался с Волошиным, Маяковским, Маревной и Мари Васильевой, дружил с Эренбургом, Ильей Зданевичем (больше известным под поэтическим псевдонимом Ильязд), Шагалом, Сутиным, Архипенко и Цадкиным. Именно Сандрар подарил французам писателя Владимира Познера, заказав ему роман о кровавом бароне Унгерне, благодаря которому самый юный из «Серапионовых братьев» ворвался в большую литературу буквально «Закусив удила» (1937). И, наконец, самая известная поэма Сандрара, «Проза о Транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (1913), созданная в тесном сотрудничестве с художницей русского происхождения Соней Делонэ, увековечила российскую магистраль в мировой литературе².

В романе «Le Lotissement du ciel» (1949), который является заключительной книгой «автобиографической» тетралогии Сандрара³, автор признается: «...каж-

¹ Одна из самых цитируемых на лекции по русской литературе работ «Поэтика русских писателей XIX века и литературный прогресс» [Одинокov, 1987].

² В 2010 г. группа французских и бельгийских писателей отправилась по культовому маршруту «Москва – Владивосток» на поезде, названном в честь поэта. Один из редких экземпляров поэмы, расписанный от руки, с автографами, хранится в Эрмитаже.

³ Слово взято в кавычки, потому что, как и в первых трех книгах – «L’Homme foudroyé» (1945), «La Main coupée» (1946), «Bourlinguer» (1948), автобиографичность эта очень услов-

дый год я перечитываю “Идиот”, чтобы не забыть прекрасный русский язык» [Cendrars, 2005, с. 279]. А в своих ответах на так называемый «опросник Марселя Пруста», в рубрике «Ваш герой в реальной жизни», прямо указывает: «“Идиот” Достоевского».

Тщательный анализ произведений Сандрара – от самого первого, по-юношески откровенного текста с экзотически-непонятым (уж как только знатоки его не толковали) названием «Алеа» (1911) до самых последних интервью и пьес для радио – выявил очевидное: Достоевский был для него не только Учителем, источником вдохновения и ностальгических воспоминаний о мятежном Петербурге. Он стал для поэта своего рода талисманом.

Июнь 1907 г. Фредди Созе недавно вернулся из России к родителям в Швейцарию. Скучное жаркое лето маленького курортного Невшателя. Одна радость – книги. В списке прочитанных – «Преступление и наказание». Копия письма, вложенная в дневник, за тот же месяц:

Когда я пришел на праздничную площадь, мне стало больно от чужого веселья. Эти взрывные фанфары, эти громкие крики – крики радости, преследовали меня повсюду. Мне вдруг почудилось, что на меня указывают пальцем и говорят: «Что ты делаешь здесь среди нас, мрачный мечтатель?» И все глаза уставились на меня. Да, все эти глаза следили за мной, глаза толпы терзали меня, жгли. Я бросился прочь со всех ног, полем, и мне всё казалось, что эти глаза бегут за мной (Inédits secrets, 1969, p. 17).

А вот и бахтинские мотивы, которые Сандрар очень хорошо чувствовал у Достоевского: карнавальность толпы, улица, перевернутые фигуры. И – кульминация сцены – пьяница в швейцарском трамвае, которого наш герой встречает на обратном пути. Совсем как тот, что напугал Раскольникова, который и без того боится встречных, едва выходит из дома:

А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадию, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» и заорал во все горло, указывая на него рукой, – молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу (Достоевский, 1971, с. 8).

После серьезного увлечения музыкой, учебы на медицинском факультете Бернского университета (с последующей практикой в психиатрической лечебнице), в 1911 г. Фредди Созе возвращается в Россию, проводит лето в дачной Стрельне, много читает, пишет, активно ищет место служащего в петербургских банках и даже покупает годовую подписку на литературный журнал⁴. В его письмах той поры всё отчетливее прорисовывается петербургский физиологический пейзаж Достоевского с его живыми, очеловеченными домами, уличными фонарями, ослепленными закатом окнами – город, задыхающийся в гранитном своем корсете, где вода перетекает в туман, а туман оседает на лицах тяжелыми дождевыми каплями.

на, хоть Сандрар и называет романы мемуарами. Романы не переведены на русский язык. Все цитаты в данной статье приводятся в моем переводе. – О. Х.

⁴ Полная биография Сандрара издана его дочерью, см.: [Cendrars, 1985].

Тогда же пишется роман «Алеа» (который Сандрар называл грехом своей молодости и опубликовал лишь в 1922 г. в Париже в сильно переработанном виде и под названием «Моганни Наме», что бы это последнее ни значило). Текст его перекликается с произведениями Достоевского, особенно это заметно в описании городского пейзажа с такими обязательными его персонажами, как «скелеты измученных деревьев», «лужи черной ночи, которые добивают больной снег», «анемичный восход» и, наконец, «фонарь, похожий на грязного нищего»:

В глубине, над дощатым забором, возвышался фонарь, кидая долгий грустный и голодный взгляд – узкую полоску желтого газа – на комки грязи. Изредка, под порывом ветра, он моргал глазом, горбил спину; и тогда большие тени дрожали на ветру как лохмотья (Inédits secrets, 1969, p. 76).

Вспомним созвучный отрывок из «Двойника»:

Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом, что составляло бесконечный, пискливый, дребезжащий концерт, весьма знакомый каждому петербургскому жителю (Достоевский, 1988, с. 147).

И вдруг, уже почти пережив промозглую петербургскую осень, начинающий поэт бросает всё и едет в Либаву, чтобы там сесть на корабль до Нью-Йорка. В ночном поезде он пишет поэму «Мое путешествие в Америку», основные образы которой переключаются в «Прозу о Транссибирском экспрессе» (1913). И главный – образ «маленькой Жанны», очень напоминает Сонечку Мармеладову. Можно сказать, что поэт совершает новый качественный переход от освоения описательных средств к персонажам:

Она – всего лишь ребенок, непорочный
и бледный,
И такую нашел я ее в борделе.
Она всего лишь ребенок, белокурый,
приветливый, грустный;
Не улыбнется она и никогда не заплачет,
Но в глубине ее глаз, если пить вам из них
доведется,
Серебристая лилия нежно трепещет, поэзии
хрупкий цветок
(Сандрар, 1974, с. 23).

Маленькая Жанна словно сестра Сони, у которой «было худенькое, совсем худенькое и бледное личико, довольно неправильное, какое-то востренькое». Достоевский пишет: «...голубые глаза ее были такие ясные, и, когда оживлялись они, выражение лица ее становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней... несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти ребенком, и это иногда даже смешно проявлялось в некоторых её движениях» (Достоевский, 1971, с. 125).

Еще один знаковый для Сандрара персонаж, который впервые мелькает в «Прозе о Транссибирском экспрессе», чтобы окончательно обосноваться в романах и воспоминаниях, – купец Роговин. «Роговин, мой патрон», – так автор

называет коммерсанта, с которым он якобы пускался в опасные путешествия по Сибири и Средней Азии, вниз по Волге до Макарьевской ярмарки; авантюрист, дебошир, швыряющий деньги цыганам, а драгоценности – красивым женщинам. Как выяснилось в петербургских архивах, купец первой гильдии Григорий Александрович Роговин действительно существовал, жил в столице и был знаком с Сандраром – они оба работали на Генриха Леубу, который торговал швейцарскими часами по всей России. Вероятно, род занятий, а особенно созвучность фамилии натолкнули начинающего поэта на мысль наделить добропорядочного торговца, исправно посещающего синагогу, всеми пороками страстного Рогожина. Сам Сандрар, очевидно, идентифицирует себя с князем Мышкиным, поскольку в своих Мемуарах и интервью настаивает на том, что с Роговиным он познакомился в поезде, когда впервые ехал из Швейцарии в Россию. Еще один любопытный «автобиографический» эпизод из Мемуаров Сандрара подозрительно перекликается с известной сценой из романа «Идиот», где Настасья Филипповна сжигает принесенные ей Рогожиным сто тысяч:

Подойдя к столу, он положил на него один странный предмет, с которым и вступил в гостиную, держа его перед собой в обеих руках. Это была большая пачка бумаги, вершка три в высоту и вершка четыре в длину, крепко и плотно завернутая в «Биржевые ведомости» и обвязанная туго-натуго со всех сторон и два раза накрест бечевкой вроде тех, которыми обвязывают сахарные головы (Достоевский, 1988, с. 195–196).

Сандрар же «вспоминает», как по приказу своего патрона перевозил из сейфа в банк драгоценности, которых было «на миллионы»: «...я просто заворачивал их в старые газеты и перевязывал пачку куском бечевки» (Cendrars, 2005, с. 282).

Его ответ на опросник Пруста о героях в реальной жизни – не пустые слова. Он действительно переносит героев Достоевского в повседневность, примеряет их маски на себя и окружающих, чтобы потом воссоздать новые образы уже на бумаге.

Так, самый скандальный его роман «Мораважин» (1926), выстраданный за много лет, видится новым прочтением «Идиота».

Казалось бы, что общего с русским романом у этой истории? Ученый-психиатр знакомится в клинике для душевнобольных со странным пациентом: потомком старинного венгерского княжеского рода, принцем крови, угодившим в заключение после того, как убил и выпотрошил свою невесту. Этакий садист-философ, мечтающий разрушить все стены и решетки этого мира, но при каждом удобном случае вскрывающий женскую утробу с маниакальным любопытством и удовлетворением. Ученый решает на социальный эксперимент: он помогает Мораважину бежать, и вместе они отправляются в Россию, наслаждаться разрушительной стихийной силой революции⁵.

Сандрар верно угадал изначальный замысел Достоевского. Образ Мышкина-Христа в записных книжках писателя имеет и темную сторону:

Идиот прослыл идотом от матери, ненавидящей его. У него падучая и нервные припадки. <...> Страсти у идиота сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижении находит наслаждение. Кто не знает его, смеётся

⁵ Впервые проблему затрагивает Н. И. Полторацкая в работе «Первая русская революция в романе Блеза Сандрара “Мораважин”» [1989].

над ним, кто знает – начинает бояться (Из архива Ф. М. Достоевского..., 1931, с. 758).

В окончательной версии романа черты одного героя делят между собой трое: князь Мышкин (с его припадками), Рогожин (с его жгучими чувствами) и гордая до унижения Настасья Филипповна. Можно было бы подумать, что Сандрару были знакомы черновики Достоевского, но впервые записные книжки были изданы в 1931 г. А французский перевод и вовсе вышел два года спустя. Или всё дело в совпадении? Скорее, здесь сработала писательская интуиция, ведь в окончательном варианте образ Мышкина не полностью светлый, в нем угадывается тень его прототипа. По этому поводу верно заметил Константин Мочульский: «...этот кроткий человек, болезненный и беспомощный, как ребенок, порождает вокруг себя вихрь страстей и событий. Его бессилие становится страшной силой. <...> Кроткий князь одним своим существованием взрывает основы грешного мира» [Мочульский, 1995, с. 403].

Сандрар задумывал свою книгу как приключенческий роман о России еще в 1912 г., вдохновившись Достоевским, своими личными воспоминаниями, а также романами Бориса Савинкова «То, чего не было» (1912) и «Конь бледный» (1909)⁶. В 1914-м поэт ушел на фронт, записавшись добровольцем в Иностранный легион. В 1915-м во время атаки ему оторвало правую руку. Две тяжелые операции, депрессия, мысли о самоубийстве, бесполезные попытки попасть в Россию кружным путем, через Швецию и Финляндию. И, наконец, решение вернуться в литературу, но уже не поэтом, а «писателем левой руки». В 1917 г. правша Сандрар заново учится писать, покупает печатную машинку и берется за роман – ностальгическое путешествие в Петербург, где он стал «настоящим поэтом», и к любимому писателю, у которого он научился складывать слова в живые образы.

Петербург Сандрара полностью вписывается в ту картину, которую позднее литературоведы назовут петербургским текстом русской литературы. Не обошлось здесь, конечно, без влияния Гоголя и Блока – и немудрено, ведь в начале XX в. именно символисты переосмысливают образ писателя и представляют в нем те акценты, которые сегодня мы знаем со школьной скамьи. Но главная роль всё же отведена Достоевскому. Именно в его палитре Сандрар берет скупые краски городского пейзажа – серый, желтый, мрачно-зеленый, белый и много, много черного. Петербург Достоевского и Сандрара – это город, где всем холодно, герои бьются в лихорадке, живут в полубеспамятстве, между пьяным бредом и грязной действительностью⁷.

Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге (Достоевский, 1971, с. 360).

Лучшее место для психиатра-экспериментатора и его безумного пациента.

⁶ Савинков выступает в романе под своим литературным псевдонимом Ропшин. Сандрара, как и многих в ту пору, потрясла история с двойным предательством предводителя эсеров Азефа. Он включил ее в роман одной из побочных сюжетных линий.

⁷ Подробно тема рассматривается в статье И. А. Панковой [1994].

Между делом, чтобы хоть что-то продать издателю, пишется роман «Золото» о первопроходцах-золотоискателях на просторах Калифорнии. Роман выходит в 1925 г. и сразу переводится на множество языков, в том числе на русский – его публикуют два издательства, в Москве и в Ленинграде⁸. Один экземпляр хранится в личной библиотеке Максима Горького, с его правкой в предисловии. Легенда гласит (и Сандрар с удовольствием упоминает о ней в комментариях), что сам Сталин держал книгу на своем ночном столике, и она вдохновила его на разработку золотоносных рудников в Сибири.

Тема денег, их порочной власти, знакомая Сандрару еще по «Братьям Карамазовым», звучит в романе в унисон со взглядом Достоевского на бегство в Америку как потерю бессмертной души (один из мотивов «Преступления и наказания»). Такие мысли о Новом Свете совершенно нехарактерны для европейского писателя. И французам, и швейцарцам Америка представлялась в мечтах страной новых возможностей, но никак не потери себя и надежды на жизнь вечную. Между тем Сандрар с первых своих шагов в литературе, когда он появился в Париже с поэмой «Пасха в Нью-Йорке», подписанной вымышленным именем, после месяцев голода и отчаянья в Америке, транслирует именно эту идею: уехать в Америку сродни самоубийству. В поэме он подробно описывает свои скитания по равнодушному ночному городу, холодную дрожь в маленьком номере бедной гостиницы, подобную той, что испытывал в свою последнюю ночь Свидригайлов:

Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку. Он приставил револьвер к своему правому виску (Достоевский, 1971, с. 395).

В доказательство огромного влияния фигуры Достоевского, его личности и его текста на формирование творческой индивидуальности Блеза Сандрара можно также привести его систему двойников, которой он активно пользуется в своих романах⁹. Само понятие литературной биографии, которое Ю. М. Лотман применяет в частности к Достоевскому, Сандрар доводит практически до автофикции, задолго до постмодернистов. Исследователи до сего дня не знают в точности, что в его воспоминаниях правда, а что – литературный вымысел.

Хотелось бы сказать о самом важном, что запомнилось еще с университетской скамьи. Виктор Георгиевич в своих лекциях о Достоевском настаивал на важной идее романа «Преступление и наказание»: притче о воскресении Лазаря¹⁰. Тема воскресения, или второго рождения, особенно ясно звучит в эпилоге:

Однажды поутру, она (мать Раскольникова. – *О. Х.*) объявила прямо, что по ее расчетам скоро должен прибыть Родя, что она помнит, как он, прощаясь с нею, сам упоминал, что именно через девять месяцев надо ожидать его (Достоевский, 1971, с. 415).

Сандрар часто обращался к фигуре Лазаря как символу воскресения, особенно в поздних своих произведениях. Французский поэт лукавил, когда говорил, что перечитывает роман Достоевского раз в год, чтобы не забыть русский язык. В конце концов, в его библиотеке есть книги Тургенева, Толстого, Чехова, Горь-

⁸ Первая советская статья о творчестве Сандрара опубликована годом ранее, см.: [Эфрос, 1924].

⁹ См.: [Одинок, 1981].

¹⁰ См.: [Русская литература и религия, 1997].

кого, Гоголя. Они тоже вполне сгодились бы для этой цели. Он перечитывал Достоевского, как иные возвращаются в места своей юности. Он не хотел забывать не только русский язык, но и город, где оставил свою первую любовь, свои первые (утраченные) стихи. Личный опыт второго рождения приближает Сандрара к Достоевскому. В биографии обоих был этот переломный момент. У Достоевского – эшафот и каторга, у Сандрара – война и потеря руки ¹¹.

Достоевский стал для Сандрара неизменным талисманом именно потому, что в его текстах сквозь ярмарочный шум авантюрного романа, за декорациями детективного сюжета, за диалогами и героями слышен вечный мотив: надежда на воскресение, возрождение, новую жизнь. И выбранное в юности литературное имя Блез Сандрар, созвучное французскому «брез» – тлеющий уголек, и «сандр» – пепел, неслучайно. Оно воплощает в жизнь девиз поэта: «Писать – значит, сгорать живо и возрождаться из пепла» [Cendrars, 2002, с. 9].

В качестве послесловия

Накануне защиты выяснилось, что один из самых серьезных во Франции компаративистов заинтересовался моей работой и непременно хотел присутствовать в жюри. Я не на шутку взволновалась: не знаю, как теперь, а когда мы учились в НГУ, преподаватели относились к смешению жанров отрицательно, защищали чистоту предмета: зарубежная литература – отдельно, русская – отдельно. Поэтому теоретические знания, относящиеся к сравнительному литературоведению, нам давали очень дозированно, на первом курсе. А у французов традиционно очень сильный уклон в компаративистику. Любят они сравнивать.

Звоню Виктору Георгиевичу. Боюсь, говорю – вдруг что-нибудь каверзное спросят, как отвечать? И он, как обычно, слегка растягивая слова, успокоил: «Ну, Оксана, здесь, в общем-то, ничего сложного. Значит, так...» Это была самая короткая лекция в моей жизни, за четверть часа Виктор Георгиевич объяснил все тонкости и «скользкие» места компаративистики. Помню, как сразу после защиты звонила ему, и он очень радовался, что всё получилось. Потом я читала нашим студентам спецкурс по русской эмиграции, и Виктор Георгиевич пришел на последнее занятие, чтобы проследить, как я справлюсь с зачетками. Радовался, когда привезла ему первую свою монографию ¹²: в немецком переводе он мог ее прочитать. В последнюю нашу встречу он подарил мне журнал со своей статьей и натюрморт, который написал в юности. Я их бережно храню, вместе с памятью о том чувстве защищенности и радости, которое было у меня все эти годы: знать, что где-то есть такой вот удивительный человек.

Список литературы

- Балашов Н. И.* Блез Сандрар и проблема поэтического реализма XX века // Блез Сандрар. По всему миру и вглубь мира: Стихи / Пер. М. П. Кудинова; ст. и примеч. Н. И. Балашова. М.: Наука, 1974. С. 143–202. (Литературные памятники)
- Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество. М., 1995. 403 с.
- Одинокое В. Г.* Поэтика русских писателей XIX века и литературный прогресс. Новосибирск, 1987. 155 с.
- Одинокое В. Г.* Типология образов в системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981. 145 с.

¹¹ О символике «оторванной руки» в поэтике Сандрара см. монографию [Leroy, 1996].

¹² *Khlopina O.* «Moravagine» de Blaise Cendrars. Lausanne: Infolio, 2012.

Панкова И. А. Гротеск как одна из основных стилистических доминант прозы Блеза Сандра / // Державинские чтения. Тамбов, 1994. С. 104–105.

Полторацкая Н. И. Первая русская революция в романе Блеза Сандра «Мораважин» // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 124–130.

Русская литература и религия / Под ред. В. Г. Одинокова. Новосибирск: Наука, 1997. 314 с.

Эфрос А. Три силуэта: Аполлинер, Сандра, Кокто // Современный Запад. № 3. 1924. С. 132–141.

Cendrars M. Blaise Cendrars. Paris: Seuil, 1985. 750 p.

Khlopina O. «Moravagine» de Blaise Cendrars. Lausanne : Infolio, 2012. 120 p.

Leroy Cl. La main de Cendrars. Villeneuve d'Ascq, Presses Universitaires du Septentrion, coll. Objet, 1996. 360 p.

Список источников

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Наука, 1971. 835 с.

Достоевский Ф. М. Двойник // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 1. С. 147–295.

Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 6. С. 5–616.

Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот: неизд. материалы / Под ред. П. Н. Сакулина, Н. Ф. Бельчикова. М., 1931. 758 с.

Сандра Б. По всему миру и вглубь мира: Стихи / Пер. М. П. Кудинова; ст. и примеч. Н. И. Балашова. М.: Наука, 1974. 230 с. (Литературные памятники)

Cendrars B. L'Homme foudroyé // Œuvres complètes en 15 vol. Paris: Denoël, 2001–2006. Т. 5. Р. 7–383.

Cendrars B. Le Lotissement du ciel // Œuvres complètes en 15 vol. Paris: Denoël, 2001–2006. Т. 12. Р. 5–358.

Dites-nous M. Blaise Cendrars... / Textes présentés par Hughes Richard. Lausanne: Rencontres, 1969. 207 p.

Inédits secrets. Paris: Le Club Français du Livre, 1969.

References

Balashov N. I. Blez Sandrar i problema poeticheskogo realizma 20 veka [Blaise Cendrars and the problem of 20th century poetic realism]. In: Blez Cendrars. *Po vsemu miru i vglub' mira: Stikhi* [Around the world and deep into the world: Poems]. M. P. Kudinov (Transl.); N. I. Balashov (Art. and notes. Moscow, Nauka, 1974, pp. 143–202. (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Cendrars M. Blaise Cendrars. Paris, Seuil, 1985, 750 p.

Efros A. Tri silueta: Apolliner, Sandrar, Kokto [Three silhouettes: Apollinaire, Cendrars, Cocteau]. *Sovremennyy zapad*. 1924, no. 3, pp. 132–141.

Khlopina O. “Moravagine” de Blaise Cendrars. Lausanne, Infolio, 2012, 120 p.

Leroy Cl. La main de Cendrars. Villeneuve d'Ascq, Presses Universitaires du Septentrion, coll. Objet, 1996, 360 p.

Mochul'skiy K. V. Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. Life and creativity]. Moscow, 1995, 403 p.

Odinokov V. G. *Poetika russkikh pisateley 19 veka i literaturnyy progress* [Poetics of Russian writers of the 19th century and literary progress]. Novosibirsk, 1987, 155 p.

Odinokov V. G. *Tipologiya obrazov v sisteme F. M. Dostoevskogo* [Typology of images in the system of F. M. Dostoevsky]. Novosibirsk, 1981, 145 p.

Pankova I. A. Grotesk kak odna iz osnovnykh stilisticheskikh dominant prozy Bleza Sandrara [Grotesque as one of the main stylistic dominants of Blaise Cendrars' prose]. In: *Derzhavinskie chteniya* [Derzhavin Readings]. Tambov, 1994, pp. 104–105.

Poltoratskaya N. I. Pervaya russkaya revoliutsiya v romane Bleza Sandrara "Moravazhin" [The first Russian revolution in Blaise Cendrars' novel "Moravagine"]. In: *Russkoe revoliutsionnoe dvizhenie i problemy literatury* [Russian revolutionary movement and problems of the development of literature]. Leningrad, 1989, pp. 124–130.

Russkaya literatura i religiya [Russian literature and religion]. V. G. Odinokov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 314 p.

List of sources

Cendrars B. *Le Lotissement du ciel*. In: Œuvres complètes en 15 vols. Paris, Denoël, 2001–2006, vol. 12, pp. 5–358.

Cendrars B. *L'Homme foudroyé*. In: Œuvres complètes en 15 vols. Paris: Denoël, 2001–2006, vol. 5, pp. 7–383.

Dites-nous M. Blaise Cendrars... Textes présentés par Hughes Richard. Lausanne, Rencontre, 1969, 207 p.

Dostoevsky F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Nauka, 1971, 835 p.

Dostoevsky F. M. Dvoynik [Double]. In: *Dostoevskiy F. M. Sobr. soch.: V 15 t.* [Dostoevsky F. M. Collected works: In 15 vols.]. Leningrad, Nauka, 1988, vol. 1, pp. 147–295.

Dostoevsky F. M. Idiot. In: *Dostoevskiy F. M. Sobr. soch.: V 15 t.* [Dostoevsky F. M. Collected works: In 15 vols.]. Leningrad, Nauka, 1988, vol. 6, pp. 147–295.

Inédits secrets. Paris, Le Club Français du Livre, 1969.

Iz arkhiva F. M. Dostoevskogo. Idiot: neizd. materialy [From the archives of F. M. Dostoevsky. The Idiot: unpublished materials]. P. N. Sakulina, N. F. Belchikova (Eds.). Moscow, 1931, 758 p.

Cendrars B. *Po vsemu miru i vglub' mira: Stikhi* [Around the world and deep into the world: Poems]. M. P. Kudinov (Transl.). Moscow, Nauka, 1974, 230 p. (Literaturnye pam'yatniki [Literary monuments])

Информация об авторе

Оксана Юрьевна Хлопина, кандидат филологических наук, научный консультант, Университет Париж X (Нантер, Франция)

Information about the author

Oxana Yu. Khlopina, PhD, scientific consultant, University Paris X (Nanterre, France)

Статья поступила в редакцию 26.01.2024;

одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted on 26.01.2024;

approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 01.02.2024

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/87/5

**Поэма в прозе:
своеобразие жанра, сюжетно-мотивный репертуар**

Елена Николаевна Проскурина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Аннотация

К исследованию привлечены прозаические произведения русской литературы, именованные поэмами самими авторами. Это компактный корпус, хотя и охватывающий довольно объемный период: от «Мертвых душ» Н. В. Гоголя до «Москвы – Петушков» Вен. Ерофеева. При сюжетном разнообразии объединяет эти произведения, с одной стороны, эпичность, метафизическая масштабность темы, у каждого автора своей. С другой – единый лейтмотив, который можно определить как *тоску по идеалу*, что придает эпической форме лирическое звучание. Акцент делается не на *идеале*, а на *тоске*, переводя внешнее описание во внутреннее действие персонажа, разворачивающееся «из себя во вне» (Ю. Чумаков), что является свойством лирического сюжета. В работе выделены мотивные гнезда, семантическое напряжение которых усиливает звучание главного лейтмотива заключенной в них эмоциональной энергией (любви / ненависти к наличествующему бытию, жажды идеала, отчаяния от несовершенства мира и человека и др.). Этим достигается поэтизация прозаического высказывания, его смещение к высокому жанру.

Ключевые слова

русская литература XIX–XX вв., поэма в прозе, эпос, лирика, жанр, мотив

Для цитирования

Проскурина Е. Н. Поэма в прозе: своеобразие жанра, сюжетно-мотивный репертуар // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 46–58. DOI 10.17223/18137083/87/5

**The prose poem:
genre originality, plot and motive repertoire**

Elena N. Proskurina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

proskurina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

Abstract

The research focuses on the prose writings of Russian literature, referred to as “poems” by the writers themselves. The analysis covers a collection that is both compact in number and ex-

© Проскурина Е. Н., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 46–58

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 46–58

tensive in terms of time, from “Dead Souls” by N. V. Gogol to “Moscow and Petushki” by Ven. Erofeev. Two characteristics uniting all the works under analysis should be noted. First, all the writings, though having diverse plots, share the epic nature and metaphysical scale of the theme (unique for every writer). Second, a common leitmotif that can be determined as longing for an ideal makes the epic form sound lyrical. It is not the ideal that is emphasized but the longing that translates the external description into an internal action of the character, unfolding from the self to the outside, all this being a characteristic of the lyrical plot. The writers construct their narrative by employing the primary motif of longing for an ideal and its various iterations. They bring forth the poetic essence of these moments portraying life in its highest moments according to the laws governing poetry. The highest moments may appear at opposite poles, such as the rapture of life/love or the rapture of despair/fever of the suffering soul. This research uncovers the motif nests that add a semantic tension, reinforcing the emotional power of the central leitmotif: love/hate towards existence, longing for the ideal, and despair towards the imperfection of the world and man. The prose statement becomes more poetic, shifting towards a high genre.

Keywords

Russian literature of the 19th–20th centuries, prose poem, epic, lyric, genre, motif

For citation

Proskurina E. N. The prose poem: genre originality, plot and motive repertoire. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 46–58. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/5

В данной работе речь пойдет о прозаических произведениях русской литературы, именованных поэмами самими авторами. Это компактный корпус, хотя и охватывающий довольно объемный период: от «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя до «Москвы – Петушков» Вен. Ерофеева. Мы учитываем также те случаи, когда поэмами автор называет свои произведения не в самом тексте (как, например, Н. В. Гоголь «Мёртвые души» или Ф. М. Достоевский «Великого Инквизитора» в романе «Братья Карамазовы», А. С. Макаренко «Педагогическую поэму», Вен. В. Ерофеев «Москву – Петушки»), а в письмах. Таков «Человек» М. Горького, о котором он в письме А. Н. Алексину сообщает: «Берусь за литературу. Пишу “Человек!” – поэма» [Горький, 1970, с. 461], а также цикл ранних лирико-философских рассказов А. П. Платонова 1921 г.: «Жажда Нищего», «Невозможное», «В звездной пустыне», «Поэма мысли», «Заметки», так охарактеризованных молодым писателем в письме своей невесте М. Кашинцевой: «Поэмы – мое проклятие, мой бой со смертью. К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы – во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над бывшим, над тем, что я хотел непрямого...» [Платонов, 2013, с. 103].

За пределами анализа остается группа произведений, представляющая исследовательский корпус поэм в прозе. Это повести революционного периода, отмеченные борьбой двух миров. В их ряду «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Падение Даира» А. Малышкина, «Железный поток» А. Серафимовича, «Ватага» В. Шишкова и др. «Это эпопеи, но они же и лирические поэмы в прозе, эпопеи, пронизанные лиризмом и романтикой. Эпическое содержание эпопей-поэм не может развернуться в полную меру, лирическое начало в них выступает в известном отношении как средство восполнить недостаток предметной конкретности, широкого и вольного изображения характеров», – определяет жанр данных повестей Н. В. Драгомирецкая [1965, с. 129]. Развивая мысль исследователя, Н. Л. Лейдерман выделяет следующие параметры неавторских поэм в прозе: архитектони-

ческие сцепления контрастных по эмоциональной окрашенности эпизодов, экспрессивная перенасыщенность словесной фактуры, «густота тропов, яркость красок, неистовость гипербола – то, что в принципе характерно для поэтической речи» [Лейдерман, 2008, с. 245]. На наш взгляд, в своих рассуждениях аналитики идут вслед за А. Воронским, в одной из работ которого впервые возникает формула *поэма в прозе*, еще не как определение, а как некое не вполне оформившееся понятие в его связи с произведениями Б. Пильняка: «В отличие от... большинства молодых писателей, занимательной, интересной фабулы у Пильняка нет, да и вообще фабулы нет. Не рассказы, не повести, не романы, а поэмы в прозе. Мозаика, механическое сцепление глав. В общем всё – взбаламученное, шумное, постоянно выходящее из границ, трубное, с восклицаниями, с большим нервным напряжением и концентрацией...» [Воронский, 1987, с. 249]. Показательно, что в качестве главных характеристик этого корпуса произведений исследователи выдвигают в основном особенности стилистической поэтики, характерной для орнаментальной прозы и обыгрывающей в данном случае одну и ту же тему классового единения, причем с частым дублированием сюжетных ситуаций¹. В этой связи мы оставляем в стороне названный выше и примыкающий к нему ряд повестей². Хотя приведенные исследователями стилистические параметры относятся и к авторским поэмам в прозе, в первую очередь периода начала XX в., отразившим взвихренный характер революционного времени.

Кажется, сама жанровая номинация «поэма в прозе» звучит как оксюморон, где происходит сопряжение далековатых соответствий, принадлежащих разным литературным областям, тяготеющим одни к статике (эпос, проза), другие к динамике (лирика, поэзия). Среди всех жанровых разновидностей поэмы *поэма в прозе* в наибольшей степени соответствует определению «лиро-эпический жанр», которым часто в литературоведении дефинируется поэма как таковая. Гибридная природа *поэмы в прозе* диктует наличие в ней как эпических, так и лирических компонентов, которые, будучи «чужеродны по родовой классификации», оказываются «противоречиво связаны притяжением и отталкиванием» [Чумаков, 2010, с. 6]. Эпический диапазон создается главным образом за счет масштабности темы, лежащей в основе сюжета (картина русской жизни «во всей ее громаде» [Манн, 1978, с. 276] в «Мёртвых душах», Второе Пришествие Христа в «Великом Инквизиторе», рождение человека нового типа в «Человеке», «бой со смертью» в поэмах Платонова, воспитание нового советского человека в «Педагогической поэме», картина советской жизни в «Москве – Петушках»), лирический определяется эмоциональным фоном, пронизывающим повествование. Однако два этих плана в каждом конкретном произведении сосуществуют с разной степенью проявленности: в одном случае доминирует эпическое начало, как, например, в «Мёртвых душах» Гоголя или «Педагогической поэме» Макаренки, в другом – лирическое, как в поэме «Человек» Горького либо поэмах Платонова. Но именно масштабность главной темы отделяет эти произведения от лирической прозы как таковой, не ставящей перед собой таких глобальных, судьбоносных для человечества задач.

¹ О характерных свойствах орнаментальной прозы см.: [Шмид, 1998, с. 297–344].

² Поэмное ядро выявляет Н. Л. Степанов в повести Гоголя «Тарас Бульба»: «Это – величественное произведение, в котором ощутимо дыхание народного эпоса, героическая поэма о мужественных людях, о родине, о несокрушимой любви к свободе и подвиге народа» [Степанов, 1963, с. 153].

Лейтмотив всего корпуса названных произведений можно определить как *тоску по идеалу*, «сказанную сердцем» [Достоевский, 1976, с. 225], открыто или имплицитно содержащуюся в структуре каждого текста, что придает эпической форме лирическое звучание. Акцент в данном случае делается не на *идеале*, а на *тоске*, переводя внешнее описание во внутреннее действие, устремленное «из себя во вне», что является свойством лирического сюжета [Чумаков, 2010, с. 5]. Это то явление в литературе, которое точнее всего можно передать словами А. Ф. Лосева из его работы «Диалектика мифа»: «...такое выражение, в котором “внутреннее” будет перевешивать “внешнее”». Что это значит? Это значит, что в выразительной форме мы замечаем такое “внутреннее”, которое подчинило себе “внешнее”, и последнее налично только постольку, поскольку это надо для выявления одного “внутреннего”»³ (курсив автора. – Е. П.). Из формальных конструктивных принципов поэмы, причем поэмы романтической, выделяется одно общее качество, характеризующее весь представленный корпус текстов: «подобие душевных переживаний автора и героя», подробно проанализированное Ю. Манном на материале литературы XIX в. [Манн, 1995, с. 152]. На идейно-эстетическом уровне таковым является «порыв к высокому», к «высшим истинам мира» [Гусев, 1985, с. 337].

Вокруг основного мотива *тоски по идеалу* и его вариаций авторы организуют свой собственный сюжет, в котором поэдность проявляется через озвучивание тех «поэтических мгновений», которые по закону поэмого жанра «схватывают жизнь в ее высших моментах» (В. Белинский). При этом «высшие моменты» могут оказываться на противоположных полюсах: например, как восторг жизни / любви либо как восторг отчаяния / «жар» страдающей души. Так, «Мертвые души» Гоголя, по словам В. Г. Белинского, пронизаны «пафосом жизни, как она есть»⁴, т. е. включают в себя как «высшие моменты», так и картины «опошленной» (определение Гоголя) жизни, но во всех случаях дышащие «страстно, нервно, кровною любовью к плодovитому зерну русской жизни»⁵ и отмеченные способностью автора «проводить через свою душу живую явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живую...»⁶. Ориентация на «величественное» творение формируется у Гоголя еще в процессе работы над первым томом: «...дальнейшее продвижение его проясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что со временем может быть кое-что колоссальное» [Гоголь, 1952, с. 322]. Горькая правда о российской жизни, выраженная через карикатурность героев «Мертвых душ», «низкие» бытовые подробности уже в первом томе компенсируются мощным лирическим началом, особенно в финальном взлете авторской мысли, основанном на вере в духовное преображение Руси, что влияет на жанровую природу произведения, организуя *целое* как поэму.

Особенно отчетлив контрапункт «высших мгновений» в «Великом Инквизиторе» Достоевского. Страдание души – мотив, характеризующий внутреннее состояние как Христа, так и Инквизитора. Разница кроется в исходном посыле, заключающемся в отношении к свободе человека: для Христа это непреложный идеал, к достижению которого призвано человечество; для Инквизитора – непо-

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. URL: <http://psylib.org.ua/books/losew03/txt05.htm> (дата обращения 25.11.2023).

⁴ Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя (1842). URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/grk/grk2112-.htm> (дата обращения 11.11.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

сильная ноша, на которую Бог обрекает слабых людей, что приводит героя к потере веры. Молчание Христа – тот самый «высший момент», отражающий свидетельство Его всеобъемлющей любви, сострадания, веры, не требующее словесного утверждения: всё Им сказано уже ранее, Его миссия неизменна, тогда как обличительная речь Инквизитора – его собственное «высшее мгновение», в котором слышен бунт против Бога, утверждение безбожной новой веры, держащейся не на любви, а на «чуде, тайне и авторитете», диктующее необходимость страстного, надрывного⁷ многословия. Безмолвие и слово в данном случае эквивалентны как по своей устремленности «из себя во вне», так и по силе этой устремленности и наэлектризованности, развивающейся, однако, в противоположных направлениях. Хотя первое появление Инквизитора также отмечено молчанием, контрастно оттеняющим его от молчания Христа. Безмолвие Христа наполнено энергией действенной любви и света: «Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают его. <...> Народ непобедимой силой стремится к нему, окружает его, нарастает кругом него, следует за ним. Он молча проходит среди их с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью» [Достоевский, 1976, с. 226–227]. В отличие от этих светлых эмоций, безмолвное появление Инквизитора рождает в народе страх и покорность: «Он хмурит седые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. <...> Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо» [Там же, с. 227]. Сцена в тюрьме – своеобразный поединок слова и молчания: потребность Инквизитора в высказывании натывается на «кроткое» безмолвие Христа. При этом внутренне кардинал ожидает от Него слова, которое могло бы успокоить его смятенную душу, мечущуюся между любовью к слабому человечеству и презрением к нему и стремлением всевластия над ним. Иначе говоря, если душевное состояние Христа находится в одном диапазоне – любви и сострадания, то эмоциональное состояние Инквизитора предельно динамично. Финальное целование Христа многократно увеличивает действенность Его молчания, внося еще большее смятение в душевный настрой кардинала. В семиотическом измерении оно представляет собой инверсию целования Иуды: если для последнего это знак предательства и отступничества, то для Христа – жест всё той же сострадательной всеобъемлющей и всепонимающей любви, включающей в себя прощение и надежду – те грани, которых лишена внутренняя позиция Инквизитора, остающегося «в прежней идее», хотя поцелуй Христа оставляет горящий след в его сердце.

«Педагогическая поэма» А. С. Макаренко в большей степени тяготеет к жанру романа. Ее поэзное начало также определяется *жаждой совершенной жизни*, в данном случае выраженной через пафос воспитания нового советского человека. «Описание событий, происходящих в колонии, несет ощущение восторга, любования (при неизменно трезвой авторской оценке всех жестокостей судеб детей) вновь обретенным или впервые обретенным юными колонистами желанием жить и радоваться бытию» [Русская литература..., 2005, с. 500]. Часто с позиции «восторга и любования» автором изображаются, казалось бы, самые бытовые картины трудового дня колонистов, как, например, эпизод вечерней молотбы, обрамленный музыкальной темой, куда вплетены сказочные, мифологические элементы,

⁷ О надрывном слове как свойстве художественного дискурса Достоевского см.: [Шмид, 1998, с. 171–193].

создающие внутреннее ощущение сбывшейся мечты: «Я люблю молотьбу. Особенно хороша молотьба к вечеру. В монотонном стуке машин уже начинает слышаться музыка, ухо уже вошло во вкус своеобразной музыкальной фразы, бесконечно разнообразной с каждой минутой и всё-таки похожей на предыдущую. И музыка эта такой счастливый фон для сложного, уже усталого, но настойчиво неугомонного движения: целыми днями, как по сказочному заклинанию, поднимаются с обезглавленного стога снопы и после короткого нежного прикосновения на смертном пути к рукам колонистов вдруг обрушиваются в нутро жадной, ненасытной машины, оставляя за собой вихрь разрушенных частиц, стоны взлетающих, оторванных от живого тела крупинки. И в вихрях, и в шумах, и в сутолоке смертей многих и многих снопов, шатаясь от усталости и возбуждения, смеясь над усталостью, наклоняются, подбегают, сгибаются под тяжелыми ношами, хохочут и шалят колонисты, обсыпанные хлебным прахом и уже осененные прохладой тихого летнего вечера. Они прибавляют в общей симфонии к однообразным темам машинных стуков, к раздражающим диссонансам верхней площадки победоносную, до самой глубины мажорную музыку радостной человеческой усталости» [Макаренко, 1987, с. 475]⁸. Таких лирических фрагментов в тексте Макаренко немного, но они выполняют в нем организующую функцию жанрового характера, внося поэмную ноту в эпическое повествование.

Итак, в каждом конкретном случае лейтмотив поэм в прозе окружен сетью сопутствующих мотивов, отражающих не только уникальность поэтического воплощения авторского творческого задания, но и особенность исторической эпохи, в которую появилось то или иное произведение. Наиболее богат мотивный корпус в поэмах Платонова, что связано как со временем их создания, так и со сложностью авторского мировидения. Остановимся на этом подробнее.

Лейтмотив *тоски по идеалу* в поэмах Платонова восходит к идее расколотого единства мироздания, из чего вытекает мысль автора о разлученности человека с горним миром, ярко отраженная в мотивике его поэм в прозе. «Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают» [Платонов, 2004, т. 1, кн. 1, с. 176]⁹ – эта фраза из рассказа «В звездной пустыне» может служить ключом ко всей платоновской онтологии. Более развернуто та же мысль выражена в «Заметках», точнее, в их первой части, озаглавленной «В полях»: «Всё мертво и тихо. Всё – далеко. Если взглядишься в звезду, то ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки – так далека, далека эта звезда...» (с. 184). Здесь по принципу контрастных соответствий возникает аналогия со строками стихотворения Б. Пастернака «Степь» (1917):

Тенистая полночь стоит у пути,
На шлях навалилась звездами,
И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мирозданья
[Пастернак, 1993, с. 75].

⁸ Показательно, что процесс молотьбы представлен в этом эпизоде в красках гибели живой природы, встроенной в тот же контекст «восторга и любования» – деталь, характеризующая эпоху «покорения природы». Широкому внедрению этой идеи послужил призыв И. В. Мичурина «Мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача», приобретший статус афоризма. См.: [Мичурин, 1934].

⁹ Далее цитаты из произведений писателя приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Рождаясь из одного исходного ощущения изначального космического единства, поэтическая мысль Платонова и Пастернака развивается в противоположных направлениях: утраченного единства в первом случае и его неизменности во втором. Разница в мировосприятии инициирует разность внутреннего состояния героев: радости от сопричастности первозданному миру («Вся степь как до грехопадения / Вся – миром объята...» [Пастернак, 1993, с. 76]) у лирического героя Пастернака и отчаяния от разорванности мироздания у героя Платонова.

Таким образом, организующим весь корпус платоновских поэм мотивом является мотив *тоски по утраченному единству с мирозданием*, являющийся окказиональным авторским вариантом мотива *тоски по идеалу*, восходящего, в свою очередь, к библейскому мотиву *утраченного рая*, а на уровне поэтической традиции – к романтической максиме конца «золотого века» (ср. название поэмы Дельвига «Конец золотого века», 1829). Все другие мотивы и мотивные образы становятся его художественной разработкой, как, например, образы «холодной бездны», «черной пустынной ямы, полной звезд и костров», «холодного пустынного ветра» («Поэма мысли», с. 174) и подобные им, отсылающие к сюжету *изгнания из рая*. Сигнальным элементом этой отсылки является фрагмент «Поэмы мысли»: «Если бы вы были счастливы, вы не пришли бы сюда. Холодный пустынный ветер обнимает землю, и люди жмутся друг к другу...» (с. 174). Душевное состояние героя озвучено мотивами *утраты счастья, муки, плача, безнадежности, одиночества*, составляющими один из основных кластеров поэтического тезауруса романтиков – стержневого источника платоновской поэтики раннего периода творчества.

Немаловажно, что время действия в этих произведениях – главным образом ночь. *Тишина и покой мира* – тот внешний контекст, обозначенный соответствующим мотивным рядом, который необходим платоновским героям для прорыва в тайну и «ясность», затемняемые суетой дневной жизни. В их сознании это лишь миг, но он зажигает в душах жажду истинного бытия. Показательно, что все приведенные смыслы изложены в произведениях изнутри сознания героев как поток их переживаний. В таком формате субъектная мена (я-повествование в «Жажде нищего», «Невозможном», «В полях», мы-повествование в «Поэме мысли», он-повествование в «В звездной пустыне») лишь варьирует внутреннюю речь платоновского автоперсонажа, для которого предстоящий в разнообразных обликах мир становится *личным* откровением момента истины, что превращает его в лирического героя, а повествование наделяет свойством исповедальности.

По форме высказывания платоновские поэмы отличает практически полное отсутствие нейтрального стиля. Это выпретенный монолог автоперсонажа, отражающий гетерогенность, изменчивость его восприятия мира. В качестве характерной черты следует отметить совмещение в его душе *тоски и отчаяния от несовершенства мира с надеждой и любовью к тому же несовершенному миру*, радостью сопричастности ему, чем обуславливаются разновекторность мотивной системы, семантическое смешение мотивов не только во всем корпусе поэм, но и внутри каждого произведения. Мотив разлученности человека с горним миром реализован множеством варьирующих его мотивов. К ним относятся: *мука от недостижимости неба, жажда невозможного, влюбленность в далекие звезды и облака*. Хотя, по Платонову, томится о полноте и гармонии бытия не только человек, но и само мироздание, «зовущее» его своей красотой. «Вселенная – это радость, позабывшая смеяться» («В звездной пустыне», с. 177) – в этом умо-

заклучении героя человек и вселенная словно уравниваются внутренним состоянием тоски друг по другу.

Проходящий через все рассказы мотив *одиночества* воплощен писателем разномасштабными мотивными образами – от величественной звездной пустыни и мертвой земли до одинокого странника, оставленного путником ночного костра, томящейся былинки, одинокого дорожного столба. Организует онтологическую поэтику Платонова идея всеобщей сопричастности и взаимосвязанности. Свое кредо он отчетливо заявил в «заметке» «В полях»: «Всё мне дорого, ничего нельзя забыть и оставить; и каждой рытвине, каждому столбу и далекому человеку, пропадающему на дороге, я говорю: я возвращусь» (с. 184). Однако этой идее противостоит другая платоновская максима: по его юношескому убеждению, путь к цельности мироздания неминуемо пролегает через вселенскую катастрофу – рукотворный апокалипсис, выраженный мотивом *восстания на вселенную*: «Вселенная... – невзорванная гора на нашей дороге. И зарницы мысли рвут покой и радость и угрожают довольному миру пламенем и разрушением до конца, до последнего червя» (с. 177). Мотив *восстания на вселенную* проходит через все поэмы Платонова, в чем видна его увлеченность утопическими миростроительными идеями революционной эпохи. В разных проекциях этот мотив явлен в творчестве таких авторов, как В. Хлебников («восстанием Природы»), В. Маяковский («восстанием Вещей»), Н. Заболоцкий («восстанием Животных») (подробно см.: [Хрящева, 1998, с. 66–124]). Отличие его проведения Платоновым состоит в непоследовательности, смятенности позиции героя, мечущегося между двумя крайностями: любви, восторга от величия вселенной и ненависти к ней.

Следует также сделать существенное примечание, касающееся вдохновенности юного Платонова утопическими проектами: все они объединены единой задачей спасения мира через технические разработки. Так, герой поэмы «В звездной пустыне» Чагов трудится над чертежами «любимой машины» – «великий проект, который он творил, как поэму» (с. 180); герой «Жажды Нищего» Электрон – над созданием машины, полностью заменяющей человеческий труд: из нее «приходило к людям... пищей без остатков, кислородом, светом, теплом в количестве точной нормы» (с. 169); я-повествователь «Невозможного» – над созданием «микробов любви», а его «лучший друг» – над проектом резонатора-трансформатора – прибора, превращающего свет в электрический ток. Поэтизация «культы машины» в сознании юного Платонова связана с миропасительной функцией цивилизаторской идеи: «Каждая новая машина – это настоящая пролетарская поэма. Каждый новый великий труд над изменением природы ради человека – пролетарская, четкая, волнующая проза. <...> Машины – наши стихи, и творчество машин – начало пролетарской поэзии, которая есть восстание человека на вселенную ради самого себя» [Платонов, 2004, т. 1, кн. 2, с. 167].

Еще один ключевой мотив платоновской поэтики – мотив *мысли как двигателя жизни* на пути преодоления хаоса и смерти. Его источником послужила поэма Горького «Человек», чрезвычайно популярная в первые десятилетия XX в. Однако мысль у горьковского Человека – в первую очередь производная работы ума, что сближает его образ со сверхчеловеком Ницше, тогда как у платоновских героев это главным образом мысль осердеченная, связанная со сферой души, хотя порой и не лишенная отблесков нищестанства (подробно см.: [Проскурина, 2023]).

Наиболее сложной предстает авторская позиция в «Жажде Нищего», где, с одной стороны, воспеваются «тихий век познания и света сияющей науки» (с. 166), достигнутый путем восстания человечества на вселенную, с другой же – вызы-

вающий страх у героя с символическим именем Пережиток (читай: естественный человек): «...Мне было страшно от тишины, я знал, что ничего не знаю и живу в том, кто знает всё... И я кричал от ужаса каменным голосом, и по мне ходил какой-то забытый ветер, прохладный, как древнее утро в росе. ...мне становилось всё страшнее и страшнее. Мне хотелось чего-то теплого, горячего и неизвестного, мне хотелось ощущения чего-нибудь родного, такого же, как я, который был бы не больше меня» (с. 166–167). В итоге герой отказывается от этой утопической реальности и возвращается в привычный земной мир. В процессе движения сюжета происходит столкновение двух противоположных стратегий: мотивы *ясности, прозрачности, спокойствия, тишины* по мере разворачивания рефлексии Пережитка приобретают энтропийную окрашенность, тогда как «пережиточные» свойства героя-простеца, выраженные мотивами *страха; ужаса; крика; жажды теплого, горячего, родного*, становятся характеристиками живой жизни (см.: [Проскурина, Борисова, 2019]).

В целом отсутствие «регулярности», последовательности в разворачивании авторской мысли становится поэтической эмблемой сознания юного Платонова, где бьются, сшибаются, не находя успокоения, его противоположные грани: любовь к миру в доходящих до экстаза признаниях и ненависть к существующему бытию, жажда гармонии и тоска по ураганному космическому вихрю, вслед за которым должно произойти рождение «нового неба и новой земли». Таким образом, ведущим началом во всех произведениях оказывается не движение сюжета, а эмоциональное переживание со всё более накапливающейся энергией высказывания, организующегося в единый мощный лирический поток.

Кажется, несколько особняком в общем жанровом ряду стоит поэма Вен. Ерофеева, в которой высокий пафос доводится до пародийного обыгрывания. На жанровый эклектизм указывают многие исследователи произведения (см., например: [Мазанаев, Халикова, 2017]). Н. Л. Лейдерман и вовсе видит в нем разрушение жанра поэмы и относит «Москву – Петушки» к категории «антижанра» [Лейдерман, 2006, с. 14–15]. Нам это определение представляется нерелевантным по нескольким причинам. Можно согласиться, что на фабульном уровне «Москва – Петушки» не соответствует характеристикам поэмы как высокого жанра. Однако на сюжетном она не теряет своих высоких, трагедийных коннотаций, соотносимых со страстным сюжетом. В поэме Ерофеева высокое содержание конфликтует с ее низким стилем, но такое травестирование не ведет к инверсии жанрового кода. Несмотря на двойную эстетическую природу произведения, в нем сохранены все основные черты лирико-философской поэмы, выраженные мотивами *одиночества, тьмы мира, томленья сердца, жажды гармонии и истины* и др. Этому корпусу мотивов сопутствуют: *устремленность к Богу, страсти Христовы, мученичество*. Все они относятся к сфере героя, претерпевающего муки трагического отчаяния от несовершенства мира. Типологически это «маленький человек», однако он наделен способностью к глубокой философской рефлексии над последними вопросами бытия. По существу, неумная жажда Венички «скорее выпить» – сниженная вариация на платоновскую тему «Жажды Нищего». Алкоголизм героя – импликатор его недостижимой *жажды гармонии, любви, дома, счастья*. Иначе говоря, внутренняя устремленность героя «Москвы – Петушкова» представляет собой движение вверх, а не вниз по духовной лестнице, как это происходит, например, с Акакием Акакиевичем в «Шинели» Гоголя или Анфимом в повести Е. Замятина «Уездное», что дает основание к отнесению данных произведений к жанровому ряду антижитий (см., например: [Проскурина, Проскурина,

Янович, 2014; Давыдова, 1997]). Таким образом, сниженность образа героя и фабулы более отчетливо и выразительно репрезентирует поэзный потенциал «Москвы – Петушков» в его постмодернистском воплощении. Нельзя не учитывать и авторскую номинацию произведения как поэмы, что выводит ее из антижанрового ряда таких, например, текстов, как «Площадь Звезды», которую автор Р. Деснос назвал «анти-поэмой», или «Лысая певица» Э. Ионеско, названная автором «анти-пьесой», и др.

В своем отнюдь не исчерпывающем анализе нам было важно выделить те мотивные гнезда, которые служат репрезентантами жанра поэмы в прозе. Как отмечалось выше, специфика этих мотивов в том, что их семантика усиливается заключенной в них эмоциональной энергией (любви, жажды, восторга, страха, отчаяния, ненависти и др.), что создает вокруг каждого мотива ауру «лирического волнения» (Г. Гуковский). Этим достигается поэтизация прозаического высказывания, его смещение к высокому жанру. Несомненно, мотивное поле каждого из произведений гораздо шире. Наша задача – отметить те, которые в той или иной степени резонируют с ключевым для авторской поэмы в прозе мотивом *жажды гармонии мира*¹⁰.

Список литературы

Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя (1842). URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/grk/grk2112-.htm> (дата обращения 11.11.2023).

Воронский А. Искусство видеть мир (Портреты. Статьи). М.: Сов. писатель, 1987. 702 с.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 11. 484 с.

Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 6. 581 с.

Гусев В. И. Порыв к высокому. Заметки на тему «Гоголь и романтизм» // Гоголь: История и современность. М.: Сов. Россия, 1985. С. 333–338.

Давыдова Т. Т. Антижанры в творчестве Е. Замятина // Новое о Замятине. Сб. материалов. М., 1997. С. 20–35.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 510 с.

Драгомирецкая Н. В. Стилиевые искания в ранней советской прозе // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М.: Наука, 1965. Кн. 3. С. 125–173.

Лейдерман Н. Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. Вып. 9. С. 3–33.

¹⁰ При ином жанровом подходе все представленные произведения можно отнести к утопическому жанру на уровне стратегии сюжета, по-разному показывающего неисполнимость утопического идеала. Это либо недописанность произведения («Мертвые души»), либо изгнание идеального героя из реального мира («Великий Инквизитор»), либо смерть героя («Невозможное», «Москва – Петушки»), либо отказ от жизни в «прекрасном веке» («Жажда Нищего»), либо его чистая умозрительность («Человек», «Поэма мысли», «В звездной пустыне»). Единственное исключение – «Педагогическая поэма», где автору удалось показать перерождение героев-беспризорников в сознательных советских граждан. Однако и в этом случае общая социальная ситуация, на фоне которой разворачивается история героев, так и остается далекой от идеала.

- Лейдерман Н. Л. Кровавый карнавал. «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь-октябрь. С. 241–267.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. URL: <http://psylib.org.ua/books/losew03/txt05.htm> (дата обращения 25.11.2023).
- Мазанаев Ш. А., Халикова У. Х. Поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» как бурлескно-травестийная пародия // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 32, вып. 1. С. 68–73.
- Макаренко А. С. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1987. Т. 1. 575 с.
- Манн Ю. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с.
- Манн Ю. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
- Мичурин И. В. Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений. 3-е изд. М.: Сельхозгиз, 1934. 367 с.
- Пастернак Б. Соч.: В 2 т. Тула: Филин, 1993. Т. 1. 382 с.
- Платонов А. Соч. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1: Рассказы. Стихотворения. 644 с.; Т. 1, кн. 2: Статьи. 1918–1927. 510 с.
- Платонов А. «...я прожил жизнь» [Письма 1920–1950 гг.]. М.: Астрель, 2013. 685 с.
- Проскурина Е. Н. М. Горький в творческом сознании А. Платонова // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 2. С. 17–29. DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-17-29
- Проскурина Е. Н., Борисова А. Б. Особенности утопического сознания А. Платонова в рассказе «Жажда Нищего»: жанр, сюжет, герой // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 22–30.
- Проскурина Е. Н., Проскурина-Янович П. В. «Шинель» Гоголя: притча в облике анекдота // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности. Новосибирск: НГУ, 2014. С. 269–279.
- Русская литература XX в. Прозаики. Поэты. Драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. М.: ОЛМА – ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. 719 с.
- Степанов Н. Л. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 153–181.
- Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: ЯСК, 2010. 87 с.
- Хрящева Н. П. «Кипящая вселенная» Андрея Платонова (Динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов). Екатеринбург; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ун-т, 1998. 323 с.
- Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 352 с.

References

- Belinskiy V. G. *Pokhozheniya Chichikova, ili Mertvyye dushi. Poema N. Gogolya (1842)* [The adventures of Chichikov, or Dead Souls. A poem by N. Gogol (1842)]. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/grk/grk2112-.htm> (accessed 11.11.2023)
- Chumakov Yu. N. *V storonu liricheskogo syuzheta* [Lyrical plot aside]. Moscow, LRC Publishing House, 2010, 87 p.
- Gogol' N. V. *Sobr. soch.: V 14 t.* [Collected works: In 14 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1952, vol. 11, 484 p.
- Gor'kiy M. *Poln. sobr. soch.: V 25 t.* [Complete collected works: In 25 vols.]. Moscow, Nauka, 1970, vol. 6, 581 p.

Gusev V. I. Poryv k vysokomu. Zametki na temu “Gogol’ i romantizm” [An impulse to the high. Notes on “Gogol and Romanticism”]. In: *Gogol’: Istoriya i sovremennost’* [Gogol: history and modernity]. Moscow, Sov. Rossiya, 1985, pp. 333–338.

Davydova T. T. Antizhanry v tvorchestve E. Zamyatina [Anti-genres in the works of E. Zamyatin]. In: *Novoye o Zamyatine. Sb. materialov* [New about Zamyatin. Collection of materials]. Moscow, 1997, pp. 20–35.

Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1976, vol. 14, 510 p.

Dragomiretskaya N. V. Stilevyie iskaniya v ranney sovetskoy proze [Style searches in early Soviet prose]. In: *Teoriya literatury. Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii* [Theory of Literature. The main problems in historical illumination]. Moscow, Nauka, 1965, bk. 3, pp. 125–173.

Khryashcheva N. P. “*Kipyashchaya vseennaya*” Andrey Platonova (*Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov*) [“Boiling universe” by Andrei Platonov (Dynamics of imagery and worldview in the works of the 20s)]. Yekaterinburg, Sterlitamak, SSPU, 1998, 323 p. (in Russ.)

Leyderman N. L. Krovavyy karnaval. “Poemy v proze” 1920-kh godov: poetika i semantika [Bloody Carnival. “Poems in prose” of the 1920s: poetics and semantics]. *Voprosy literatury*. 2008, September–October, pp. 241–267.

Leyderman N. L. Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytaniye zhanra ili ispytaniye zhanrom?) [The Problem of Genre in Modernism and Avant-Garde (Testing the Genre or Testing the Genre?)]. In: *Russkaya literatura 20–21 vekov: napravleniya i techeniya* [Russian literature of the 20th–21st centuries: directions and currents]. Ekaterinburg, UrSPU, 2006, iss. 9, pp. 3–33. (in Russ.)

Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. URL: <http://psylib.org.ua/books/losev03/txt05.htm> (accessed 25.11.2023).

Makarenko A. S. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected works: In 4 vols.]. Moscow, Pravda, 1987, vol. 1, 575 p.

Mann Yu. *Poetika Gogolya* [The Gogol’s poetics]. Moscow, Khudozh. lit., 1978, 398 p. (in Russ.)

Mann Yu. *Dinamika russkogo romantizma* [The dynamics of Russian romanticism]. Moscow, Aspekt Press, 1995, 384 p.

Mazanaev Sh. A., Khalikova U. Kh. Poema Venedikta Erofeeva “Moskva – Petushki” kak burleskno-travestiynaya parodiya [Venedikt Erofeev’s poem “Moscow – Petushki” as a burlesque and travelling parody]. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*. 2017, vol. 32, iss. 1, pp. 68–73.

Michurin I. V. *Itogi shestidesyatiletnikh trudov po vyvedeniyu novykh sortov plodovykh rasteniy* [Results of sixty years of work on the development of new varieties of fruit plants]. 3rd ed. Moscow, Sel’khozgiz, 1934, 367 p.

Pasternak B. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols.]. Tula, Filin, 1993, vol. 1, 382 p.

Platonov A. *Soch. Nauchnoye izdanie* [Works. Scientific edition]. Moscow, IWL RAS, 2004, vol. I, bk. 1: Rasskazy. Stikhotvoreniya [Stories. Poems], 644 p.; T. 1, kn. 2: Stat’i. 1918–1927 [Articles. 1918v1927], 510 p.

Platonov A. “...ya prozhil zhizn” (*Pis’ma 1920–1950 gg.*) [“...I have lived life” (Letters 1920–1950)]. Moscow, Astrel’, 2013, 685 p.

Proskurina E. N., Borisova A. B. Osobennosti utopicheskogo soznaniya A. Platonova v rasskaze “Zhazhda Nishchego”: zhanr, syuzhet, geroy [Features of A. Platonov’s utopian consciousness in the story “The Beggar’s Thirst”: genre, plot, hero]. *Ural Historical Journal*. 2019, no. 2, pp. 22–30.

Proskurina E. N. M. Gor'kiy v tvorcheskoy soznanii A. Platonova [M. Gorky in the creative mind of A. Platonov]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2023, no. 2, pp. 17–29. DOI 10.25205/2713-3133-2023-2-17-29

Proskurina E. N., Proskurina-Yanovich P. V. “Shinel” Gogolya: pritcha v oblich'e anekdota [Gogol's “Overcoat”: parable in the guise of anecdote]. In: *Pritcha v russkoy slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti* [Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present]. Novosibirsk, NSU Publ., 2014, pp. 269–279.

Russkaya literatura XX v. Prozaiki. Poety. Dramaturgi: Bibliograficheskiy slovar': V 3 t. [Russian literature of the twentieth century. Prose writers. Poets. Playwrights: bibliographical dictionary: In 3 vols.]. Moscow, OLMA – PRESS, 2005, vol. 2, 719 p.

Shmid V. *Proza kak poeziya. Pushkin, Dostoyevskiy, Chekhov, avangard* [Prose as poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde]. St. Petersburg, INAPRESS, 1998, 352 p. (in Russ.)

Stepanov N. L. Povest' N. V. Gogolya “Taras Bul'ba” [N. V. Gogol's story “Taras Bulba”]. In: Gogol N. V. *Taras Bulba* [Taras Bul'ba]. Moscow, AN SSSR, 1963, pp. 153–181. (in Russ.)

Voronskiy A. *Iskusstvo videt' mir (Portrety. Stat'i)* [The art of seeing the world (Portraits. Articles)]. Moscow, Sov. pisatel', 1987, 702 p.

Информация об авторе

Елена Николаевна Проскурина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Elena N. Proskurina, Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 22.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 29.01.2024
The article was submitted on 22.01.2024;
approved after reviewing on 29.01.2024; accepted for publication on 29.01.2024*

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1+655.5

DOI 10.17223/18137083/87/6

Раннее творчество М. Горького в издательских стратегиях социал-демократов

Ольга Юрьевна Шум

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

shum_olga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8597-5856>

Аннотация

Реконструирована издательская история ранних рассказов М. Горького, составивших первое издание сочинений писателя; охарактеризованы действия заинтересованных в горьковском творчестве деятелей социал-демократического движения, которых произведения начинающего автора привлекли не только художественными достоинствами, но и присущим им протестным началом. Установлено, что организационно-издательские интенции деятелей протестного движения могут быть квалифицированы как идеологические стратегии книгоиздания. Суть такого рода стратегий заключается в создании и продвижении изданий с произведениями, важными в идейном плане для той или иной социальной группы. Существенно, что в художественном книгоиздании идеологические стратегии ориентированы на максимально широкую, т. е. массовую, аудиторию.

Ключевые слова

издательские стратегии, М. Горький, ранние рассказы, публикации, В. Г. Короленко, В. А. Поссе, первое издание сочинений, издательство, идейные издатели

Для цитирования

Шум О. Ю. Раннее творчество М. Горького в издательских стратегиях социал-демократов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 59–70. DOI 10.17223/18137083/87/6

The early works of Maxim Gorky in the publishing strategies of social democrats

Olga Yu. Shum

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

shum_olga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8597-5856>

Abstract

The paper reconstructs the publishing history of early short novels by Maxim Gorky, which eventually became his first collection of works. Consideration is given to the actions of fig-

© Шум О. Ю., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 59–70
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 59–70

ures from the social democratic movement, who were drawn to Gorky's works due to their artistic merits as well as their inherent potential for protest. It was a common practice for adherents of social democratic ideas to maintain constant contact and engage in patronage, frequently through correspondence. Following the correspondence recommendations, Gorky encountered V. G. Korolenko, who exhibited unwavering support and a willingness to discuss and promote the manuscripts of the young author and participate in their publication from 1893 to 1895. From 1898 to 1901, Gorky was under the patronage of V. A. Posse, who spearheaded the publication of the collected works of the provincial author in the capital. Despite the strategic risk involved, Posse managed to establish the publishing house of Dorovatovsky and Charushnikov in St. Petersburg. In 1898, this publishing house released the first two volumes of Gorky's "Essays and Stories" and in 1899, the third volume appeared and the first two were reprinted. The reconstruction of the publishing history of Gorky's works made it possible to qualify the organizational and publishing intentions of social democrats as publishing strategies to create and promote publications that are important ideologically for a particular social group. In artistic book publishing, it was crucial to prioritize ideological strategies that would appeal to a broad audience.

Keywords

publishing strategies, M. Gorky, early stories, publications, In G. Korolenko, V. A. Posse, the first published of works, publishing house, ideological publishers

For citation

Shum O. Yu. The early works of Maxim Gorky in the publishing strategies of social democrats. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 59–70. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/6

Об издании первых горьковских сочинений, конечно, писали, и не раз, однако эта тема редко была в научной литературе центральной, выступая по большей части как дополнительная информация¹. В итоге, несмотря на разноаспектный анализ, картина обретения писателем популярности у читателей России и мира оказалась лишена целостности, распадаясь на отдельные эпизоды-фрагменты. Ситуацию не исправляют и горьковские биографии. В соответствии с законами жанра в них обязателен комплексный подход к изложению материала, однако и биографы советского периода², и современные исследователи жизненного

¹ Так, в работах, рассказывающих о пребывании Горького в Грузии, сообщалась история публикации его первого рассказа «Макар Чудра», см.: *Клейн Э. Горький в Тифлисе* (По неопубликованным материалам). Тифлис: Изд. кн. магазина Всегрузинского Союза Писателей, 1928. 71 с.; *Пирадов Б. У истоков творчества Максима Горького*. Тбилиси: Заря Востока, 1957. 109 с.; *Пирадов Б. На рубеже. М. Горький в Грузии накануне революции 1905 года*. Тбилиси: Мерани, 1975. 211 с. В исследованиях, посвященных взаимоотношениям Горького и В. Г. Короленко, говорилось о дебюте молодого писателя в столичной прессе, см.: *Груздев И. А. Короленко и Горький*. [Горький]: Горьк. изд., 1948. 47 с.; *Тихонов А. А. Молодой Горький и Короленко* (К вопросу о творческих связях писателей) // *О творчестве Горького: Сб. ст. / Под ред. И. К. Кузьмичева*. Горький: Горьк. кн. изд-во, 1956. С. 96–119; *А. М. Горький и В. Г. Короленко: Сб. материалов: переписка, статьи, высказывания / Предисл. А. К. Котова; подгот. текста Н. И. Гитович*. М.: Гослитиздат, 1957. 287 с. В статьях об истории издательств «Знание», «Демос» разбирались вопросы книгоиздательской деятельности Горького, см., например: *Люблинский С. Б.* К истории возникновения товарищества «Знание» // *Русская литература: историко-литературный журнал*. 1972. № 2. С. 188–190.

² *Груздев И. А. Горький. М.: Молодая гвардия, 1960. 368 с.; Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М.: Худож. лит., 1986. 478 с.*

и творческого пути писателя³ не свободны от стереотипов – общественных (в том числе цензурных) или индивидуально-личностных. Отсюда – пробелы и недоговоренности, неточности и разночтения.

Помимо фрагментарности мешает аутентичному воспроизведению научной информации об издательской истории горьковских произведений и давность изучения темы: немногочисленные исследования публиковались в 1960–1980-е гг.⁴ Столь же давно горьковеды обращались и к вопросам взаимоотношений Горького с деятелями социал-демократического движения⁵. Вместе с тем еще в 1960–1970-е гг. Б. Пирадов в книгах «У истоков творчества Максима Горького» (1957) и «На рубеже. М. Горький в Грузии накануне революции 1905 года» (1975) ввел в научный обиход новые архивные и мемуарные материалы, изучение которых позволило ему расширить представления о взаимодействии революционных народных и марксистских кружков.

Таким образом, представляется целесообразным исследовать опыт издателей Горького, реконструировав издательскую историю первого собрания сочинений писателя.

Материалом исследования являются биографии Горького, написанные разными авторами в разные годы; мемуарная литература о писателе (воспоминания А. Е. Богдановича, И. А. Груздева, статьи А. И. Чарушникова); письма; литературоведческие исследования прошлых лет, содержащие сведения по интересующей нас теме (например, работа Б. Пирадова); исторические материалы по книгоизданию изучаемого периода и биографиям отдельных издателей. В статье использованы историко-генетический, типологический и отчасти феноменологический методологические подходы.

Безусловно, своим успехом писатель Максим Горький обязан прежде всего своему литературному таланту. Однако в начале творческого пути, как почти все

³ Труайя А. Максим Горький. М.: Эксмо, 2005. 320 с.; Басинский П. В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2006. 451 с.; Быков Д. Л. * Горький. М.: Молодая гвардия, 2016. 304 с.

* Минюстом РФ Д. Л. Быков включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов

⁴ Две статьи были посвящены первому изданию горьковских сочинений: в 1963 г. к теме книжного дебюта Горького обратился С. М. Брейтбург (*Брейтбург С. М. Книжный дебют Максима Горького (По неизданным материалам)* // Книга. Исследования и материалы = Book. Researches and materials. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. Сб. 8. С. 431–457), а в 1985 г. в сборнике «Книга. Исследования и материалы» была опубликована работа библиофила и редактора А. И. Чарушникова, племянника одного из первых издателей горьковских произведений. Большая часть материалов А. И. Чарушникова оставалась в рукописях, однако в 2010-е гг. наследники А. И. Чарушникова, обработав рукописные материалы, разместили несколько статей на странице интернет-библиотеки М. Мошкова (Чарушников Александр Петрович: Книгоиздание / Предисл. и подгот. текста В. А. Чарушников, М. В. Чарушников // Lib.ru: Библиотека Мошкова: Классика. URL: http://az.lib.ru/c/charushnikow_a_p/ (дата обращения 01.02.2022)). Наиболее полным является исследование «Первые книги Максима Горького». Одно монографическое исследование О. Д. Голубевой, вышедшее в 1968 г., рассказывало об издательской деятельности Горького: *Голубева О. Д. Горький – издатель*. М.: Книга, 1968. 127 с.

⁵ Речь не идет, разумеется, о публикации ранее закрытых материалов, относящихся к периоду 1917–1918 гг. и последующим годам, см., например: *Заика С. В. М. Горький: неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко* / РАН, ИМЛИ. М.: Наследие, 1998. 344 с. (М. Горький. Материалы и исслед., вып. 5).

молодые авторы, он нуждался и в руководстве, и в поддержке. «Шефство» над начинающим писателем взяли люди, сочувствующие или прямо связанные с разворачивающимся в 1890-е гг. в России социал-демократическим движением.

Организаторы протестного движения 1890–1900-х гг. вели подготовку антиправительственных выступлений через легальную и нелегальную прессу, а также с помощью литературы (в том числе художественной), которую печатали не только подпольные типографии, но и официальные демократически ориентированные, или, как их называли, «прогрессивные» «идейные», издательства. Горьковские произведения привлекли социал-демократов ярко выраженным протестным началом; любимым типом начинающего автора стал «мятежник», человек, находящийся в состоянии полного возмущения против общества и в то же время мощный, сильный» (высказывание П. А. Кропоткина⁶).

В круг приверженцев революционных идей Алексей Пешков попал в Казани. Постоянные связи и протекции, зачастую заочные, были обычной практикой среди социал-демократов, и контакты не ограничивались рамками одного региона. Так, молодой Горький был связан с поволжским (Нижний Новгород, Казань, Царицын) и кавказским (Тифлис, Баку) кругами, а между революционными деятелями Поволжья и революционными кружками Тифлиса существовали устойчивые связи⁷. Согласно документальным свидетельствам, приведенным Б. Пирадовым, А. Пешков, М. Началов, А. Чекин, Б. Корсак и О. Каминская принадлежали к одному «кружку саморазвития» в Нижнем Новгороде. Шесть его участников оказались затем и в Тифлисе – принимали участие в собраниях на квартире М. Началова. Кроме того, об этом также пишет Б. Пирадов, с Нижним Новгородом, а именно с Короленко, был связан А. Калужный, убедивший Горького отдать рассказ «Макар Чудра» в газету «Кавказ» [Пирадов, 1957].

Понятно, что участники этого общего круга вели между собой разговоры, давали устные (да и письменные) характеристики, которые зачастую не отразились в мемуарах, не сохранились в документах. Эти рекомендации создавали репутацию и гарантировали поддержку человеку, попавшему в круг; они же могли разрушить репутацию и лишить человека поддержки круга, например, из-за переменных политических взглядов (как это позже произойдет с В. А. Поссе).

По принципу заочных рекомендаций сам Горький познакомился с В. Г. Короленко. Короленко знал, кто такой Алексей Пешков, из переписки с М. А. Ромасем. Встреча Горького и Короленко, состоявшаяся в 1889 г. в Нижнем Новгороде, не стала общением совершенно незнакомых людей, они оба имели представление друг о друге благодаря общим знакомым из круга поволжских социал-демократов⁸.

⁶ См.: *Кропоткин П. А.* Идеалы и действительность в русской литературе: [Курс лекций] / [Пер. с англ. В. Батуринского] // Литературный блог. URL: https://www.informaxinc.ru/lib/anarchy/kropotkin_idealy/ (дата обращения 01.02.2022).

⁷ К такому выводу пришел Б. Пирадов, подробно и всесторонне изучив материалы, характеризующие пребывание Горького в Грузии в 1891–1892 гг. Исследователь высказал также предположение, что Горький не случайно выбрал конечной точкой своих странствований Тифлис и вполне ожидаемо встретил в городе нижегородских знакомых.

⁸ Об этом, в частности, пишет П. Басинский: «Нет, всё-таки Ромась, бродяжья душа, стал для Пешкова спасителем, а не искусителем! Ромась вытащил его из безнадежной казанской ситуации. Он написал о нем Короленко. Поэтому, когда Пешков явился к Короленко с визитом, тот уже знал о нем. Впрочем, и так бы не прогнал» (см.: *Басинский П.* Страсти по Максиму. Документальный роман о Максиме Горьком // Горький Максим:

В период с 1889 по 1893 г., пока не раскрылся в полной мере горьковский художественный талант, поддержка молодого писателя не носила целенаправленного характера. Помощь и советы М. А. Ромаса, В. Г. Короленко, А. Калюжного и других поволжских и грузинских знакомых Алексея Пешкова были, по сути, спонтанным дружеским участием в судьбе юноши, о котором знали, что он хороший рассказчик и пробует что-то писать⁹.

Профессиональная литературная карьера Максима Горького начнется в 1893 г., когда В. Г. Короленко возьмет над ним постоянное шефство. Не будучи членом какой-либо партии, первый наставник начинающего автора принадлежал к кругу интеллигенции, близкой к социал-демократам.

Короленко оказывает молодому автору безоговорочную поддержку и готовность помогать в обсуждении рукописей его произведений. С 1893 по 1895 г., до своего отъезда в Санкт-Петербург в 1896 г., он фактически стал для Горького «внимательным руководителем», по словам И. А. Груздева, «отзываясь на каждый рассказ Горького, появлявшийся в местных газетах» [Груздев, 1958, с. 19].

С 1892 г. Короленко сотрудничает с журналом «Русское богатство» (один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г.), который именно в этот период становится одним из наиболее популярных печатных изданий. В задачи Короленко, помимо того, конечно, что он публиковал в журнале собственные произведения, входила работа с молодыми провинциальными авторами, которые обращались к нему за поддержкой. По воспоминаниям И. А. Груздева, в мае 1893 г. Короленко посылает Н. К. Михайловскому, бывшему тогда руководителем журнала, три стихотворения «некоего Пешкова», самородка «с несомненным литературным талантом, еще не совсем отыскавшего свою дорогу», и просит известного столичного критика «в личное одолжение» «несколько слов и быстрого по возможности решения» [Там же]. Стихотворения не сохранились, Михайловский их не напечатал и автору ничего не написал. Несмотря на то, что публикация не состоялась, был сделан важный, говоря современным языком, пиар-шаг: имя начинающего нижегородского писателя зазвучало в редакции одного из ведущих литературных журналов столицы.

Осенью 1893 г., вернувшись из поездки в Америку, Короленко вновь встретился с Горьким (эта встреча описана в горьковском очерке 1922 г. «В. Г. Короленко»), который переживает настоящий творческий подъем, много пишет и начинает публиковаться в местных поволжских газетах. Появление рассказа «Емельян Пиляй» в московской газете «Русские ведомости», влиятельной для провинциальных редакций того времени, стимулировало публикацию горьковских произведений в августе-сентябре 1893 г. в казанской газете «Волжский вестник». Осенью и зимой 1893 г. к списку изданий, публикующих Горького, добавился нижегородский «Волгарь», а в 1894 г. — «Самарская газета» и газета «Нижегородский листок».

сайт. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/biografiya/basinskij-gorkij/polozhitelnyj-chelovek.htm> (дата обращения 01.07.2022)).

⁹ К такого рода участию можно отнести и поступок Н. З. Васильева, который помог передать три горьковских рассказа в газету «Русские ведомости»; биографы утверждают, что сделано это было без ведома автора. Один из рассказов — «Емельян Пиляй» (1892) — московская газета напечатала 5 августа 1893 г., и это обстоятельство стало второй (после публикации рассказа «Макар Чудра») важной вехой на пути становления Горького-писателя.

Летом 1894 г. Короленко инициирует публикацию в «Русском богатстве» рассказа «Челкаш».

Однако в 1894 г. этот горьковский рассказ не был опубликован в журнале. Н. К. Михайловский, прочитав рукопись, направил автору подробное письмо, в котором высказал ряд редакторских замечаний, связанных в первую очередь с образом крестьянина Гаврилы. Критик задавал резонные вопросы: «Российский человек ходил на косовицу на Кубань. Откуда?»; «где Гаврила научился так управлять веслами и рулем в море? Курский или Орловский мужик этого не может» и др. [Груздев, 1958, с. 20]. Михайловский советовал молодому автору обратиться за помощью к Короленко и давал понять, что только после его редактирования рассказ может появиться в журнале. Но, как видно из текста рассказа, пожелания критика учтены не были. Исправления коснулись некоторых длиннот, при этом причина главной претензии Михайловского – «отвлеченность», разбитованность фигуры Гаврилы – сохранилась. Однако сторонников новой политической конъюнктуры «отвлеченность» образа крестьянина не смущала, для них было существенно, что Гаврила показан как подлый и одновременно жалкий собственник, захваченный «властью земли» настолько, что готов на убийство.

Рассказ, рукопись которого в исправленном виде Короленко отправил в «Русское богатство» 13 декабря 1894 г., был определен к публикации только в апреле 1895 г. в седьмом (июньском) номере. К этому времени Короленко уже была предложена должность соиздателя журнала.

Публикация рассказа «Челкаш» в журнале «Русское богатство» стала третьей важной вехой на пути Горького к писательской популярности: с этого момента он начинает набирать известность в кругу столичных революционеров всех мастей, а также среди сочувствующей социалистическим идеям интеллигенции.

В 1895–1897 гг. Горький продолжает печататься в основном в поволжской прессе, но семь рассказов при содействии Короленко вышли в столичных изданиях.

Рассказы «Ошибка» (1895) и «Супруги Орловы» (1897) опубликовал журнал «Русская мысль», его редактор В. А. Гольцев был знаком и даже переписывался с Короленко, который в 1895 г. дебютировал в журнале с рассказом «Сон Макара». Рассказы «Озорник» (1897) и «Мальва» (1897) были опубликованы в умеренно-либеральном «Северном вестнике». В 1885–1888 гг. Короленко вместе с другими писателями и публицистами, близкими к народническим кругам, был одним из ведущих сотрудников этого журнала, печатался в нем и редактировал его. Рассказы «Тоска» (1896), «Коновалов» (1897) и «Бывшие люди» (1897) вышли в журнале «Новое слово». С октября 1895 по февраль 1897 г. его издательницей была О. Н. Попова, представительница тех деятелей книжной отрасли, кого называли «идейными издателями». С Короленко она была знакома со времен совместной работы в журнале «Русское богатство».

Именно О. Н. Поповой было предложено издать первое отдельное собрание очерков и рассказов М. Горького. С инициативой издания произведений начинающего провинциального писателя выступил Владимир Александрович Поссе, один из представителей столичного круга социал-демократов, прочитавший некогда в «Русском богатстве» рассказ «Челкаш» и заметивший талантливую провинциала.

Поссе в некотором смысле «сменил» Короленко и опекал Горького с 1898 по 1901 г., т. е. именно в те годы, в которые к молодому автору пришла настоящая писательская слава.

Судя по эпистолярию, горьковские ранние рассказы стремились опубликовать несколько издателей.

Одним из первых предложил молодому писателю издать книгу рассказов П. К. Прянишников, московский издатель, выпускавший сборники популярных беллетристов. Об этом Горький написал В. Г. Короленко в 1895 г.: «Фирма Прянишникова предлагает мне издать сборник рассказов. Я отказался. Еще рано, я думаю?» [Горький, 1997, с. 100]. (Инициатором организации издательства П. К. Прянишникова и его редактором был В. Д. Бонч-Бруевич.) Издание сборника не осуществилось, даже не начиналось, как позднее не осуществилось оно и по предложению В. Н. Маракуева, издателя книг для народа. О его предложении Горький писал в письмах Е. П. Волжиной и М. П. Позерн в 1896 г.: «Маракуев сам предложил мне издание моих рассказов – он читал кое-что и говорит, что очень меня любит и что я умею во всем видеть душу. Я пока отклонил его предложения...» [Там же, с. 169]; «Он много читал моих рассказов и очень лестного обо мне мнения. Предлагает издать книгу» [Там же, с. 174]. В 1897 г. издать сборник рассказов предлагал Горькому В. Д. Корчагин – издатель, владелец книжного магазина в Москве [Там же, с. 667]. Писатель не согласился, мотивируя свой отказ преждевременностью: «Я не писал еще ничего такого, что дало бы мне право на внимание публики к моим произведениям, и не хочу вводить Вас в убытки» [Там же, с. 225]. И Поссе, к которому обратился Горький, отсоветовал публиковаться у Маракуева, надеясь «устроить» горьковские произведения на более выгодных условиях у Поповой [Там же, с. 501]. В 1898 г. Горькому также предлагали издать его произведения в виде отдельной книги: во-первых, редакция журнала «Северный вестник» [Там же, с. 683], во-вторых, издатель, публицист, писатель А. В. Суворин [Там же, с. 686]. Горький рассказал об этих предложениях в несохранившемся письме к Поссе, который уже активно занимался издательскими делами писателя. Поссе ответил 26 января 1898 г.: «“Сев. Вест.” Вас надует, он на это горазд <...> Суворин не надует, но идти к нему не следует» [Там же, с. 515].

Об издании ранних горьковских рассказов Поссе с октября 1897 г. вел переговоры с О. Н. Поповой. Попова отказалась и сообщила об этом в письме к Горькому, которое не сохранилось, поэтому точная причина отказа неизвестна. Это письмо писатель переслал Поссе в 20-х числах января 1898 г., а 26 января 1898 г., как указано в примечаниях к полному собранию горьковских писем, Поссе ответил: «...вчера получил письмо Поповой с Вашей припиской. Вы ошибаетесь, если думаете, что она “славная” <...> Случай с изданием Ваших рассказов очень характерен. Написать Вам отказ (тем более скверный, что он не в меру подслащен) после того, как она окончательно сговорила со мной об издании, и не предупредить меня об этом – это... неловко». Такая реакция была вызвана словами, которые Горький написал поперек письма Поповой с отказом издать его произведения: «Видно, что у этой женщины золотое сердце» (об этом впоследствии вспоминал Поссе) [Там же].

После отказа Поповой (а не до, как в воспоминаниях А. Е. Богдановича) Поссе обратился к М. Н. Семенову, с которым он вел переговоры об издании горьковских рассказов в конце января – начале февраля 1898 г. Однако Семенов несколько раз откладывал высылку аванса, а Горькому были срочно нужны деньги, поэтому Поссе «взял рассказы от него и сговорился с Чарушниковым и Дороватовским», об этом он писал Горькому 16 февраля 1898 г. [Там же, с. 518].

Впечатляет целеустремленность, с которой Поссе добивался публикации идеологически значимых произведений молодого писателя: после неудач с дейст-

вующими издателями он подключает к подготовке и выпуску собрания рассказов Горького людей, никак не связанных с книгоизданием, и создает новое издательство с нуля.

История создания «идейного издательства» Дороватовского и Чарушникова упомянута в воспоминаниях А. Е. Богдановича, в статье В. А. Поссе «Идейное издательство» (1910), в комментариях к полному собранию горьковского эпистолярия, а также в ряде статей А. И. Чарушникова, племянника издателя. Сопоставление всех имеющихся источников позволяет реконструировать эту историю следующим образом. После неуспеха переговоров с Поповой и Семеновым Поссе, то ли встретив случайно своего знакомого А. П. Чарушникова, служившего инспектором отдела транспортного страхования, то ли придя в гости к своему свояку С. П. Дороватовскому, управляющему делами земельного магната Шереметева (последнее нам кажется более вероятным), посетовал на пренебрежительное отношение к молодому многообещающему таланту. После этого А. П. Чарушников обратился к С. П. Дороватовскому с вопросом: «А не издать ли нам с Вами рассказы Горького?» Дороватовский согласился... Через несколько недель появились два тома рассказов М. Горького, и вместе с тем “составилось” новое издательство – “С. Дороватовского и А. Чарушникова”» [Чарушников, 1985]¹⁰.

В первых числах марта Семенов, видимо, спохватился и решил заявить о своих правах, обратившись и к Поссе, и к С. П. Дороватовскому с претензиями. Оба они писали об этом Горькому: 10 марта Поссе («Семенов пристает ко мне с просьбой дать ему какую-то “расписку”, что я сначала хотел продать Ваши сочинения ему, а потом продал другим»), 14 марта Дороватовский (Семенов «делает подвохи и строит разные козни – пожалуйста, будьте осторожны с ним в письмах») [Горький, 1997, с. 518]. Горький же в письме от 20 марта 1898 г. Дороватовскому ответил однозначно: «С Семеновым никаких дел не имею и не хочу иметь. Писем от него не получал» [Там же, с. 252].

Таким образом, издательская стратегия Поссе увенчалась успехом, его настойчивость и дальновидность, тот факт, что он грамотно оценил риски, не побоявшись провала изданий молодого провинциального автора, и сумел привлечь и организовать людей, также проявивших деловую сметку и идейную заинтересованность, способствовали редкому прецеденту – созданию специального издательства для выпуска сочинений начинающего писателя.

В 1898 г. в Санкт-Петербурге издательство Дороватовского и Чарушникова выпустило первые два тома «Очерков и рассказов» Горького, в 1899 г. вышел третий том и переизданы первые два.

Состав основного текста первого издания горьковских сочинений вкуче с отказом от хронологического принципа размещения рассказов, более естественного для подобного вида изданий, позволяет предположить отражение в некоторой степени актуальной политической конъюнктуры. Так, первый том открывается рассказом «Челкаш», который, как мы отмечали выше, был в русле социал-демократической идейной направленности, поскольку произведение способствовало разрушению мифа о крестьянине-страдальце, возвышая пусть стихийного, но протестанта-босяка. Далее идет знаменитая программная притча «Песня о Соколе», обличающая обывателей, а за ней – целый ряд произведений, объединенных темой безнравственности и бессмысленности существования. Второй том состав-

¹⁰ Здесь и далее это издание цит. по: http://az.lib.ru/c/charushnikow_a_i/text_1985_izdatel_charushnikov.shtml (дата обращения 01.02.2022).

лен из рассказов о бродягах, маргиналах – босяках разных типов, включает также еще одно программное произведение раннего этапа творчества писателя, подводящее определенный итог горьковскому «нищестанству» и «босячеству», – «Старуха Изергиль». В третьем томе представлен декадентский мотив «лишности», которую или невозможно исправить, или можно преодолеть, примкнув к революционной борьбе, а также важный для Горького вопрос об «учителях жизни». О том, что в формировании состава основного текста для третьего тома участвовал сам писатель, сохранилось свидетельство в нескольких его письмах к Дороватовскому¹¹.

В издании имела такая разновидность дополнительного текста, как посвящения автора. В первом томе это была надпись на шмуцтитуле: «Посвящаю эти наброски Александру Ивановичу Ланину. М. Горький», во втором томе также надпись на шмуцтитуле: «Посвящаю эту книжку Марии Сергеевне Позерн. М. Горький» [Горький, 1968, с. 6]. Александр Иванович Ланин, адвокат и самарский общественный деятель, сыграл, как известно, очень важную роль в судьбе молодого Горького, который с перерывами работал у него в течение пяти лет письмоводителем. Сам писатель отмечал влияние Ланина на свое образование и был очень благодарен этому высокообразованному и благородному человеку. Мария Сергеевна Позерн была супругой другого знаменитого самарского общественного деятеля и юриста Карла Карловича Позерна. В их доме Горькому, тогда больному и неустроенному молодому человеку, была оказана искренняя, душевная поддержка и дружеская помощь. Но главное – Позерны одни из первых увидели и оценили его необыкновенную одаренность. Примечательна глубокая признательность, которой ответил писатель своим землякам, посвятив им самое первое издание своих сочинений.

В первом отдельном собрании горьковских рассказов и очерков предполагалось также предисловие. Писателя просили подготовить его и Дороватовский, и Поссе. Горький подготовил предисловие, но сомневался в нужности такого текста, о чем писал С. П. Дороватовскому: «...ей-богу же, мне было бы легче написать целый том, чем эти несколько строк. Нужны ли они? Не будут ли они рекламой? Это очень смущает меня» [Горький, 1997, с. 249]. Написанное предисловие и выражение своих сомнений Горький отправил Поссе, который с ним согласился: «...предисловие же – Вы правы – лучше не помещать: рассказы сами говорят за себя» [Там же, с. 516]. Текст предисловия не сохранился.

Согласно А. И. Чарушникову, первый том первого издания «Очерков и рассказов» вышел тиражом 3 000 экз. (март 1898 г.), второй том – 3 500 экз. (апрель 1898 г.); цена по одному рублю за каждый том. Следует учитывать, что в те годы тираж первой книги молодого автора редко превышал 1 000 экз. Первый и второй тома второго издания, а также третий том первого издания вышли тиражом по 4 100 экз., поскольку первое издание уже было раскуплено и принесло автору успех [Чарушников, 1985]. Недостатками первого издания были плохая бумага и большое количество опечаток из-за недобросовестной корректуры.

Успех к двум первым томам пришел не сразу. Надо отдать должное издателям, которые предпринимали энергичные меры по рекламе первого издания сочинений Горького: «редакциям журналов и газет разослали для отзывов около 300 его первых книг, распространили до 4 тысяч объявлений, поместили в печати ряд публи-

¹¹ См.: [Горький, 1997, с. 277, 311, 342].

каций о них»¹². Первого мая 1898 г. С. П. Дороватовский послал Горькому список журналов и газет, куда он отправил для отзыва его первые книги. Писатель захотел внести в этот список газету «Кавказ», в которой опубликовал свой первый рассказ, но отзыв там не появился.

Определенную роль в популяризации имени молодого автора сыграло событие, которое сегодня сравнили бы, наверно, с PR-акцией. Речь идет о втором аресте писателя.

Первое издание сочинений Горького вышло в марте-апреле, а в начале мая он был арестован и препровожден для дознания в Тифлис. По сути, вся «вина» Горького заключалась в том, что в 1891–1892 гг., работая в Тифлиских железнодорожных мастерских, живя в коммуне на Красногорской улице и участвуя в народническом кружке В. В. Берви-Флеровского, он был связан с активистами Тифлиского и Батумского кружков, которых в 1898 г. обвинили в социал-демократической пропаганде среди рабочих.

Вопреки желанию Горького дело о его аресте получило большой резонанс и широко обсуждалось в среде петербургской интеллигенции. Инициатором кампании в поддержку писателя стал опять-таки В. А. Поссе. Он решил воспользоваться связями своего брата, профессора математики К. А. Поссе, члена Комитета Литературного фонда. Определенную роль, очевидно, сыграл и А. Ф. Кони, в то время сенатор уголовного кассационного департамента Сената, к нему также обратился В. А. Поссе. В мемуарах горьковского свояка А. Е. Богдановича рассказано еще о том, что Поссе обращался к художнику И. Е. Репину, который писал и портреты высокопоставленных особ, в том числе портрет баронессы Икскуль фон Гильдебрандт, которая, в свою очередь, обратилась с просьбой посодействовать освобождению Горького к товарищу министра внутренних дел А. Ф. Оболенскому [Богданович, 1965, с. 33]. В результате хлопот литературной общественности к делу об аресте Горького было привлечено внимание Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, от офицера жандармов Е. П. Дебиля потребовали разъяснений, после чего был срочно завершен разбор бумаг Горького, проведен дополнительный допрос, после которого в тот же день, 28 мая 1898 г., было принято постановление об изменении меры пресечения: вместо содержания под стражей Горький был отдан под особый надзор полиции и выслан в Нижний Новгород.

А. Е. Богданович считал, что «в истории скорого освобождения два томика “Рассказов” сильно помогли» [Там же], но, думается, скорее всё было наоборот. Шумиха, поднятая среди литературной общественности и членов Литературного фонда, привлекла внимание к имени начинающего автора и его произведениям. Не случайно именно в мае появились первые отзывы и рецензии на собрание сочинений писателя. В «Сыне отечества» (№ 116, 123) А. Скабичевский опубликовал статью «Текущая литература», в «Новом времени» А. В. Амфитеатров – рецензию, сказал свое слово и Н. К. Михайловский, поместивший в «Русском богатстве» (№ 9 и 10) статью «Литература и жизнь. О Максиме Горьком и его героях». Критика в целом положительно, хотя поначалу и сдержанно, оценила творчество молодого автора, подчеркнув новизну темы и образов (в частности, знаменитых горьковских босяков).

¹² Чарушиников А. И. Максим Горький. Первые книги. 1991 // Lib.ru/Классика: электронная библиотека. URL: http://az.lib.ru/c/charushnikow_a_p/text_1991_maxim_gorkiy_pervye_knigi.shtml (дата обращения 01.02.2022).

В итоге к июню 1899 г., т. е. через год с небольшим, два тома – всего 6 500 экземпляров – были распроданы, успех очерков и рассказов был очень велик, а имя Горького стало широко известным.

Новое издательство на волне успеха, выполнив цель, для которой было создано, и приобретя репутацию идейного, профункционировало с переменным успехом до 1913 г., прекратив свое существование со смертью А. П. Чарушникова. С. П. Дороватовский к тому времени уже почти отошел от дел. Горьковские произведения издатели больше не публиковали, потому что после успеха первых книг писателю стали предлагать свои услуги и более выгодные условия те издатели, которые ранее отказывались его публиковать. В феврале 1900 г. Горький подписал договор с Книгоиздательским товариществом «Знание» [Чарушников, 1985], а в 1902 г. стал его пайщиком (ему передала свой пай – 52 тыс. руб. и связанные с ним права О. Н. Попова) [Русские писатели, 2007, с. 88].

В двух словах следует сказать об отношениях Горького и Поссе. Писатель довольно тесно сотрудничал с человеком, столь много сделавшим для его литературного успеха, еще три года. Их объединяли товарищество «Знание» и журнал «Жизнь», который Поссе негласно возглавлял с 1898 г. Однако в 1902 г. произошел разрыв Поссе с Горьким. Причинами стали финансовый вопрос (о выкупленном пая в «Знании» Поссе не сообщили), а также идеологические расхождения. Горький всё больше сближался с социал-демократами-ленинцами, а мировоззрение Поссе изменилось. Он уже не принимал авторитарности вождей социал-демократии, выражавшейся в их стремлении лишить буржуазию избирательных прав, разогнать парламент, ограничить свободу слова и т. п. Его отталкивало всё то, что ужаснет Горького только после октября 1917 г., когда большевистская теория реализуется на практике.

Подводя итог исследованию, отметим следующее.

Реконструкция издательской истории ранних произведений М. Горького показала, что для их публикации был проведен целый комплекс мероприятий, которые можно охарактеризовать как издательские стратегии. Подобный комплекс действий представляет собой способ организации всего процесса выпуска книги или ряда книг – от формирования издательского репертуара до продвижения готовых изданий на книжном рынке и в читательской среде – и в данном случае носит идеологический характер. Суть идеологических стратегий заключается в продвижении изданий с произведениями, важными для той или иной социальной группы в идейном плане, политически тенденциозных. В данном случае творчество начинающего писателя привлекло внимание революционно настроенной интеллигенции, но в идеологических стратегиях может быть заинтересовано и государство. Принципиально, что в художественном книгоиздании стратегии такого рода ориентированы на максимально широкую, т. е. массовую, аудиторию.

Список литературы

Богданович А. Е. Страницы из жизни Максима Горького. Материалы к биографии Максима Богдановича. Мои воспоминания. Минск: Наука и техника, 1965. 229 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 1: Письма 1888–1899. 704 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 592 с.

- Груздев И. А.* Горький. М.: Молодая гвардия, 1958. 367 с. (ЖЗЛ)
- Пирадов Б.* У истоков творчества Максима Горького. Тбилиси: Заря Востока, 1957. 109 с.
- Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6 т. / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 87–89.
- Чарушников А. И.* Издатель А. П. Чарушников (к истории издательства «С. Дороватовский и А. Чарушников») // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1985. Сб. 51. С. 85–108.

References

- Bogdanovich A. E. *Stranitsy iz zhizni Maksima Gor'kogo. Materialy k biografii Maksima Bogdanovicha. Moi vospominaniya* [Pages from the life of Maxim Gorky. Materials for the biography of Maxim Bogdanovich. My memoirs]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1965, 229 p.
- Charushnikov A. I. Izdatel' A. P. Charushnikov (k istorii izdatel'stva "S. Dorovatskiy i A. Charushnikov") [Publisher A. P. Charushnikov (on the history of the publishing house "S. Dorovatskiy and A. Charushnikov")]. In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Researches and materials]. Moscow, Kniga, 1985, coll. 51, pp. 85–108.
- Gor'kiy M. *Poln. sobr. soch. Khudozh. proizvedeniya: V 25 t.* [Complete works. Artistic works: in 25 vols.]. Moscow, Nauka, 1968, vol. 1, 592 p.
- Gor'kiy M. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vols.]. Moscow, Nauka, 1997, vol. 1, 704 p.
- Gruzdev I. A. *Gor'kiy* [Gorky]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1958, 367 p. (ZhZl)
- Piradov B. *U istokov tvorchestva Maksima Gor'kogo* [At the origins of Maxim Gorky's work]. Tbilisi, Zarya Vostoka, 1957, 109 p.
- Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskiy slovar': V 6 t.* [Russian writers, 1800–1917: biographical dictionary: in 6 vols.]. P. A. Nikolaev (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 2007, pp. 87–89.

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Шум, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Information about the author

Olga Yu. Shum, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of advertising, public relations and publishing, V. I. Vernadsky Crimea Federal University (Simferopol, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 11.08.2022
The article was submitted on 14.02.2022;
approved after reviewing on 11.08.2022; accepted for publication on 11.08.2022

Научная статья

УДК 81'42:82-3:27

DOI 10.17223/18137083/87/7

**Библейский дискурс
в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина
1900-х – начала 1910-х годов**

**Олег Ефимович Осовский¹
Светлана Анатольевна Дубровская²**

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Москва, Россия

² Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

¹ osovskiy_oleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

² s.dubrovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>

Аннотация

Рассматривается процесс формирования библейского дискурса в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина в 1900-х – начале 1910-х гг. Отмечено, что пребывание писателя на Ближнем Востоке стало импульсом к художественному воплощению ближневосточной повседневности в циклах его рассказов, публиковавшихся в «Русском богатстве». Библейский дискурс, как указывают авторы, формируется в прозе Кондурушкина поэтапно. Первоначально это средство, с помощью которого читатель опознает описываемые библейские места, чувствует древность современных ближневосточных ландшафтов. В повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского» создание библейского дискурса становится авторской стратегией, важнейшую роль в которой играет реализация библейского сюжета и библейского хронотопа.

Ключевые слова

С. С. Кондурушкин, библейский дискурс, ближневосточный текст русской литературы, «Сирийские рассказы», «Моисей», «Потомки Царя Иудейского»

Для цитирования

Осовский О. Е., Дубровская С. А. Библейский дискурс в ближневосточной прозе С. С. Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х годов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 71–85. DOI 10.17223/18137083/87/7

© Осовский О. Е., Дубровская С. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 71–85
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 71–85

Biblical discourse in the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin during the 1900s and early 1910s

Oleg E. Osovskiy¹, Svetlana A. Dubrovskaya²

¹ Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

² National Research Mordovia State University
Saransk, Russian Federation

¹ osovskiy_oleg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9869-3233>

² s.dubrovskaya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>

Abstract

The discourse of the Bible plays a prominent role in shaping the narrative of Russian literature in the Middle Eastern context during the turn of the nineteenth and twentieth centuries. This paper focuses on the Biblical discourse being formed within the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin from the 1900s to the early 1910s. It is the time spent by the writer in the Middle East that motivated him to capture the essence of daily life in the region through a series of stories published in “Russkoe Bogatstvo” magazine. The Biblical discourse acquires its own artistic specificity in the works of Kondurushkin. In his early prose, the discourse is presented indirectly, partly contextually, helping the reader “recognize” the places described, giving him a sense of the “oldness” of contemporary Middle Eastern landscapes. During the late 1900s and early 1910s, the writer’s strategic use of Biblical discourse in the stories “Moses” and “Descendants of the King of Judah” emerges as a unique artistic undertaking. Kondurushkin incorporates the narratives found in the Old and New Testament, along with the presence of the Biblical chronotope. Equally important is the choice of Biblical characters. Moses plays a central role in “Descendants of the King of Judah,” driving the plot and shaping its development. The characters in the story serve to depict the shift in narrative focus, transitioning from mythological heroism to a more emphasized account of everyday life in the distant past, all set against the backdrop of the Gospel myth.

Keywords

S. S. Kondurushkin, Biblical discourse, Middle Eastern text of Russian literature, “Syrian Tales”, “Moses”, “Descendants of the King of Judah”

For citation

Osovskiy O. E., Dubrovskaya S. A. Biblical discourse in the Middle Eastern prose of S. S. Kondurushkin during the 1900s and early 1910s. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 71–85. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/7

Имя Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919) сегодня относится к числу практически забытых, хотя в 1900–1910-е гг. оно было хорошо знакомо читателям. Утвердившийся на литературном поприще во второй половине 1900-х гг., он стал одним из заметных участников литературного процесса этого времени, практически на равных ощущавшим себя в диалоге с А. М. Горьким, И. А. Буниным, А. И. Куприным, И. С. Шмелевым, В. В. Розановым. Не менее примечательно и участие писателя в самых значительных событиях политической и интеллектуальной жизни России – освещение выборов в Государственную Думу, дела Бейлиса; выступление в Религиозно-философском обществе, участие в качестве военного корреспондента в Первой мировой войне. Критика довольно живо реагировала на творчество писателя, в частности откликами И. Ф. Аннен-

ского, М. О. Гершензона, А. И. Куприна, И. А. Бунина и А. М. Горького, реакцией не только столичной, но и провинциальной прессы [Дубровская, Владимирова, 2022].

Представляют интерес и «сибирские страницы» биографии С. С. Кондурушкина, в их числе его служба в годы Русско-японской войны в должности смотрителя полевого запасного госпиталя в Иркутске, переписка с сибирскими писателями, искавшими его поддержки в Петербурге в 1910-е гг. В середине ноября 1918 г. Кондурушкин приезжает в Омск, где еще успевает принять участие в литературной жизни города. В январе 1919 г. он умирает в железнодорожной больнице под Омском, о чем сообщала 12 января 1919 г. газета «Сибирская речь». В том же номере появился и некролог, написанный известным критиком С. А. Ауслендером.

Нельзя сказать, что после смерти писателя его имя и тексты полностью исчезли из историко-литературного пространства России. Петроградский «Вестник литературы» откликнулся на его кончину дважды [А. К., 1919; Кондурушкина, 1919]. В советское время была опубликована его переписка с В. Г. Короленко [Короленко, 1936] и А. М. Горьким [Переписка..., 1988]. В последние десятилетия предпринимались усилия для того, чтобы представить личность, биографию и творчество Кондурушкина в контексте его эпохи, тем самым заполнив отдельные лакуны в истории отечественной литературы, в частности обозначить вклад писателя в формирование ближневосточного нарратива отечественной словесности начала XX в. [Владимирова и др., 2021; Дубровская и др., 2021; Завельская, 2011; Чуваков, 1994; Щавлинский, 2021]. Последнее особенно важно на фоне поиска новых форм презентации Палестины и Иерусалима [Ordinary Jerusalem..., 2018; Imaging and Imagining Palestine..., 2021].

Цель нашей статьи – проанализировать роль писателя в формировании библейского дискурса ближневосточного текста русской литературы рубежа XIX–XX вв. В связи с этим необходимо определить причины интереса писателя к ближневосточной проблематике, обосновать закономерность поворота от описания ближневосточной повседневности к реконструкции мифоисторического прошлого Палестины и Сирии и оформления в этом процессе библейского дискурса.

Начало литературного творчества Кондурушкина связано с Ближним Востоком. Направленный Императорским Православным Палестинским Обществом в 1898 г. в учительскую семинарию в Назарете, 24-летний выпускник Казанского учительского института оказался в совершенно неведомом для него мире. За пять лет пребывания здесь он хорошо узнал нравы и обычаи сирийских христиан, друзов, мусульман, русско-европейскую общину Дамаска, жизнь арабских детей, воспринял экзотику нового мира, легенды и предания, овладел арабским языком. Всё это послужило материалом для первых литературных опытов – от журнальных заметок до статей, рассказов и очерков. Однако попытка опубликовать на страницах «Русского богатства» литературную сказку вызвала критику В. Г. Короленко, обосновавшего отказ в публикации следующим образом: «мысль неясна, образы неопределенны» [Короленко, 1936, с. 129–130]. Вместе с тем Короленко предложил молодому автору «вместо туманных аллегорий <...> попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни», которая его окружает [Там же]. Следуя этому совету, Кондурушкин в ближайшие годы сосредоточился на воспроизведении окружавшей его повседневности. В результате на страницах «Русского богатства» в 1902–1903 гг. были опубликованы циклы его ближневосточной прозы, впоследствии составившие основу сборника «Сирийские

рассказы». Ближневосточная проблематика остается в центре внимания писателя и во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг., появляясь в его рассказах, повестях и путевых очерках. Тем самым Кондурушкин оказывается в одном ряду с создателями ближневосточного нарратива русской словесности – интерпретаторами библейского мифа – от Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, А. И. Куприна до А. Белого, К. Бальмонта и др. Это потребовало от автора не только понимания культурфилософских и историософских аспектов избранного сюжета, но и реализации новых художественных подходов.

Возникновение в его ближневосточной прозе библейского дискурса закономерно: с его помощью автор дает читателю возможность увидеть некие точки «узнавания», разглядеть в пространстве ближневосточной экзотики знакомые с детства библейские образы, имена и названия. Под библейским дискурсом мы понимаем тот тип художественного высказывания, который непосредственно связан с сюжетикой и проблематикой Ветхого и Нового Завета. Соответственно, в нем присутствуют либо библейский сюжет в самом широком смысле слова (от собственно библейских событий до имен героев и соответствующих аллюзий к ним), либо библейский хронотоп, реализующийся через мифоисторическое время Библии и ее топографию.

Если библейская сюжетика не нуждается в специальном комментарии, то вопрос о библейском хронотопе требует определенных пояснений. Примечательно постепенное превращение в прозе Кондурушкина ближневосточного хронотопа в библейский. Формирование библейского дискурса здесь имеет определенную последовательность: на первом этапе это «привязка» событий сегодняшней жизни к библейскому прошлому в виде упоминания ветхозаветных и евангельских имен и географических названий, на втором – опыт реалистической реконструкции конкретного библейского мифа. Если первый этап в полной мере находит отражение в «Сирийских рассказах», то второй – в повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского». Здесь происходит, по терминологии М. М. Бахтина, примечательная встреча «малого времени» своей современности и «большого времени» библейской истории. Именно библейский хронотоп, обнаруживающий себя самым разным образом в «Сирийских рассказах» и в названных повестях, играет в этой встрече важнейшую роль.

Отметим, что предложенная Бахтиным в названии работы «Формы времени и хронотопа в романе» формулировка подчеркивает особый статус времени, его автономности, даже в рамках того пространственно-временного синтеза, который образует хронотоп [Бахтин, 2012, с. 341]. Для библейского хронотопа очевиден фактор библейского времени, т. е. того понимания времени, его условности, которое свойственно для книг Ветхого Завета, где время конкретного события сочетается с большим временем внеисторического божественного его измерения. Собственно, и время Нового Завета, его привязанность к Рождеству Христову сочетается с определенной хронологической условностью, подчиняющейся законам мифоистории [Элиаде, 2002; Кассирер, 2002].

Для Кондурушкина такое ощущение библейского времени оказывается принципиально важным. Однако не менее значимо для него понимание того, что время сегодняшних Палестины и Сирии не просто существует в реальном пространстве реальной жизни, но сосуществует с мифоисторическим временем прошлого. Можно сказать, что это время «без времени», которое почти не ощущается народами ближневосточного региона.

В завершающей сборник «Сирийские рассказы» новелле «На рубеже пустыни» автор объясняет, почему сегодняшний Восток слеп и глух к своему прошлому:

Все народы древнего мира приходили сюда, к подножию Антиливана с дарами своего гения: древний Египет, Финикия, Индия, Персия, Греция и Рим приносили свою культуру <...> Всё умерло здесь! [Кондурушкин, 1908, с. 218].

Смена культур, религий, народов, которая происходит за многие тысячелетия существования региона, конечно же, вырабатывает свою философию времени, свое отношение к прошлому, почти не ощущаемому в сравнении с настоящим:

Как крепко заснул под деспотическим гнѐтом своих правителей и под ласками благодатной природы этот талантливый чуткий народ! [Там же].

Именно поэтому Кондурушкину-писателю, восстанавливающему реальность ближневосточного настоящего и ближневосточного прошлого, гораздо важнее изображение пространства, той природы, в которой существует сегодняшний человек, тех ландшафтов, которые он видит и которыми восхищается. Но почти незаметно расставляемые им в этих описаниях «библейские метки» (упоминания мест, городов и др.) дополняют создаваемые им хронотопы соответствующей мифоисторической атмосферой.

В сирийских рассказах задействована одна и та же модель повествования: сюжет разворачивается на фоне величественной природы, описание которой призвано подчеркнуть мимолетность и суетность происходящего и опосредованную связь сегодняшних событий с миром великого прошлого. Так, в открывающем сборник рассказе «Хараба» отправная точка маршрута – библейский Тир – и конечная – Дамаск – позволяют повествователю и его читателю ощутить библейскую древность ливанских гор, по тропинкам которых проходит ночное путешествие:

Осенью, при проезде из древнего Тира (теперь называется Сур) сухопутьем в Дамаск, я запутался в бесконечных отрогах Ливана, который в этом месте разветвился и смешался с отрогами своего родного брата, Антиливана [Там же, с. 3].

В сознании рассказчика прошлое оживает вместе с ночной природой, когда скалы начинают походить на сказочных исполинов:

Серые, немые днём, скалы теперь, как будто, ожили, задвигались тѐмными массами... Казалось, какие-то гиганты шѐпотом ведут таинственную беседу, постукивают костлявыми руками, мелькают во мраке страшными глазными впадинами... Когда мы подъезжали ближе, они мгновенно опять каменели в тех положениях, в каких мы их заставляли: с приподнятыми руками, с оскаленными зубами, сидя или стоя...

Дик и бесконечно разнообразен вид серых немых скал в горах Ливана [Там же, с. 4–5].

Не станем утверждать, что подобная атропоморфность ливанских скал является скрытой аллюзией к древнегреческому мифу о гекатонхейрах, однако кажущаяся подвижность гор, то оживающих, то застывающих, напоминает о тысячелетней древности ничуть не меньше, чем слова главного героя – Ивана Казимировича, доверяющего собеседнику трагическую историю своей любви.

Повествуя о гибели героини, вина в ее смерти жестокие нравы и обычаи местного племени, он не случайно подчеркивает их тысячелетнюю древность:

Они прекрасны и жестоки, как дети... Впрочем, может быть, именно эта жестокость и хранит их целые тысячелетия... [Кондурушкин, 1908, с. 8].

Останки величественного прошлого встречаются в сирийских рассказах на каждом шагу: развалины древней крепости или горного монастыря, языческие храмы и др. Хотя Кондурушкину чужда неоромантическая готика, переключка с ней отчетливо проступает в словах героя:

Хауран – это кладбище греко-римской жизни. Ушли люди, землетрясения разрушили дома, всё пришло в запустение. Ходишь иногда под темными сводами заброшенной крепости, и жутко станет, точно в гроб зашёл [Там же, с. 9–10].

В свою очередь, отправной точкой поездки повествователя в рассказе «Шагин Хадля» становится Тивериадское озеро. Слово упомянутое мимоходом, оно по-прежнему совершенно не случайно, и автор еще раз напомним о нем, воссоздавая величественную картину, открывающуюся ему с горных вершин:

Далеко внизу, под нашими ногами, клубились и волновались белые облака, как снежные поля моей обширной и холодной родины. <...> На юге все мелкие горы слились для взора в одну равнину, на которой лежали зеркала Мерома, Тивериады, Мёртвого моря.

Я смотрел, как далеко-далеко разбегались во все стороны горы, как искрились и сверкали, точно алмазы, на солнце речки и ручьи, как расширилось небо над Сирией и Палестиной, а солнце, вечное солнце, приветливо смотрело с синего неба [Там же, с. 91–92].

Этот взгляд с высоты птичьего полета не случаен. Так же смотрел на этот мир в известном евангельском эпизоде Христос, о чем повествователю тут же напомнил его спутник:

– Хорошо! – сказал Шагин. – Конечно, дьявол знает, что ему нужно делать.

– При чём тут дьявол?

– Как же? Вот сюда вознёс он Христа и показал Ему все царства мира. Вот они перед нашими глазами... [Там же, с. 92].

В рассказе «Шагин Хадля» христианское прошлое встречается с дохристианским: пещера, в которой находят пристанище герои, оказывается частью финикийского капища Ваала. Вслед за упоминанием Ваала появляется греческий бог Пан, которому чуть позднее на этом месте поклонялись древние греки. Здесь же возникает и легко опознаваемая отсылка к Ф. Ницше:

Трудно выбрать более подходящее место для поклонения этому жизнерадостному богу, богу-пастуху, богу весеннего веселья. Взглянешь с этих немых утёсов крутом на Божий мир, расстилающийся под ногами, и поневоле воскликнешь:

– Жив, жив великий Пан!..

Должно быть, при греках лесистые окрестные горы и долины и самый Гермон были ещё более красивы [Там же, с. 93].

Этому ощущению пробуждающейся радости не препятствуют ни жара, ни трудности высокогорного подъема, ни накопившиеся за столетия хлам и мусор внутри пещеры.

Примечательно и всё многообразие видов экзотической горной природы сирийской долины и отрогов горного Ливана. Так, в рассказе «Англичанка» повествователь и его спутник, русский инженер Петр Сергеевич Сычев, отправляются полюбоваться на древности Баальбека – еще одно знаковое для библейской истории место. Живая современность представляет главный предмет восхищений Сычева, и это – очевидная антитеза тому, что видел повествователь в «Шагин Хадля». Здесь акцентируются приметы сегодняшней жизни: от черепицы крыш до жуков-пароходов:

Пётр Сергеич высунулся в окно вагона и любовался расстилавшейся внизу картиной. Дома разбросаны по горам в беспорядке, точно игральные кости; их красные черепичные крыши ясно вырисовываются на зелени деревьев и серых скалах. В бейрутской гавани, точно чёрные жуки и мухи по стеклу, ползают морские пароходы и лодки [Кондурушкин, 1908, с. 51].

Следует заметить, что в середине 1900-х гг. характер презентации библейского дискурса в текстах Кондурушкина становится иным. Это связано с теми переменами, которые происходят в его жизни и в жизни России: возвращение на Родину, Русско-японская война и последовавшая за ней революция заставляют писателя смотреть на происходящее по-новому, усиливают апокалиптические и эсхатологические мотивы в его прозе. Непосредственный свидетель стачки железнодорожников в Иркутске, Кондурушкин посвящает ей рассказ «Забастовка», в 1906 г. в Санкт-Петербурге вышедший отдельным изданием с подзаголовком «Рассказ из сибирской жизни». Здесь близкий автору герой-рассказчик, упоминая «первого социалиста» Иисуса Христа, мученическую самоотверженность его сподвижников, размышляет и о страшной силе народного гнева, и о возможности избавления народа от «оков прошлого», и о необходимости изгнать из себя внутреннего раба. Несложно заметить, насколько совпадает с основной темой повести «Моисей» внутренний монолог героя:

... как можем мы отречься от старого мира, если он в каждом из нас, он – наша природа, природа целых десятков поколений! Мы родились и умрем рабами <...> Только наши дети и внуки не будут знать рабского страха перед светлой пуговицей, перед всяким правительственным учреждением до винной лавки включительно [Кондурушкин, 1910, с. 232].

Расширение контуров библейского дискурса происходит в прозе Кондурушкина, непосредственно связанной с художественной реализацией ветхо- и новозаветных сюжетов. В повести «Моисей» эти границы определяются не столько художественно-эстетической, сколько прагматической установкой автора. Обращение к фигуре Моисея неизбежно превращает дискурс в библейский. Здесь прежде всего важен набор художественных приемов, которыми пользуется автор для создания библейской атмосферы и библейского хронотопа. Мифоисторическое время предания начинает работать по умолчанию, и тот же самый пейзаж, библейское прошлое которого в сирийских рассказах было необходимо обозначать специально, здесь воспринимается как библейский с самого начала. Примечательно, что именно на контрасте настоящего и прошлого выстраивается вступление к повести «Моисей» с выразительным заголовком «Видения жизни».

Неподвижный, отмеченный безвременьем пейзаж сегодняшнего дня обретает мифоисторическое измерение. Кондурушкин населяет его живыми образами и тем самым создает глубоко пронизанный библейской историей хронотоп. Традиционная для малой прозы Кондурушкина вводная часть обретает особую патетику и символизм:

Я кружил по скалистым, таинственным берегам Мертвого моря. И в душе моей возникали видения мглистого прошлого.

Днем, в сверкающей дали, видел я бесконечные толпы народа. Томимый голодом и жаждой идет он по раскаленной пустыне, идет – ищет обетованную землю, свободную родину.

Ночью слышал я голоса прошлой жизни, таинственные голоса из глубины веков [Кондурушкин, 1910, с. 3].

Романтическая поэтизация в процессе погружения в далекое прошлое должна, по замыслу автора, создавать особую атмосферу, которой постепенно надлежит проникнуться и читателю. Последнего должны убедить авторские интуиции, то ощущение реальности мифа, на котором в значительной степени выстраивается повесть:

Так на каждом месте обжитой земли возникают в нашей душе видения прошлой жизни <...> В тихие часы ночи вспоминают прошедшие века Звезды и Луна, вершины гор, ущелья и долины.

Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Всё это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мёртвого моря.

И Море видело и слышало тебя [Там же, с. 3–4].

То, что герой-повествователь видит в сирийских рассказах, в «Моисее» появляется вновь, овеянное дымкой седой древности, но от этого не перестающее быть узнаваемым:

В глубоком провале еще одето синим стеклом Мёртвое море. Но вдали одна за другою, точно факелы, загораются каменные вершины. А над ними, рассылая во все стороны искры, как только что вынутый из горна кусок железа, поднимается сверкающее солнце.

На далеком севере проступают легкие очертания ало-голубой громады Гермона [Там же, с. 44–45].

Именно на этом фоне разворачивается история Моисея, представленная в один из ключевых моментов «Исхода», когда выведенные им из Египта соплеменники останавливаются на границе Земли обетованной.

Ранее не использовавший многофигурные композиции с большим количеством участников Кондурушкин идет по пути максимального насыщения повести персонажами, каждый из которых воплощает определенный тип идущих вместе с Моисеем. Огромный человеческий муравейник настолько живописен, что позволяет читателю «увидеть» картину людского моря, которое плещется на этом сравнительно небольшом пространстве. В значительной степени воспроизводя поэтический речитатив Ветхого Завета, автор в подробностях рисует расположившийся в горах лагерь:

На высокой вершине стоит скиния. Точно устала от дальнего полета и раскрылась на камнях большая птица. Оттуда видна темная полоса

Мёртвого моря. Ветер с трудом зыбит тяжелые волны. Они плещутся об острые берега с глухим, таинственным шумом.

А вокруг этого провала в сине-алой дали на западе и востоке, севере и юге толпятся, выглядывают друг из-за друга серые вершины Хананейских, Моавитских и Идумейских гор [Кондурушкин, 1910, с. 5]

Он стремится к максимальной точности воспроизведения библейских реалий:

Вокруг скинии – палатки левитов. Ниже, окутывая подножье, начинается израильский стан. С юга – рослые, дикие пастухи рувимляне; с запада – ефремляне; с севера – колено Даново, и с востока – иудеи. А за ними по горам и долинам полегли остальные еврейские племена [Там же].

Изображение еврейского стана позволяет представить всё разнообразие вышедших из Египта людей: не только евреи, но и примкнувшие к ним по дороге негры, эфиопы, арабы. Несколько поколений – от ветхих стариков и суровых мужчин до молодых женщин и маленьких детей – находятся в состоянии смятения: испытания, выпавшие на их долю в пустыне, настолько велики, что народ начинает роптать и вспоминать о рабстве почти с умилением. Вот как говорит об этом один из противников Моисея, шейх Дафан, подбивающий народ на бунт:

Припомним, когда мы восстали. Застонал Египет, остановился от страха Нил, и криками нашими наполнилось небо. Я думал: настало время отомстить нашим мучителям. Я думал: мы завоюем Египет, захватим богатства... Египтяне станут нашими рабами, а мы – царями <...> А вместо того, богоизбранный Израиль, мы пошли в пустыню искать какого-то нового отечества [Там же, с. 14].

По замыслу автора, важную роль в повести играют два персонажа – уродливый фигляр и певец Фузи и слепой мудрец Махли, в словах которых передается все многообразие представлений о Моисее. Если для Махли он – спаситель, ведущий народ к новой жизни, то для Фузи – хитрец и обманщик, искуситель, преследующий собственные интересы.

В целом образ Моисея соответствует тому, что говорится о нем в книге «Исход», однако Кондурушкин насыщает мифоисторическое повествование яркими и убедительными деталями, психологически точными мотивировками поступков. Неустойчивость психики скитальцев такова, что они бросаются из крайности в крайность: то возвеличивая Моисея и сокрушая его врагов, то оплевывая и подвергая поношению своего недавнего кумира.

Значительный интерес для автора представляет образ народа как единого народного тела. Избавление своего народа от рабства для Моисея – единственная в жизни цель, ради которой он готов пожертвовать всем, включая собственную жизнь. Сорокадневное стояние на границе заканчивается тем, что Моисей вновь уводит евреев в пустыню, чтобы истребить в последующие десятилетия всё еще присутствующий в его соплеменниках «рабский дух Египта». Вернуться на родину отцов смогут только новые поколения, не имеющие опыта рабской жизни. Примечателен финал повести: его символизм сочетается с реалистичностью картины того «черного мира», который оставляет ушедший народ. При этом в версии Кондурушкина счастливый конец истории, рассказанной в Ветхом Завете, не очевиден:

Пустыня лежала обесчещенная, загрязненная, брошенная. Но меж пустынными горами, в огаженных ущельях долго чудился чей-то невнятный шепот.

Над кучами камней уже летали тяжелые вороны.

Смеялись, показывая друг другу зубы серые, ненасытимые. Откапывали и рвали трупы гиены и шакалы.

Змеи, скорпионы и ящерицы долго и недоверчиво озирались по сторонам, шмыгали от камня под камень. Черные могильщики собрались откуда-то дружною стаей, обжились в каменных курганах, ночью ели трупы, а днем выползали греться на раскаленных камнях [Кондурушкин, 1910, с. 76–77].

Вскоре после завершения работы над «Моисеем» Кондурушкин предпринимает попытку создать произведение на евангельский сюжет. В ноябре 1908 г. он пишет Горькому о своем замысле: «Мечтаю написать последнюю неделю жизни Христа и Иерусалим. Одной из центральных фигур около Христа будет Иуда, но не тот туманный андреевский Иуда, а Иуда – иудей того времени, борец за народную свободу, по-нынешнему – революционер» [Переписка..., 1988, с. 964]. Повесть, однако, не была написана. Возможно, в этом сыграла свою роль негативная реакция Горького, или же писатель не нашел тогда художественных решений, которые позволили бы ему убедительно воссоздать «иудея того времени».

Предложить новую интерпретацию евангельской истории автор смог несколько лет спустя в повести «Потомки Царя Иудейского». В ней происходит окончательное оформление библейского дискурса: Кондурушкин предпринимает попытку перейти от собственно мифоисторического вектора повествования к реконструкции исторической повседневности. Сюжет повести лишь косвенно связан с евангельской историей: через полвека после того, как в Иерусалиме был распят Христос, из Рима приходит императорский приказ доставить потомков царя иудейского в столицу империи. Небольшой отряд легионеров под командованием старого служаки-центуриона направляется в далекую палестинскую деревню, чтобы найти там внуков брата Христа Иуды. История разворачивается на фоне всё тех же ландшафтов, но с более четкой географической привязкой:

Центурия римских воинов на усталых лошадях подъезжала к деревне Кура, за Тивериадским озером.

День был жаркий. Камни раскалились. Но к вечеру осенний воздух быстро тяжелел, ложился на камни росой <...>

Тивериадское озеро подернулось синим туманом. Туман густел, белел, одевал голубое зеркало озера в каменистых берегах белым пушистым покровом [Кондурушкин, 1917, с. 3].

Несложно предположить, что это описание вполне могло быть перенесено в любой рассказ или очерк Кондурушкина о сегодняшнем дне Палестины и Сирии, замени он римских легионеров русским путешественником и его сирийскими спутниками. При этом для автора важнее работа с историческими деталями, делающими библейский дискурс менее символичным и более достоверным. В этом смысле ему в равной степени удаются и внутренний монолог центуриона, и образы смятенных селян, не понимающих причин появления отряда. Портрет центуриона напоминает картинку, которую можно встретить на улицах Дамаска или любого восточного города:

У него было рыжее веснушчатое лицо, голова четырехугольная, одета медным шлемом, как окованный медью ларец уличного менялы.

И мысли в голове сотника были такие же разменные и простые, как в ларце менялы разменные деньги [Кондурушкин, 1917, с. 4].

Не менее выразительны и портреты несчастных потомков Иисуса, обьятых ужасом от обвинений:

Потомки иудейского царя подходили к сотнику испуганные и робкие. Щурились от света костра, шевелили мохнатыми бровями, торопились подойти, но и прятались друг за друга <...> Глядя на них, сотник удивился [Там же, с. 10].

Одновременно кажущиеся трагическими повороты повествования приобретают неожиданный комический оттенок:

Когда Симан, Якуб и Хиллель узнали, что в их роду был такой самозванец, который назывался царем иудейским и Мессией, и потому кесарь требует их, его потомков, теперь к себе, они бранили этого своего предка, говорили, что они мирные и благочестивые евреи и не отвечают за других предков [Там же, с. 13].

Комическая нота сохраняется в повести до самого финала. Автор не просто хотел противопоставить традиционной торжественности евангельского сюжета его пародийный антипод, но стремился выстроить новый тип повествования, реальная повседневность которого воплощается в серии полукомических эпизодов. Бедные селяне, никогда не выезжавшие за пределы своей деревни, открывают для себя новый мир и, несмотря на ощущение непонятной угрозы, которое сохраняет-ся в их душах, принимают этот мир с радостью и удивлением.

Примечательно описание общей реакции братьев, точно передающее происходящую в них перемену настроения:

Якуб ехал на рослом черном осле. Он был убит горем, вздыхал, плакал и в течение первого дня не хотел даже есть <...> Но на следующий день успокоился, привык к воинам, и они не казались ему страшными. Новые села и города развлекали его и приводили в восторг. А когда с Галилейских гор он впервые увидел безграничное море и сверкающую на воде солнечную дорогу, уходящую в голубую даль, то пришел в восторг, пел песни и благодарил кесаря за то, что он вспомнил о нем, Якубе Нажжаре, вывел его из Куры и показал красоты земли и моря. А то он так бы и помер в Куре, ничего не выдав.

И все трое весь день радовались, как дети, пока ехали вдоль моря до Тира [Там же, с. 17].

Несложно заметить, что мифоисторический нарратив по ходу повествования превращается в исторический. Кондурушкин стремится, совмещая миф, историю и повседневность, сделать их максимально понятными и близкими для читателя. В этом смысле потомки царя иудейского по своему характеру и психологии почти не отличаются от героев его сирийских рассказов. За прошедшие без малого две тысячи лет эти люди почти не изменились, по-прежнему оставаясь один на один со своими повседневными бедами и заботами, и даже грандиозное событие, такое как касающийся их приказ императора, не может до конца разрушить привычный ход вещей. Видимо, это и имел в виду автор, оставляя финал открытым. Читатель

расстается с героями повести в тот момент, когда потрясенный не меньше сотника видом представших перед ним «фелляхов» проконсул отдает приказ поместить их в темницу. И это не попытка расправиться с потомками царя иудейского, но страстное желание старика-сенатора взять некую паузу, чтобы осмыслить всю странность и необычность происходящего.

В этом контексте можно предположить, что само название повести несет характерную для авторской версии библейского дискурса амбивалентность. Казалось бы, торжественный, вполне евангельский тон заголовка по ходу повести обретает комический подтекст, поскольку в выведенных в ней потомках царя иудейского нет ни символизма, ни пафоса библейских героев. В них присутствуют только акцентированная простота и незамысловатость обычных людей. В связи с этим уместно напомнить замечание В. Г. Короленко о Моисее, высказанное в письме автору: «Главный недостаток: недостает Моисея <...> есть добрый старичок, на которого налепили шутовские побрякушки, плюют на него, а он их только жалеет. – Это не Моисей» [Короленко, 1936, с. 190]. Вряд ли мысль Короленко до конца справедлива, однако отмеченные им простота и обыденность героя повести легко проецируются на других библейских персонажей Кондурушкина. Соответственно, опыт второй повести свидетельствует об обращении к образам «простых мужиков» в границах библейского дискурса как осознанной авторской стратегии. В отличие от «Моисея», где библейский миф остается в границах мифоистории, в «Потомках Царя Иудейского» на первый план выходит рассказ об обычных людях, в силу трагического стечения обстоятельств попавших в водоворот исторических событий. Это не миф, но повествование об обыденной жизни на фоне и в контексте мифа, при котором обыденность для автора важнее, чем ее мифоисторические контексты. Тем самым и персонажи библейского текста, и герои ближневосточной прозы оказываются в едином пространстве Палестины и Сирии, воссоздаваемом в творчестве Кондурушкина 1900-х – начала 1910-х гг.

В заключение отметим, что библейский дискурс играет заметную роль в ближневосточном нарративе русской литературы рубежа XIX–XX вв. В творчестве Кондурушкина он обретает свои художественные особенности. В ранней прозе писателя он представлен опосредованно, отчасти контекстуально: выступает в качестве средства, помогающего читателю «узнавать» описываемые места, дает ему возможность почувствовать «седую старину» современных ближневосточных ландшафтов.

Во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг. создание библейского дискурса в повестях «Моисей» и «Потомки Царя Иудейского» становится специальной художественной задачей и предстает частью авторской стратегии. В качестве образующих библейский дискурс элементов автором выбраны связанные с Ветхим и Новым Заветом сюжет и библейский хронотоп.

Не меньшую роль играет и выбор библейского персонажа. Если Моисей – это центральная фигура всего повествования, определяющая развитие сюжета, то персонажи повести «Потомки Царя Иудейского» призваны проиллюстрировать смену сюжетного вектора – от героики мифоистории к акцентированной повседневности повествования о далеком прошлом, разворачивающемся на фоне мифа.

Список литературы

А. К. С. С. Кондурушкин // Вестник литературы. 1919. № 7. С. 14.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2012. Т. 3. С. 340–504.

Владимирова С. М., Дубровская С. А., Киржаева В. П., Осовский О. Е. «Человек сирийский и серьезный...»: малоизвестные эпизоды биографии Степана Семеновича Кондурушкина конца 1890-х – 1900-х гг. // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты: Монография. Пенза, 2021. С. 169–194.

Дубровская С. А., Владимирова С. М. Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 37–47.

Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века // Научный диалог. 2021. № 8. С. 170–184.

Завельская Д. А. Библейская тема как проекция общественных процессов: повесть С. С. Кондурушкина «Моисей» и его переписка с М. Горьким // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 99–105.

Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. Т. 2: Мифологическое мышление. 280 с.

Кондурушкин С. С. Сирийские рассказы. Рис. Е. Лансере. СПб: Знание, 1908. Т. 1. 252 с.

Кондурушкин С. С. Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 2. 292 с.

Кондурушкин С. С. Потомки Царя Иудейского: Повести, рассказы. Пг.: Огни, 1917. 146 с.

Кондурушкина Е. С. С. Кондурушкин (Памяти мужа) // Вестник литературы. 1919. № 9. С. 13–14.

Короленко В. Г. Избранные письма: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 3. 287 с.

Переписка с С. С. Кондурушкиным. Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова. Из дневника С. С. Кондурушкина (1908) // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 944–992.

Чуваков В. Н. Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 50–51.

Щавлинский М. С. «Храм Солнца» И. А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества. М., 2021. С. 934–952.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. / Пер. с фр. М.: Критерий, 2002.

Ordinary Jerusalem, 1840–1940: opening new archives, revisiting a global city / Ed. by Angelos Dalachanis and Vincent Lemire. Leiden; Boston: Brill, 2018. Vol. 1. 615 p.

Imaging and Imagining Palestine: Photography, Modernity and the Biblical Lens, 1918–1948 / Ed. by Karène Sanchez Summerer and Sary Zananiri. Leiden; Boston: Brill, 2021. Vol. 3. 458 p.

References

A. K. S. S. Kondurushkin [Kondurushkin]. *Vestnik literatury*. 1919, no. 7, p.14.

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: V 7 t.* [Bakhtin M. M. Collected works: in 7 vols.]. Moscow, 2012, vol. 3, pp. 340–504.

Chuvakov V. N. Kondurushkin Stepan Semenovich [Kondurushkin Stepan Semyonovich]. In: *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, 1988, vol. 3: K–M, pp. 50–51.

Dubrovskaya S. A., Kirzhaeva V. P., Vladimirova S. M. Blizhnévostochnaya povsednevnost' v zhurnal'nykh ocherkakh S. S. Kondurushkina nachala 20 veka [The Middle Eastern everyday life in S. S. Kondurushkin's journal essays at the beginning of the 20 century]. *Scientific Dialogue*. 2021, no. 8, pp. 170–184.

Dubrovskaya S. A., Vladimirova S. M. Stepan Kondurushkin i Maksim Gor'kiy: k probleme literaturnykh kontaktov v istoriko-kul'turnom kontekste epokhi [Stepan Kondurushkin and Maxim Gorky: to the problem of literary contacts in the historical and cultural context of the epoch]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022, vol. 12, no. 1, pp. 37–47.

Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey: V 3 t.* [History of faith and religious ideas: In 3 vols.]. Transl. from French. Moscow, Kriterion, 2002.

Imaging and Imagining Palestine: Photography, Modernity and the Biblical Lens, 1918–1948. Karène Sanchez Summerer and Sary Zananiri (Eds.). Leiden, Boston, Brill, 2021, vol. 3, 458 p.

Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: V 3 t.* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow, St. Petersburg, Universitet. kn., 2002, vol. 2: Mifologicheskoe myshlenie [Mythological thinking], 280 p.

Kondurushkin S. S. *Potomki Tsarya Iudeyskogo: Povesti, rasskazy* [Descendants of the King of Judah: Novels, short stories]. Petrograd, Ogni, 1917, 146 p.

Kondurushkin S. S. *Rasskazy* [Stories]. St. Petersburg, Znanie, 1910, vol. 2, 292 p.

Kondurushkin S. S. *Siriyskie rasskazy. Ris. E. Lansere* [Syrian Stories. Ris. E. Lansere]. St. Petersburg, Znanie, 1908, vol. 1, 252 p.

Kondurushkina E. S. S. Kondurushkin: (Pamyati muzha) [S. S. Kondurushkin: In memory of my husband]. *Vestnik literatury*. 1919, no. 9, pp. 13–14.

Korolenko V. G. *Izbrannye pis'ma: V 3 t.* [Selected letters: In 3 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1936, vol. 3, 287 p.

Ordinary Jerusalem, 1840–1940: opening new archives, revisiting a global city. Angelos Dalachanis and Vincent Lemire (Eds.). Leiden, Boston, Brill, 2018, vol. 1, 615 p.

Perepiska s S. S. Kondurushkinym. Predislovie, publikatsiya i kommentarii V. N. Chuvakova. Iz dnevnika S. S. Kondurushkina (1908) [Correspondence with S. S. Kondurushkin. Preface, publication and comments by V. N. Chuvakov. From the diary of S. S. Kondurushkin (1908)]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1988, vol. 95, pp. 944–992.

Shchavlin'skiy M. S. “Khram Solntsa” I. A. Bunina – neokonchennyy proekt osvoeniya Vostoka [“The Temple of the Sun” by Ivan Bunin – an Unfinished Project for the Exploration of the East]. In: *I. A. Bunin i ego vremya: konteksty sud'by – istoriya tvorchestva* [Ivan Bunin and his time: context of life – history of work]. Moscow, 2021, pp. 934–952.

Vladimirova S. M., Dubrovskaya S. A., Kirzhaeva V. P., Osovskiy O. E. “Chelovek siriyskiy i ser'eznyy...”: maloizvestnye epizody biografii Stepana Semenovicha Kondurushkina kontsa 1890-kh – 1900-kh gg. [A man of Syria and seriousness... Little-known episodes of the biography of Stepan Semenovich Kondurushkin of the late 1890s – 1900s]. In: *Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy i sovremennyye aspekty: Monografiya* [Science, Innovation, Education: current problems and modern aspects: Monograph]. Penza, 2021, pp. 169–194.

Zavel'skaya D. A. Bibleyskaya tema kak proektsiya obshchestvennykh protsessov: povest' S. S. Kondurushkina "Moisey" i ego perepiska s M. Gor'kim [Biblical subject matter as a reflection of public interests: novelette by S. S. Kondurushkin "Moses" and His Correspondence with M. Gorkiy]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2011, no. 2, pp. 99–105.

Информация об авторах

Олег Ефимович Осовский, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков № 1 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Светлана Анатольевна Дубровская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

Information about the authors

Oleg E. Osovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages № 1, Plekhanov Russian State University of Economics (Moscow, Russian Federation)

Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philology, Docent, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language at the National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.07.2022;
одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted on 19.07.2022;
approved after reviewing on 29.08.2022; accepted for publication on 29.08.2022*

Научная статья

УДК 82:14

DOI 10.17223/18137083/87/8

Дефекты оптики в лирике В. Набокова французского периода

**Наталья Александровна Рогачева¹
Анастасия Олеговна Дроздова²**

^{1, 2} Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

¹ n.a.rogacheva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8424-1861>

² an.o.droz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

Аннотация

Статья посвящена исследованию стихотворений В. Набокова, написанных в конце 1930-х гг., в преддверии смены языка и литературной традиции. Показано, что художественная оптика в целом и перцептивная образность как один из ее аспектов служат для писателя объектом художественной рефлексии и поэтического эксперимента, выступают в качестве эстетического критерия для оценки своего и чужого творчества. Предметом исследования является поэтика ситуаций восприятия, когда наиболее отчетливо обнаруживается влияние «дообъективного», в том числе своего и чужого литературного опыта на структуру сенсорного образа. Устанавливается связь «дефектности» восприятия в стихотворениях «Око» и «Что за ночь с памятью случилось...» с недостаточностью национального языка для передачи реальных и мистических сенсорных впечатлений, выявляются художественные возможности ошибок невербального восприятия и его перевода в поэтический образ. Привлечение широкого литературного контекста позволило акцентировать переходный, диалогический и конфликтный, характер произведений Набокова французского периода.

Ключевые слова

В. Набоков, лирика, сенсорика, образ, смена языка, дефектность восприятия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90036

Для цитирования

Рогачева Н. А., Дроздова А. О. Дефекты оптики в лирике В. Набокова французского периода // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 86–98. DOI 10.17223/18137083/87/8

© Рогачева Н. А., Дроздова А. О., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 86–98

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 86–98

Optical aberrations in the lyrics of V. Nabokov's French period

Natalia A. Rogacheva¹, Anastasiia O. Drozdova²

^{1, 2} University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

¹ n.a.rogacheva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8424-1861>

² an.o.droz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5728-142X>

Abstract

The paper considers the poems of Vladimir Nabokov from the late 1930s. The lyrics reflect the writer's experiments with the possibilities of language to convey the subjective experience of the artist. These texts referred to the French period are characterized by objectively "clear" optics. The poems "Oko" ("Oculus") and "Chto za noch' s pamyat'yu sluchilos'" ("What happened overnight") utilize apophatic definitions and interrogative sentences to indicate the possibility of verbalizing the supersensual experience without linguistic constraints. The endeavor to express transcendental sensations through language invokes linguistic creativity and references to other literary works. The aesthetic framework established by Nabokov necessitates a state of reflective silence when perceiving his brilliant poetry, which is distinguished by the verbalization of unrecognized shades, sounds, and odors. Nabokov actualizes the meta-linguistics ability of the artistic word to convey the specific sensorial characteristics of poetic inspiration and to possess its own referential memory. The study reveals how Nabokov employs references to his and other works to emphasize the artistic quality of optical aberrations. During the late 1930s, prior to transitioning to English, Nabokov focuses on the sensorial, mnemonic, and language mistakes and neutralizes the boundaries between the discourses, genres, epic, and lyrics. The wide literary context highlights the transgressive and conflict nature of V. Nabokov's works of the French period. This background encompasses the early poems by Nabokov, works of contemporary émigré poets such as V. Hodasevich, G. Ivanov, G. Adamovich, and classical Russian poetry by A. Pushkin and V. Zhukovsky.

Keywords

V. Nabokov, poem, sensorics, image, language transition, perceptive aberration

Acknowledgments

The research was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-312-90036

For citation

Rogacheva N. A., Drozdova A. O. Optical aberrations in the lyrics of V. Nabokov's French period. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 86–98. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/8

Проблемы интерпретации лирики В. В. Набокова французского периода

«Поэзия, не в пример прозе, обману не поддается», – это замечание З. А. Шаховской [1979, с. 44] высвечивает главную линию интерпретации лирики В. В. Набокова в мемуаристике и литературоведении. Исследователи отмечают, что личные темы наиболее ярко представлены именно в стихотворениях: «как и всякий настоящий лирик, [Набоков] несомненно откровеннее в стихах» [Барабтарло, 2011, с. 139]. Даже в цикле, опубликованном под псевдонимом «Василий Шишков», В. Набоков, по мнению М. Шраера, «говорит с читателем напрямую, без всякой литературной стилизации» [Шраер, 2000, с. 223]. Напротив, в прозе акцентирова-

на дистанция между героем, повествователем и биографическим автором: в романе «Дар» «Федор к финалу становится способным контролировать степень лирической вовлеченности в изображение и отстраненного ясного его видения» [Леде-нев, 2005, с. 14].

Как известно, В. Набоков отмечал условность разделения литературы на прозу и поэзию, которые, с его точки зрения, различаются лишь степенью просодической упорядоченности: «Хорошее стихотворение любой длины я склонен определять как концентрат хорошей прозы» [Три интервью..., 1995, с. 241]. Сопоставляя типы художественной речи, он подчеркивает «преломляюще-проясняющую» природу творчества как такового [Белюсова, 2021, с. 220], его внутреннюю противоречивость. С точки зрения В. Набокова, и поэзия, и проза требуют от автора наблюдательности, способности точно передавать свои чувственные впечатления.

С конца 1930-х гг., по выражению самого В. Набокова, начинается новый этап в развитии его лирического стиля (см.: [Набокова, 2015, с. 6]). В это время В. Набоков осмысляет формы недостоверного видения: не только в прозе, но и в поэзии разрабатывает «метод повествования от косвенного <...> лица» [Барабтарло, 2011, с. 65–66]. В отличие от лирического субъекта стихотворений 1920-х – первой половины 1930-х гг., в текстах «Василия Шишкова» («Поэты» (1939), «Мы с тобою так верили...» (1939), «К России» («Отвяжись – я тебя умоляю!») (1940)) лирический герой наделен ограниченным видением. Только в двух стихотворениях конца 1930-х гг., написанных «от первого лица», без маски, В. Набоков моделирует формы «объективного», ничем не замутненного восприятия: «Око» (1939, Париж) и «Что за ночь с памятью случилось...» (1938, Ментона). Именно в данных произведениях проблематизируется способность наблюдателя именовать свои впечатления.

Цель исследования – определить, как В. Набоков оценивает процесс обновления художественной оптики, его физиологические (болезнь, сон, смерть) и лингвистические (смена языка, стиля) предпосылки.

В стихотворениях конца 1930-х гг. В. Набоков внимателен к собственному творчеству «европейского» периода и к чужим произведениям. Писателю важно выявить способы репрезентации чувственных ощущений вопреки языковым ограничениям, поскольку перцептивный опыт лирического героя выходит за границы установленной языком картины мира. В стихотворениях «Что за ночь с памятью случилось...» и «Око» детально воспроизводится первый этап эстетического восприятия: энтропия ощущений, которую чувствует наблюдатель после перехода в потусторонность, вводится в новую знаковую систему. В первой части работы представлен анализ приемов, с помощью которых создается эффект незамутненного видения; во второй части определяется значение дефектов восприятия в эстетической системе В. Набокова.

Способы репрезентации объективного восприятия

Стихотворения «Что за ночь с памятью случилось...» и «Око» посвящены проблеме вербализации сверхчувственного опыта «забвения». В таком состоянии пространство инобытия, особенности физиологии лирического субъекта и обстоятельства наблюдения невозможно зафиксировать, артикулировать.

Произведения содержат риторические вопросы, уточняющие условия восприятия, но не передающие актуальный опыт перцепции: «Снег выпал что ли?» [На-

боков, 2008, с. 431], «о чем я думал столько лет?» [Там же, с. 432], «и на что неземная зеница, / если вензеля нет ни на чем?» [Там же, с. 439]. Стихотворение «Око» заканчивается риторическим вопросом, где содержится единственная конкретная характеристика безличного наблюдателя – сверхчеловеческое происхождение «зеницы». «Око» представлено как порождение лингвистической и поэтической игры (слова и части слов с отрицательным значением: «неземная», «нет ни на чем» [Набоков, 2008, с. 439]; аллюзия на «грозные зеницы» из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не остывшая от зною...»). В «Что за ночь с памятью случилось...» вопросы организуют симметричную композицию: вопросительные и именные предложения в 1–2, 5–6 стихах противопоставлены бессоюзным предложениям со значением причины в 3–4, 7–8 стихах. Двухчастная композиция строф передает аналитический алгоритм («во сне задача решена» [Там же, с. 431]), который содержит характеристику неизвестных величин (в роли такой величины выступает «забвенье») и ход решения задачи. Симметричная композиция стихотворения подчеркивает смысловую неоднозначность предлагаемого «решения»: ответ нельзя сформулировать («душа забвенью зря училась» [Там же, с. 431]), но на него наталкивает сама формулировка вопроса («Что за ночь с памятью случилось?» [Там же]). Забвенье понимается не как утрата памяти, а как забытьё – дремота, полусон.

Для характеристики кругозора бестелесного наблюдателя используются факультативные и обязательные отрицания (см. терминологию [Шведова, 1980, с. 402]). Если факультативные отрицания указывают на уклонение от номинации (отбрасываются пространственные и телесные характеристики: «марево сбоку», «чело», «веки», «залив»), то обязательные отрицания (что есть, если «ни тела, ни постели нет»? где именно «вензеля нет»? – на возможность передать невыразимое «апофатическим способом» [Михайлова, 2015, с. 966]. Например, эпитет «неземная зеница» [Набоков, 2008, с. 439], построенный по логике отрицательного богословия, не исключает существования божественного зрителя, но подчеркивает невозможность его точной атрибуции. Объективность оптики обеспечивается не физиологией субъекта, а грамматической моделью, где обязательным элементом является образ, зафиксированный в результате необъективного наблюдения.

Сенсорный и лингвистический опыт субъекта восприятия не равномасштабны. Возможностей естественного языка недостаточно для того, чтобы передать сверхъестественную оптику «неземной зеницы»: в стихотворении «Око» используются неточные рифмы («волны» – «безмолвный», «столовой» – «такого»), неопределенное местоимение («какой-нибудь <...> залив») [Там же, с. 439]. И око, и задача являются объектами, которые нельзя описать ни с помощью научных формул, ни посредством поэтических тропов. Схожий опыт созерцания необъятной и непередаваемой «изнанки» мира зафиксирован в романе «Другие берега»: «Математика играла грозную роль в моих ангидах и скарлатинах, когда <...> беспощадно пухли огромные шары и многозначные цифры у меня в мозгу» [Там же, с. 159]. Галлюцинации, в которых математические абстракции наделяются чувственными характеристиками («пухли», «огромные»), вызваны переживанием телесного недуга, от исхода которого зависит жизнь рассказчика.

В стихотворениях «Око» и «Что за ночь с памятью случилось...» эвристический алгоритм сводится к тому, что отвергаются условия самой задачи: неограниченного восприятия не существует, так как его невозможно артикулировать. Анализируя рассказ В. Набокова «Ultima Thule» (1939), Е. Ляпушкина отмечает, что

писателю близка хайдеггеровская оценка молчания как иной формы «бытия языка» [Ляпушкина, 2016, с. 86]. Анализ стихотворений убеждает, что во французский период молчание оценивается как переход к одному из режимов художественного восприятия – со-творческому чтению, слушанию, которое можно обозначить «пушкинским» словом «внимать»¹. Единственной возможностью существования чувственно достоверного «инобытия» является чужой художественный мир.

Недостатки восприятия как художественное преимущество

В литературно-критических работах В. Набокова опыт созерцательного молчания связан с восприятием произведений гениальных писателей. Чем больше временная дистанция, затрудняющая прямую коммуникацию автора и читателя, тем полнее коммуникация эстетическая. Эта мысль реализована в стихотворении «Толстой» (1928): на миф о писателе влияют не доступные потомкам документы эпохи, а процесс чтения художественных произведений. Образ Пушкина в сознании читателя создается из тех конкретно-чувственных характеристик, которые зафиксировал сам поэт: «Слово “Пушкин” / стихами обрастает, как плющом» [Набоков, 2009, с. 594]. Миф о Толстом возникает, когда факты читательской и авторской биографии преобразуются под воздействием художественного мира писателя («Россия запахов, оттенков, звуков»).

На взаимодействие фантазии и памяти В. Набоков указывает, когда говорит о своих современниках. В некрологе «О Ходасевиче» писатель использует апофатическое определение («придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его *невывделимый* признак» [Набоков, 2008, с. 590]) и не дает точной характеристики перцептивному ощущению («*кое-что* долетает» [Там же]). Эпитет «невывделимый» указывает на ценность индивидуального опыта чтения: некролог заканчивается призывом «обратиться к стихам» [Там же].

Аллюзии чужих текстов служат для вербализации чувственного опыта наблюдателя, и сам этот опыт рассматривается как результат воздействия готовых языковых и эстетических схем. Ускользание реальности в результате пристального взглядывания в нее – тема, которая сближает лирику В. Набокова с поэзией русской эмиграции. В стихотворениях В. Ходасевича «На тускнеющие шпигели» (1921) и В. Набокова «Что за ночь с памятью случилось...» инерция течения времени и самой перцепции («много раз я это видел» [Ходасевич, 2009, с. 146]) уподобляется падающему снегу: «Налипает первый снег» [Там же, с. 145] – «Снег выпал что ли?» [Набоков, 2008, с. 431]. Как чудесное оценивается обновление оптики лирического героя, когда литературный топос («первый снег» в «Евгении Онегине», отсылающий к «Первому снегу» П. А. Вяземского; ср. «Мороз и солнце, опять, опять» Г. Иванова) указывает на актуальный чувственный опыт, требующий поиска новых способов его репрезентации: «но сегодня тот же вид / Новым *чем-то* веселит» [Ходасевич, 2009, с. 146]; «О *чем* я думал столько лет?» [Набоков, 2008, с. 432].

¹ В комментарии к «Евгению Онегину» В. Набоков подчеркивает аудиальную и оценочную семантику этого слова [1999, с. 341]. В художественной системе В. Набокова внимание также имеет бинарную природу: относится и к чужому творению, и к самому процессу его восприятия.

Метаморфоза восприятия приходится на пограничное время – ночь. В стихотворении «Что за ночь с памятью случилось...» лирический герой слышит «тишину» на границе между снами [Набоков, 2008, с. 431]. В стихотворении В. Ходасевича «Граммофон» тишина устанавливается по воле того, кто будит ребенка («Внезапно мать мембрану подняла» [Ходасевич, 2009, с. 216]) или пробуждает душу героя: «Мы молимся – Ты сна не прерывай / Для вечной ночи, слишком звездной» [Там же, с. 217]. Тело лирического героя сопоставляется с радиоприемником, улавливающим многообразные звуки мира, воспринятые во сне: «Но тайно сквозь меня летели / Колочих радио лучи» («Встаю расслабленный с постели» [Там же, с. 171]). В финале стихотворения В. Набокова «Что за ночь с памятью случилось...» сознание героя, подобно лучу, рассеивается – перестают существовать границы тела и мира. В состоянии дремы, перехода между снами герои В. Ходасевича и В. Набокова не перестают воспринимать мир, а, наоборот, оказываются более чувствительными к тонким ощущениям. Утончение границ между телом и пространством вызвано восприятием внешних стимулов как внутренних, резонансом объекта и субъекта перцепции.

В. Набоков учитывает опыт вербализации сверхчувственной сенсорики в стихотворениях авторов «парижской ноты». В лирике «адамитов» тело лирического героя-поэта оказывается немощным и истощенным, что позволяет ему видеть или слышать потусторонность (см.: «...А всё же мы не все ожесточились» Н. Оцупа, «Чрез миллионы лет – о, хоть в эфирных волнах...» Г. Адамовича). В логике такого сверхъестественного восприятия орган зрения отделен от субъекта видения: «На мир, что навсегда потерян, / Глаза умерших смотрят так» [Иванов, 1994, с. 277]. У В. Набокова, напротив, сверхъестественная сенсорика – это игра языка, грамматическая модель. Чувственно неполноценному многословию писатель противопоставляет внемлющее молчание.

«Кинематограф безмолвный», который лирический герой «Ока» видит в отдалении, соотносится с гротескными образами из раннего стихотворения Г. Иванова «Кинематограф». В стихотворении Г. Иванова лирический герой видит землю с высоты дирижабля: мир сопоставляется с «пестрой канвой» [Иванов, 1994, с. 470] – ср.: «пега от океанов» земля в «Оке» В. Набокова [2008, с. 439]. Хотя «Кинематограф» не входил в прижизненные собрания сочинений Г. Иванова [Иванов, 1994, с. 623], и В. Набоков, вероятно, не мог читать это стихотворение, образы кинематографа используются писателями в литературной полемике: Сирину, по мнению Г. Иванова, близко кинематографическое амплуа «самозванца-графа», «втирающегося в высшее общество» [Иванов, 2000, с. 180]. Лирический герой Г. Иванова узнает в гротескных образах киноленты мир XX века и самого себя: «Двадцатый век, твой детский лепет ранний / Я с гордостью и дрожью узнаю» [Иванов, 1994, с. 470]. Для Г. Иванова важно подчеркнуть изоморфизм экранного и условно-реального миров, воспринимающихся наблюдателем как иллюзия и одновременно как документ эпохи. В стихотворении В. Набокова «Око» кинематографичен не мир, но сама оптика лирического героя. Во всех творениях человека и тем более в устройстве кинокамеры проявляются ограничения органов чувств: «телесное марево сбоку» [Набоков, 2008, с. 439] – и физиологический, и кинематографический эффект (рамка диапозитива).

Пространство кинематографа в стихотворении «Око» отсылает к поэзии Ант. Ладинского, высоко оцененной В. Набоковым в эссе «Молодые поэты» (1931). Будучи штатным кинообозревателем газеты «Последние новости», Ант. Ладинский обращается в своих художественных произведениях к «экранному

химерам» массового кино [Янгиров, 2006, с. 414]. «Горы», «волны», «залив», «виноградники», «нивы» у Набокова – элементы вымышленного земного пейзажа, которые в лирике Ант. Ладинского муза-душа вспоминает в момент отлучения от тела: «Песчаные холмы, бесплодный сад, / Где вышивала ты, полуслепая, – / Деревья, розы, виноград» [Ладинский, 1931, с. 38]. И в стихотворении В. Набокова, и в лирике Ант. Ладинского оптика земного наблюдателя ограничена телесным и атмосферным маревом: «Мы, как бабочки, бьемся в эфире, / Застилает нам зрение дым» [Там же, с. 47]. В стихотворении Ант. Ладинского «О съемке монопольной» (1933) оптическая машина не способна запечатлеть то, что может увидеть поэт: «Как крутится хрустальный / Огромный шар земной» (цит. по: [Янгиров, 2006, с. 414–415]). Панорамное зрение, когда перед взором открывается вся земля, доступно лишь герою-поэту в момент вдохновения (ср.: «К музе», «Элегия вторая» [Ладинский, 1931, с. 33, 54]). Так и набоковское «око», существующее «в тишине обращений своих» [Набоков, 2008, с. 439], является не чем иным, как литературным вымыслом, порожденным чувственным и читательским опытом художника.

Дефектность осмысляется В. Набоковым как общее для всех художников свойство восприятия. В стихотворениях «Что за ночь с памятью случилось...» и «Око» писатель включает аллюзии на собственную лирику берлинского периода.

В художественной системе В. Набокова «око», которое, кроме размера («исполнинское») и способности «обращаться», не имеет физиологических характеристик, противопоставлено «глазам». Композиционно стихотворение «Глаза» (1922) организовано по принципу мизанабима. В симметричных 1–14, 2–13, 3–11, 4–12 стихах представлен пейзаж, отраженный в глазах царевны: «поэт», «листва олив», «гиацинты смятые», «светляки» [Набоков, 2004, с. 457]. Ключевой образ представляет собой вариацию поэтического топоса, где акцентировано мастерство поэта-пластика: в 1, 2, 3, 4 стихах передается момент наблюдения, в 14, 13, 12, 11 стихах – момент чтения. Но трансформация «продолговатых глаз» в «длинный взор» смещает акцент с живописного плана на временной: изображение становится активным субъектом восприятия. Встреча взглядов – метафора сотворчества, в котором участвуют герой-поэт («говорил поэт смеющейся царевне»), его муза и читатели («и людям будет мил твой длинный взор счастливый») [Там же] и которое не подвластно времени. В «Оке» зеница, лишенная дефектов восприятия, не только не может принадлежать творцу, но и не является полноценным субъектом наблюдения: «ничего он не видит такого» [Набоков, 2008, с. 439].

Как близкий поэзии оценивается язык математических формул. Оптика ученого дефектна в той же степени, что и оптика художника. Стихотворение «Что за ночь с памятью случилось...», где лирический герой находит «решенье чистое, простое», отсылает к стихотворению В. Набокова «Формула» (1931). В «Формуле» душа лирического героя проходит процесс химико-оптической перегонки: «сквозь отсветы пропущен / сосудов цифровых, / раздут или расплюсчен / в алембиках кривых» [Набоков, 2006, с. 664]. Сверхчувственное восприятие – не что иное, как зрительная иллюзия, вызванная отражениями в стекле («стеклянное число», «в хрустальнейшем застое») и потемками («Потемки обманули, / почудилось не то») [Там же]. В иллюзорном мире двойником лирического героя является «пальто», которое «сутулится на стуле» и не имеет рук («беспалое»). В поэзии В. Набокова рука – одновременно и орган восприятия, и длань художника: поэт носит музу на руках («Исход», 1924), владеет волшебным перстнем – русским

словом («Ты видишь перстень мой? За звезды, за камня...», 1922)². Лишенный всех органов восприятия наблюдатель «Что за ночь с памятью случилось...» и «Ока» теряет способность передать свой внеземной опыт в слове.

Ограничения сенсорики как проблема языка

Выстраивая собственную поэтическую генеалогию, В. Набоков апеллирует к сенсорике гениальных художников. В стихотворении «Око» в роли атрибутирующего знака выступает пушкинский «вензель»: «И на что неземная зеница, / Если вензеля нет ни на чем?» [Набоков, 2008, с. 439]. Образ вензеля – аллюзия на роман в стихах «Евгений Онегин», где пишущая на «отуманенном стекле» «заветный вензель О да Е» Татьяна является субъектом неточного видения – любовь к Онегину затуманивает ее взор («потупила взор», «слез был полон темный взор») [Пушкин, 1937, с. 70]. Комментируя XXXVIII строфу 3-й главы и вариант XXV строфы 8-й главы, В. Набоков называет «вензель» «знаком отличия», «узлом» (подчеркивает этимологическое значение польского слова *weasel*) [Набоков, 1999, с. 563], «лелеемой монограммой» [Там же, с. 338] и отмечает, что И. В. Гёте в «Избирательном родстве» также описывает «сплетенные вензелем буквы Э и О» [Там же]. Помимо своей буквальной расшифровки, указывающей на принадлежность какому-либо лицу, вензель является «узлом», связывающим разные художественные миры.

Аллюзии на образы А. С. Пушкина позволяют осмыслить язык как исток национальной и индивидуальной памяти. В стихотворении «Что за ночь с памятью случилось...» используется кинестетический образ холодного «забвенья» – снега, который отсылает к стихотворению А. С. Пушкина «Три ключа» («холодный ключ забвенья» [Пушкин, 1959, с. 170]) – произведению, которое В. Набоков переводит на французский язык в эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие» в 1937 г. (см. подробнее: [Shvabrin, 2019, с. 187]). О «забвенье» как о «специальном термине» А. С. Пушкина пишет современник В. Набокова М. О. Гершензон в статье «Явь и сон» (1926): «...то состояние личности, когда душа как бы вдруг обрывает все бесчисленные действительные нити <...> и замыкается в самой себе. Тогда <...> душа инертна и глуха во вне, но тем более полна внутри себя привольной и радужной игры» [Гершензон, 1926, с. 60]. В интерпретации «забвенья» проявляется уникальный рецептивный подход В. Набокова, отличающийся от интерпретаций пушкинистов – современников писателя («аллюзийные реплики» В. Набокова в сторону работ М. О. Гершензона и В. Ходасевича подробно характеризуются в статье [Черкасов, 2009, с. 189–190]): ни условно-реальный мир, ни мир вымысла не могут быть замкнутыми, герметичными для творца. В стихотворении «Что за ночь с памятью случилось...» пушкинское «забвенье» трактуется В. Набоковым не как утрата чувств и памяти, а как переход в иную реальность, организованную по законам чужого, но понятного поэту-сновидцу языка. Такая семантика «забвения» подчеркивается в стихотворении В. Набокова «Пробуждение» (1931), где «забвенье» уподобляется чтению: «Но сон / уже утратил дар забвенья, – не может *дочитать* строку, / восстановить страну ночную, / обратно съехать по ледку» [Набоков, 2006, с. 670]. Депривация восприятия, к которой приводит соприкосновение с заснеженной, оледеневшей поверхностью, вызвана

² Руки указывают на происхождение поэта: мать В. Набокова Елена Ивановна принадлежит роду Рукавишниковых.

не смертью и разрушением тела героя, но опытом «забвения» – сопереживания, восприятия чужих чувств как собственных.

Противопоставляя поэтическое забвение условно-объективному зрению «неземного» ока, В. Набоков ставит под сомнение предельность эстетической коммуникации. В стихотворениях «Око» и «Что за ночь с памятью случилось...» вставные конструкции отсылают к стихотворению В. А. Жуковского «Невыразимое», в финале которого предложение в скобках указывает на ряд чувственных ассоциаций лирического героя, его «смутное» восприятие мира: «(Как прилетевшее незапно дуновенье / От луга родины, где был когда-то цвет, / Святая молодость, где жило упованье)» [Жуковский, 1959, с. 336]. Обонятельное ощущение фиксируется не просто как запах, но как «дуновенье». Называя явления природы и собственного внутреннего мира, человек тщетно стремится финализировать божественный замысел: «Но лъзя ли в мертвое живое передать?» [Там же]. В эстетике В. Набокова прозрение имеет не сверхчувственно-мистическую, как у романтиков, а художественную природу: прозрение наступает, когда для передачи чувственного впечатления найдено точное слово.

Вывод

В стихотворениях В. Набокова обновление оптики предполагает не трансформацию физиологии субъекта восприятия (например, в «Оке» – ее тотальное уничтожение, смерть наблюдателя), но обращение к чужим художественным текстам как к уникальным мирам, требующим перенастройки перцепции. Высвечивая собственные и чужие ограничения восприятия, писатель выявляет их креативную природу. В стихотворениях «Что за ночь с памятью случилось...», «Око» моделируется ситуация, когда языковые возможности наблюдателя несопоставимо меньше его сенсорного опыта.

Кругозор лирического героя передается через перцептивные образы, отсылающие к берлинским стихотворениям В. Набокова, творчеству современников и классиков. Аллюзии вводятся с помощью отдельных слов с перцептивной и пространственной семантикой («вензель», «кинематограф», «забвенье», «постель», «вниманье»). В. Набоков экспериментирует со способностью отдельного слова обладать референциальной памятью: в такой перспективе «вниманье» и «забвенье» – не противопоставленные режимы восприятия, а разные этапы поэтического вдохновения. О памяти слова писатель говорит, когда в 1941 г., после лингвистического перехода, объясняет трудности в переводе поэзии А. С. Пушкина и В. Ф. Ходасевича на английский язык: «I have encountered when translating the three poems offered here the same special difficulties that I did when tackling Pushkin. Simplicity and fullness of verbal perfection allied to an almost mathematical precision of imagery» [Nabokov, 1967, p. 596].

Парадоксальные стихотворения В. Набокова конца 1930-х гг. – реакция на предстоящий языковой переход, последствия которого поэту оценить трудно. Однако для В. Набокова очевидно, что переход не приведет к тотальной трансформации его художественного сознания: в стихотворении «Око» «граница / между вечностью и веществом» исчезает не потому, что оставлена позади, а потому, что перестает быть видна. В текстах В. Набокова конца 1930-х гг. опыт характеристики лингвистического, физиологического, исторического перехода приводит к тому, что «объективная» посмертная оптика сводится к силлогизму. Оценка З. Шаховской, данная стихам В. Набокова, не является ошибкой интерпретации:

«искренность» В. Набокова проявляется в том, что дефекты восприятия, памяти, языка и являются для поэта эстетически ценными.

Список литературы

- Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.
- Белоусова Е. Г.* Волшебник и фокусник в эстетической и художественной системе В. Набокова (на материале рассказов 1920–1930-х гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 69. С. 209–225.
- Гершензон М. О.* Явь и сон // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. Л.: Государственная академия художественных наук, 1926. С. 60–68.
- Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1: Стихотворения. 480 с.
- Иванов Г. В.* В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Возвращение Чорба» // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М.: НЛЮ, 2000. С. 179–181.
- Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1: Стихотворения. 656 с.
- Ладинский Ант.* Черное и голубое. Париж: Современная Записки, 1931. 64 с.
- Леденев А. В.* Поэтика и стилистика В. В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX – первой половины XX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 42 с.
- Ляпушкина Е. И.* «...о том следует молчать» («Ultima Thule» Набокова и философия молчания) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. № 3. С. 83–91.
- Михайлова М. Ю.* Семантика невыразимого и смежные явления // Изв. Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–4. С. 963–966.
- Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб; Набоковский фонд, 1999. 928 с.
- Набоков В. В.* Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. 832 с.; 2009. Т. 2. 784 с.; 2006. Т. 3. 848 с.; 2008. Т. 5. 832 с.
- Набокова В.* Предисловие // Набоков В. Стихи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6: Евгений Онегин. С. 1–205.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2: Стихотворения. 1823–1836. 799 с.
- Три интервью с Владимиром Набоковым // Иностранная литература. 1995. № 11. С. 233–248.
- Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. 648 с.
- Черкасов В. А.* Полемика В. В. Набокова с В. Ф. Ходасевичем-пушкинистом в эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие» // Русская литература. 2009. № 3. С. 188–201.
- Шаховская З.* В поисках Набокова. Париж: Le Presse Libre, 1979. 167 с.
- Шведова Н. Ю.* Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Шраер М. Д.* Набоков: Темы и вариации. СПб.: Академический проект, 2000. 384 с.
- Янгиров Р.* «Чувство фильма»: заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. // Империя Н. Набоков и наследники: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2006. С. 399–426.

Nabokov V. V. Hodasevich: A Note and Translations. 1941 // New Directions in Prose and Poetry. New York: Kraus Reprint Corporation, 1967. P. 596–600.

Shvabrin S. Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue. Toronto; Buffalo; London: Uni. of Toronto Press, 2019. 419 p.

References

Barabtarlo G. *Sochinenie Nabokova* [The writing of Nabokov]. St. Petersburg, Ivan Limbakh, 2011, 464 p.

Belousova E. G. Volshebnik i fokusnik v esteticheskoy i khudozhestvennoy sisteme V. Nabokova (na materiale rasskazov 1920–1930-kh gg.) [The magician and the juggler in Nabokov's aesthetic and artistic frame (based on stories of the 1920s and the 1930s)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021, no. 69, pp. 209–225.

Cherkasov V. A. Polemika V. V. Nabokova s V. F. Khodasevichem-pushkinistom v esse "Pushkin, ili pravda i pravdopodobie" [Polemics of V. V. Nabokov with V. F. Khodasevich-Pushkinist in the essay "Pushkin, or Truth and Verisimilitude"]. *Russkaya Literatura*, 2009, no 3, pp. 188–201.

Gershenzon M. O. Yav' i son [Reality and dream]. In: Gershenzon M. O. *Stat'i o Pushkine* [The articles about Pushkin]. Leningrad, Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk, 1926, pp. 60–68.

Ivanov G. V. V. Sirin. "Mashen'ka," "Korol', dama, valet," "Zashchita Luzhina," "Vozvrashchenie Chorba" [V. Sirin. "Mashenka", "King, queen, jack", "Luzhin's defense", "Return of Chorba"]. In: *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvy, esse, parodii* [The classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays, parodies]. Moscow, NLO Publ., 2000, pp. 179–181.

Ivanov G. V. *Sobranie sochineniy. V 3-kh t.* [Collected works in 3 vols.]. Moscow, Soglasie, 1993, vol. 1: Stikhotvoreniya [Poems], 656 p.

Khodasevich V. F. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Russkiy put', 2009, vol. 1, 648 p.

Ladinskiy Ant. *Chernoe i goluboe* [Black and blue]. Paris, Sovremennye zapiski, 1931, 64 p.

Ledenev A. V. *Poetika i stilistika V. V. Nabokova v kontekste khudozhestvennykh iskanii kontsa 19 – pervoy poloviny 20 veka* [The poetics and stylistics of V. V. Nabokov in the context of artistic quests of the end of the 19th – first half of the 20th centuries]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. 2005, 42 p.

Lyapushkina E. I. "...o tom sleduet molchat'" ("Ultima Thule" Nabokova i filosofiya molchaniya) "...about that one should keep silent" ("Ultima Thule" by Nabokov and the philosophy of silence)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2016, no. 3, pp. 83–91.

Mikhailova M. Yu. Semantika nevyrazimogo: uzko i shirokoe ponimanie [Semantics of the inexpressible: narrow and broad understanding]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015, no. 1–4, pp. 963–966.

Nabokov V. V. Hodasevich: A Note and Translations. 1941. In: *Directions in Prose and Poetry*. New York, Kraus Reprint Corporation, 1967, pp. 596–600.

Nabokov V. V. *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina "Evgeniy Onegin"* [Commentary on the novel of A. Pushkin "Eugene Onegin"]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, Nabokovskiy fond, 1999, 928 p.

Nabokov V. V. *Russkiy period. Sobranie sochineniy: V 5 t.* [Russian period. Col-

lected works in 5 vols.]. St. Petersburg, Simpozium, 2004, vol. 1, 832 p.; 2009, vol. 2, 784 p.; 2006, vol. 3, 848 p.; 2008, vol. 5, 832 p.

Nabokova V. Predislovie [Foreword]. In: Nabokov V. *Stikhi* [Poems]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015, 384 p.

Pushkin A. S. Evgeniy Onegin: Roman v stikhakh [*Eugene Onegin*: Novel in Verse]. In: Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t.* [Complete collection of works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1937, vol. 6: Evgeniy Onegin, pp. 1–205.

Pushkin A. S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected Works in 10 Volumes. Vol. 2: Poems of 1823–1836]. Moscow, GIHL, 1959, vol. 2: Stikhotvoreniya. 1823–1836 [Poems. 1823–1836], 799 p.

Tri interv'yū s Vladimirom Nabokovym [Three interviews with Vladimir Nabokov]. *Inostrannaya literatura*. 1995, no. 11, pp. 233–248.

Shakhovskaya Z. *V poiskakh Nabokova* [Searching for Nabokov]. Paris, Le Presse Libre, 1979, 167 p.

Shraer M. D. *Nabokov: Temy i variatsii* [Nabokov: Themes and variations]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, 384 p.

Shvabrin S. *Between Rhyme and Reason: Vladimir Nabokov, Translation, and Dialogue*, Toronto, Buffalo, London, Uni. of Toronto Press, 2019, 419 p.

Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Sintaksis [Syntax], 709 p.

Yangirov R. “Chuvstvo fil'ma”: zametki o kinematograficheskom kontekste v literature russkogo zarubezh'ya 1920–1930-kh gg. “Sense of the movie”: notes on the cinematographic context in the literature of the Russian Abroad in the 1920–1930s]. In: Imperiya N. Nabokov i nasledniki: Sb. st. [Empire N. Nabokov and heirs: Coll. of art.]. Moscow, NLO, 2006, pp. 399–426.

Zhukovskiy V. A. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, Leningrad, GIKhL, 1959, vol. 1: Stikhotvoreniya [Poems], 480 p.

Информация об авторах

Наталья Александровна Рогачева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Scopus Author ID 57191611148

WoS Researcher ID AGU-3687-2022

RSCI Author ID 616365

Анастасия Олеговна Дроздова, кандидат филологических наук, старший преподаватель русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Scopus Author ID 57220034191

WoS Researcher ID ABQ-9629-2022

RSCI Author ID 1037724

Information about the authors

Natalia A. Rogacheva, Doctor of Philology, Professor, Assistant Professor at the Russian and Foreign Literature Department, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)

Scopus Author ID 57191611148

WoS Researcher ID AGU-3687-2022

RSCI Author ID 616365

Anastasiia O. Drozdova, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Russian and Foreign Literature Department, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)

Scopus Author ID 57220034191

WoS Researcher ID ABQ-9629-2022

RSCI Author ID 1037724

Статья поступила в редакцию 27.04.2022;

одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 14.07.2022

The article was submitted on 27.04.2022;

approved after reviewing on 14.07.2022; accepted for publication on 14.07.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/87/9

**«Анатомический атлас» города:
мортальный код в романе А. Платонова
«Счастливая Москва»**

Борис Николаевич Борисов

Московский международный университет
Москва, Россия

borisovmiit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

Аннотация

Рассматривается роль мортального кода в создании образа Москвы. Репрезентируемые данным кодом значения опосредованы историческим контекстом 1930-х гг., в частности медицинскими изысканиями в области радикального продления человеческой жизни. Физиологический аспект темы «нового человека» проецируется на официально утвержденную концепцию «пролетарской» Москвы, образ которой в последних главах романа уподобляется телу анатомируемой девушки. Это определяет мортальную семантику городских локусов – ночного ресторана, шахты метрополитена, жакта, Доминиковского переулка и Крестовского рынка, изображение которых представляет собой развернутые «анатомические» метафоры, основанные на деталях описания человеческого тела, возникающих в сюжетной линии хирурга-прозектора.

Ключевые слова

Платонов, Москва, мортальный код, мортальные мотивы, мифологема «город-женщина», образ города, локус, провинциальный код, медицинская тема, хирург-прозектор

Для цитирования

Борисов Б. Н. «Анатомический атлас» города: мортальный код в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 99–111. DOI 10.17223/18137083/87/9

© Борисов Б. Н., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 99–111
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 99–111

**“Anatomical atlas” of the city:
the mortal code in the novel “Happy Moscow”
by Andrei Platonov**

Boris N. Borisov

Moscow International University
Moscow, Russian Federation

borisovmiit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-8755>

Abstract

The paper examines the significance of the moral code in shaping the urban image in the novel “Happy Moscow.” The research strategy integrates structural-semiotic analysis of mortal motifs with a historical-genetic approach. The theme of creating a “new human” and “new world” within the framework of Soviet healthcare in the 1930s acquires significance through its physiological aspect. It is projected onto the description of the city. The novel portrays the mythologem of a “city-woman” in two different ways, connected to the imagery of the main character and a girl undergoing anatomical examination. In the last chapters, the anthropomorphic image of a vivacious and balanced city transforms into its dissected corpse. The description of loci employs a set of recurrent motifs from two scenes of the novel. These are a post-mortem of a woman and a surgical operation for removing a ball-shaped blister full of purulence out of a boy’s head. The loci of the city are metaphorically connected to the various parts of the human body, forming an integral component of the expanded metaphor referred to as “a handbook of anatomical charts of the city.” The article’s rationale adheres to a step-by-step examination of several locations, such as a restaurant during the night, a metro system shaft, zhakt premises, Dominikovsky Lane, and the Krestovsky market. The visual representation of Moscow prioritizes mortal code over the physical, culinary, and provincial codes found in the text, resulting in the transformation of signs and their meanings.

Keywords

Platonov, Moscow, mortal cod, mortal motives, city-woman, image of the city, urban locus, provincial code, the medical theme, surgeon-prosector

For citation

Borisov B. N. “Anatomical atlas” of the city: the mortal code in the novel “Happy Moscow” by Andrei Platonov. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 99–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/9

Формирование смысла романа А. Платонова «Счастливая Москва» происходит под влиянием различных художественных кодов, в том числе мифологического [Костов, 2000; Дмитровская, 2003; Ярошенко, 2004; Солдаткина, 2008], телесного [Прокофьева, 2014], пищевого [Рудаковская-Борисова, 2005], провинциального. Не менее значимым является в романе и моральный код. Его дистрибуция с другими кодами текста приводит к расширению круга моральных мотивов и репрезентации новых смыслов в рамках танатологического сюжета.

Как показали исследования Е. Н. Проскуриной [2005; 2015], тезаурус смерти в зрелой прозе писателя представляет собой сложную систему знаков, призванных передать различные смыслы, отнюдь не ограничивающиеся областью денотата. Так, образ Крестовского рынка в романе «Счастливая Москва», включающий в себя комплекс моральных мотивов, служит выражению ряда авторских интенций, связанных с трагическим осмыслением смерти, иронией и самоиронией по

поводу воскресительной концепции Н. Федорова, ностальгией по уходящему в прошлое русскому миру [Проскурина, 2015, с. 126–129].

Отмеченная полисемия знаков смертного кода обнаруживает себя и в других составляющих образ московского пространства локусах, репрезентирующих в романе культурные и мировоззренческие метаморфозы эпохи.

Подход к роману «Счастливая Москва» как «уникальному путеводителю по советской культуре» [Корниенко, 2011, с. 590] определил методологию данного исследования, построенную на сочетании семиотического анализа смертных мотивов с включением произведения в контекст истории Москвы 1930-х гг.

Изучение художественных локусов романа, в качестве которых выступают объекты городского пространства, позволило установить наличие общего для них комплекса смертных мотивов. Медицинский экспериментальный институт, здание жакта в Бауманском районе, ночной ресторан, шахта метрополитена на Каланчевской площади, Доминиковский переулок, Крестовский рынок маркируют этапы жизненного пути героев, который предстает как движение к метафорической смерти – решающему испытанию персонажа, а через нее – либо к воскрешению, либо к состоянию энтропии.

Центром художественного пространства романа является медицинский экспериментальный институт специального назначения¹. Его прообразом, очевидно, стал Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). В 1933–1936 гг., когда Платонов работал над романом, начинается новый период в истории старейшего исследовательского института: он получает статус всесоюзного, дирекция переводится из Ленинграда в Москву, идет подготовка к строительству грандиозного медицинского комплекса², с привлечением широкой общественности обсуждаются архитектурные проекты корпусов.

Перед обновленным учреждением ставятся более грандиозные, соответствующие духу времени задачи, которые подогревают к нему обывательский и литературный³ интерес. По воспоминаниям современников, создатели института рассчитывали, «что им очень скоро удастся найти в человеческом организме “что-то такое”, на что можно воздействовать и таким образом быстро побороть болезни, и среди них самую вредную – старость» [Разгон, 1994, с. 57–58].

Под строительство ВИЭМ, прозванного институтом бессмертия имени Горького⁴, отводился участок площадью 65 га вблизи дачного поселка Серебряный бор [Рогачев, 2014, с. 411]. Интересно, что данный топоним связан не только с биографией⁵, но и с творчеством Платонова. В написанной за десять лет до того повести «Эфирный тракт» (1926–1927 гг.) в этом поселке находится Дом воспоминаний – репрезентант темы научной победы над смертью. Но триумфальный

¹ В тексте романа также используются другие варианты именования данного локуса: Институт Экспериментальной Медицины, экспериментальная клиника.

² Подробнее об этом см.: «Москва. Великие стройки социализма» [Рогачев, 2014, с. 397–417].

³ См., к примеру, статью о ВИЭМ как прототипе клиники Стравинского в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Чевычелов, 2015].

⁴ В 1936 г. постановлением ЦИК СССР институту было присвоено имя А. М. Горького, который, как известно, имел непосредственное отношение к идее создания ВИЭМ и упоминал о нем в своих выступлениях на I Всесоюзном съезде советских писателей.

⁵ Некоторое время между 1927 и 1932 гг. Платонов с семьей жил в Серебряном бору по адресам: Щукинская, 13 и Центральная, 40 [Антонова, 1999, с. 16].

ореол топонима, создаваемый стилистикой изображения Дома воспоминаний⁶, вероятно, не вполне отвечал мортальным коннотациям образа медицинского института в романе «Счастливая Москва». Поэтому здание института Платонов помещает не в Серебряном бору, а в Бауманском районе. Авторское решение можно объяснить своеобразным «медицинским профилем» местности, где располагался не только старейший в Москве госпиталь (в 1930-е гг. – Первый Московский Коммунистический военный госпиталь⁷), но и известный на всю округу Лефортовский морг, куда еще с середины XIX в. свозили тела бездомных или убитых людей.

В романе научные поиски лекарства от смерти сопрягаются с анатомизированием, а идеи визионеров облачаются в поистине гротескную форму. Так, работающий в еще не достроенном медицинском институте⁸ хирург-прозектор Самбикин пытается извлечь из трупов обнаруженное им «таинственное вещество» (Платонов, 2011, с. 60)⁹, которое обладает необыкновенной силой, способной питать долголетие и здоровье живых, воскрешать мертвых. Думается, сюжет поиска лекарства от смерти в мертвых телах был подсказан Платонову развернувшейся в центральной прессе («Известия», 1932 г.; «Правда», 1935–1936 гг.) дискуссией вокруг лизатотерапии – лечения препаратами, полученными из продуктов тканевого распада органов животных.

Апологет этого терапевтического метода врач-эндокринолог И. Н. Казаков приписывал лизатам из эндокринных желез поистине чудодейственные свойства, позволяющие излечивать не только все болезни, но и старость¹⁰. Вероятно, влиянием этого исторического контекста обусловлено то, что в своих поисках лекарства от смерти Самбикин исследует железы умерших людей – половой секреции и «шейную». Так, из сердца и шейной железы умершего мальчика он приготовил «таинственную суспензию и впрыснул ее в тело Честновой» (с. 80), рассчитывая тем самым ускорить выздоровление девушки после ампутации ноги – способ применения суспензии героем романа полностью соответствует практике лизатотерапии.

Историко-медицинский контекст, к которому апеллирует содержание романа через сюжет о хирурге-прозекторе, создает интересный ракурс темы «нового человека» и «нового мира», на которую указывает Н. В. Корниенко в комментариях к тексту «Счастливой Москвы» [Корниенко, 2011, с. 590]. В свете медицинских

⁶ «В Серебряном бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было как сфероид – образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна – в знак и угрозу мрачному стихийному миру... в надежду, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым» (Платонов, 2016, с. 67).

⁷ К этому источнику отсылает описание соседствующего с медицинским институтом дома: «...здесь, вероятно, когда-то в гражданскую войну был госпиталь и лежали красноармейцы...» (Платонов, 2011, с. 87).

⁸ Описание внутреннего оснащения института (цветовая сигнализация, полная звукоизоляция, стеклянные боксы, автоматически открывающиеся двери, устройства озонирования воздуха, автономное электропитание, пробковые ковры коридоров) буквально воспроизводит детали технического проекта ВИЭМ, о которых упоминалось в печати (подробнее об этом см.: [Рогачев, 2014, с. 416–417]).

⁹ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

¹⁰ Подробнее об этом см.: «“Чудеса” доктора И. Н. Казакова: научные и политические споры вокруг лизатотерапии» [Фандо, 2021].

новаций 1930-х гг. эта тема касается создания человека не столько нового сознания, сколько новой физиологии – своего рода советского гомункула. Но, что еще более важно, раскрывается данная тема в антропоморфном образе города, выступающего в качестве объекта грандиозного исторического эксперимента. В платоновском романе этот эксперимент следует своей логике, и итог его не был очевиден для писателя, включившегося в литературную акцию «Пролетарская Москва ждет своего художника» [Корниенко, 1999]. Однако придерживаться границ официальной концепции изображения Москвы Платонову оказалось не по силам, что обусловило семантическую градацию образа города, вначале напоминающего живую, непостоянную Москву Честнову, а к финалу романа уподобляемого мертвой, анатомируемой девушке.

Описанию вскрытия ее тела посвящен большой фрагмент 8-й главы. Гротескный и одновременно натуралистический характер изображения этой процедуры, производимой в присутствии приглашенного «зрителя» – Сарториуса, сообщает ей сходство с «анатомическим театром» XVII в.: «Самбикин отрезал женщине левую грудь, затем снял всю решетку грудной клетки и с крайней осторожностью достиг сердца. <...> Далее Самбикин начал поворачивать мертвую девушку, точно предьявляя Сарториусу ее упитанность и целомудрие. <...> Самбикин вскрыл сальную оболочку живота и затем провел ножом по ходу кишок, показывая, что в них есть: в них лежала сплошная колонка еще не обработанной пищи...» (с. 60–61).

Присутствующая в данном эпизоде сюжетная схема – обнаженная девушка лежит на столе перед хирургом, который, работая с ее телом, мечтает жениться на несчастной – повторяется в 11-й главе романа при описании ампутации ноги Москвы Честновой и указывает на соотнесение этих женских образов в структуре текста. Художественное значение указанного сюжетного тождества раскрывается в контексте мифологемы «город-женщина», воплощенной не только в фигуре главной героини, но и в символическом образе анатомируемой девушки.

В разных вариантах мифологического сюжета о городе-женщине ее телом овладевает или истинный жених-спаситель, или захватчик, часто принимаемый за покровителя [Топоров, 1987, с. 128]. В этой связи сюжетная функция хирурга-прозектора приобретает метафорический смысл, поскольку он выступает в качестве потенциального жениха женщины-города. Причем, сравнивая мертвую девушку с живой, но не способной хранить верность Москвой Честновой, герой предпочел бы «жениться на этой мертвой – более красивой, верной и одинокой, чем многие живые» (с. 61). В соответствии с логикой мифологического сюжета данная деталь должна содержать намек на правителя или захватчика города¹¹ и его притязания на тело Москвы, пусть и безжизненной, но верной.

Создание антропоморфного образа города-женщины, как правило, основывается на знаках телесного кода, репрезентирующих внешний облик женского тела (лицо, грудь, волосы и проч.), его физиологию (дыхание, биение сердца, питание

¹¹ Перспективным видится нам также рассмотрение в контексте истории Москвы 1930-х гг. воплощенной в сюжете романа мифологемы «город-блудница». Стилистические коннотации образа Сталина в романе (ср.: «...сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира...» (с. 99)) выражают идею захвата города. Как писал В. Н. Топоров, «целомудрие девы и крепость города в этом случае не более чем два варианта общей идеи прочности, нетронутости, нерасколотости, гарантии от той нечистоты, которая исходит от захватчика, всегда – насильника» [1987, с. 126–127].

и т. п.) [Неклюдов, 2005]. Детали такого рода действительно присутствуют в описании города в первых главах романа «Счастливая Москва»¹². С 9-й главы моральный код начинает доминировать над телесным, и, как следствие, в качестве основы антропоморфных метафор выступает анатомический вид внутренних органов вскрытого человеческого тела. В этом случае мифологема реализуется своей семантической инверсией, так как создается образ не живого и цельного, а разъятого на части города¹³. Мотивная организация городских локусов, уподобляемых отдельным органам человеческого тела (внутреннему своду черепа, полости сердца, кишечнику, ампутированной ноге), встраивается в развернутую метафору – «анатомический атлас» города.

Описание локусов основано на использовании комплекса сквозных мотивов, источником которых являются две сцены романа: анатомирование женщины (гл. 8) и хирургическая операция по удалению гнойного шара на голове мальчика (гл. 5). В соответствии с этим образуются два пересекающихся семиотических поля. Первое составляют мотивы и образы, символизирующие телесный низ: кишечник, пищеварение, нечистоты, испражнения, канализация, зловоние, газы. Описание кишечника анатомируемой девушки проецируется на изображение локусов, имеющих вытянутую форму (коридор жакта, шахта метрополитена) или включенных в пищевую код (ресторан, Крестовский рынок). Второе семиотическое поле формируется «анатомическими» образами свода черепа, костяной головы, гнойного шара, напоминающего «вторую дикую», «безумную» голову (с. 31), и ассоциативно связанными с данными образами мотивами вращения, безысходности, повторяемости, неизбежности.

Идейно-художественную многогранность образам кишечника и «второй головы» придает то, что по ходу повествования они включаются в рассуждения героев романа о цели и движущих силах истории, о месте отдельного человека во всемирном историческом процессе. При этом возникают историософские метафоры, построенные на уподоблении исторического процесса физиологическому: «Ведь и вправду: пусть весь свет мы переделаем, и станет хорошо. А сколько нечистот натекло в человечество за тысячи лет зверства, куда-нибудь их надо девать!.. Даже тело наше не такое, как нужно, в нем скверное лежит» (с. 73). В художественном синкретизме частного и общего, судьбы человека и истории города имплицитно присутствует идея сотворения «нового мира» как нового, усовершенствованного тела, в котором уже нет места старой мировой душе. В соответствии с этим анатомические мотивы в образе города создают проекцию в плоскость не только национально-исторической, как было отмечено выше, но и онтологической проблематики романа.

Так, к сущностным вопросам человеческого бытия апеллирует эпизод знакомства Москвы Честновой с кавалером в ночном ресторане. Изображение места действия построено на использовании метафорических образов «костяной головы», свода черепа. Именно такие образные ассоциации вызывает в сознании героини ресторанный музыка, имеющая ключевое значение в характеристике данного локуса: «...один и тот же такт играл и варьировал оркестр, как будто катая его по внутренней поверхности полого безвыходного шара...»; «Музыка вращалась

¹² Данный аспект образа города подробно описан в работах О. С. Капельницкой [2000], С. Ю. Неклюдова [2005].

¹³ К похожим выводам приходит Е. Г. Белоусова, указавшая на наличие образа «утопически-монолитного и в то же время распадающегося на отдельные куски всеобщего дома» [2015, с. 27].

быстро, как тоска в костяной и круглой голове, откуда выйти нельзя» (с. 68–69). Семантическая градация образных ассоциаций создает синонимический ряд: внутренняя поверхность шара – голова – свод черепа. Основу возникающей при этом метафоры составляют детали описания операции на голове мальчика, а музыка уподобляется гною, разрушающему костные пластины черепа: «...скрытая энергия мелодии... обещала когда-нибудь протереть косные кости одиночества или выйти сквозь глаза, хотя бы слезами» (с. 69). Анатомические метафоры в комплексе с мотивом вращения присутствуют не только в мелодии музыки, но и в описании сферического зала ресторана: «...здесь человек никак не мог вырваться из обычного – из круглого шара своей головы... из сумки сердца...» (с. 67–68).

Ресторан как место действия продуцирует сюжет, включенный в пищевой код, который в романе «Счастливая Москва» подчинен мортальному коду¹⁴, что выражается в семиотической функции мотивов еды и пищеварения. Их связь с темой смерти репрезентируется на дискурсивном уровне текста: «Многие посетители уже дремали, некоторые глядели как мертвые, объевшись пищей и мнимыми страстями» (с. 69).

Фабульно и символически ресторан связан с другим объектом городского пространства – шахтой метрополитена, куда вслед за тем попадает Москва Честнова. Душная атмосфера ресторанный зала, наполненного «мучительным дымом курения и газом сдавленных страстей» (с. 67), вращающаяся мелодия музыки, потерявшие дверь и испуганно кружащиеся на месте гости – всё это подталкивает героиню к поиску выхода из круга бессмысленной жизни. Перечисленные детали создают смысловое поле, в которое попадает агитационный плакат на Каланчевской площади: «Комсомолец, комсомолка! Иди в шахту метро!..» – как кажется, предлагающий тот самый выход. Однако работа на строительстве метрополитена приводит Честнову в другой тупик: в «слепом проходе» (с. 77) шахты девушка будет зажата и покалечена наскочившими на нее вагонетками.

С помощью метафоры «слепой проход» (выражение, вероятно, образовано контаминацией двух словосочетаний: «слепая кишка» и «задний проход») шахта метрополитена уподобляется кишечнику. А вагонетки в тоннеле шахты напоминают «колонки еще не обработанной пищи» (с. 61) в теле анатомируемой девушки.

Пройдя через метафорический «кишечник города», Честнова, прежде являвшаяся частью золотой советской молодежи, оказывается в низовом пространстве Москвы – в полуразрушенном жакте, среди «отбросов» социалистического производства. Всё бытийственное пространство жителей жакта ограничено темными длинными коридорами здания, напоминающими кишечник. В образной структуре данного локуса присутствует характерный акцент на уборных и канализационных трубах, по которым стекают потоки нечистот с верхних этажей здания. Коррелирует с данными деталями и анатомический образ, возникший в сознании Честновой при очередном посещении жакта: «Нет, не здесь проходит вдаль большая дорога жизни – не в бедной любви, не в кишках...» (с. 66).

Мотивная структура другого локуса низовой Москвы – Крестовского рынка также строится на использовании знаков телесного низа («нечистый воздух»,

¹⁴ В этом случае утверждение о том, что изображение пищевой сытости выступает у Платонова знаком несчастья, несвободы и смерти [Румянцева, 2012, с. 113], будет справедливым.

«мочевая лужа», «отхожее место», пирожки, «начиненные мясными отходами»), которые в сочетании с витальными мотивами создают образ функционирующего рынка-кишечника: «Дешевая пища с заметным шумом переваривалась в людях, поэтому каждый себя чувствовал с тягостью, точно был сложным предприятием, и нечистый воздух восходил отсюда вверх, как дым над Донбассом» (с. 101).

Семантическая многогранность, присущая локусам низовой Москвы, обусловливается дистрибуцией мортального и провинциального кодов. Провинциальный мир не имеет у Платонова отрицательной коннотации. Как указывает Н. В. Корниенко, ключевым для творчества писателя является противопоставление «блестящей, но поверхностной» Москвы и грустной, тяжелой, но открывающей возможности подлинного литературного творчества провинции [2015, с. 42]. Это объясняет, почему образ низовой Москвы Платонов создает с привлечением литературных аллюзий, источником которых выступает провинциальный текст русской литературы XIX в.

Актуализация этого литературного контекста обусловлена введением в роман мотива «жизнь как подобие смерти», который порождается характерным для XIX столетия восприятием феномена русской провинции как царства мертвых [Козлов, 2012, с. 121]. Главным репрезентантом данного мотива выступает в романе человек старого типа – Комягин. Провинциальные мотивы входят в описание персонажа через сюжеты двух его произведений – стихотворения и, главным образом, незавершенной картины, выступающей живописной квинтэссенцией провинциального царства мертвых. Интересно, что мотив «жизнь как подобие смерти» обнаруживает себя в тексте романа не только в виде метафоры, но и в буквальном фабульном воплощении (в 12-й главе Комягин предпринимает попытку «погибнуть», а в 13-й отправляется узнавать «весь маршрут покойника»).

Опираясь на литературную традицию изображения темы смерти в границах провинциального кода, Платонов не следует ей до конца: смерть в пространстве низовой Москвы не теряет своего глубинного, онтологического смысла даже в комическом сюжете «гибели» Комягина. Вероятно, это связано с изменением стилистической коннотации провинциального мира: традиционно неизменный, статичный, он изображается в романе исчезающим, уходящим в небытие. Низовая, провинциальная Москва вытесняется, как и всё историческое прошлое, «за пределы новой Москвы и новой жизни» [Проскурина, 2015, с. 126–127]. Эта мысль эксплицирована в образе обветшавшего жакта с дефицитным бюджетом¹⁵ и в не меньшей степени Домниковского переулка, с которого начинается свой «маршрут покойника» Комягин.

Прообразом этого номинального локуса является Домниковская улица, Домниковка – колоритное место старой Москвы, состоявшее в основном из доходных домов, известное своими банями, куда съезжались горожане со всей округи, но и пользовавшееся дурной репутацией: еще с конца XIX в. здесь немало было домов терпимости и притонов.

Тот факт, что Комягин не может отыскать знакомый ему Домниковский переулок, где прежде помещалось производство гробов, вовсе не случаен. В соответствии с генпланом реконструкции Москвы Домниковская улица должна была исчезнуть с карты города, став частью Новокировского проспекта, соединяющего Лубянку с главным транспортным узлом столицы – Каланчевской площадью.

¹⁵ Возникшие в период НЭПа жилищно-арендные кооперативные товарищества окончательно были упразднены в октябре 1937 г. постановлением ЦИК и СНК СССР.

В контексте антропоморфной природы образа города возникает аналогия между улицей, по которой пройдет скоростная магистраль, и ногой Москвы Честновой, раздавленной несущимися вагонетками. Хотя в 1930-е гг. улица-прототип еще существовала, ее художественный образ отмечен мотивом обреченности, на что указывают упоминаемые вскользь «строительство и реорганизация», а также дискурсивное включение локуса в танатологическую ситуацию (гробы, венки, автомобили с тихим ходом для перевозки покойника).

В описании Крестовского рынка также звучит тема исторической обреченности низовой Москвы, усиленная к тому же кладбищенскими мотивами. Данный локус составляет топологическое единство с соседствующим с ним Пятницким кладбищем [Антонова, 1999, с. 17], которое с момента основания в 1771 г. также именовалось Крестовским. Для пришедшего на рынок Сарториуса этот локус является в прямом смысле погостом, временным пристанищем перед воскресением, рождением в новую жизнь¹⁶.

Помимо деталей, отсылающих к печальной странице истории московских кладбищ, связанной с их ликвидацией в 1930-е гг., смертельную окраску образу рынка сообщает его включенность в танатологическую ситуацию: предметом купли-продажи здесь выступают носильные вещи умерших людей.

Свое последнее пристанище на рынке-кладбище находят те, кто по разным причинам не отвечает плакатному образу советского человека – «последние частные москательщики», «уволенные разложившиеся слесаря», «пищевые старухи», «незначительные воры», «кочующие хулиганы», «нуждающиеся и продающие» (с. 101). Находясь в топографических пределах столицы, они принадлежат иному топосу – старой, провинциальной Москве. Верность культурным парадигмам прошлого, утратившим свое значение для «нового мира», сообщает старой Москве маргинальные черты. Маргинальность становится в целом свойством провинциального мира, к которому апеллируют сюжеты продаваемых на рынке картин прошлого века, упоминание о старинных русских городах, в том числе Зарайске, Новом Осколе.

Дистрибуция провинциального и смертельного кодов романа определяет изображение локусов низовой Москвы как находящихся на границе бытия. С одной стороны, это обуславливает сочетание в их образной структуре анатомических и витальных мотивов, с другой – способствует продуцированию данными локусами мистериального сюжета «смерть-воскресение», который просматривается в повествовании о Честновой и Сарториусе. В соответствии с пространственной моделью платоновского мира, построенной на инверсии верха и низа¹⁷, схождение этих героев в низовое пространство города маркирует начало их преображения.

Итак, своеобразие трактовки темы города в романе «Счастливая Москва» складывается из взаимодействия художественных кодов текста – мифологического, смертельного, пищевого и провинциального. Влиянием смертельного кода на мифологический и телесный коды объясняется возникновение семантической

¹⁶ Локусы, определяющие развитие сюжетной линии Сарториуса, выступают в качестве знаков аграрного мифологического кода, реализованного в мифологеме зерна. Подробнее об этом см.: «Евхаристический тезаурус в творчестве Андрея Платонова» [Борисов, 2018, с. 563].

¹⁷ По выражению К. А. Баршта, «направление “вверх” у Платонова носит отрицательный характер, направление “вниз” обладает несомненной положительной ценностью» [2005, с. 54].

инверсии мифологемы «город-женщина», представленной мотивом разъятого тела и анатомическими метафорами в образной структуре московских локусов. Доминирует mortalный код и над пищевым кодом, присутствие которого в составе мифологемы «город-женщина» соответствует традиции изображения столицы как хлебосольной, щедрой хозяйки. Но в результате трансформации образной концепции Москвы в платоновском романе пищевой код реализуется комплексом иных знаков. В описании локусов (особенно низовой Москвы) мотив еды сочетается с мотивом нечистот, телесного низа, образуя при этом метафору пищеварительной системы города.

Более светлые, лирические и элегические тона сообщает локусам низового пространства присутствие провинциального кода, но и он оказывается менее значимым, чем mortalный. Провинциальный мир изображается уходящим в небытие, вытесняемым из актуального культурного пространства и, как следствие, приобретает маргинальные черты.

Реально-исторической основой изображения города в знаках mortalного кода стала действительность первой половины 1930-х гг. В парадигме значимой для романа медицинской темы, репрезентируемой в образе экспериментального института, идея создания «нового человека» получает узко физиологический смысл. Ее проекция на изображение города создает основу имплицитно присутствующего в романе метафорического сюжета: Москва предстает беспомощно лежащей перед «улыбающимся, скромным Сталиным» (с. 99), который создает из тела города образцовую пролетарскую столицу, отсекая при этом «отжившее» историческое прошлое.

Список литературы

Антонова Е. В. Москва Андрея Платонова // Московский журнал. 1999. № 8. С. 10–17.

Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 480 с.

Белоусова Е. Г. «Счастливая Москва» А. Платонова: опыт стиливого прочтения // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 20. С. 23–28.

Борисов Б. Н. Евхаристический тезаурус в творчестве Андрея Платонова // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 552–567.

Дмитровская М. А. «Огненная Мария» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 108–141.

Капельницкая О. С. Мифологема «женщина-город»: культурная традиция и «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. С. 666–676.

Козлов А. Е. Соотношение mortalного и провинциального кодов в русской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 121–125.

Корниенко Н. В. «Пролетарская Москва ждет своего художника» (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 357–371.

Корниенко Н. В. Комментарии // Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2011. С. 575–622.

Корниенко Н. В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Гуманитарные науки. Литературная карта мира: год литературы. 2015. № 5. С. 35–44.

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки, 2000. 325 с.

Неклюдов С. Ю. Тело Москвы: к вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре / Сост. Г. Ф. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛО, 2005. С. 361–385.

Прокофьева В. Ю. Семантическое поле «телесность»: роман А. Платонова «Счастливая Москва» // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 388. С. 24–29.

Проскурина Е. Н. Гримасы смерти у Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 137–142.

Проскурина Е. Н. Тезаурус смерти в прозе А. Платонова второй половины 1920-х – конца 1930-х годов // Сюжетология и сюжетогрфия. 2015. № 2. С. 118–137.

Разгон Л. Э. Плен в своем отечестве. М.: Книжный сад, 1994. 432 с.

Розачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. М.: Центрполиграф, 2014. 480 с.

Рудаковская-Борисова Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту: Тартуский ун-т, 2005. 178 с.

Румянцев Л. И. Функционирование кулинарно-пищевого мифологического кода в прозе 1920-х гг. // Вестник ЧитГУ. 2012. № 1. С. 111–115.

Солдаткина Я. В. Особенности мифопоэтики романной прозы А. П. Платонова: диалог с мифологемами эпохи // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 24–30.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Фандо Р. А. «Чудеса» доктора И. Н. Казакова: научные и политические споры вокруг лизототерапии // Вопросы истории естествознания и техники. 2021. № 2. С. 258–295.

Чевычелов С. С. Перед покоем. В поисках клиники Стравинского // Семь искусств. 2015. № 9. URL: <http://7iskusstv.com> (дата обращения 12.04.2022).

Ярошенко Л. В. Жанр романа-мифа в творчестве А. Платонова. Гродно: ГрГУ, 2004. 137 с.

Список источников

Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. 2-е изд., стереотип. М.: Время, 2011. 624 с.

Платонов А. П. Сочинения / Гл. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. 869 с.

References

Antonova E. V. Moskva Andrey Platonov [Andrey Platonov's Moscow]. *Moskovskiy zhurnal*. 1999, no. 8, pp. 10–17.

Barsht K. A. *Poetika prozy Andrey Platonova* [The poetics of Andrey Platonov's prose]. 2nd enh. ed. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2005, 480 p.

Belousova E. G. "Schastlivaya Moskva" A. Platonova: opyt stilevogo prochleniya ["Happy Moscow" by Andrey Platonov: the experience of stylistic reading]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015, no. 20, pp. 23–28.

Borisov B. N. Evkharisticheskiy tezaurus v tvorchestve Andrey Platonova [The Eucharistic Thesaurus in Andrey Platonov's works]. In: *Novozavetnye obrazy i syuzhety v kul'ture russkogo modernizma* [New Testament images and plots in the culture of Russian modernism]. O. A. Bogdanova, A. G. Gacheva (Comp., Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 2018, pp. 552–567.

Chevychelov S. S. Pered pokoem. V poiskakh kliniki Stravinskogo [Before Rest: in search of the Stravinsky Clinic]. *Seven Arts*. 2015, no. 9. URL: <http://7iskusstv.com> (accessed 12.04.2022).

Dmitrovskaya M. A. "Ognennaya Mariya" ["Flaming Mary"]. In: "*Strana filosofov*" Andrey Platonova: *problemy tvorchestva* ["The Country of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2003, iss. 5, pp. 108–141.

Fando R. A. "Chudesa" doktora I. N. Kazakova: nauchnye i politicheskie spory vokrug lizatoterapii ["Miracles" of Dr. Kazakov: scientific and political controversies around lysatotherapy]. *Studies in the History of Science and Technology*. 2021, no. 2, pp. 258–295.

Kapel'nitskaya O. S. Mifologema "zhenshchina-gorod": kul'turnaya traditsiya i "Schastlivaya Moskva" [Mythologeme "woman-city": cultural tradition and "Happy Moscow"]. In: "*Strana filosofov*" Andrey Platonova: *problemy tvorchestva* [Andrei Platonov's "Country of Philosophers": problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2000, iss. 4, pp. 666–676.

Kornienko N. V. "Boldinskaya osen" A. Platonova: Tambov v zhizni i tvorchestve pisatelya [Andrey Platonov's "Boldinskaya autumn": Tambov in the life and work of the writer]. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015, no. 5 (145), pp. 35–44.

Kornienko N. V. Kommentarii [Comments]. In: *Platonov A. P. Schastlivaya Moskva: Roman, povest', rasskazy* [Platonov A. P. *Happy Moscow: Novel, novella, stories*]. N. V. Kornienko (Comp., preparation of the text, comments). Moscow, Vremya, 2011, pp. 575–622.

Kornienko N. V. "Proletarskaya Moskva zhdet svoego khudozhnika" (K tvorcheskoy istorii romana) ["Proletarian Moscow is waiting for its Artist": towards the creative history of the novel]. In: "*Strana filosofov*" Andrey Platonova: *problemy tvorchestva* ["The Country of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, Nasledie, 1999, iss. 3, pp. 357–371.

Kostov H. *Mifopoetika Andrey Platonova v romane "Schastlivaya Moskva"* [Andrey Platonov's mythopoetics in the novel "Happy Moscow"]. Helsinki, 2000, 325 p.

Kozlov A. E. Sootnoshenie mortal'nogo i provintsial'nogo kodov v russkoy literature 19 veka [The ratio of provincial and mortal codes in the Russian literature of the 19th century]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, iss. 2, pp. 121–125.

Neklyudov S. Yu. Telo Moskvyy: k voprosu ob obraze "zhenshchiny-goroda" v russkoy literature [The Body of Moscow: on the question of the Image of a woman-city in Russian Literature]. In: *Telo v russkoy kul'ture* [Body in Russian culture]. G. F. Kabakova, F. Kont (Comps.). Moscow, NLO, 2005, pp. 361–385.

Prokof'eva V. Yu. Semanticheskoe pole "telesnost": roman A. Platonova "Schastlivaya Moskva" [Semantic field "physicality": novel by A. Platonov "Happy Moscow"]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014, no. 388, pp. 24–29.

Proskurina E. N. Grimasy smerti u Platonova ("Chevengur", "Kotlovan", "Yuvenil'noe more") [Grimaces of death at Andrey Platonov's "Chevengur", "Pit", "Juvenile Sea"]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["The Land of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow, IWL RAS, 2005, iss. 6, pp. 137–142.

Proskurina E. N. Tezaurus smerti v proze A. Platonova vtoroy poloviny 1920-kh – kontsa 1930-kh godov [Thesaurus of death in Andrey Platonov's prose of the second half of the 1920s – late 1930s]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. Novosibirsk, 2015, no. 2, pp. 118–137.

Razgon L. E. *Plen v svoem otechestve* [Captivity in the fatherland]. Moscow, Knizhnyy sad, 1994, 432 p.

Rogachev A. V. *Moskva. Velikie stroyki sotsializma* [Moscow. The Great Buildings of Socialism]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014, 480 p.

Rudakovskaya-Borisova E. *Semiotika pishchi v proizvedeniyakh Andrey Platonova* [Semiotics of food in the works of Andrey Platonov]. Tartu, University of Tartu Publ., 2005, 178 p.

Rumyantseva L. I. Funktsionirovanie kulinarno-pishchevogo mifologicheskogo koda v proze 1920-kh gg. [Functioning of the culinary and food mythological code in the 1920s]. *Bulletin of Chita State University*. 2012, no. 1, pp. 111–115.

Soldatkina Ya. V. Osobennosti mifopoetiki romannoy prozy A. P. Platonova: dialog s mifologemami epokhi [Features of the mythopoetics of A. P. Platonov's novel prose: a dialogue with the mythologems of the epoch]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2008, no. 3, pp. 24–30.

Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The text of the city-virgin and the city-harlot in the mythological aspect]. In: *Issledovaniya po strukture teksta: articles* [Studies on text structure: Collected articles]. T. V. Tsiv'yan (Ed.). Moscow, Nauka, 1978, pp. 121–132.

Yaroshenko L. V. *Zhanr romana-mifa v tvorchestve A. Platonova* [The genre of the novel-myth in the works of A. Platonov]. Grodno, State University of Grodno Publ., 2004, 137 p.

Информация об авторе

Борис Николаевич Борисов, кандидат филологических наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций Московского международного университета (Москва, Россия)

Information about the author

Boris N. Borisov, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of General Humanitarian Sciences and Mass Communications of Moscow International University (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 28.06.2022
The article was submitted on 05.05.2022;
approved after reviewing on 28.06.2022; accepted for publication on 28.06.2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/87/10

«Конец я себе придумал»: мортальное моделирование в литературном творчестве В. М. Шукшина

Дмитрий Владимирович Марьин

Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Россия

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Аннотация

Представлены результаты анализа презентации образа смерти и реализации приема мортального моделирования в литературном творчестве В. М. Шукшина. Автор статьи уделяет внимание художественным и нехудожественным произведениям (письма, рабочие записи) Шукшина, в которых представлено моделирование смерти героев и даже самого писателя. Под моделированием смерти (мортальным моделированием) в данном случае понимается изображение в текстах художественных и нехудожественных произведений сцен смерти, процесса и обряда умирания, похорон, а также их игрового переосмысления или переживания героями или самим писателем. Мортальное моделирование в литературном творчестве В. Шукшина выполняло функцию замещения традиционных обрядов умирания и похорон и редукции страха перед смертью.

Ключевые слова

русская литература XX в., жизнь и творчество В. М. Шукшина, эпистолярный, образ смерти, эстетизация смерти, мортальное моделирование

Для цитирования

Марьин Д. В. «Конец я себе придумал»: мортальное моделирование в литературном творчестве В. М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 112–125. DOI 10.17223/18137083/87/10

“The end I thought up for myself”: mortal modeling in the literary work of V. M. Shukshin

Dmitry V. Maryin

Altai State Agrarian University
Barnaul, Russian Federation

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Abstract

The paper examines how V. M. Shukshin portrays death and uses the technique of mortal modeling in his literary works. Both fiction and non-fiction works, such as letters and working notes, are carefully examined for their depiction of hero deaths and, in some cases, the

© Марьин Д. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 112–125

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 112–125

writer's own death. In this context, mortal modeling refers to the portrayal of death-related scenes, the dying process, funerals, and the playful reinterpretation or personal experience of these events by the characters or the writer. The theme of death is prominently featured in the late artistic works of Shukshin. During the writer's final years (1973–1974), seventeen out of twenty-two published stories portrayed death. In his correspondence with friends and relatives between 1972 and 1974, Shukshin also focuses on the theme of death. Moreover, in the letter to V. I. Belov (winter of 1969), Shukshin announces his decision to commit suicide. The problem of creative comprehension of the phenomenon of death by Shukshin is analyzed in the context of philosophical ideas of the late twentieth and early twenty-first centuries. The conclusion is drawn that mortal modeling in the literary work of Shukshin functions as a replacement for traditional rites of dying and burial. It also serves to reduce the fear of death, particularly in hospital settings. In the 20th century, this type of death became extremely technological, in isolation from relatives and friends. The departure from traditional patriarchal death rituals emphasizes the shifting comprehension of death during the 20th century.

Keywords

Russian literature of the 20th century, life and work of V. M. Shukshin, epistolary, image of death, aestheticization of death, mortal modeling

For citation

Maryin D. V. "The end I thought up for myself": mortal modeling in the literary work of V. M. Shukshin. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/10

Одним из феноменов, традиционно находящим отражение в литературе и искусстве, является смерть. Тайна смерти как явления действительности, преодоление страха перед ней, обретение бессмертия – темы, которые волновали писателей и поэтов всех времен и народов.

В контексте жизни и творчества В. М. Шукшина тема смерти представляется актуальной как в литературоведческом, так и в культурологическом аспекте, поскольку сама смерть известного писателя, кинорежиссера и актера, случившаяся неожиданно для всех 2 октября 1974 г. на Дону во время съемок х/ф «Они сражались за Родину», до сих пор сопровождается легендами в духе конспирологии [Варламов, 2015, с. 373–383]. Более того, смерть – один из ключевых образов в творчестве позднего Шукшина. Из 22 его рассказов, опубликованных в 1973–1974 гг. (последний год жизни писателя), в 17-ти присутствует образ смерти, в 5 – больницы, которая в семиотике Шукшина тесно связана со смертью. К теме смерти Шукшин не раз обращается в письмах 1972–1974 гг. к друзьям и знакомым.

«Шукшин любит испытывать своих героев на прочность в экстремальных, пограничных ситуациях, перед лицом смерти. Этапы его идейно-философской эволюции просматриваются в тех заметно отличающихся друг от друга образцах искусства умирать, которые писатель предлагает в разные периоды творчества» [Куляпин, 2012, с. 31]. Проведя сравнительный анализ сцен смерти в ранних и поздних произведениях писателя, А. И. Куляпин пришел к выводу, что восприятие смерти в творчестве Шукшина трансформируется от экзистенциалистского к постмодернистскому [Там же, с. 33]. Этот тезис позволяет нам сделать другой, логически продолжающий его: Шукшин от *изображения смерти* в позднем творчестве переходит к *моделированию смерти*. Ряд сцен в рассказах «Залетный» (1970), «Хозяин бани и огорода» (1971), «Алеша Бесконвойный» (1973), «Жил человек» (1974) и др., некоторые рабочие записи и письма Шукшина, где или детально показаны этапы ухода человека в мир иной, или «репетируется» похорон-

ный обряд, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что писатель сознательно прибегал к мортальному моделированию в своем творчестве.

В данной статье мы обращаем внимание на художественные и нехудожественные произведения (письма, рабочие записи) Шукшина, в которых представлено *моделирование смерти* героев и даже самого писателя. Под моделированием смерти, или мортальным моделированием, мы имеем в виду особый прием поэтики в творчестве Шукшина: изображение в текстах художественных и нехудожественных произведений сцен смерти, процесса и обряда умирания, похорон, а также их игрового переосмысления или переживания героями или автором.

Образ смерти и, в частности, смерти как суицида начинает интересовать Шукшина достаточно рано. Это находит отражение в одной из самых ранних его рабочих записей:

(10 августа 1961)

Сон видел:

Кто-то, не помню уже кто, (мы будто бы собираемся куда-то) говорит:

– А Володю Китайского позовем?

Я смотрю с изумлением на говорящего.

– Володю?

– Да.

– Так Володя же... – Мне трудно произнести, что Володи же нет в живых (Володя повесился).

На меня смотрят и улыбаются значительно.

– Жив Володя, только... Он не хочет объявляться. Он далеко. Но он жив» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 313].

Владимир Борисович Китайский (1936–1961) – одноклассник Шукшина по ВГИКу, подававший большие надежды поэт и начинающий кинорежиссер. Покончил жизнь самоубийством, причиной которого стала несчастная любовь. Дж. Фрэзер утверждал, что постоянное столкновение людей со смертью заставило человека искать символические аналогии, которые были найдены в состоянии сна и сновидений [1998, с. 196]. В рабочей записи нашло отражение не только эмоциональное потрясение от смерти товарища, но и констатация существования двух миров – реального и потустороннего, загробного. Это двоемирие было характерно для мировоззрения матери писателя – М. С. Куксиной. И, несомненно, повлияло на самого Шукшина, что было отмечено им в рассказе «Сны матери» (1973), где содержанием снов «является народная эсхатология, отраженные в сновидческих образах представления русской крестьянки о смерти и бессмертии» [Козлова, 2007, с. 25].

В декабре 1961 г. Шукшин в письме к сестре, Н. М. Зиновьевой, в связи со скорострительной смертью ее мужа дает и первый пример мортального моделирования (через моделирование похоронного обряда), высказав пожелание быть похороненным на горе Пикет в Сроствах: «Я хочу, чтобы меня тоже похоронили на нашей горе и чтоб вид оттуда открывался широкий и красивый. Я, мне помнится, говорил тебе об этом, что “у Саши хорошее место, что от него открывается богатейший вид”, но, видимо, ты была не в том состоянии, чтобы понять это и оценить. Я же, грешным делом, очень задумался» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 248].

К образу смерти и к ее моделированию писатель в рабочих записях обратится еще не раз: «Когда я погибну¹, сделайте мне памятник (если таковой будет мне положен по рангу) – ЗАДУМАЛСЯ (На смерть)» (1968? г.); «Нет – если уж надгробие – то чтоб была попытка – ВСТАТЬ!» (1968? г.); «Истинно свободен тот, кто не боится смерти» (1971 г.); «Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно – уходить», «И что же – смерть? / А листья зеленые. / (И чернила зеленые.)» (1974?) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 315–325].

Попытки моделирования процесса умирания представлены Шукшиным еще в рассказах 1960-х гг. «Космос, нервная система и шмат сала» (1966) и «Как помирал старик» (1967). По мнению А. И. Куляпина, в этих рассказах акцент сделан на теме деградации традиционного обряда умирания [Куляпин, 2012, с. 31]. Но кроме собственно изображения умирания, здесь есть и элементы мортального моделирования. Например, в рассказе «Космос, нервная система и шмат сала» академик Павлов (в пересказе Юрки), умирая, диктует студентам свои ощущения, буквально пытается зафиксировать смерть, создав (в понимании Юрки) образец смерти настоящего ученого:

А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал студентов и стал им диктовать, как он умирает. – Как это? – Так. “Вот, говорит, сейчас у меня холодеют ноги – записывайте”. Они записывали. Потом руки отнялись. Он говорит: “Руки отнялись”. – Они пишут? – Пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: “Пишите”. Они плакали и писали. – У Юрки у самого защипало глаза от слез. На старика рассказ тоже произвел сильное действие. – Ну?.. – И помер. И до последней минуты всё рассказывал, потому что это надо было для науки [Шукшин, 2014, т. 3, с. 13].

Размышляет о своей смерти и Матвей Рязанцев в рассказе «Думы» (1967):

А то вдруг про смерть подумается: что скоро – всё. Без страха, без боли, но как-то удивительно: всё будет так же, это понятно, а тебя отнесут на могилки и заруют. Вот трудно-то что понять: как же тут будет всё так же?» [Там же, с. 139].

Характерно и то, что в х/ф «Странные люди» (1969), где одна из новелл поставлена на основе «Дум», Шукшиным введена сцена воображаемых собственных похорон Матвея Рязанцева, отсутствующая в рассказе.

В таком контексте неопубликованное письмо В. М. Шукшина к В. И. Белову, которое, вероятно, было написано зимой 1969 г. (авторская датировка отсутствует), уже не представляется экстраординарным в своей содержательной части:

Конец я себе придумал: тихо, сладостно сопьюсь. Медленно, чуть приплясывая, чуть припевая – постепенно утопать в мяготи прекрасных теплых дней. <...> Без жалости! Я даже такой рассказ написал – «Залетный»,

¹ Обратим внимание на то, что Шукшин использует лексику «погибнуть» (т. е. умереть, прекратить существование трагически, преждевременно). Писатель из возможных вариантов кончины для себя выбрал именно преждевременную смерть. Не вторгаясь в сферу конспирологии, отметим это как одно из свидетельств активного процесса рефлексии Шукшина в отношении собственной смерти и ее моделирования.

там так сладостно умирает человек, редакция² согласилась напечатать, но Трифонович³ отклонил. Я еще вернусь к этой теме, более убедительно, и, чтоб никого не пугать. Только подожду малость. Много слишком вокруг родных людей⁴.

Данный отрывок позволяет не только уточнить историю создания и публикации, но и существенно расширить потенциал интерпретации рассказа «Залетный». Рассказ впервые опубликован в сборнике «Земляки» (1970), 1970-й год и принят в качестве официальной датировки рассказа, что соответствует канонам текстологии. Но, как свидетельствует письмо к В. И. Белову, рассказ был написан раньше, к 1969 г., т. е. еще в бытность А. Т. Твардовского главным редактором «Нового мира». Именно этот рассказ можно считать катализатором затянувшегося процесса разрыва Шукшина с «Новым миром» и последующего его ухода в «Наш современник», что шукшиноведами воспринимается как демонстрация смены идейно-эстетической позиции в творчестве писателя, переход его в лагерь «неофициальной русской партии» [Варламов, 2015, с. 291], открытое обращение к идеалам «почвенничества».

Как считает А. Н. Варламов, уход Шукшина из «Нового мира» связан с увольнением Твардовского в феврале 1970 г. и с приходом нового редактора: «Получается так: не Шукшин ушел из журнала в знак протеста против снятия Твардовского, как многие новомирские авторы <...>, но его ушли. Причем не очень понятно за что. Новый редактор “Нового мира” Валерий Алексеевич Косолапов <...> должен был за таких авторов, как Василий Шукшин, держаться, и тем не менее от Шукшина новый “Новый мир” по не очень понятным причинам отказался» [Там же, с. 285]. Письмо к В. И. Белову многое объясняет. Еще до увольнения Твардовского, в 1969 г., отношения Шукшина с «Новым миром» дали трещину, и как раз в связи с отказом печатать рассказ «Залетный». Более того, именно специфическое изображение Шукшиным смерти стало причиной отказа Твардовского публиковать рассказ. Уход Шукшина из журнала назрел еще до смены главного редактора и объясняется трансформацией идейно-эстетической позиции писателя. Тема смерти – ключевой смысловой и эстетический стержень нового этапа в его творчестве. Косвенно данный тезис подтверждается и тем, что рассказ «Залетный» был включен Шукшиным в последний прижизненный сборник «Беседы при ясной луне» (1974): текст сохранял актуальность для автора до конца его дней.

По мнению литературоведов, «Залетный» относится к числу произведений, в «центре которых шукшинский образ смерти» и где содержится явная отсылка к творчеству Л. Н. Толстого, в частности к рассказу «Смерть Ивана Ильича» и воплощенному там толстовскому взгляду на смерть. «Шукшин рисует смерть человека культурного слоя (бывшего художника), городского, далекого от народного мирозерцания, “залетного”, чужого в деревне, глубоко одинокого и не имеющего корней. Два полюса восприятия смерти в творчестве Шукшина можно обозначить как “толстовский” (с его тягой к традиционному крестьянскому ритуалу умирания) и “экзистенциалистский” (включающий идею абсурда, тему бун-

² Редакция журнала «Новый мир». В. М. Шукшин сотрудничал в журнале в 1963–1970 гг.

³ Александр Трифонович Твардовский (1910–1971), в 1950–1954 и 1958–1970 гг. – главный редактор журнала «Новый мир». 9 февраля 1970 г. вынужден был сложить с себя полномочия главного редактора.

⁴ КБИАХМ, МКБ. КП-5046. А-3183. Л. 2.

та, мотив враждебной человеку природы)» [Куляпин, 2012, с. 32]. А. И. Куляпин приходит к выводу, что смерть героя в рассказе Шукшина вписывается не столько в контекст произведения Толстого, сколько в философию экзистенциализма. «Впрочем, и в отношении экзистенциализма автор “Залетного” сохраняет критическую дистанцию. Финальный образ рассказа – посаженная у изголовья могилы Сани Неверова березка, которая “точно силилась что-то сказать” <...>, безусловно, противостоит пафосу тотальной смыслоутраты, характерному для экзистенциализма» [Там же, с. 33].

В целом согласившись с таким истолкованием образа смерти в рассказе, отметим, что в контексте письма В. М. Шукшина к В. И. Белову оно нуждается в существенной корректировке. Смерть Сани Неверова, который не просто умирает, а, по словам Шукшина, «сладостно умирает», вряд ли можно рассматривать как бунт против «враждебной человеку природы», а по существу – против смерти. Неверов если и не является автобиографическим персонажем, то во многих чертах приближен к автору. Его бунт, как и бунт самого Шукшина, не столько против смерти, сколько против определенной смерти – смерти как мести Природы, а потому независимой от воли человека. Мортальное моделирование как прием поэтики здесь смыкается с режиссированием автором собственной смерти: персонаж вслед за автором сам, добровольно выбирает способ умирания («сладостно сопьюсь»). Рассказ зафиксировал момент трансформации идейно-эстетической позиции в творчестве Шукшина от экзистенциализма (бунта против природной смерти) к постмодернизму (режиссирование собственной смерти, не постмодернистское «жизнетворчество», но «смертетворчество», где сохраняется игровое начало).

В свете сказанного вполне объяснимо то, что в произведениях Шукшина, последовавших за «Залетным» (т. е. после 1970 г.), увеличивается число примеров моделирования ритуализированных ситуаций, сопровождающих смерть: как самого процесса (и обряда) умирания, так и того, что следует за смертью – похоронного обряда.

В рассказе «Хозяин бани и огорода» (1971) обряд собственных похорон смоделирован персонажем почти полностью:

– Хошь, расскажу, как меня хоронить будут? <...> – Значит, будет так: помер. Ну, обмыли – то-сё, лежу в горнице, руки вот так... – Рассказчик показал, как будут руки. <...> – Жена плачет, детишки тоже... Люди стоят. <...> – Ты будешь стоять и думать: «Чего это Колька загнулся? Когда-нибудь и я тоже так...» <...> – Дальше понесли хоронить. Оркестр в городе наняли за шестьдесят рублей. Тут, значит, скинутся: тридцать рублей сама заплатит, тридцать – с моих выжмет. <...> Принесли на могилки, ямка уже готова [Шукшин, 2014, т. 5, с. 181–182].

Пробует «увидеть себя, подобного, в гробу» и главный герой рассказа «Алеша Бесконвойный» (1973):

Потом Алеша полежал на полке – просто так. И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь... Алеша даже и руки сложил на груди, и полежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое начало мерещиться – подушка вдавленная, новый пиджак... [Там же, т. 6, с. 101].

Образ смерти становится доминирующим в позднем творчестве В. М. Шукшина. Как уже упоминалось, из 22 рассказов, опубликованных в последний год жизни писателя, в 17-ти присутствует образ смерти. Мортальная семантика есть и в эпистолярной Шукшина последнего года жизни. Например, в двух из трех писем цикла к М. С. Якутиной (август – сентябрь 1974 г.) писатель рассуждает о смерти общей знакомой, о том, что «жизнь уже прожита», о красном сне Разина в романе «Я пришел дать вам волю» – предвестнике смерти атамана [Марьин, 2022]. Последнее письмо В. М. Шукшина к М. С. Якутиной, от 27 сентября, за 5 дней до его смерти, написано красными чернилами – цветом, который в предыдущем письме сам Шукшин ассоциировал со смертью. По свидетельству Ю. Никулина, за день до смерти в гримерной Шукшин на пачке сигарет булавкой, обмакнутой в красный грим, нарисовал «горы, небо, дождь, ну, в общем, похороны» [Никулин, 1979, с. 253]. Г. Бурков вспоминал сцену, произошедшую в ночь смерти Шукшина, во время их последней встречи: «– Знаешь, – сказал Василий Макарович, я сейчас в книге воспоминаний о Некрасове прочитал, как тот трудно и долго помирал, сам просил у Бога смерти...» (цит по: [Варламов, 2015, с. 375]).

Приведенные примеры вполне убедительно свидетельствуют о том, что образ смерти и мортальное моделирование становятся ключевыми средствами сюжетостроения и поэтики в позднем творчестве Шукшина, а также важнейшими составляющими его художественной картины мира.

Попытаемся объяснить истоки такой идейно-художественной и этической позиции В. М. Шукшина.

Творчество В. М. Шукшина (1960-е – начало 1970-х гг.) выпало на период, когда в европейской социальной антропологии и философии происходит кризис в осмыслении смерти.

Системное исследование смерти в социальных науках развивается во второй половине XIX – начале XX в. в трудах Э. Дюркгейма, Р. Герца, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна [Мохов, 2016, с. 174]. Главное внимание изначально уделялось мортальным практикам у первобытных народов (как «незагрязненным культурными наслоениями»), социальному и символическому контексту похоронных ритуалов. К 1970-м гг. постепенно возникает кризис такого пути осмысления проблемы смерти. С середины XX в. исследователей начинает волновать вопрос природы страха смерти и того, как люди преодолевают этот страх. Такой вектор философского интереса к теме смерти сохраняется вплоть до сегодняшнего времени. В вышедшей впервые на французском языке в 1977 г. книге «Человек перед лицом смерти» Ф. Арьес доказывает, что в XX в. с развитием моргов, паллиативной медицины, похоронной индустрии тело и смерть исключаются из сферы публичного. Голландский антрополог И. Фабиан в работе 2004 г. предлагает сконцентрироваться на самом умирающем человеке, осознать себя частью субъекта, а значит, и объекта, смерти [Там же, с. 183]. В целом интерес к смерти в конце XX – начале XXI в. выходит из специальных рамок, становится более широким как с научной, так и с художественной точки зрения. На рубеже XXI столетия «размышление о смерти – отнюдь не специальная область, ограниченная каким-то определенным классом явлений и предназначенная для особой категории исследователей», а «дело всех и каждого; здесь все компетентны, и монополистов нет», – констатирует французский философ русского происхождения, исследователь смерти Владимир Янкелевич [1999, с. 54].

В философской антропологии конца XX – начала XXI в. одной из главных тем становится проблема «больничной» смерти. «Медицинское управление границей между жизнью и смертью всё чаще подвергается критике, которая воспламеняется прежде всего бессилием пациента и его родственников по отношению к власти медицинских экспертов и которая по этой причине противопоставляется требованию самоопределения пациента» [Шольц, 2020, с. 90]. Больничная смерть в XX в. не просто медицинское явление, но в литературе, искусстве и философии она обрастает культурным и идеологическим фоном, что не только придает ей определенную понятийную институализацию, но и делает символом изменения отношения к ритуалу смерти в общественном сознании.

Одним из первых проблему больничной смерти и ее противопоставления смерти традиционной для европейской культуры XIX в. поднял Р. М. Рильке в романе «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910):

Этот прелестный отель (парижская больница Hotel-Dieu. – Д. М.) – чрезвычайно старинный. Уже во времена короля Хлодвиг умирили здесь на немногих кроватях. Теперь умирают на пятистах пятидесяти девяти. Разумеется, фабричным способом. При такой огромной продукции каждая смерть уж не отделяется столь тщательно; но ведь это неважно. Важно количество. Кому нынче нужна безусловно выполненная смерть? Никому. Даже богачи, которые уж могли бы позволить себе умереть со всей обстоятельностью, и те мало-помалу начинают небрежничать. Желание умереть своей собственной смертью встречается реже и реже. Еще немного и она станет такой же редкостью, как своя собственная жизнь» [Рильке, 2022, с. 10–11].

Этот образ больничной смерти стал одним из архетипических для искусства и философии XX в. «То, что относится к промышленному производству товаров, определяет также медицинское управление границей между жизнью и смертью. Поскольку организация больниц имитирует организацию фабрик, смерть не ускользает от промышленной логики массового производства, которая основана на серийности, а не на индивидуальности» [Шольц, 2020, с. 93].

В то время как смерть в больнице происходит в изоляции от общества и поэтому представляет собой смиренную смерть, громкая и публичная смерть деда главного героя романа в соответствии с патриархальной традицией позволяет живым не только участвовать в ритуале ухода в иной мир, но и собрать их вместе.

Еще по деду моему, старому камергеру Бригге, видно было, что он носил в себе свою смерть. И какую! Протяженностью в два месяца и до того громкую, что слышно по всей округе [Рильке, 2022, с. 12].

Камергер умирает в собственном доме, в окружении родственников и слуг, при сочувствии окрестных обывателей, при соблюдении всех религиозных и семейных ритуалов, оставив о себе добрую память.

Смерть человека XX в., часто уходящего в мир иной не в кругу родных и близких, а в больнице, «фабричным способом», перестает быть исключительным событием.

Вместе с тем в философии и искусстве XX в. возникает идейно-эстетический антипод образа больничной смерти. «Медицинский подход к смерти должен быть противопоставлен эстетическому подходу, который предлагает и умирающему, и зрителю хотя бы воображаемую защиту от страха смерти» [Шольц, 2020, с. 89].

Если больничная смерть происходит в высокотехнологичных и, следовательно, бесчеловечных условиях, то именно художнику должна быть отведена роль создателя «гуманных мест смерти», где люди могут умереть с достоинством и самоопределением. Альтернативой больничной смерти может быть моделирование собственной смерти, планирование и ее «постановка» под руководством художника. При этом, конечно же, меняется не сама смерть, а ожидание связанных с ней состояний страха [Шольц, 2020, с. 91–92].

Подобные идейные конструкты в итоге привели к попытке практической их реализации. В 2008 г. немецкий художник Г. Шнайдер предложил артпроект, в котором человек, умирающий или недавно умерший, будет выставлен в рамках художественного перформанса. Проект должен был быть сосредоточен на эстетическом дизайне комнаты смерти, что позволило бы участникам перформанса справиться со своим собственным страхом перед смертью. По мнению художника, эстетический контакт с умирающим или недавно умершим человеком должен помочь противостоять неспособности справиться с процессом умирания [Там же, с. 89].

Едва ли Шукшин был знаком с исследованиями западноевропейских философов XX в. по проблеме осмысления смерти. Но он вполне мог воспринять соответствующие идеи сквозь призму зарубежной литературы XX в., преломившей философские тренды эпохи (доступ к «тамиздату» у него был), и, более того, возможно, сам чутко уловил идейные и философские запросы времени и проецировал их в своем позднем творчестве.

Больничная смерть для Шукшина не была явлением абстрактным. Сам он провел много времени в больницах. В ноябре 1952 г., будучи на срочной службе в ВМФ СССР, в Севастополе, Василий Шукшин попадает в госпиталь, где ему диагностируют язву желудка и двенадцатиперстной кишки. Эта болезнь будет преследовать Шукшина всю оставшуюся жизнь, почти ежегодно заставляя проходить лечение в больницах или санаториях. В год смерти в феврале-марте 1974 г. писатель прошел лечение в Центральной клинической больнице в Москве в связи с очередным обострением язвы. Были и другие недуги. В феврале 1966 г. из-за проблем с алкоголем Шукшин оказался в психиатрической больнице на Пироговке. В сентябре 1968 г. на съемках х/ф «Странные люди» режиссер заболел воспалением легких и почти месяц провел в больнице во Владимире. «Где я пишу? В гостиницах. В общежитиях. В больницах», – отметил писатель в своих рабочих записях [Шукшин, 2014, т. 8, с. 323].

У Шукшина герои часто попадают в больницу, и некоторые умирают там. Исследователи давно обратили внимание на параллель между образом больницы в творчестве В. М. Шукшина и мифологическим царством мертвых. Главная черта образа больницы у Шукшина – изолированность, замкнутость при четко выраженной границе между пространством больницы и внешним миром [Тевс, 2006, с. 77]. Но и у христиан умирающего человека изолировали в огороженное помещение [Шейнина, 2003, с. 311]. Как и в загробном мире, герои писателя получают здесь воздаяние: например, мучительно умирающий в больнице колхозный активист Ефим Бедарев в рассказе «Заревой дождь» (1966) или старик Баев в рассказе «Беседы при ясной луне» (1972), выпросивший у председателя колхоза в качестве награды за свой откровенно мошеннический план по сдаче молока «в горбольнице полежать».

Но больница – это пространство несвободы, где действия пациента строго регламентированы и ограничены администрацией учреждения – силой чуждой и не-

понятной для шукшинского героя. Больница – это символическая оппозиция дома [Тевс, 2006, с. 78], где всё близкое и родное. Больница мешает героям Шукшина встретиться с родными людьми или друзьями. В рассказе «Ванька Тепляшин» (1973) «красноглазый» вахтер не пропускает к лежащему в горбольнице Ваньке приехавшую его навестить из деревни мать в «неприемный день»⁵. Сюжет рассказа в декабре 1973 г. почти дословно воплотится в жизни. Уже к самому Шукшину, пациенту «клиники пропедевтики I мединститута имени Сеченова», женщина-вахтер не пропустила сначала жену и детей, а позже и друзей – литераторов В. И. Белова и В. В. Коротаева. Инцидент закончился скандалом и, как и в рассказе «Ванька Тепляшин», победой больничных порядков. Шукшин как был, в «больничном костюме» и тапочках, самовольно покинул больницу и уехал домой. Случившееся стало сюжетной основой документального рассказа «Кляуза» (1974).

Традиционный, патриархальный, обряд умирания, деградацию которого Шукшин отметил в рассказах «Космос, нервная система и шмат сала» (1966), «Как помирал старик» (1967) и др., предполагает присутствие вокруг умирающего родных и близких. Герои Шукшина рождаются перед смертью. Накануне смерти приезжает в родное село, чтобы увидеться с братом (пусть и инкогнито), Григорий Квасов в рассказе «Земляки» (1968) или Игорь Александрович, чтобы увидеться с дочерью, в рассказе «Приезжий» (написан в 1969 г.). В присутствии друга, кузнеца Филиппа Наседкина, умирает одинокий Саня Неверов в «Залетном» (1970).

Но в больнице пациент умирает в одиночестве. Врач в рассказе «Заревый дождь» (1966) всё время не дает ни поговорить по душам (точнее – *договорить*, даже *доспорить*) умирающему Ефиму Бедареву с Кирькой, которого он когда-то раскулачил и который теперь пришел посмотреть, как умирает Ефим («Врач <...> сделал Кирьке знак, чтобы тот ушел»), ни выразить в полной мере свои чувства дочери Нине, приехавшей к отцу («Доктор увел женщину из палаты и остался с больным один») [Шукшин, 2014, т. 3, с. 27].

Предельное одиночество умирающего в больнице подчеркивается технологичностью, максимальной опосредованностью, дегуманизацией больничной смерти. В рассказе «Жил человек» (1974) смерть в больничной палате Синеглазого скрыта от читателя, ее наблюдают только на экране монитора, а «умирание уравнивается с выключением телевизора» [Куляпин, 2012, с. 33]. Смерть персонажа здесь представляет собой, скорее, описание технологии работы прибора Холтера:

Выглянул из палаты в коридор – точно: стоит в коридоре такой телевизор, возле него люди в белых халатах, смотрят в телевизор, некоторые входят в палату, выходят, опять смотрят в телевизор. А там, в синем, как кусочек неба, квадрате прыгает светлая точка... Прыгает и оставляет за собой

⁵ После скандала и потасовки с вахтером Ванька вместе с матерью покидает больницу и уезжает домой, так и не завершив курс лечения, несмотря на уговоры доктора Сергея Николаевича. При этом, в чем заключалось лечение Ваньки, непонятно. «Ванька Тепляшин лежал у себя в сельской больнице с язвой двенадцатиперстной кишки. Лежал себе и лежал», пока его не забрали в районную горбольницу «Лежать. Так же лежать, как здесь лежишь» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 104]. Учитывая негативную семиотику больницы в творчестве писателя, фраза соседей Ваньки по палате «Ведь тебя бы вылечили здесь, Сергей Николаевич *довел бы тебя до конца*» (курсив мой. – Д. М.) [Шукшин, 2014, т. 6, с. 108] звучит двусмысленно.

тусклый следок, который тут же и гаснет. А точка-светлячок всё прыгает, прыгает... То высоко прыгнет, а то чуть вздрагивает, а то опять подскочит и следок за собой вытянет. Прыгала-прыгала эта точка и остановилась. Люди вошли в палату, где лежал... теперь уж труп; телевизор выключили. Человека не стало. <...> Похоже, умирать-то – не страшно» [Шукшин, 2014, т. 7, с. 84].

Последняя фраза в вышеприведенной цитате (ставшая финальной фразой рассказа) выдает Шукшина. Писатель боялся больничной смерти. И в своем творчестве пытался преодолеть страх перед ней, много раз моделируя умирание и похоронный обряд. В мировой культуре обряды, связанные с рождением и смертью человека всегда преследовали «очень конкретные цели – пережить это состояния освобождения» [Шейнина, 2003, с. 310]. Мортальное моделирование в творчестве Шукшина выполняло функцию замещения традиционных обрядов умирания и похорон и редуции страха перед смертью.

В качестве альтернативы больничной смерти Шукшин, судя по письму к В. И. Белову, выбрал суицид – заранее срежиссированный, растянутый по времени и даже, как он, возможно, представлялся самому писателю и кинорежиссеру, не лишенный перформанса акт сознательного и самостоятельного ухода из жизни («сладостно сопьюсь. Медленно, чуть приплясывая, чуть припевая – постепенно утопать в мяготи прекрасных теплых дней»⁶), что идейно сближает его с поздним по времени артпроектом Г. Шнайдера. Самоубийство в произведениях Шукшина неоднократно выступает поведенческой реакцией героя на агрессию или неотвратимые негативные действия со стороны социального окружения или «властей предержащих» («Сураз» (1970), «Жена мужа в Париж провожала» (1971), «Мой зять украл машину дров!» (1971), «Алеша Бесконвойный» (1973) и др.). Но можем ли мы в таком случае рассматривать рассказ «Залетный» как автосценарий реальной смерти Шукшина?

Как известно, В. М. Шукшин скончался ночью 2 октября 1974 г. в каюте зафрахтованного к/с «Мосфильм» теплохода «Дунай», близ р. п. Клетский (Волгоградская обл.). Официальный диагноз: «острая сердечная недостаточность».

Есть несколько конспирологических версий смерти Шукшина [Варламов, 2015, с. 373–383], но среди них нет (и никогда не было) версии о самоубийстве. Более того, известные обстоятельства смерти не позволяют допустить такую версию.

Почему же В. М. Шукшин отказался от суицида, о котором он сообщал в письме к В. И. Белову в 1969 г.? На наш взгляд, причины две. Во-первых, к началу 1970-х гг. Шукшин полностью отказался от алкоголя, которым он ранее периодически злоупотреблял. Отпал сам собой вариант «медленно сопьюсь». Во-вторых, и что более значимо, именно в начале 1970-х происходит трансформация религиозно-нравственной позиции писателя и режиссера, его более глубокое обращение к православию [Белов, Заболоцкий, 2022, с. 138], не приемлющему самоубийство.

Задуманный способ избежать больничной смерти потерял актуальность. Но страх перед ней остался. «По причудливым законам человеческой психики освобождение от алкогольной зависимости усилило страх смерти, страх не успеть сделать всё задуманное» [Варламов, 2015, с. 262]. Поэтому прием мортального моделирования в творчестве Шукшина в последние годы жизни стал применяться

⁶ КБИАХМ, МКБ. КП-5046. А-3183. Л. 2.

активнее. Этим и можно объяснить наблюдение А. Н. Варламова: «чем чаще умирали его герои, тем больше он работал» [2015, с. 262].

Показательно, что среди причин скоропостижной смерти Шукшина биографы избегают называть его слабое здоровье и болезнь. После окончания курса лечения в ЦКБ в марте 1974 г. в апреле писатель и режиссер побывал в одном из санаториев Железноводска. Но, по всей видимости, лечение помогло лишь частично. В. А. Борзенкова, жена друга детства В. М. Шукшина, встретившая писателя-земляка в это время в Железноводске, вспоминает: «Он был худой-худой. Рассказал, что язва по-прежнему мучает, стали болеть икры ног. Очень сожалел, что дети маленькие» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 51]. Ранее в письме к В. И. Белову (февраль 1974 г.) Шукшин заметил: «С куревом у меня худо: ноги стали болеть – это, говорят умные доктора, на пять лет. А там – отпиливать по одной» [Там же, т. 8, с. 296]. В одной из поздних рабочих записей Шукшин признался: «Силы, силы уходят. Не думал, что это когда-нибудь произойдет со мной. Ужасно грустно. В башке полно замыслов» [Там же, с. 328].

Последние месяцы жизни были особенно напряженными. Находясь на съемках х/ф «Они сражались за Родину» на Дону, он регулярно летал в Москву по писательским делам, в Ленинград в связи с участием в фильме Г. Панфилова «Прошу слова». Много курил. Пил много кофе. Лето и ранняя осень в 1974 г. на Дону выдались жаркими, съемочная группа жила на теплоходе, стоявшем на приколе у берега. Стальной корпус судна за день накалялся так, что даже вечером дышать было тяжело. Фотограф А. Ковтун, снимавший в конце августа Шукшина на Дону, вспоминает, как на его замечание об усталом виде Шукшин ответил: «Да, устал, даже не от съемок, от каюты, от ее тесноты, воздуха не хватает, стены прямо давят» [Там же, т. 1, с. 51]. На таком фоне официальная причина смерти В. М. Шукшина не может вызывать серьезных контраргументов. Он был глубоко больным человеком, и его смерть мало отличалась от больничной: Шукшин умер в одиночестве в каюте теплохода от сердечного приступа.

Нет сомнений, что Шукшин предчувствовал свою смерть, а потому и много размышлял о ней и пытался преодолеть страх перед смертью посредством творчества. Но, увы: «какими бы ни были принятые нами меры предосторожности, смерть всегда застает нас врасплох» [Янкелевич, 1999, с. 261].

Мифологизация смерти Шукшина, произошедшая уже в первые годы после его кончины, оказалась вполне в русле идей философской антропологии рубежа XX–XXI вв. и артпроектов по преодолению страха перед смертью через «доверие процесса умирания искусству» [Шольц, 2020, с. 92]. Ведь о больничной смерти, наиболее реалистичной, но которой он так хотел избежать, мифы о смерти Шукшина не упоминают. А значит, как художник своим творчеством он смог создать иной образ собственной смерти, выполнив свою творческую задачу.

Список литературы

- Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Сов. писатель, 2002. 176 с.
- Варламов А. Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 399 с.
- Козлова С. М. Сны матери // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 256–258.
- Куляпин А. И. В. М. Шукшин об искусстве умирать // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2012. № 1 (3). С. 31–34.

Марьин Д. В. «Пишу зеленой пастой»: цвет чернил как элемент презентации и интерпретации эпистолярных памятников (на материале цикла писем В. М. Шукшина к М. С. Якутиной) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 132–143. DOI 10.17223/18137083/79/10

Мохов С. В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 3 (86). С. 171–188.

Никулин Ю. На Дону // О Шукшине. Экран и жизнь. М.: Искусство, 1979. С. 24–253.

Рильке Р. М. Записки Мальте Лауридса Бригге. М.: РИПОЛ классик, 2022. 264 с.

Тевс О. В. Больница // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 77–78.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: АСТ, 1998. 784 с.

Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, Харьков: Торсинг, 2003. 591 с.

Шольц Л. Смерть как эстетический эксперимент // Философская антропология. 2020. Т. 6, № 2. С. 88–104.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Янкелевич В. Смерть. М.: Изд-во Лит. ин-та, 1999. 448 с.

Список источников

Письмо В. М. Шукшина к В. И. Белову // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, филиал «Музей-квартира В. И. Белова» (КБИАХМ, МКБ). КП-5046. А-3183. Л. 1–2.

References

Belov V. I., Zabolotskiy A. D. *Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom* [The burthen of the cross. Shukshin on and behind the scenes]. Moscow, Sov. pisatel', 2002, 176 p.

Frazer J. *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Bough. A Study in Magic and Religion]. Moscow, AST, 1998, 784 p.

Jankelevitch V. *Smert'* [The Death]. Moscow, Publishing house of the Literary Institute, 1999, 448 p.

Kozlova S. M. *Sny materi* [Dreams of a mother]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, vol. 3, pp. 256–258.

Kulyapin A. I. V. M. Shukshin ob iskusstve umirat' [V. M. Shukshin on the art of dying]. *Vestnik IGPI im. P.P. Ershova*. 2012, no. 1(3), pp. 31–34.

Maryin D. V. "Pishu zelenoy pastoy": tsvet chernil kak element presentatsii i interpretatsii epistolyarnykh pamyatnikov (na materiale tsikla pisem V. M. Shukshina k M. S. Yakutinoi). ["I write with green paste": ink color as an element of presentation and interpretation of epistolary documents (based on the material of the cycle of letters by V. M. Shukshin to M. S. Yakutina)]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 2, pp. 132–143. DOI 10.17223/18137083/79/10

Mokhov S. V. Smert' kak problema issledovaniya v sotsial'noy i istoricheskoy antropologii: genesis idey [Death as a research problem in social and historical anthropology: the genesis of ideas]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016, vol. 19, no. 3 (86), pp. 171–188.

Nikulin Yu. Na Donu [On Don]. In: *O Shukshine. Ekran i zhizn'* [About Shukshin. Cinema and life]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 247–253.

Rilke R. M. *Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge* [The Notebooks of Malte Laurids Brigge]. Moscow, RIPOL klassik, 2022, 264 p.

Sheynina E. Ya. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, AST, Khar'kov, Torsing, 2003, 591 p.

Sholz L. Smert' kak esteticheskiy eksperiment [Death as an aesthetic experiment]. *Philosophical anthropology*. 2020, vol. 6, no. 2, p. 88–104.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. D. V. Mar'in (Ed.). Barnaul, "Barnaul" Publ. House, 2014.

Tevs O. V. Bol'nitsa [The Hospital]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU Publ., 2006, vol. 2, pp. 78–90.

Varlamov A. N. *Shukshin* [Shukshin]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2015, 399 p.

List of sources

Pis'mo V. M. Shukshina k V. I. Belovu [Letter from V. M. Shukshin to V. I. Belov]. In: *Kirillo-Belozerskiy Istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, filial "Muzey-kvartira V. I. Belova"* [Kirillo-Belozersky Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, V. I. Belov's Museum-Apartment Branch. KP-5046. A-3183. L. 1, 2.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Марьин, доктор филологических наук, доцент, помощник ректора по связям с общественностью Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Information about the author

Dmitry V. Maryin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Assistant to the Rector for Public Relations, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Статья поступила в редакцию 10.08.2023;

одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 02.11.2023

The article was submitted on 10.08.2023;

approved after reviewing on 02.11.2023; accepted for publication on 02.11.2023

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.3

DOI 10.17223/18137083/87/11

«Земля стоит на Божьём мору»: рассказы о сотворении мира из Приангарья в записи А. А. Макаренко

Вера Станиславовна Кузнецова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vera_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Аннотация

Публикуются новые архивные тексты народных рассказов о сотворении мира, записанные А. А. Макаренко на р. Ангаре в Кежемской волости Енисейского уезда в 1904 г. В них говорится о творении суши Богом из земли, поднятой со дна моря Сатаной (ср.: Thompson A811. Earth brought up from bottom of primeval water/ Земля принесена со дна первичных вод; Thompson A812.1. Devil as Earth Diver/ Дьявол как ныряльщик за землей). Записи содержат полные версии космогонических повествований в близкой к аутентичной их фиксации. Сравнение приангарских вариантов космогонической истории с текстами подобных повествований европейской территории России позволило установить их связь с фольклорными традициями Русского Севера. Публикуемые тексты расширяют наши представления о сюжетном фонде русского повествовательного фольклора в Сибири и о географии бытования некоторых фольклорных мотивов.

Ключевые слова

русский фольклор, космогонические легенды, русские сибирские записи

Для цитирования

Кузнецова В. С. «Земля стоит на Божьём мору»: рассказы о сотворении мира из Приангарья в записи А. А. Макаренко // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 126–136. DOI 10.17223/18137083/87/11

© Кузнецова В. С., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 126–136

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 126–136

**“The earth stands on God’s sea”:
stories about the creation of the world from the Angara region
recorded by A. A. Makarenko**

Vera S. Kuznetsova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
vera_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Abstract

The paper presents new archival texts containing folk stories about the creation of the world. The stories were recorded by A. A. Makarenko on the Angara River in the Kezhemsky volost of the Yenisei district in 1904. These records were not included in the collection “Siberian Folk Calendar in Ethnographic Relation: Eastern Siberia. Yenisei province” published in 1913, remaining outside the attention of the scientific community. The folk stories describe how God created the land from the earth raised from the bottom of the sea by Satan (cf.: S. Thompson. Motif-index of folk-literature: A811. Earth brought up from the bottom of primeval water; A812.1. Devil as Earth Diver). These are the complete versions of cosmogonic narratives, almost as in their authentic fixation. The Angara versions of cosmogonic history were compared with the texts of similar narratives from the European territory of Russia, revealing the connection with the folklore traditions of the Russian North. This connection is due to the peculiarities of the settlement of the Angara region: the lower reaches of the Angara River and its tributaries. According to the research, the original settlers of the Angara region were natives of the Russian North, with the old-time core of the Russian population of these territories being preserved until the revolution. The publication of these texts enhances the comprehension of Russian narrative folklore in Siberia, including the geographical distribution of some folklore motifs.

Keywords

Russian folklore, legends about the creation of the world, Siberian Russian texts

For citation

Kuznetsova V. S. “The earth stands on God’s sea”: stories about the creation of the world from the Angara region recorded by A. A. Makarenko. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 126–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/11

Алексей Алексеевич Макаренко (1860–1942) – русский фольклорист, этнограф, сибиревед, сначала корреспондент, а с 1902 г. сотрудник этнографического отдела Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге (ныне – Российский этнографический музей); умер он в блокадном Ленинграде в июле 1942 г.¹ Краткая, но емкая оценка деятельности ученого была дана М. К. Азадовским: «В сущности, только с работ А. А. Макаренко и начинается настоящее, систематическое, научное изучение русской народности в Сибири» [Азадовский, 1928, с. 105]. Главным научным трудом исследователя справедливо признан опубликованный в 1913 г. «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния», который был отмечен

¹ О жизни и научной деятельности А. А. Макаренко см.: [Азадовский, 1928, с. 101–112; Кошелев, 1962, с. 221–253; Иванова, 2015]), материалы к библиографии А. А. Макаренко см.: [Азадовский, 1928, с. 113–114].

премиями Русского географического общества, Академии наук и Томского университета (см.: [Азадовский, 1928, с. 106; Кошелев, 1962, с. 225]). Основу издания составили материалы, собранные А. А. Макаренко в период 1886–1899 гг., во время его ссылки в Восточную Сибирь, в Приангарье, куда он был отправлен за участие в народническом движении. Первоначально местом пребывания «подневольного» (по определению М. К. Азадовского) этнографа было с. Ужур Ачинского уезда Енисейской губернии, позднее – с. Казачинское той же губернии, но Енисейского уезда. Наряду с записями периода ссылки в издание Календаря вошли материалы, собранные позднее – в 1904, 1906, 1907, 1908 и 1910 гг. во время специальных этнографических поездок, которые А. А. Макаренко, работая уже в Этнографическом музее, совершал в различные районы Сибири, преимущественно в Енисейскую губернию (см.: [Макаренко, 1913, с. IV–V, Иванова, 2015, с. 261–266]).

Среди собранных А. А. Макаренко для его исследования материалов, которые хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ, р. V, колл. 119), нами были выявлены сделанные собирателем в 1904 г., но не вошедшие в опубликованный им в 1913 г. корпус «Сибирского народного календаря» две записи народных повествований о сотворении мира (тексты полностью см. в Приложении). Один из этих рассказов был записан А. А. Макаренко на р. Ангаре в с. Кежемском Кежемской волости Енисейского уезда Енисейской губернии от крестьянина Т. Кокорина, 60 лет (РО ИРЛИ РАН, р. V, колл. 119, п. 17, № 12а, л. 1 – 1 об.), другой – в Кежемской волости (без уточнения названия населенного пункта) от Ф. Кокорина, 26 лет (РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 17, № 30 л. 1 – 1 об.)².

Оба варианта повествуют о совместном творении суши Богом и чертом. Они рассказывают, что до сотворения мира были только вода и небо. На небе жили Бог и черт, которые были родными братьями, и «черт сидел в креслах». Когда они стали «асипновать» сушу, Бог послал черта нырнуть в воду, чтобы достать земли. Черт ныряет трижды, но первые два раза землю утаивает у себя во рту, а Богу говорит, что земли нет. В третий раз его рот был набит землей уже так, что щеки раздуло, и черт повинился Богу. Бог велел ему землю выплюнуть. Черт харкнул комками земли, Бог разбросал их: куда кинет комок – там и земля «доспелся». Во второй раз черт харкнул – камни «повывалились», разбросал Бог камни – горы «доспелися». Стали делить землю, черт сначала попросил дать ему половину суши, потом – четверть, «осьмуху», но Бог каждый раз ему отказывает и соглашается дать земли ровно столько, чтобы кол воткнуть. Из того места, где тот кол стоял, и выползают из земли всякие гады – змеи, мошки. Завершаются рассказы словами о том, что после этого «*черт лазал на небо с Богом драться, да Михаил Архангел ево сверзил в преисподню*», которые указывают на то, что рассказчику известен и другой эпизод космогонической истории – рассказ о свержении Сатаны с небес Архангелом Михаилом.

Действительно, в опубликованном корпусе «Сибирского народного календаря...» А. А. Макаренко приводится свидетельство бытования такого повествования именно в Кежемской волости Енисейского уезда: «С именем Михаила Архангела, – замечает собиратель, – связано сказание космогонического характера о том, как “Михаил спехнул дьявола и ево слуг жезлом с небес: который пал на

² Далее в статье ссылки на номера дел и листы этих рукописей даются в круглых скобках после цитат.

избу – тот избной стал; на лес пал – лесовой, лешаком стал; в воду пал – водяной... А сам сатано провалился в землю» [Макаренко, 1913, с. 121]. Вероятно, если бы указанные тексты о сотворении суши были включены собирателем в публикацию Календаря в 1913 г., то могли быть помещены в разделе «Ноябрь» и предварять это сказание об Архангеле Михаиле.

Примечательна помета собирателя в рукописи после текста легенды: «*Необходимо сверить, где в России встречается подобное же предание. М-ко*» (№ 12а, л. 1 об.). Представляется, что она (помета) и объясняет, почему эти сделанные еще в 1904 г. записи не вошли в издание «Сибирского народного календаря...» в 1913 г. Как отмечают исследователи, у А. А. Макаренко был замысел подготовить новое дополненное издание книги (см.: [Кошелев, 1962, с. 250, Иванова, 2015, с. 268]), и, возможно, указанные тексты были им отложены, чтобы включить их, после дополнительного изучения, в это новое издание.

Рассказ о сотворении суши из земли, принесенной со дна первичных вод³, в устной традиции восточных славян представлен в двух разновидностях сюжета – северной и южной, каждая из которых имеет отличия в организации сюжетного ядра повествования и свой набор сопутствующих ему мотивов и эпизодов (подробнее о локальных версиях сюжета о сотворении суши в составе восточно-славянских космогонических легенд см. [Кузнецова, 1998, с. 68–74]). Повествования северной версии рассказывают, что ныряют за землей на дно моря оба творца / птица, посланная Богом / Сатана в облике птицы / Сатана в неорнитоморфном облике; в творении суши участвуют оба демиурга либо независимо друг от друга, либо совместно: Бог создает ровную землю, а Сатана – неудобья на ней, из утаенной им при нырянии земли⁴ (перечень славянских вариантов северной версии легенд о сотворении суши см. [Там же, с. 169–173]). Именно северной разновидности сюжета о сотворении суши⁵ соответствуют представленные выше повествования в записях А. А. Макаренко.

Одним из сопутствующих сюжетному ядру северной версии мотивов является мотив *братства / побратимства* творцов. Один из примеров – рассказ из Костромской губернии:

³ Ср.: Thompson A811. Earth brought up from bottom of primeval water / Земля принесена со дна первичных вод.

⁴ Ср.: Thompson A812.1. Devil as Earth Diver / Дьявол как ныряльщик за землей: Сатана ныряет за землей по просьбе Бога; приносит только с третьей попытки (используя правильную формулу); прячет землю под языком; его раздувает, и он вынужден открыться Богу.

⁵ В северной и южной версиях по-разному распределяется внимание между эпизодами и мотивами сюжета: варианты северной версии акцентируют внимание на мотиве ныряния, южная версия проявляет больший интерес к той части повествования, которая рассказывает непосредственно о творении суши. Этот фрагмент расширен здесь за счет мотивов и эпизодов, известных в южной традиции, но не представленных в северной: творение суши Богом часто сопровождается усыплением (на время творения) Сатаны, земля увеличивается до настоящих своих размеров в результате попытки Сатаны утопить спящего Бога (после сотворения суши Бог ложится отдохнуть, Сатана пытается его утопить – толкает или носит Бога от берега к берегу, но земля перед ним все время «убегает», растет, и Сатана не может достичь ее края – такой большой она становится). Перечень славянских вариантов южной версии сюжета о сотворении суши см. [Кузнецова, 1998, с. 171–173].

Костр. 1⁶: Два родных брата – Господь и Сатанило жили вначале вместе, причем Господь был старшим братом, а Сатана младшим. <...> (записан в д. Кандабаево Семеновской волости Варнавинского уезда в 1915 г.) [Завойко, 1917, с. 27].

В сибирских записях легенд о сотворении мира (а они принадлежат преимущественно северной версии этого сюжета) мотив представлен в вариантах, записанных как в Западной Сибири, так и в Восточной (варианты по мотиву братства / побратимства творцов см. [Кузнецова, 1998, с. 140–141 (П)]).

Другой сопутствующий северной версии творения суши эпизод – «колышек»: после сотворения Сатана просит у Бога земли, чтобы только колышек / палку воткнуть; протыкает землю – из отверстия выползают всякие «гады»: змеи, лягушки, крысы, мыши, вредные насекомые.

Возвращаясь к упомянутой помете А. А. Макаренко «*Необходимо сверить, где в России встречается подобное преданье*» (№ 12а, л. 1 об.), относящейся к одному из записанных им текстов с мотивом «колышек», укажем, что на территории Европейской России такие повествования известны на Русском Севере, в Вятской, Архангельской, Олонецкой губерниях (варианты по мотиву «колышек» см. [Кузнецова, 1998, с. 148 (13к)]). Один из примеров – близкий (в том числе и по времени записи) рассказ из Вятской губернии:

Вят. 1: <...> Бог рассердился на Сатану и не дал ей нисколько земли. Сатана все-таки стала просить Бога, чтобы он дал ей земли, хотя бы поставить шалаш, но Бог отказал ей и в этом. Сатана снова просила Бога, чтобы он позволил ей хотя бы палкой [л. 11] ткнуть в землю. Бог на это согласился, и вот когда сатана ткнула в землю палкой, то из дыры поползли всякие гады, как то: змеи, лягушки, хомячки, крысы, мыши и прочий гад. Бог испугался этого и не знал, что делать, на счастье только неподалеку был разложен костер огня, то Бог схватил одну головешку и ею заткнул в земле дыру, и тогда гады остановились выползать из земли. <...> (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 426. Вятская губ., Орловский у., 1898 г., кор. Л. Гребнев, л. 10–11).

Примечательно, что все записанные в Сибири варианты повествований о сотворении мира с мотивом «колышек» – из Приангарья. Наряду с двумя указанными текстами А. А. Макаренко он представлен в близких по времени записях В. С. Арефьева и А. А. Савельева. Первый из этих рассказов («Когда Бог сотворил мир...») записал В. С. Арефьев в дер. Пинчухе Енисейского уезда Енисейской губернии со слов крестьянина Ив. С. Рукосуева, старжила. Запись конца 90-х гг. XIX в. приводим по публикации собирателя:

Енис. 4: Когда Бог сотворил мир, то черт все просил у него немного земли. Бог отказывал. Черт пытался было достать земли помимо Божьей воли, но ему не удавалось. Попробовал было он достать горсть земли со дна моря: нырнул, схватил земли, но пока выплывал, та разошлась в воде. Стал он сильнее просить, и Бог дозволил ему только палку воткнуть в землю: сколько палка займет земли, та и чертова. Черт воткнул палку в землю

⁶ Здесь и далее в приводимых примерах сохранено обозначение, принятое для этих текстов в исследовании [Кузнецова, 1998] и в опубликованном «Указателе сюжетов восточнославянских дуалистических легенд о сотворении мира» [Кузнецова, 1998, с. 139–163]; в скобках после примера дана расшифровка обозначения.

и вытащил; из сделавшейся ямки полезли змеи и разные другие гадины. Отсюда всякие гады и произошли [Арефьев, 1902, с. 93, № 2].

Другое подобное повествование («Откуда пошло зло на земле») записано А. А. Савельевым в 1911 г. в дер. Яркина Пичугской волости Приангарского края. В пересказе оно передано собирателем в его публикации [Савельев, 1915, с. 6], приводится нами полностью по архивной рукописи:

Енис. 2: Раз дьявол просит у Бога: «Дай мне земли, ну хоть половину». «На что тебе?!» – спрашивает Бог. «Надо мне», – говорит дьявол. «Не дам», – говорит Бог. «Ну так хоть с десятину!» – «Не дам!» – «Ну с пол десятины!» – «Не дам!» – «Ну так хоть четверть одну!» – «Не дам!» – «Ну дак уж осьмишник-то уж можешь дать!» – «Нет, и этого не дам!» Дьявол взревел: «Так дай хоть кол воткнуть!» Бог подумал: «Чего с того будет? Дам ему!» Ну и дьяволу тоже – куда деваться?! Бог говорит: «Бери!» Дьявол заострил кол, пожег его с конца, маленько обуглил и воткнул. Потом взял да выдернул обратно. Ну, из дыры тот же час повалил дым, смрад. Повывлезли разные лягушки, жабы, комар-мошка, паут, ну всякий гнус, сказать. Ну и всякое зло, и болезни от того пошли на земле. Бог на него взревел, возкричал. Дьявол испужался и дыру заткнул тем же колом. С тех-то пор на земле и есть болезни и зло. Оно не убывает, не прибывает. Сколь вышло, столь и есть (ГЛМ, инв. ФА, № 4, ед. хр. 6., л. 15, № 26).

Если приведенная выше фиксация В. С. Арефьева является, как мы видим, кратким пересказом слышанного им эпизода легенды о сотворении земли, а в записи А. А. Савельева, которая пересказом не является, находим вариант рассказа, содержащий только один эпизод космогонического повествования («колышек»), то тексты А. А. Макаренко содержат полные – со всеми эпизодами космогонической истории – варианты «космогонического предания» (по терминологии собирателя) в близкой к аутентичной их передаче.

Два зафиксированных А. Макаренко рассказа текстуально очень близки: есть небольшие разночтения на лексическом уровне, но в основном различия касаются порядка слов в предложении. (Оба рассказчика имеют одну фамилию, можно предположить, что они приходятся родственниками друг другу, но собиратель об этом ничего не сообщает.) Несмотря на текстуальную близость рассказов, собиратель по-разному определяет их жанрово. Один из них (№ 12а, л. 1–1 об.), находящийся в разделе «Материалы по сибирской демонологии, собранные А. А. Макаренко с 1886 по 1898 г. и из поездок 1904, 1906, 1907, 1908 1910 гг.», имеет данное собирателем заглавие «Космогоническое предание», другой (№ 30 л. 1–1 об.) – из раздела «Исходные материалы, легшие в основу “Сибирского народного календаря”». 2. Приметы к сельскохозяйственному календарю. 3. Поверья и приметы. 1888–1913» – помещен им среди *поверий*. Здесь тексту рассказа «Сотворение земли» непосредственно предшествует запись двух отражающих представления жителей Кежемской волости об устройстве мира поверий: одно о солнце – «Солнце стоит на одном месте, а земля ходит», другое (вынесенное нами в заглавие статьи) о земле – «Земля стоит на Божьем море». Таким образом, запись следующего за ним рассказа как бы является продолжением приведенного выше космогонического поверья о земле, иллюстрирует и раскрывает его смысл.

Как уже было отмечено, на территории Европейской России повествования о сотворении мира с мотивом «колышек» известны на Русском Севере, а все запи-

санные в Сибири варианты таких повествований – из Приангарья. Приангарье – район нижнего течения Ангары и ее притоков – один из самых старых районов заселения Восточной Сибири. Первопоселенческую основу Приангарья составили, как показали исследования, выходцы из областей Русского Севера, и сохранялось старожильческое ядро русского населения этих мест вплоть до революции (см.: [Сабурова, 1971, с. 29]). Эта связанная с заселением края особенность и объясняет, как нам представляется, присутствие данного фольклорного мотива («колышек») на территории Приангарья, подобно тому, как с этим же обстоятельством связано присутствие в некоторых повествованиях Приангарья мотива плавания на камне, см.: [Кузнецова, 2015, с. 84–85].

Публикуемые по записям А. А. Макаренко из Приангарья начала XX в. полные версии космогонических повествований в фиксации, близкой к аутентичной, расширяют наши представления о сюжетном фонде русского повествовательного фольклора в Сибири и о географии бытования некоторых фольклорных мотивов.

Список литературы

Азадовский М. А. А. А. Макаренко. К сорокалетию научно-общественной деятельности. 1887–1927 // Сибирская живая старина. Иркутск: [б. и.], 1928. Вып. 7. С. 101–114.

Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Изв. Восточносибирского отдела Русского Географического общества. 1901. Т. 32, № 1/2. Иркутск: [б. и.], 1902. С. 65–140.

Завойко К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг.) // Тр. Костром. науч. об-ва по изучению местного края. Кострома: Тип. Риттер, 1917. Вып. 8: Этнографический сборник. С. 3–40.

Иванова Т. Г. Алексей Алексеевич Макаренко – революционер, этнограф, фольклорист // Неизвестные страницы русской фольклористики / Отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 247–275.

Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX – начала XX в.). Томск: Изд-во ТГУ, 1962. 349 с.

Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 250 с.

Кузнецова В. С. О мотиве плавания на камне в фольклорной традиции и в рукописной книжности // Традиционная культура. 2015. № 3 (59). С. 77–89.

Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Гос. тип., 1913. VII + 293 с. (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии. Т. 36)

Сабурова Л. М. Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. С. 28–77.

Савельев А. А. Божественные наговоры в Приангарском крае Енисейского уезда. Томск: Томская губернская типография, 1915, с. 1–53. [Отд. оттиск из №№ «Сибирского Врача» за 1915 г.]

Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature. A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local Legends. Revised and enlarged edition by Stith Thompson. Copenhagen, 1955–1958. Vol. 1–6.

Список архивов

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

ГЛИМ – Государственный Литературный музей. Отдел рукописей (Москва).

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

References

Azadovskiy M. A. A. Makarenko. K sorokaletiyu nauchno-obshchestvennoy deyatelnosti. 1887–1927 [A. A. Makarenko. To the fortieth anniversary of scientific and social activity. 1887–1927]. In: *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian living antiquity]. Irkutsk, 1928, iss. 7, pp. 101–114.

Aref'ev V. S. Materialy po etnografii Eniseyskogo uyezda Eniseyskoy gubernii [Materials on the ethnography of the Yenisei district of the Yenisei province]. *Izvestiya Vostochnosibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1901, vol. 32, no. 1/2; 1902, pp. 65–140.

Ivanova T. G. Aleksey Alekseevich Makarenko – revolyutsioner, etnograf, fol'klorist [Alexey Alekseevich Makarenko – revolutionary, ethnographer, folklorist]. In: *Neizvestnye stranitsy russkoy fol'kloristiki* [Unknown pages of Russian folkloristics]. A. L. Toporkov (Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 2015, pp. 247–275.

Koshelev Ya. R. *Russkaya fol'kloristika Sibiri (19 – nachala 20 v. vv.)* [Russian folkloristics of Siberia (19th – early 20th centuries)]. Tomsk, TSU Publ., 1962, 349 p.

Kuznetsova V. S. *Dualisticheskie legendy o sotvorenii mira v vostochnoslavianskoy fol'klornoy traditsii* [Dualistic legends about the creation of the world in the East Slavic folklore tradition]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, 250 p.

Kuznetsova V. S. O motive plavaniya na kamne v fol'klornoy traditsii i v rukopisnoy knizhnosti [On the motif of floating on a stone in folklore and in handwritten books]. *Scholarly almanac "Traditsionnaya kul'tura" (Traditional Culture)*. 2015, no. 3 (59), pp. 77–89.

Makarenko A. A. *Sibirskiy narodnyy kalendar' v etnograficheskom otnoshenii. Vostochnaya Sibir'. Eniseyskaya guberniya* [Siberian folk calendar in ethnographic terms. Eastern Siberia. Yenisei province]. St. Petersburg, Gos. tip., 1913, VII+293 p. (Zap. Imp. Rus. geogr. ob-va po otdeleniyu etnografii [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society, Department of Ethnography], vol. 36)

Saburova L. M. Russkoe naselenie Priangar'yaya [Russian population of the Angara region]. In: *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri*. [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. Pt. 1: Angara region. Novosibirsk, Nauka, 1971, pt. 1: Priangar'e [Angara region], pp. 28–77.

Savel'ev A. A. *Bozhestvennye nagovory v Priangarskom krae Eniseyskogo uyezda* [Divine charms in the Angara region of the Yenisei district]. Tomsk, Tomskaya gubernskaya tipografiya, 1915, pp. 1–53. (Otd. ottisk iz numerov "Sibirskogo Vracha" za 1915 g. [Separate reprint from Nos. of "Sibirskiy Vrach" for 1915])

Thompson, S. *Motif-Index of Folk-Literature. A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books and local legends*. Rev. and enl. ed. Copenhagen, 1955–1958, vols. 1–6.

Zavoyko K. V Kostromskikh lesakh po Vetluge-reke (Etnograficheskie materialy, zapisannye v Kostromskoy gubernii v 1914–1916 gg.) [In the Kostroma forests along the Vetluga River. (Ethnographic materials recorded in the Kostroma province in 1914–1916)]. In: *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya*

[Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region]. Kostroma, Tip. Ritter Publ., 1917, vol. 8: Etnograficheskiy sbornik [Ethnographic collection], pp. 3–40.

List of archives

Arkhir Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya. Otdel rukopisey [Archive of the Russian Ethnographic Museum. Manuscript Department] (St. Petersburg).

Gosudarstvennyy Literaturnyy muzey. Otdel rukopisey [State Literary Museum. Department of Manuscripts] (Moscow).

Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. St. Petersburg.

Приложение

Космогоническое предание

Записал А. А. Макаренко в 1904 г. в с. Кежемском (на р. Ангаре) Кежемской вол. Енисейского у. Енисейской губ. от крестьянина Т. Кокорина, 60 лет. Публикуется по рукописи: РО ИРЛИ РАН, р. V, колл. 119, п. 17, № 12а, л. 1 –1 об. После текста легенды в рукописи есть запись собирателя: «Необходимо сверить, где в России встречается подобное же предание. М-ко». Рассказ озаглавлен собирателем.

Бог и черт были родны братья. Жили на небе, и черт сидел в креслах.

Тогда была одна вода да небо.

Стали они землю асипновать. Вот посылат Бог черта в воду, сказыват:

– Ныряй, доставай землю!

Нырнул черт в воду... Всплыл, а Бог спрашивает⁷:

– Чево достал?

– Ничево нет, – а сам затаил землю в роте.

– Ныряй! – вдругорядь говорит Бог.

Нырнул черт вдругорядь... Всплыват, а Бог опять спрашивает, ес(т)ь ли земля.

– Нет, – отвечат, а сам опять затаил землю.

В третье Бог велел черту нырять в воду. Опять черт нырнул... Опять всплыл и молчит уж, не может говорить, щеки раздуло: набил рот землей.

А Бог видит это и допытыватца, где земля?

– Прости, Господи! – И повинулся тут черт.

– Харкай! – приказал ему Бог.

Харкнул черт землю⁸.

Разбросал Бог землю: кинет комок – там и земля доспетца.

– Харкай ешшо!

Харкнул черт – камни повывалились. Разбросал Бог камни, и камни доспелись.

⁷ Изначально в рукописи это было одно предложение с запятой после слова «воду», потом запятая была заменена многоточием, а строчная буква «в» в слове «всплыл» исправлена на прописную. То же произошло с предложением ниже: «Нырнул черт вдругорядь...».

⁸ В рукописи это предложение написано дважды, между ними – зачеркнутое собирателем начало предложения «Разбросал Бог комок землю – куды комок земли кинет» и фраза «харкай ешшо».

Тогда стали делить промеж себя землю.
Черт просит дать ему половину.
Бог говорит:
– Нету тебе половины земли.
Черт просит четверть земли.
Бог говорит:
– Нет тебе и четверти.
– Осьмуху...
– Не будет тебе и осьмухи земли.
– Сколько ж ты дашь? – спрашивает черт.
– А сколько кол воткнуть – вот толь всей земли.
Отдай Бог черту хоть осьмуху земли, он извел бы народ гадом⁹. И то весь этот гад выползат из того, должно, места, «где кол стоял».
Черт опосле лазал на небо с Богом [л. 1 об.] дратца, да Михаил Архангел ево сверзил в преисподню.

Сотворение земли

Записал А. А. Макаренко 9 июня 1904 г. в Кежемской волости от Ф. Кокори-на, 26 лет. Публикуется по рукописи: РО ИРЛИ, р. V, колл. 119, п. 17, № 30 л. 1 – 1 об. Рассказ озаглавлен собирателем.

Бог и черт были родные братья. Жили оба на небе, и черт сидел в креслах. Тогда были одна вода да небо. Стали они землю асигновать. Вот посылает Бог черта в воду: «Ныряй, достань земли!» Нырнул черт в воду, всплыл.

– Достал чево-ли? – пытал Бог.
– Ничево не достал, – говорит черт.
А сам затаил землю в роте. «Да ничево нет...»
– Ныряй вдругорядь, – велел Бог.
Нырнул черт вдругорядь и вынырнул.
А Бог опять: есть земля?
– Нет! – отвечат [л. 1 об.] черт.
А сам опять затаил землю.

В третье Бог велел черту нырнуть в воду. Опять черт нырнул, опять всплыл и молчит – землей набил рот, ажно щеки раздуло.

Бог сметил, виду не подал, допытывается, где земля. И черту уже стало невмogu: «Прости, Господи!» – промычал он и повинился.

– Харкай, коли так.

Харкнул черт комками земли. А Бог куды бросит комок, там и земля доспелется.

– Харкай еще!

Харкнул черт вдругорядь, камешки вывалились. Бог разбросал камешки, там горы и камни доспелись.

Тогда стали делить землю. Черт просит дать ему половину земли. А Бог говорит: «Нету тебе половины земли». Черт запросил четверть земли. «Нету тебе и четверти земли», – говорит Бог.

Черт просит уже осьмуху. «Не будет тебе и осьмухи?» – получил он ответ.

– Сколько ж ты дашь? – пытал черт Бога.

⁹ Слово в рукописи подчеркнуто и ударение поставлено собирателем.

– Сколько кол воткнуть, столько и земли тебе дам.
– Не справедливо же это, – я заметил ¹⁰.
– Как бы не так. Отдай-ко Бог черту хоть осьмуху земли, он извел бы народ гадом. Ишо весь этот гад – змеи, мошки... – должно выползать из места, где стоял Богов кол.
Опосле ¹¹ черт лазал на небо с Богом драться, да Михаил Архангел ево сверзил в преисподню.

Информация об авторе

Вера Станиславовна Кузнецова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Vera S. Kuznetsova, Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 23.01.2024
The article was submitted on 17.01.2024;
approved after reviewing on 23.01.2024; accepted for publication on 23.01.2024*

¹⁰ Реплика собирателя.

¹¹ В рукописи перед этим словом зачеркнуто «черт».

Научная статья

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.17223/18137083/87/12

**Системный подход
в исследовании мифологического понятия *иччи*:
к постановке проблемы**

Марианна Тимофеевна Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия

satanar68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>

Аннотация

Поднимается проблема изучения понятия *иччи* (дух-хозяин) предметов, природных явлений, представляющих собой значительный пласт мифопоэтических представлений в культуре саха. Материалом исследования послужили эпические и мифологические тексты. Рассматриваются вопросы предпосылок возникновения, генезиса и развития ментального образа *иччи* (дух-хозяин), особенностей его взаимосвязи с творческой деятельностью человека. Предлагается возможный вариант упорядочения и систематизации разновидностей *иччи* (духов-хозяев) на основе противопоставлений модусов бытия – природы и культуры. В фокусе внимания также проблема трансформации предмета исследования в условиях быстрого изменения культурных ситуаций, вызванного реалиями информационного общества. В научный оборот вводятся новые фольклорные тексты.

Ключевые слова

якутский фольклор, мифология, дух-хозяин, эпос олонхо, жизнеутверждающее начало, окультуривание, дуальное мировоззрение

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты»

Для цитирования

Сатанар М. Т. Системный подход в исследовании мифологического понятия *иччи*: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 137–150. DOI 10.17223/18137083/87/12

© Сатанар М. Т., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 137–150
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 137–150

A systematic approach to studying the mythological concept of *ichchi*: the problem statement

Marianna T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
Yakutsk, Russian Federation

satanar68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>

Abstract

The paper addresses the problem of studying the concept of *ichchi* (master spirit) of things, objects, and natural phenomena, representing a significant layer of mythopoetic representations in the Sakha culture. The research materials included both the epic texts of *olonkho* and mythological texts, with some of them being introduced into scientific circulation for the first time. The novelty of the research is considering the concept under study as a subsystem of folklore, which adapts and reconstructs itself in response to social and historical realities. Moreover, it is suggested to regard the emerging *ichchi* of modern times as new products of urban culture. An attempt is made to verify the semantics of mythopoetic views by considering natural science theories and to rationalize the metaphorical language of the epic *olonkho*. The paper offers a comprehensive definition of *ichchi*, delving into the prerequisites for its emergence, genesis, and development and exploring the distinctive connection it has with human creative activity. It is stated that the creative individual plays a central role in converting natural elements into human culture, specifically in cultivating nature. In this process, the *ichchi* of objects, things, and phenomena are also somewhat “cultivated” and transformed into the focal points of an individual’s dual worldview. The author suggests a systematization of the varieties of *ichchi* based on the juxtapositions of two modes of existence: nature and culture.

Keywords

Yakut folklore, mythology, master spirit, epic *olonkho*, life-affirming principles, cultivation, dual worldview

Acknowledgments

The study was conducted as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”

For citation

Satanar M. T. A systematic approach to studying the mythological concept of *ichchi*: the problem statement. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 137–150. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/12

Согласно якутскому мирозерцанию принято считать, что «все предметы и явления природы, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни и производственной деятельности, имеют своего духа-хозяина *иччи*» [Эргис, 2008, с. 120], олицетворенного в народном сознании в виде неких зооморфных, антропоморфных и прочих существ. Многомерность предмета изучения объясняется прежде всего его иррациональной природой, имманентно-сущностным содержанием, представляющим продуктом анимистических воззрений людей. Отметим, что и в мировоззрении современных саха сохраняется древняя вера в способность *иччи* к разным эмоциям и действиям, в его обладание неким разумом и влиянием не только на состояние людей, но и на многие процессы материального (видимого) мира.

В якутской фольклористике научное изучение данного ментального феномена условно можно разделить на два периода: дореволюционный (сбор материалов) и современный, обозначивший структуралистский и функциональный подходы к изучению (труды Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, Н. А. Алексеева, А. Е. Захаровой и др.). Однако вопрос «происхождения и развития представлений об *иччи* в науке не исследован» [Эргис, 2008, с. 120], отсутствует также общепринятая их классификация. Проблема усугубляется еще и тем, что в условиях быстро меняющейся культурной ситуации неизбежны содержательные и формальные изменения фольклора в целом, и в этом смысле аспекты традиционного мирозерцания неминуемо наполняются новыми модернизирующими элементами. В таком ракурсе представления об *иччи*, которыми пронизана вся якутская народная культура (духовная и материальная), решительно нуждаются в научном осмыслении и разработке новых теоретических подходов. Не претендуя на всеобъемлющий анализ этой сложной проблемы, настоящая работа ставит целью отметить лишь начальный этап возможных путей ее решения, предполагающий необходимость реализации системного подхода в исследованиях. Системный подход определяет опору на методологические разработки М. С. Кагана о системном изучении человеческой культуры, А. Ф. Лосева о диалектической концепции мифа, Е. М. Мелетинского об исторической динамике фольклорных традиций, С. Ю. Неклюдова о соотношении архаического знания с научным. Дополним при этом, что именно «человек есть мера всех вещей» [Каган, 2003, с. 158], и, будучи открытой системой, именно он вступает в активное взаимодействие с окружающим миром.

Дефиниция понятия *иччи* в мифологии саха

Исследователи едины во мнении, что понятие *иччи* является обозначением содержания, сути, сущности, содержимого, внутренней таинственной силы вещей и явлений предметного и природного мира (Э. К. Пекарский, В. Л. Серошевский, А. Е. Кулаковский, Г. У. Эргис, Н. А. Алексеев и др.). Отмечается, что «это иррациональная, своевольная, активная, идеальная сущность вещи, которая является полновластным повелителем, хозяином всех ее внешних видимых проявлений» [Винокуров, 2017, с. 38]. Известно, что *иччи* – существа, «не принадлежащие ни к разряду айыы, ни к разряду абаасы» [Троцанский, 1902, с. 27]. Отделение древним сознанием понятия *иччи* от самого предмета и явления, при котором последние выступают лишь вместилищем-жилищем ее, свидетельствует о продукте анимистического мирозерцания людей. Имманентность (от латинского *immanens* ‘пребывающий внутри’) сути *иччи* в народном восприятии выражается в виде одушевленности силы, заключенной в предмете, явлении, а в некоторых случаях – в таких абстрактных понятиях, как человеческая речь (*эппит тылым иччитэ* ‘дух высказанных слов’), человеческая жадность (*обот иччитэ* ‘дух жадности’) и т. д. (Пекарский, 1958, стб. 990–991).

К вопросу о происхождении *иччи*

Согласно архаическому мировоззрению саха, происхождение понятия *иччи* устойчиво связывается с происхождением людей *айыы*. Об этом свидетельствует хронология этапов творения богами-создателями мироздания, существ *иччи* и людей *ураангхай саха*. В зачине олонхо П. А. Ойунского за описанием космогенеза, разворачивающегося в мифологическое время первотворения, говорится:

А потом исполины айыы – / Те, кого не выдерживает земля, / Решили
жизнь основать / В срединном мире земном, / Навсегда устроить его / Не-
меркнущую судьбу (Державин, 1975, с. 12).

А далее в монологической речи богов улавливается их замысел и подчеркивается:

Спуская / От трех первозданных родов... / Надобно устроить жизнь /
В Срединном мире / С тридцатью пятью племенами... / Да с людьми саха
(Ойуунускай, 2003, с. 19) ¹.

Из этих строк олонхо становится очевидным божественное происхождение пле-
мени саха и тридцати пяти племен, а также замысел их одномоментного спуска-
ния на Срединную землю.

В олонхо повествуется о том, что древний саха является «младшим сыном
“Белого Престарелого Господина”» по имени *Түөнэ Монгол тойон* ‘Тюёнэ Монгол
тойон’ (Ойуунускай, 2003, с. 19). А старшими детьми верховного бога оказыва-
ется ряд божеств и духов *иччи* [Ионова-Андросова, 1998, с. 184–189]. Среди засе-
ляемых детей обозначаются *иччи* Срединного мира – дух-хозяин темного леса,
дух-хозяйка земли, дух-хозяин огня, дух-хозяйка жилища, хлева и т. д. [Там же].
Ойунский также включает племя древних саха в состав этих тридцати пяти пле-
мен [Ойунский, 2013, с. 12]. Итак, и человек *айыы*, и *иччи* не только входят в со-
став тридцати пяти племен, спущенных богами на землю, но также являются
однопоколенными родами (племенами), созданными божествами-творцами.

Предпосылки возникновения *иччи*

В свое время Г. У. Эргис отмечал: «Ни в мифах, ни в песнях о мироздании
процесс создания земли не описывается, говорится лишь о результате творческого
акта» [2008, с. 118].

В этом плане примечательны подробности мифологического текста, записан-
ного в 2005 г. и хранящегося в архиве П. И. Еремеева. Начало этого текста анали-
зировалось автором статьи ранее (см.: [Сатанар, 2021, с. 145–146]). Приведем вто-
рую часть текста:

Из-за своего тяжелого веса *иччи* воды так и не смог взобраться на гору
и догнать *иччи* огня. Жадность *иччи* воды привела к тому, что Срединная
земля была полностью затоплена водой. Остались лишь верхушки гор.
Те времена были названы Веком Великих вод. После того, как *иччи* огня
спрятался, притаившись в кремни, из-за отсутствия огня на земле умень-
шилось тепло, вследствие чего стали наступать холода. *Иччи* воздуха,
чтобы согреться, начал бегать очень быстро. С тех пор на Срединной земле
стали дуть сильные ветры и вихри. С уменьшением тепла на Земле, за-
мерзающая вода стала занимать всё больше и больше территории, так по-
степенно наступил Ледниковый период. *Иччи* Солнца наблюдал за всем
этим происходящим и, подумав о том, что *иччи* первостихий могут нанести
великое бедствие Земле, повелел всем рождающимся на этой земле иметь

¹ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

своего духа *иччи*, предназначив последним помогать, оберегать и охранять всё рождающееся и размножающееся ².

Приведенный текст детализирует события (происшедшие в мифологическое время), свидетельствующие о конфликте между первостихиями, а далее о божественной идее – необходимости наделения духом-*иччи* всех и вся, их предназначения на этой Срединной земле. Таким образом, первостихии первичны, а флора, фауна и человек вторичны по отношению ко времени появления на Срединной земле.

Порядок взаимосвязи жизнеутверждающих начал

Заметим, в приведенном мифологическом тексте в перечень «всего рождающегося на поверхности Земли» входит и человек, наряду с представителями растительного, насекомого и животного мира. Согласно мифологическим воззрениям, в этой единой всеобщности жизни на земле все представители «сделаны» из материала первостихий [Бравина, 2005, с. 15]. К примеру, растениям приписывалось наличие *салгын кут* ‘кут из воздуха’, животным же – *буор кут* ‘кут из земли’ [Там же, с. 32]. И в олонхо устойчивой формулой служит описание человека *айыы*, отражающее изначальное соединение природных первостихий в сущности человека: «С кут из земли и воздуха / Серый урангхай» ³ (Степанов, 1995, с. 11).

Прежде всего нас интересует взаимная связь понятий *кут* ‘душа, сущность вещи; жизненность’ (Пекарский, 1958, стб. 1262), *тыын* ‘дыхание, жизнь, душа, дух; жизненность, присущая как животному, так и растению’ (Пекарский, 1958, стб. 2948) и *иччи* ‘дух-хозяин определенных предметов и явлений природы’ (ТСЯЯ, 2006, с. 803). Как видно из определений, эти понятия в мирозерцании саха тесно переплетены. При этом из них нематериально понятие *тыын* ‘дыхание’, которое не обладает конкретной материальной формой. Понятиям *кут* ‘душа’ и *иччи* ‘дух-хозяин’ присуща двойная природа (и духовная, и материальная), вещь которых проявляется именно в заключении (помещении) собственно в некий материальный объект. Примечательно, что в олонхо сохранились сведения о *тыын* ‘дыхании’ как о животворном едином природном начале. Рассмотрим мотив зачатия от тяжелого дыхания богатыря – жителя Верхнего мира *абаасы*, будущего могучего богатыря Срединного мира. В предсмертной речи богатыря *абаасы* говорится:

Пусть меня славного / Грузное черное дыхание / Да тёмно-прочная мысль / Вовсю распространится делом черным / В Срединном мире, / Пусть, найдя какую-нибудь молодуху / Или старуху, / Через каменное темя их / Внедрится-впитается / И, чтобы прославленным из века в век / Богатырем могучим-крепким быть, / Пусть, обернувшись в дитя, родится ⁴ (Саввин, 2014, с. 108).

И в этнографических материалах отмечается первичность *тыын*: «дыхание, присущее как природе, так и всему живому, обладало универсальным свойством

² Еремеев П. И. Заметки по якутскому верованию // Рукописный фонд архивного отдела Крест-Хальджайской сельской библиотеки Томпонского улуса РС (Я). Фонд краеведа П. И. Еремеева. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 42.

³ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

⁴ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

придавать всему сущему качество бытия – *кут*» [Бравина, 2005, с. 13]. Следовательно, в народном сознании *тыын* ‘дыхание’ является единым началом всеобщности жизни на земле, наличие которого служит важным гарантом зарождения новой жизни.

Интересно, что мифологические представления о *тыын* ‘дыхании’ вполне могут «вписаться» в модель естественнонаучных знаний. Так, гипотетически, понятие *тыын* как природное начало, «вдувающее» жизнь, можно оценить как попытку чувственного познания «единого поля Вселенной». Единая теория поля констатирует поле-континуум, заполняющее всю Вселенную, пронизывающее все уровни материи (микромир, макромир, мегамир) – эфир [Жмудь, 2021, с. 55]. Концепция этой всепроникающей среды, или первовещества, была впервые выдвинута Р. Декартом [Саврухин, 2014, с. 206].

Уточним, что мы не будем затрагивать проблему сложной связи составных субстанций сути человека (*буор кут* ‘земля-душа’, *ийэ кут* ‘мать-душа’ и т. д.) – каждой в отдельности, с понятием *иччи*, так как это не входит в задачи нашего исследования. Мы лишь выделим логическую связь в целом человека как совокупности всех этих составляющих с предметом данного исследования – *иччи*.

Выявлено, что «*иччи* Срединной земли предстает младшим» из *иччи*-братьев первостихий (воздуха, воды, огня) [Сатанар, 2021, с. 146]. Сам процесс становления *иччи* Земли не описывается ни в мифах, ни в фольклорных текстах, но он контекстом угадывается в изначальном монологе создателей:

Ар дьаалы! / С длиннющей долиной, / С обширной поляной... / Оказывается, эта страна, ребята! / В такой стране / Только предначертанных Одун, / Предуказанных Чынгысом – / Улусы Сюнг хаана, / Родичи Сюг тойона, / Потомки Сюнгкен Эрилик, / Если только старик Одун биис, Джылга тойон, / Предопределив судьбу их, / Спустит в эту страну, – / Только тогда земля эта найдет своего *иччи*. / Не так ли, друзья? ⁵ (Оросин, 1947, с. 63).

В данном отрывке речь идет о необходимости заселения людьми *айыы* Срединного мира с предназначением стать его *иччи*, т. е. полноправным хозяином этой земли, в противном случае земля эта так и останется беззащитной, будучи открытой для нападения чужих племен (Державин, 1975, с. 12). Из содержания текстов можно предположить имплицитное наличие в них процессуального порядка: *тыын* ‘дыхание’ → *кут* ‘душа’ или человек → *иччи* ‘дух-хозяин’. Взаимосвязь человека с *иччи* становится еще более ясной с точки зрения тезиса об «изоморфизме микрокосма (Я) и макрокосма (Вселенная)» [Топоров, 2010, с. 354] на основе иерархической организации мифопоэтической модели мира – *иччи*, заключенный в предмете или явлении изоморфен человеку, своего рода также «помещенному» в Срединную землю, при этом предназначением и первого, и второго являются оберегание и охранение своего «жилища-пристанища» (материально-го объекта).

К проблеме систематизации *иччи*

Оберегание и охранение *иччи* земли – людьми *айыы* своего жизненного пространства в мирозерцании саха реализуется организацией и поддержанием жиз-

⁵ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

ни и порядка на Срединной земле [Пухов, 2016, с. 11]. Известно также, что при выполнении людьми *айыы* этой миссии *иччи* призваны помогать им в качестве «покровителей разных отраслей хозяйства и промыслов» людей [Ойунский, 2013, с. 42]. Рассмотрим подробнее.

Согласно содержанию олонхо, обживание земли устойчиво связывается с ее культурным освоением. Так, вся природа и ландшафт этой земли «благоприятствуют» возникновению и развитию разных видов человеческой культуры. К примеру, для размножения скота на этой земле изначально имеются раздольные пастбища, подходящие сенокосные угодья:

Такие, что журавль-птица моя / Никак угнездиться не может, / Необъятно-бескрайние / Долины имеет она, оказывается [Каратаев, 1996, с. 87].

Кроме этого, развитию скотоводческой культуры на земле способствует еще и заселение создателями «покровителей скотоводческого дела» – *Кюн Дьэсегей Тойон*, *Кюрё Дьэсегей Хотун*, чтобы «Развели, расплодили они / Бесчисленные табуны / Белых, длинногривых коней» (Державин, 1975, с. 13–14). Или для благополучного развития кузнечного дела боги заселяют его *иччи* – кузнеца Куэттээни: «Чтобы он ковал, мастерил / Тридцати пяти племенам / Боевое оружие, ратный доспех» (Там же, с. 14). Для приумножения в водах озер, рек и морей многочисленных рыбных пород «Хозяином всех водоемов земных / Был поставлен старик / Едюгэт Боотур... / Водоемов дух-властелин» (Там же, с. 15). Для развития охотничьей культуры богами назначается *иччи* темного леса Баай Байанай, в распоряжении которого изначально имеются непроходимые черные леса, в которых обитают многочисленные звери и птицы (Каратаев, 1996, с. 83, 85). Итак, тексты олонхо изобилуют разнообразием *иччи* ‘духов-хозяев’ как природных явлений и объектов (огня, грома, морей, местностей, растений, животных и т. д.), так и культурных явлений, объектов (традиционных занятий, построек, предметов и т. д.). Человек *айыы* в лице культурного героя на Срединной земле создает то, чего природная среда создать не может, становясь при этом «активным творцом мироздания» [Бравина, 2005, с. 21]. Следует также отметить, что к ряду природных явлений наряду с самим человеком можно отнести и систему, которая «стоит за биологической, психической природой человека», представляющую собой совокупность невидимых *иччи* ‘духов-хозяев’ человеческой мысли, слова, жадности, страсти и т. д. На наш взгляд, идея противопоставления двух главных модусов бытия – природы и культуры – может служить основой упорядочения разнообразия мифологических персонажей *иччи*, от которых в дальнейшей систематизации «возьмут свои начала» многочисленные их разновидности.

К проблеме отношений человека *айыы* к *иччи*

Человек *айыы* не является пассивным объектом воли высших божеств, наоборот, он предстает активным создателем природы и культуры посредством налаживания прочных взаимоотношений с *иччи*. Так, перед отправкой в поход богатырь совершает особый ритуал поклонения *иччи* огня и родной земли с просьбой охранять и оберегать его имущество (Каратаев, 1996, с. 119), при этом он «потчует» *иччи* огня и родной земли, окропляя пламя огня крепким кумысом. Таким «мифологическим способом» коммуникации человека *айыы* с разными видами *иччи* служил комплекс обрядов и ритуалов. Важно, что в научной литера-

туре отмечаются повадки и нравы *иччи*: «Независимы, как и люди действуют сознательно, пристрастны и эмоциональны, как и боги горделивы. Требуют особого благосклонного отношения. Им поименно время от времени нужно принести жертвы. Они способны и на добрые, и на злые дела» [Уткин, 1994, с. 23]; «Все предметы и явления природы, имеющие *иччи*, обладают магическими свойствами. Они могли принести вред или пользу человеку» [Алексеев, 2008, с. 43]. В этих замечаниях актуализируется процесс «антропоморфизации» *иччи*.

В мировоззрении саха человек *айыы* понимается как человек творящий, при котором слово «айыы» в народном сознании означает «творящее начало, творение (в смысле действия)» [Трошанский, 1902, с. 19]. В ракурсе данной особенности человека – способности творить, важным представляется дополнение к вышеотмеченным положениям: «*иччи* могут делать как доброе, так и злое, в зависимости от того, как будет относиться к ним человек» [Кулаковский, 1979, с. 26]. Здесь отмечается ключевой момент: первоначальная позиция самого человека, от которой будет зависеть дальнейшая эволюция *иччи* ‘духа-хозяина’, связанная с «сущностью предметов и явлений природы, влиявших либо благоприятно, либо неблагоприятно на его (человека. – М. С.) существование» [Трошанский, 1902, с. 18]. Иначе, отношение человека *айыы* можно рассматривать как отправную точку, от него будет зависеть: 1) направление развития *иччи* как «имманентного, энергийного» (по А. Ф. Лосеву) субстрата в сторону положительного или отрицательного объекта (в ценностной шкале); 2) ответ *иччи* человеку в виде влияния на его состояние. Заметим, отношение здесь не должно пониматься только как материальное. На наш взгляд, модель отношений человека с *иччи* необходимо рассмотреть с учетом концепции «двуединства идеального и материального», когда идеальное предстает «опережающей возможностью действительности, в которую она воплощается» в качестве универсального закона мироздания [Асадуллаев, 2013, с. 382]. Такой подход отвечает и новым парадигмам науки о фольклоре – «антропологизации» гуманитарного знания, обеспечивающей «многомерность результатов научного анализа» [Неклюдов, 2006, с. 126]. Таким образом, важен тезис о том, что «высшей формой идеального является сознание человека» [Асадуллаев, 2013, с. 381], который и обладает способностью «оживотворять и одухотворять предметы и явления» [Трошанский, 1902, с. 6]. По сути этим и объясняется ряд суждений ученых: «Многие из самых популярных божеств и духов, смотря по местности, изменяли не только основные черты своего характера, но даже и наименование» [Попов, 1949, с. 267]; «Наделение отдельных предметов сверхъестественными свойствами было общеякутским явлением» [Алексеев, 2008, с. 230]; «Природа местности наделялась человеческими качествами: она имела дыхание, свой нрав, могла быть доброй или злой и т. д.» [Бравина, 2005, с. 24]. В пользу вышеотмеченного тезиса говорят и современные тексты: «Если жить долго в одной местности, там появляется *иччи*»⁶ (КФ, 2023, с. 417); «Различные местности, в пределах нескольких километров, как будто имеют разных духов-хозяев»⁷ (КФ, 2023, с. 411) и т. д. Эти примеры свидетельствуют не только о способности «наделения» человеческой сутью *иччи* своих творений, но также о его способности «воздействия» (развития) на *иччи* местностей, природных явлений в целом.

⁶ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

⁷ Пер. с якут. яз. мой. – М. С.

Между замечаниями ученых о том, что «эти существа не принадлежат ни к разряду айыы, ни к разряду абаасы» [Трошанский, 1902, с. 27], «иччи способны и на добрые, и на злые дела» [Уткин, 1994, с. 23], угадывается наличие динамического характера некоего возможного развития *иччи*, который в силу дуальной природы самой сути человека-творца эволюционирует либо в положительное, либо в отрицательное «существо». Важным при этом представляется уточнение: «Айыы киси создание – человек, добрый человек, а абаасы киси – противоположность ему» [Трошанский, 1902, с. 22]. Следовательно, человек, будучи созидающим добро или зло, «производит подобное» [Фрэзер, 2001, с. 16]. В таком ракурсе становится понятным, почему *иччи* разнятся характерами, нравами, эмоциями и т. д., дублируя качества людей.

Процесс «одухотворения» (наделения *иччи*) определенных вещей, предметов и явлений человеком *айыы*, в ракурсе современной науки, гипотетически, может быть осмыслен посредством одного из принципов современной космологии – антропного принципа участия (АПУ) Дж. А. Уилера, основанного на постулатах квантовой механики. АПУ постулирует наличие влияния человеческого сознания на характеристики (свойства) объекта: человек, будучи (неминуемо) участником этого процесса, меняет (трансформирует) состояние объекта [Капра, 1994, с. 59]. Итак, человек *айыы*, ниспосланный на Срединную землю богами-создателями вместе с *иччи* (изначально оба – природные объекты), а далее предназначенный стать *иччи*-хозяином Срединного мира, предстает главным генерирующим объектом в осуществлении трансформации естественной природы в человеческую культуру (т. е. в окультурировании природы), в процессе которой *иччи* ‘духи-хозяева’ предметов, вещей и явлений также в своем роде «окультуриваются», эволюционируя при этом в объекты дуального мировоззрения человека.

К вопросу прагматики понятия *иччи* в условиях социокультурных перемен современного мира

«Технологически» он (фольклор. – М. С.), несомненно также будет модифицироваться под воздействием стремительно меняющейся информационной среды. Фольклористике же в своих исследованиях желательно не отставать от осмысления этого процесса» [Неклюдов, 2006, с. 123].

Современные реалии показывают, что поддерживаемые на протяжении ряда веков традиционные занятия саха (скотоводство, охота, рыболовство, кузнечество, оленеводство) в настоящее время постепенно уступают свои позиции новым профессиям в среде молодежи (специалисты IT-технологий, банковской сферы, программисты, топ-менеджеры и т. д.), что вызвано технологизацией и урбанизацией современного мира. В такой ситуации, следуя моделям традиционного мировоззрения, закономерным можно считать возникновение новых *иччи* – покровителей иных видов занятий и профессий, построение отношений с которыми пока не осознается народным сознанием на должном уровне.

В связи с не востребованностью среди современных саха отрасли скотоводства неизбежно меняется отношение к земле. Если в былые времена якуты приспособивали много полей для расположения летников, сенокосных угодий и пастбищ, вводя в хозяйственный оборот огромные территории земли, при этом оберегая отношения с *иччи* земли, то сегодня в сельской местности всё больше и больше заброшенных, бесхозных земель, не имеющих своих хозяев. Такое же положение отмечается и в отношении *иччи* леса, *иччи* охотничьей деятельности –

в пору советской системы большие территории лесных массивов были отведены под охотничье-промысловые угодья, имелись штатные охотники, за которыми закреплялись эти леса, у которых также были налажены «договорные коммуникативные отношения» [Неклюдов, 2012, с. 124] с локальными *иччи* ‘духами-хозяевами’, выражающиеся в строгом соблюдении различных обрядов, ритуалов, табу, норм и правил. Эти и многие другие проблемы по известным причинам еще более усугубляются с развитием промышленности.

Стоит также обозначить и происходящий ренессанс в области народного врачевания, сопровождаемый новым витком стихийных организаций коммуникативных отношений (в виде договора, выкупа, изгнания) с *иччи* новых разновидностей болезней. Такую тенденцию наглядно показала пандемия коронавируса. С каждым годом пополняются ряды травников, целителей, знахарей, шаманов и прочих сакральных специалистов. В научной литературе отмечается: в давние времена считалось, что «корь, оспа, сифилис – болезни, принесенные русскими» [Романова, Степанова, 2021, с. 220], видимо, поэтому в народных представлениях они персонифицировались в образах женщин, старух славянской внешности. При этом указывается: «Даже шаманы бессильны перед злым духом пришельцев, но иногда подарки и жертвоприношения духам в виде меха, развешенного на деревьях во время эпидемии, отводят опасность» [Иохельсон, 2005, с. 67]. Речь идет о явлении «заимствования образа болезни от русских и проникновении его в фонд локальных демонологических представлений» [Гурвич, 1974, с. 269]. Вывод, полученный И. С. Гурвичем, вновь актуален в свете актов коммуникативных отношений с «чужими» *иччи* новых видов болезней в практике народного целительства.

На эти и многие другие проблемы, связанные с проникновением технологий и инноваций во все сферы культурной деятельности современных саха, не реагирует пока наука о якутском фольклоре, перед которой стоит важная задача верификации *иччи* современности, выявления его содержательных и формальных обновлений, определения степени сохранения или трансформации отношения современных саха с *иччи*. Эти и многие другие вопросы ждут своих исследователей.

Заключение

Анализ понятия *иччи* ‘дух-хозяин’ в текстах олонхо показывает единое божественное происхождение с племенем людей *айыы*, их однопоколенность и одновременное спускание на Срединную землю, единое предназначение стать полноправными хозяевами *иччи* всего, что появляется, рождается, создается на этой земле, и в этом смысле *иччи* вместе с людьми *айыы* наделены общей функцией оберегания, охранения, улучшения биосферы Земли. В анимистических представлениях обнаруживается наличие идеи последовательного порядка составных жизни «*тыын* ‘дыхание’ → *кут* ‘душа’ или человек → *иччи* ‘дух-хозяин’», при котором именно сознание и отношение человека становятся определяющими факторами дальнейшей эволюции понятия *иччи* в общем процессе трансформации естественной природы в человеческую культуру. Предлагается идея систематизации *иччи* ‘духов-хозяев’ в традиционном мировоззрении саха на основе противопоставлений двух главных модусов бытия – природы и культуры. В современных условиях мифологическое понятие *иччи* ‘дух-хозяин’ вещей, предметов, явлений в качестве составного компонента фольклора как системы предстает также стихийно самоорганизующейся, «подстраивающейся»

под исторические реалии подсистемой, комплексное исследование которой должно стать одним из приоритетных направлений в якутской фольклористике, способным отвечать на запросы времени.

Список литературы

- Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
- Асадуллаев И. К.* Новый материализм // Социодинамика. 2013. № 2. С. 379–411.
- Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 305 с.
- Винокуров В. В.* Иччи (духи-хозяева) в якутском героическом эпосе олонхо // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2017. № 3 (07). С. 38–51.
- Гурвич И. С.* Якутско-юкагирские предания об оспе (К вопросу о путях формирования демонологических образов) // Социальная организация и культура народов Севера: Посвящается памяти Б. О. Долгих / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1974. С. 249–269.
- Жмудь В. А.* Введение к единой теории поля // Автоматика и программная инженерия. 2021. № 1 (35). С. 28–63.
- Ионова-Андросова М. Н.* Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи / Сост. Е. И. Коркина. Якутск: Кудук, 1998. 733 с.
- Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. 383 с.
- Капра Ф.* Дао физики. СПб.: Орис, 1994. 304 с.
- Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Неклюдов С. Ю.* Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. 2006. № 2 (39). С. 121–127.
- Неклюдов С. Ю.* Бог как власть и диалог с ним // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 121–133.
- Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск: Сайдам, 2013. 120 с.
- Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 267.
- Пухов И. В.* Олонхо – древний эпос якутов. Якутск: ИД СВФУ, 2016. 48 с.
- Романова Е. Н., Степанова Л. Б.* Антропология болезни. По следам эпидемий Полярного круга: полевые материалы И. С. Гурвича // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 218–230.
- Саврухин А. П.* Природа света // Вестник МГУП – Лесной вестник. 2014. № 4 (104). С. 206–222.
- Сатанар М. Т.* О структуре и семантике космогонических мотивов в якутском и шорском эпосах // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2021. № 1. С. 140–149.
- Топоров В. Н.* Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1 448 с.
- Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. 228 с.

- Уткин К. Д. Мифологические основы якутских олонхо. Якутск: Ситим, 1994. 32 с.
- Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии: В 2 т. / Пер. с англ. М. Рыклина. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. Т. 1. 528 с.
- Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 408 с.

Список источников

- Державин В. В. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1975. 440 с.
- Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- КФ – Кэбээйи фольклора. Дьокуускай: Айар, 2023. 760 с.
- Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2003. 552 с.
- Оросин К. Г. Дьулуруйар Ньургун Боотур = Нюргун Боотур Стремительный / Пер. Г. У. Эргис. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 450 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 710 с.
- Саввин М. И. Мүлдьүөт Бөҕө: олонхо. Дьокуускай: Бичик, 2014. 520 с. (Саха боотурдара: 2001; Т. 14).
- Степанов Н. И. Кюн Эрили. Олонхо / Подгот. текста, ст. и коммент. П. Н. Дмитриева. Якутск: Полиграфист, 1995. 180 с.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 844 с.

References

- Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 494 p.
- Asadullaev I. K. Novyy materializm [The New Materialism]. *Sociodynamics*. 2013, no. 2, pp. 379–411.
- Bravina R. I. *Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy sakha* [The concept of life and death in the culture of an ethnic group: based on the Sakha traditions]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 305 p.
- Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik, 2008, 408 p.
- Frezer D. D. *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii: V 2 t.* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion]. M. Ryklin (Transl. from English). Moscow, Terra-Knizhnyy klub, 2001, vol. 1, 528 p.
- Gurvich I. S. Yakutsko-yukagirskie predaniya ob ospe: (K voprosu o putyakh formirovaniya demonologicheskikh obrazov) [Yakut-Yukaghir legends about smallpox: (On the question of ways of forming demonological images)]. In: *Sotsial'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa: Posvyashchaetsya pamyati B. O. Dolgikh* [Social organization and culture of the peoples of the North: Dedicated to the memory of B. O. Dolgikh]. Gurvich I. S. (Ed.) Moscow, Nauka, 1974, 249–269.

- Iokhel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and yukagirized Tungus]. V. Kh. Ivanov, Z. I. Ivanova-Unarova (Transl. from English). Novosibirsk, Nauka, 2005, 675 p.
- Ionova-Androsova M. N. *Olonkho, pesni, etnograficheskie zametki, stat'i* [Olonkho, songs, ethnographic notes, articles]. E. I. Korkina (Comp.). Yakutsk, Kuduk, 1998, 733 p.
- Kagan M. S. *Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury* [Introduction to the history of world culture]. St. Petersburg, Petropolis, 2003, 383 p.
- Kapra F. *Dao fiziki* [The Tao of physics]. St. Petersburg, Oris, 1994, 304 p.
- Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1979, 484 p.
- Neklyudov S. Yu. Fol'klor i ego issledovaniya: vek dvadtsatyy [Folklore and its research: the twentieth Century]. *Ekologiya kul'tury*. 2006, no. 2 (39), pp. 121–127.
- Neklyudov S. Yu. Bog kak vlast' i dialog s nim [God as power and dialogue with him]. *Antropologicheskii forum*. 2012, no. 17, pp. 121–133.
- Oyunskiy P. A. *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. Yakutsk, Saydam, 2013, 120 p.
- Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 11, 276 p.
- Pukhov I. V. *Olonkho – drevniy epos yakutov* [Olonkho is an ancient epic of the Yakuts]. Yakutsk, NEFU Publ. House, 2016, 48 p.
- Romanova E. N., Stepanova L. B. Antropologiya bolezni. Po sledam epidemiy Polyarnogo kruga: Polevye materialy I. S. Gurvicha [The anthropology of the disease. In the footsteps of the epidemics of the Arctic Circle: Field materials of I. S. Gurvich]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2021, no. 3 (54), pp. 218–230.
- Satanar M. T. O strukture i semantike kosmogonicheskikh motivov v yakutskom i shorskom eposakh [On the structure and semantics of cosmogonic motifs in the Yakut and Shor epics]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2021, no. 1, pp. 140–149.
- Savrukhin A. P. Priroda sveta [The Nature of light]. *Forestry Bulletin*. 2014, no. 4 (104), pp. 206–222.
- Toporov V. N. *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы* [World tree: universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2010, vol. 1, 448 p.
- Troshchanskiy V. F. *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov*. [The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1902, 228 p.
- Utkin K. D. *Mifologicheskie osnovy yakutskikh olonkho* [Mythological foundations of Yakut olonkho]. Yakutsk, Sitim, 1994, 32 p.
- Vinokurov V. V. Ichchi (dukhi-khozyaeva) v yakutskom geroicheskom epose olonkho [Ichchi (host spirits) in the Yakut heroic epic olonkho]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2017, no. 3 (07), pp. 38–51.
- Zhmud' V. A. *Vvedenie k edinoi teorii polya* [Introduction to unified field Theory]. *Automatics & Software Engineering*. 2021, no. 1 (35), pp. 28–63.

List of sources

- Derzhavin V. V. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyy* [Nyurgun Bootur is Swift]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1975, 440 p.
- Karataev V. O. *Yakutskiy geroicheskiy epos "Moguchiy Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"]. Alekseev N. A., Emel'yanov N. V. (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1996, 440 p.
- Kebeeyi fol'klora* [Kobyai folklore]. Yakutsk, Ayar, 2023, 760 p.
- Orosin K. G. *D'uluruyar N'urgun Bootur = Nyurgun Bootur Stremitel'nyy: olonkho* [Nurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, Gosizd. YaASSR, 1947, 409 p.
- Oyuunuskay P. A. *D'uluruyar N'urgun Bootur* [Nyurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat, 2003, 552 p.
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, AN SSSR, 1958, vol. 1, 710 p.
- Savvin M. I. *Myld'yot Bəḡə: olonkho* [Muljet Beget. Olonkho]. Yakutsk, Bichik, 2014, vol. 14, 520 p. (Sakha booturdara: 2001, vol. 14).
- Stepanov N. I. *Kyun Erili. Olonkho* [Kyun Erili. Olonkho]. P. N. Dmitriev (Prep. of the text, art. and comm.). Yakutsk, Poligrafist, 1995, 180 p.
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta* [Explanatory dictionary of the Yakut language]. Sleptsov P. A. (Ed). Novosibirsk, Nauka, 2006, vol. 3, 844 p.

Информация об авторе

Марианна Тимофеевна Сатанар, кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)
Scopus Author ID 57210926807
WoS Reseachr ID AAH-5055-2019

Information about the author

Marianna T. Satanar, Candidate of Philology, Researcher, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57210926807
WoS Reseachr ID AAH-5055-2019

*Статья поступила в редакцию 06.07.2023;
одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 11.09.2023
The article was submitted on 06.07.2023;
approved after reviewing on 11.09.2023; accepted for publication on 11.09.2023*

Научная статья

УДК 398.332 (=512.151)

DOI 10.17223/18137083/87/13

Жанровые особенности песен и благопожеланий в свадебной обрядности алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Целью данной статьи является определение жанровых особенностей алтайских свадебных песен и благопожеланий. Актуальность работы обусловлена отсутствием в фольклористике исследований, освещающих вопросы поэтики этих жанров. Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные тексты алтайских народных песен и благопожеланий. Новизна исследования заключается в выявлении семантики свадебных песен и благопожеланий алтайцев. Свадебные песни по тематике разнообразны: молодоженам желают рождения детей, здоровья, счастья, богатства; восхваляют родителей жениха и невесты, вырастивших хороших детей; воспевают свадебное торжество и застолье. На традиционной алтайской свадьбе центральное место отводится ритуалу благопожелания, совершаемому утром при возжигании огня в юрте жениха. В благопожеланиях также прослеживаются темы, утверждающие традиционные ценности алтайской семьи.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, обряды алтайцев, свадьба, поэтика, свадебные песни, благопожелания алтайцев

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Жанровые особенности песен и благопожеланий в свадебной обрядности алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 151–163. DOI 10.17223/18137083/87/13

© Ойноткинова Н. Р., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 151–163
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 151–163

Genre features of songs and good wishes in the wedding rituals of the Altai people

Nadezhda R. Oynotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

The purpose of this paper is to analyze the genre elements present in Altai songs and wedding well-wishes. The relevance is due to the lack of research on the poetics of wedding genres in Altai folklore in modern folklore studies. The novelty is identifying the functions and semantics of wedding songs and good wishes in the wedding rituals of the Altai people. During Altai wedding ceremonies, oral wishes and songs, known as *janar*, are performed at every wedding stage. The distinctive characteristic of these genres is their strong association with ritual actions. Songs are an integral part of various ceremonies, including matchmaking, weddings, the bride's procession, braiding, and rituals in the house of the bride's parents. Good wishes are predominantly sung during the blessing ceremony. In terms of genre pragmatics, wedding songs and good wishes play a role in blessing a young family and honoring the parents of the bride and groom. The functional and semantic feature of wedding songs and good wishes of the Altaians is the affirmation of moral and ethical values and principles of living in society. The objective world of the Altai wedding is filled with symbolic meanings determined by their role in the ritual. The analysis of wedding songs and good wishes revealed the wide range of artistic and stylistic techniques employed in language, encompassing both formal and semantic aspects to convey specific conceptual ideas.

Keywords

Altai folklore, Altai rituals, wedding rites, poetics, wedding songs, Altai wishes

For citation

Oynotkinova N. R. Poetics of songs and good wishes in the wedding ceremony of the Altai people. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 151–163. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/13

Введение

Свадьба (*той*) наряду с рождением или уходом из жизни является важным событием в жизненном цикле человека. С точки зрения этнографической науки свадьба – это сложный обрядовый комплекс в традиционной культуре народа, являющийся ценным историческим источником, сложным динамическим организмом, «результатом взаимодействия большого количества стадийно различных, разнохарактерных компонентов, каждый из которых имеет свои закономерности: генетические, функциональные и т. д.» [Тащина, 1995, с. 3]. Одним из таких компонентов свадьбы является устно-поэтическое творчество, традиционно передававшееся из поколения в поколение. Основными жанрами свадебной обрядности алтайцев являются устные благопожелания (*алкыш*) и песни-восхваления (*janar*), которые исполняются на определенных этапах свадебного обряда в целом. Цель данной статьи – выявить жанровые особенности языка и поэтики алтайских свадебных песен и благопожеланий. Актуальность исследования обу-

словлена отсутствием исследований в современной фольклористике, в которых были бы освещены вопросы поэтики свадебных жанров в фольклоре алтайцев.

Нравы, обычаи и обряды алтайского народа в историко-этнографической литературе освещались с XIX в. в трудах первых путешественников и ученых: Г. Ф. Миллера, Г. И. Спасского, А. М. Горохова, В. В. Радлова, Н. Кострова, В. И. Вербицкого, Г. Н. Потанина, А. В. Анохина, Н. П. Дыренковой, С. А. Токарева и др. Специальные исследования по свадебной обрядности алтайцев проводились лишь во второй половине XX в.

В 1870 г. В. И. Вербицким был издан сборник статей под общим названием «Алтайцы», который лег в основу второй работы ученого «Алтайские инородцы» [1893]. В эту книгу вошли описания свадебных обрядов южных алтайцев, тексты благопожеланий, обращено в ней внимание на обычаи, связанные с умыканием невесты, рождением детей, способах захоронения. К анализу были привлечены также некоторые образцы свадебных песен алтайцев, записанные в начале XX в. А. В. Анохиным¹.

Семейная обрядность коренного населения Алтая наряду с обрядностью теленгитов была рассмотрена в очерках В. П. Дьяконовой и опубликована в коллективной монографии «Семейная обрядность народов Сибири» [Дьяконова, 1980]. В монографии Н. И. Шатиновой «Семья у алтайцев» [1981] рассмотрены вопросы исторической трансформации свадебного обряда алтайцев, выделены локальные особенности свадьбы алтайцев и теленгитов.

Н. А. Тадина в 1980–1990-е гг. провела комплексное исследование традиционной алтайской свадьбы, результаты которого опубликованы в ее монографии «Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.)» [1995]. В традиционном свадебном церемониале исследовательница выделила сватовство, предсвадебную подготовку, собственно свадьбу, послесвадебные действия. Ею также был зафиксирован свадебный фольклор: благопожелания и песни, используемые в определенных обрядовых ситуациях.

В монографии Н. О. Тадышевой «Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая» изучены изменения в семейной обрядности под влиянием православия [Тадышева, 2011, с. 176], а также предпринята попытка исследовать в сопоставительном аспекте семейную обрядность тюрков Саяно-Алтая [Тадышева, 2011; 2015].

К. Е. Укачина в книге «Алтай той» («Алтайская свадьба») [АС, 2012] наряду с описанием обрядов приводит тексты свадебной обрядовой поэзии.

В исследовании Э. В. Енчинова «Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре» изучены вопросы обычного семейного права алтайцев на примере обычаев жизненного цикла [2013, с. 226].

Тексты свадебной обрядности наряду с другими обрядовыми произведениями были опубликованы в коллективной монографии «Обрядность в традиционной культуре алтайцев» [2019].

Материалом исследования послужили опубликованные и неопубликованные, архивные и полевые, тексты песен и благопожеланий, исполняемых на свадьбах южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов). Полевые исследования современной обрядности алтайцев, в частности свадьбы, проводились нами с 2015 г. Необходимость исследования вызвана отсутствием нового фактологического материала,

¹ Архив МАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 94. Л. 7–8. Песни свадебные. Томская губерния. Полевые записи. На алтайском и русском языках. 1924 г. 33 л.

лингвистических и культурологических сведений, связанных с теми или иными обрядами. Собранные материалы использовались для публикации в томе «Обрядовый фольклор алтайцев», который входит в 60-томную академическую двуязычную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Научная задача состояла в том, чтобы определить сохранность и состояние фольклора в свадебной обрядности алтайцев. В полевом исследовании обрядового фольклора использовался комплексный подход с применением современной аудио- и видеотехники. В ходе экспедиций учеными-фольклористами Института филологии СО РАН (А. Г. Гомбожапов, К. А. Сагалаев) были записаны обряды сватовства и свадьбы. Эти материалы показывают сохранность основных этапов традиционной свадебной обрядности южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов).

Новизна нашего исследования заключается в определении жанровых особенностей, семантики свадебных песен и благопожеланий алтайцев. Важно проследить язык и поэтику анализируемых произведений. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный анализ, метод лексико-семантического анализа, методы компонентного и контекстуального анализа.

Элементы традиционной свадьбы вошли в состав современной свадьбы, которая проводится в первой половине дня, до регистрации и свадебного застолья. Эта часть свадьбы связана с культами почитания духа домашнего огня, духов предков и светлых божеств. В настоящее время наблюдается некоторое угасание фольклорной певческой традиции на свадьбе [Ойроткина, 2015, с. 222]. Современное молодое поколение алтайцев утратило традиции исполнения свадебных песен *дьангар*. Это объясняется утратой связи между поколениями и передачи песенной традиции. Всё меньше становится знатоков свадебной обрядности, что вынуждает организаторов свадеб обращаться к книжным источникам, изданным в последние годы.

Структура свадебного обряда состоит из предсвадебного этапа: сообщения об умыкании (*угузу*), сватовства (*куда, куда лаи*), сговора, совета (*јоп, оос ачар*); свадебного этапа – собственно свадьбы (*той*); послесвадебных обрядовых действий: торжества в доме родителей невесты (*белкенчек*), визита новобрачных в дом родителей невесты (*айылдаттырганы*) [Шатинова, 1981, с. 50–51].

Произведения алтайской свадебной поэзии, песни и благопожелания, обладают красочным народно-поэтическим языком, каждое слово несет в себе определенную семантическую нагрузку и встроено в картину мира алтайской свадьбы.

1. Песни в структуре свадебного обряда алтайцев

Свадебные песни – *дьангар* – являются обрядовыми песнями, традиционно исполнявшимися на важных церемониях. Исследователь алтайского фольклора и составитель тома «Алтайские народные песни» М. А. Демчинова замечает, что «если обратиться к этимологии слова *јангар*, то можно обнаружить любопытное сочетание *јангы-ыр* – ‘эхо – песня’. Обозначение песни словом *ыр* находим в тувинском языке: *ыр* – ‘песня, песенный’; *улустын ыр чогаалы* – ‘песенное народное творчество’» [ТРС, 1968, с. 598]. В рамках ритуально-обрядовых действий групповое пение являлось важной составляющей религиозно-культового служения, молебна. При молебнах пелись песни возвеличения главных божеств – Бурхана, Бурхана-Огня, Алтая и др. Теоним *Бурхан* бытует в речи алтайцев, проживающих в тех районах, где возник бурханизм [Демчинова, 2024, с. 18–19].

Песни-*дьангар* исполняются во время определенных эпизодов свадебного обряда:

- на сватовстве при получении согласия родителей невесты;
- при сопровождении невесты за занавесью в дом жениха;
- во время ритуала заплетания косы невесты;
- во время *белкенчека* в доме родителей невесты.

Белкенчек – это часть свадебного торжества, провидимая в доме родителей невесты, им отвозят символическую вареную тушу животного, заднюю часть овцы или лошади, а также *шаалта* (*калым*) в виде различных угощений и подарков.

Люди, приехавшие сватать, не торопятся заходить в дом, так как они считаются «виноватыми» людьми, совершившими большую кражу – укравшими у родителей и родственников девушку. Пока они не получают одобрения, не смогут пройти в юрту или дом, где обычно сидят гости со стороны невесты. По народной этимологии, обряд сватовства *кудалаш* означает, что вместе с девушкой в семью жениха (*от-очогына кийдирилет*) входит ее душа-кут [Обрядность..., 2019, с. 456]. Слово *кудалаш* образовано от слова куда ‘сват’, глагольного аффикса =ла и аффикса совместного залога =ш. От слова куда образовались слова, обозначающие функции родственных лиц, задействованных в процессе бракосочетания. Основными персонажами в свадебном обряде выступают родители жениха и невесты: куда ‘сват’, кудагай ‘сватя’. Свадебный ритуал начинается старший, как правило, дядя, т. е. брат матери жениха.

Через песню (*куданын жанары*) сваты выражают просьбу, обращенную к родителям невесты, дать согласие на брак с парнем их рода. В песнях наиболее яркими являются метафоры, основанные на орнитоморфных, растительных и зооморфных образах. Так, сваты отождествляются с птицами: воробьями (*кучыйак*), ястребами (*карчага*), сороками (*сангыскан*), воронами (*карган*), прилетевшими просить корм.

*Кызыл кырдын башынан,
Кучыйак тўшти жем сурап.
Кызыл тажуур кыйтылдап,
Куда келди кыс сурап.
Кара кырдын башынан,
Карчаа тўшти жем сурап.
Кара тажуур койтылдап,
Куда келди кыс сурап.
Кўмўш жүстүк баалусы
Кийбей оны канайдар?
Кўўн-санаала бириксе,
Журтатырбай оны канайдар.*

‘С вершины красной горы
Птичка спустилась, корм прося.
Красным тажууром булькая,
Сват пришёл, девушку прося.
С вершины чёрной горы
Ястреб спустился, корм прося.
Чёрным тажууром булькая,
Сват пришёл, девушку прося.
Серебряное кольцо дорогое
Как не носить, как быть?
Если желанием-мыслями сошлись,
Как не поженить их, как быть?
[Обрядность..., 2019, с. 254].

После успешного завершения сватовства, когда подают чашку-*чёёчэй*, поют песню, в которой воспеваются напитки, молоко и *аракы*, полученные из коровьего молока.

*Колыстагы чёёчөйс
Корбо кайын урунан.
Ичиндеги ол ажы
Конгыр байтал сўдинен.
Алаканда чёёчөйс
Ак кайыннын урунан.*

В руках наш чёёчэй
Из нароста растущей берёзы.
Внутри него напиток
Из молока каурой [молодой] кобылицы.
В ладонях наших чёёчэй
Из нароста белой берёзы.

*Ичиндеги ол ажы
Ак байталдын сүдинен.*

Внутри его напиток
Из молока белой молодой кобылицы.
[Обрядность..., 2019, с. 472].

Молоко для младенца – целебный напиток. Этот продукт как символ чистоты использовался в культовых обрядах. Молоком совершают кропление (*үрүс, чачылгы*) в честь светлых духов-хозяев и божеств. В прошлом при заплетании косы девушки-невесты за свадебной занавесью (*көжөгө, кёжёго*) ее голову мазали молоком или топленным маслом. Невесте, после того, как открыли занавесь, дают выпить молоко. При сватовстве к родителям невесты обязательно заходят с молоком и молочной водкой (*аракы*). Невесту привозят в *айыл* жениха, где его мать также угощает девушку молоком.

На свадьбе часто поют песни, восхваляющие сватью – *кудагай*, маму невесты. Воспеваются ее самые лучшие качества – внутреннюю и внешнюю красоту, поскольку мать невесты играла важную роль в ее воспитании. Так, в свадебной песне в шуточной манере восхваляется стойкий характер сватьи, которая умеет прощать обиды, забывать ссоры. Стойкость ее характера сравнивается с крепкой овчиной для шубы:

*Жакзынан тутса, ыртылбас,
Жаап эткен торко тон.
Жамандажып ырашпас,
Жаттан тапкан, кудагай!
Эдектен тутса, ыртылбас,
Эптеп эткен торко тон,
Эрмектежип эрикпес,
Элден тапкан төрөгөн².*

За ворот схватить, не порвется
Ладом сшитая шелковая шуба.
Поссорившись, не отдаляется
Из народа найденная сватья!
За подол схватить, не порвется
Ладом сшитая шелковая шуба.
Побеседовав, не тоскует
В народе найденная сватья.

Оценочные прилагательные *тоомжылу* ‘уважаемая’, *чындый* ‘надежный’ характеризуют морально-этические качества сватьи как человека. Для сравнительного описания женской красоты сватьи используются растительные символы, например, *толоно* ‘боярышник’, *кара кат* ‘черная смородина’: *Толононын бажындый, / Тогус айры топчылу / Тоомжылу жакшы кудагай. / Кара каттын бажындый, / Канча кире топчылу, / Калык жонго бүдүмдү, / Кандый чындый кудагай.* – ‘Как боярышника верхушка, / С пуговицами с девятью отвилками / Уважаемая хорошая сватья. / Как чёрной ягоды верхушка, / Со многими пуговицами, / К народу доверчивая, / Какая славная сватья’ [Обрядность..., 2019, с. 500].

В песне поется о том, что сватья отдала свою дочь с нераспущенной косой, т. е. девушкой: *Кежим-токум жазалду, / От алышкан кудагай. / Кежегезин жаспаган / Балазын берген кудагай. / Токум-кежим жазалду / Адын берген кудагай. / Тон-чедеги жазалду / Балазын берген кудагай.* – ‘С потником-чепраком изделиями / Огнём обменивавшаяся сватья. / Косу не распускавшего / Ребёнка своего отдавшая сватья. / С потником-чепраком изделиями / Лошадь отдавшая сватья. / С шубой-чегедеком изделиями / Ребёнка своего отдавшая сватья’ [Обрядность..., 2019, с. 477]. В прошлом замуж отдавали девушку, наряженную в традиционную одежду – шубу (*тон*), безрукавную распашную длиннополую одежду замужней женщины (*че-*

² Зап. А. В. Анохин в 1924 г. в с. Актёл у Федоры Владимировны. Архив МАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. № 94. Песни свадебные. Томская губерния. Полевые записи. На алтайском и русском языках. 1924 г. Л. 490–491.

гедек) отдавали с приданым, в которое входило некоторое количество скота, лошадей, домашняя утварь, предметы быта и т. д. Кто-то из близких родственников невесты шил свадебную занавесь (*кѳжѳгѳ*) из белой ткани. Перед началом свадебного обряда благословения проводится особый ритуал заплетания двух кос невесте (*чач тараи*). Волосы девушки делили на две половинки, это символизировало ее новый статус – замужней женщины.

Родственников невесты встречали до места проведения свадьбы и, поприветствовав, показывали им дорогу. Раньше при встрече сватов все сходили с лошадей и, сядя по-алтайски (подвернув под себя ноги), образовывали круг, в середину которого выходили сваты для угощения *чѳѳчѳй*. Они наливали из сосудов (*тажуур*) в деревянную пиалу *аракы* и обносили всех сидящих. Прибыв на *той*, родственники невесты объезжали вокруг юрты жениха.

К приехавшим на свадьбу родственникам невесты выходили сваты, несли угощения. На свадьбу в Усть-Канском, Онгудайском и Шебалинском районах родители невесты не приезжали, в Кош-Агачском и Улаганском районах не приезжал отец невесты. Это объяснялось поверьем: если мать или отец приедут на свадьбу, то унесут с собой счастье дочери.

Важным элементом свадьбы является обряд провожания невесты в дом жениха, поскольку жених сразу приводит невесту в дом родителей. Если у него нет собственного дома, то молодые живут вместе с родителями жениха. В прошлом же невесту вели из дома ее родителей. Эта традиция в современной свадебной церемонии трансформировалась: в день свадьбы утром невесту уводят в дом родственников или соседей, с которыми об этом заранее договорились. Выбирают, как правило, полную семью, которая живет счастливо и благополучно, у которой есть дети. За невестой отправляются невестки со стороны жениха и невесты, а также женщины, бойкие на язык и поющие *дъангар*. Свадебную занавесь держат племянники со стороны жениха и невесты. В доме, где сидит невеста, угощают хозяев и поют песню-благопожелание, только после этого выводят невесту. Те, кто пришел за невестой, проводят ритуальное угощение принесенными продуктами духа-хозяина домашнего огня (*От-Эне*), затем угощают хозяев дома и невесту. Когда невесту ведут в дом жениха за занавесью (*кѳжѳгѳ / кѳшѳѳ*), то сопровождающие поют *дъангар*, связанные с воспеванием данной ситуации, невесты, ее родителей. Приведем текст свадебной песни, записанной в начале XX в. А. В. Анохиным у алтайцев:

*Айга тиккен кѳжѳгѳм
Ай чыгар јанга малкызын.
Алкап перген ардабыс
Алган јуртунга кут ползын!
Кѳнге тиккен кѳжѳгѳм
Кѳн келер јанга малкыдым.
Кѳрѳп парган ардабыс,
Тѳшкен јуртунга кут ползын!*³

При месяце сшитая занавесь моя
На восходе месяца пусть сияет,
Благословенное дитя наше,
В семье, куда замуж вышла,
 пусть счастье будет!
При солнце сшитая занавесь моя
На восходе солнца пусть воссияет,
Присмотренное дитя наше,
В семье, куда замуж отдана,
 пусть счастье будет!
(пер. уточнен мною. – Н. О.)

³ Зап. и пер. А. В. Анохиным в 1924 г. АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 94. Л. 7–8. Песни свадебные. Томская губерния. Полевые записи. На алтайском и русском языках. Автограф неуст. лица. 1924 г. 33 л.

В этой песне благословляют невесту на жизнь в новой семье, когда сопровождают ее, идущую за занавесью, «освещенную солнечным и лунным светом». Пожелание счастья и благодати семье невесты заключено в выражениях: *Алган јуртунга кут ползын!* – ‘В семье, куда замуж вышла, пусть счастье будет!’; *Тушкен јуртунга кут ползын!* – ‘В семье, куда замуж отдана, пусть счастье будет!’

Слово *кут* общетюркского происхождения, имеет значения ‘душа’, ‘жизненная сила, жизненная энергия, счастье’. В данном контексте под счастьем понимаются все положительные проявления человеческой жизни и души, в том числе и рождение детей. Во многих текстах как формула сохраняется пожелание многодетности и многочисленности скота: *Алын эдегине бала бассын, / Кийин эдегине мал бассын.* – ‘Пусть на передний подол дети наступают, / Пусть на задний подол скот наступает’.

В некоторых благопожеланиях отразились традиционные взгляды и ценности скотоводов-алтайцев: чтобы дети шли по стопам родителей, выращивали скот, занимались охотой и т. д. *Бөрү адар уулдарлу болзын, / Бөрүк көктөр кыстарлу болзын. Айу адар уулдарлу болзын, / Айлында иштенкей кыстарлу болзын.* – ‘Пусть парней имеют, чтобы на волка охотились, / Пусть девушек имеют, чтобы шапку шили. / Пусть парней имеют, чтобы на медведя охотились, / Пусть девушек имеют, чтобы по дому работать’ [Тадина, 1995, с. 130, 131].

Березу алтайцы считают священным деревом – *бай кайын* ‘священная береза’, имеющим небесное происхождение, поэтому для свадебной занавеси использовали именно березовые ветви. Когда невесту ведут, лицо ее должно быть закрыто занавесью (*көжөгө / көшө*). Прохожим нельзя дорогу переходить или идти навстречу. Традицию использования свадебной занавеси объясняют по-разному. Занавесь невесты символизировала чистоту и непорочность девушки, которая готова в будущем стать матерью. Другая точка зрения заключается в том, что, когда девушка выходит замуж, она лишается покровительства божеств и духов семьи родителей, а до заплетания кос на нее не распространяются оберегающие силы домашних духов семьи жениха. Поэтому она в этот период не защищена, и, когда ее ведут, занавесь является своего рода оберегом и защитой.

*Ак көшөһни көдүрген
Ак кайыннын јаражын.
Албатуну јыргаткан
Ада-энениң јакшызын.
Көк көшөһнү көдүрген
Көк кайыннын јаражын.
Көп албатыны јыргаткан
Көркийлердин јакшызын.*

Белую занавесь поднявшая
Белая берёза красивая.
Народу праздновать давшие
Отец-мать хорошие.
Синюю занавесь поднявшая
Синяя берёза красивая.
Много народу праздновать давшие
Милые [жених и невеста] хорошие ⁴.

В записи песни соблюдены фонетические, лексические, а также диалектные особенности языка исполнителей. Песенный стих построен на аллитерации: все начальные слоги в четырехстишии совпадают и рифмуются с последующими слогами строки.

В некоторых алтайских селах невеста в сопровождении невесток и других родственников-женщин должна, подойдя к юрте, где проходит свадьба, обойти во-

⁴ Зап. Ю. И. Шейкин, Н. М. Кондратьева, Г. Б. Сыченко в г. Горно-Алтайске 29 мая 1984 г., от Алкыевой Т., 1906 г. р., алтайки из рода тёлёс. Архив НГК. Колл. А0013. Ед. хр. № 11.104–187. Перевод Н. Р. Ойноткиной.

круг нее четное количество раз. Невесту проводят по женской стороне юрты к кровати, у которой ставят занавесь. Невестки со стороны жениха и со стороны невесты приступают к ритуалу заплетания кос (*чач тараи* или *баш ёрү*). Волосы девушки разделяют пробором посередине головы на две части.

На свадьбе в доме родителей жениха, а затем и в доме невесты (на обряде *бел-кенчек*) пели песни, благословляющие молодую семью. Во многих свадебных песнях проходят сквозные мотивы (темы): согласие и мир, рождение и воспитание детей, величание родителей. *Төрт кижі жөптөшсө, / Куда болотон. Эки ташты чагыштырза, / От болотон. / Эки бала бириксе, / Журт болотон* [АА, 1993, с. 77]. – ‘Если четыре человека к согласию придут, / Сватовство будет. / Если два камня растереть, / Огонь будет. / Двое молодых сойдутся, / Семья будет’. *Эмил агаи бөктөйлө, / Кабай эткен ус кудам. / Эмчекте бала чыдадыт, / Чыдалын көргөн кудагай* [Там же, с. 79]. – ‘Кедр-дерево согнув, / Колыбель сделавший мастер-сват. / Грудного ребенка выкормив, / Взрослым увидевшая сватья’.

Существует обычай угощения и питья на свадьбе. Так, в доме невесты (*бел-кенчек*), подавая отцу и матери невесты чашку со спиртным напитком (*чөбчөй*), пели: *Алаканда чөбчөйдү / Адагы тудар учурлу, / Айлу-башту эрмекти / Адагы айдар учурлу. / Эки колдо чөбчөйдү / Энеси тудар учурлу / Эпту-жөптү эрмекти / Энеси айдар учурлу*⁵. – ‘В ладони чөбчөй / Отец принять должен. / Правильные слова / Отец сказать должен. / В обе руки чөбчөй / Мать принять должна. / Слова мира и согласия / Мать сказать должна’.

С давних пор на свадьбах существовала традиция дарить молодоженам скот – лошадей или баранов. Этот факт упоминается в песне: *Тогус айры малынан / Токиунун берген кудагай. / Тогус айры шанкылу / Балазын берген кудагай* [Там же, с. 80]. – ‘Из девяти частей скота / Лучших давшая сватья. / С наконниками с девятью разветвлениями / Дитя свое отдавшая сватья’.

Ключевыми образами в свадебных песнях выступают символы духа-хозяйки огня (*От-Эне*), березы (*кайын*), жертвенных ленточек (*кыйра / жалама*), можжевельника (*арчын / артыш*), сосудов (*тажуур*), в которых привозят молоко или *аракы*, чашек (*чөбчөй*), которые поднимают с молочной водкой (*аракы*) для тостов, праздничного застолья, родственников (*төрөгөндөр*), колыбели (*кабай*), священного белого скота (*эржине ак мал*). В обряде предметы и сами действия имеют символический смысл и служат для выражения важных смыслов, которые направлены на благополучие и продолжение рода.

Песни исполнялись на свадьбе во время основных ритуальных действий: во время сватовства, ведения невесты в дом жениха, застолья на свадьбе, шуточной «продажи» приданого невесты.

2. Благопожелания в структуре свадебного обряда алтайцев

В современной алтайской свадьбе ритуал благословения молодоженов и их домашнего очага называется *башпаады*, который начинается после заплетания волос невесты и открытия занавеси. После заплетания кос невесты дядя по матери жениха совершает обряд открывания свадебной занавеси. Обычно ее открывают

⁵ Зап. Н. Р. Ойноткинова, А. А. Конунов, К. А. Сагалаев 22 сентября 2015 г. в с. Шыр-гайты Шебалинского района от Р. С. Рыжкиной, 08.07.1934 г. р., из рода *дьети сары*. Аудиозап. № 00400. Перевод Н. Р. Ойноткиновой.

кнутом. Иногда прикладом ружья или двумя-четырьмя ветками можжевельника. По отношению к этому родственнику мужа (свекру) невестка должна придерживаться особых правил почитания (*кайындаш*). Занавесь ставят у кровати, это является оберегом молодых. Дядя, который открывал занавесь, привязывает к ней голень – *јодо* и ложное ребро – *сүме кабырга*. Молодым подают молоко и масло, перед ними ставят угощения.

Во время свадьбы при проведении обряда *баишаады* слово для произнесения благопожеланий (*алкыш*) предоставляется близким родственникам жениха и невесты. Во время *баишаады* родственники невесты и жениха произносят благопожелания новой семье, поздравления, пожелания счастья, здоровья, множества детей, обилия скота.

Алкыш ‘благопожелание’ как наиболее архаичный жанр народной поэзии основан на магии слова и содержит просьбы, пожелания благополучия в жизни, благоденствия и здоровья. В начале ритуала благословения (*баишаады*) дядя по материнской линии привязывает на треножник ритуальные жертвенные ленточки (*кыйра / јалама*) и вешает нутряной конский жир (*каазы*) или нутряной овечий жир (*карын јуу*), разжигает спичками огонь, кладет в огонь ветки можжевельника. Когда родственники говорят благопожелания, благословляя молодых, жених с дядей по материнской линии ходят вокруг очага, жених льет топленое масло (*сары сарју*) в огонь.

Ключевым символом в культовой и семейной обрядности является домашний огонь, связующий элемент Срединного мира с Верхним миром. Благодать (*быйан, алкыш*), дарованную светлыми божествами, алтайцы представляли золотым светом, нисходящим с небесных сфер к духам – посредникам между людьми и божеством – Дьайык’у (*Јайык*) и духу домашнего очага (*От-Эне*). В начале XX в. Н. П. Дыренкова, изучив традиции и обряды телеутов-язычников, писала, что «ни одна жертва не пойдет к Ульгеню (светлому божеству. – Н. О.) прежде, чем ее примет огонь. Огонь поедает жертву, передавая ее божествам» [Дыренкова, 1927, с. 71]. Поскольку дух, хозяин огня, выступал посредником между миром божеств и миром человека, то многие обряды, устраиваемые во благо людей, начинались с ритуального освящения и угощения огня. Подливание масла в огонь является обязательным элементом свадебной обрядности алтайцев. Н. А. Тадина отмечала, что культ огня и связанные с ним обряды угощения огня жиром и кропление его молоком относятся к архаическим элементам [Тадина, 1995, с. 173]. Этот обычай сохранился у алтайцев.

В современном свадебном ритуале алтайцев при кормлении огня старшие родственники произносят благопожелания Алтаю, божествам, духам Алтая, домашним божествам (*Алтай Кудайына, угы-төзине, Айга-күнге, Алтайына, Ак јайыгына, от-очогына*). Присутствующие мужчины снимают шапки и гладят свои головы, женщины поглаживают косы и все произносят: «*Кайракоон, баи болзын!* – Всемилостивый, кланяюсь!»

Молодоженам желали иметь крепкую семью, построенную на любви и уважении друг к другу, быть гостеприимными, уважать старших и младших, растить детей, быть богатыми и т. д.

*Одурган оды чокту ползын,
Отурган пойы эзен полсын.
Алтын очок тайкылбасын,
Аскан казан келтейбесин.
Элгелү јурт тутсун,*

Зажжённый ими огонь пусть с углями
будет,
Сидящий он сам здоровым пусть будет,
Золотой очаг пусть [с места]
не накренится.

Талкан кўли чачылбасын! ⁶

Зола-талкан пусть не разбрасывается!

‘сказанное пусть дойдет, сказанное пусть сбудется’.

Заключение

ры, основанные на орнитоморфных, растительных и зооморфных образах.

Ед. хр. № 11.104. А13184-188 (время 00-00:36). Перевод Н. Р. Ойноткиновой.

Список литературы

- АА – Алтай алкыштар: Алтай албатынын оос творчествозы (Алтайские благопожелания) / Сост. К. Е. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 144 с.
- АС – Алтайская свадьба (Алтай той) / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2012. 192 с.
- Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: Сб. этнографических ст. и исслед. алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого. М.: [Б.и.], 1893. 256 с.
- Демчинова М. А. Алтайская народная песня // Алтайские народные песни / Сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2024. 947 с. + 16 с. цв. вкл. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 35)
- Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник МАЭ. Л., 1927. Т. 6. С. 63–78.
- Дьяконова В. П. Свадебная обрядность. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). Л.: Наука, 1980. С. 19–24.
- Енчинов Э. В. Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре. Горно-Алтайск: ИП Высоцкая Г. Г., 2013. 226 с.
- Обрядность в традиционной культуре алтайцев: Коллективная монография / Под ред. А. А. Конунова, Н. О. Тадышевой. Горно-Алтайск: Азбука, 2019. 704 с.
- Ойноткинова Н. Р. Полевое исследование современной обрядности алтайцев // Вестник РГНФ. 2015. № 4. С. 213–222.
- Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 207 с.
- Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. 176 с.
- Тадышева Н. О. Свадебная обрядность народов Саяно-Алтая: общее и особенное // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2015. № 6 (38). С. 133–138.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.
- Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 182 с.

References

- Altay alkyshtar: Altay albatynny oos tvorchestvozy (Altayskie blagopozhelaniya)* [Altai alkyshtar: Altai albatynny oos creativity (Altai well wishes)]. K. E. Ukachina, E. E. Yamaeva (Comps.). Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1993, 144 p.
- Altayskaya svad'ba (Altay toy)* [Altai wedding]. S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, K. E. Ukachina (Comp.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2012, 192 p.
- Demchinova M. A. *Altayskie narodnye pesni* [Altai folk songs]. Comp. M. A. Demchinova, G. B. Sychenko. Novosibirsk, SB RAS, 2024, 947 p. + 16 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], vol. 35).
- D'yakonova V. P. *Svadebnaya obryadnost'*. Altaytsy [Wedding ceremony. Altaians]. In: *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya)* [Family rituals of the peoples of Siberia (experience of comparative study)]. Leningrad, Nauka, 1980, pp. 19–24.

Dyrenkova N. P. Kul't ognya u altaytsev i teleut [The cult of fire among the Altaians and Teleuts]. In: *Sbornik MAE* [Collection of MAE]. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 63–78.

Enchinov E. V. *Semeynye tsennosti altaytsev: transformatsiya obychnogo prava v sovremennoy kul'ture* [Family values of Altaians: transformation of customary law in modern culture]. Gorno-Altai, IP Vysotskaya G. G., 2013, 226 p.

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Ritualism in the traditional culture of the Altai]. A. A. Konunova, N. O. Tadysheva (Eds.). Gorno-Altai, Azbuka, 2019, 704 p.

Oynotkinova N. R. Polevoe issledovanie sovremennoy obryadnosti altaytsev [Field study of modern rituals of the Altaians]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2015, no. 4, pp. 213–222.

Shatinova N. I. *Sem'ya u altaytsev* [Altai family]. Gorno-Altai, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1981, 182 p.

Tadina N. A. *Altayskaya svadebnaya obryadnost' (19–20 vv.)* [Altai wedding rituals (19th–20th centuries)]. Gorno-Altai, Yuch-Syumer, 1995, 207 p.

Tadysheva N. O. Svadebnaya obryadnost' narodov Sayano-Altaya: obshchee i osobennoe [Wedding rituals of the peoples of Sayano-Altai: general and special]. *Tomsk State University Journal of History*. 2015, no. 6 (38), pp. 133–138.

Tadysheva N. O. *Vliyanie khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' korennoy naseleniya Gornogo Altaya* [The influence of Christianization on the family rituals of the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altai, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 2011, 176 p.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p.

Verbitskiy V. I. *Altayskie inorodtsy: sb. etnograficheskikh st. i issled. altayskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo* [Altai foreigners: coll. of ethnographic art. and studies of Altai missionary, Archpriest V.I. Verbitsky]. Moscow, 1893, 256 p.

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
RSCI Author ID 607299

Information about the author

Nadezhda R. Oynotkinova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 607299

Статья поступила в редакцию 28.03.2024;
одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 28.04.2024
The article was submitted on 28.03.2024;
approved after reviewing on 28.04.2024; accepted for publication on 28.04.2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

Научная статья

УДК 811.161.1: 81'374.4

DOI 10.17223/18137083/87/14

**Из работы над «Русским этимологическим словарем»:
дополнения и поправки**

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

Излагаются некоторые соображения о работе над «Русским этимологическим словарем» (РЭС) и дополнениями к нему – ДопРЭС (продолжение традиции «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера с дополнениями О. Н. Трубачева). Эти дополнения и поправки к словарю публиковались во 2, 7, 9 и 14-м выпусках РЭС. В последнее время публикация остановилась главным образом потому, что их подготовка отвлекает от работы над очередными выпусками словаря. Кроме того, в огромной научной литературе, дающей материал для РЭС и ДопРЭС, всё труднее выделять наиболее важные сведения, которыми и следует ограничивать содержание дополнений. В статье даются примеры дополнений и поправок для словарных статей РЭС о лексемах *вздымать*, *вóрвань* ‘жидкий жир (рыбий и др.)’, диал. *вóбишина* ‘шелуха’, *взвод* ‘волна’, *дрáи* ‘сырые полосы земли’, *ветрю́х* ‘часть желудка жвачных’, *гиль* ‘вздор’ и др. Настоящую публикацию завершают три словарные статьи (в предварительном виде) об омонимичных лексемах *икра́* из подготавливаемого 19-го выпуска РЭС. Все три омонима возводятся к одному этимону.

Ключевые слова

«Русский этимологический словарь» и дополнения к нему, этимологический словарь М. Фасмера, дополнения О. Н. Трубачева к словарю Фасмера

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Русский язык и фольклор Сибири в историко-культурном аспекте»

Для цитирования

Аникин А. Е. Из работы над «Русским этимологическим словарем»: дополнения и поправки // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 164–177. DOI 10.17223/18137083/87/14

© Аникин А. Е., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 164–177

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 164–177

The work on the “Russian Etymological Dictionary”: addenda et corrigenda

Alexander E. Anikin

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

This paper provides some considerations on the work on the “Russian Etymological Dictionary” (RED), which carries forward the tradition set by the “Etymological Dictionary of Russian” compiled by M. Vasmer and the subsequent additions provided by O. N. Trubachev. These are additions and revisions to the previously published second, seventh, ninth, and fourteenth editions of the RED. The publication of these addenda has been temporarily halted as it diverts attention from the work on the upcoming issues of the RED. Moreover, given the extensive volume of scientific literature that serves as source material for RED and its addenda, the task of discerning the most significant information has become increasingly complex. For example, two recent publications by B. O. Oguibénine (2016, 2023) have introduced a plethora of fresh entries and modifications to M. Vasmer’s dictionary, with these revisions primarily based on foreign literature partially beyond the reach of Russian specialists. The point is to demonstrate the most interesting innovations in Slavic etymology within an Indo-European context. The present paper provides some examples of addenda and corrigenda for the RED entries on the lexemes *vzdymát’*, *vórvan’* (fish oil), *vóvshina* (bran, waste from peeling cereals), *vzvod* (wave), *drái* (damp strips of land), *vetryúkh* (part of the stomach of ruminants), *gil’* (nonsense), and others. The paper concludes by introducing three preliminary lexical entries from the forthcoming 19th issue of RED, which is currently in the works. These are three homonymous lexemes of *ikrá* that can be traced back to a single Proto-Slavic origin.

Keywords

“Russian Etymological Dictionary” and additions to it, etymological dictionary by M. Vasmer, additions to Vasmer’s dictionary by O. N. Trubachev

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the project of the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, “Russian language and folklore of Siberia in the historical and cultural aspect”

For citation

Anikin A. E. The work on the “Russian Etymological Dictionary”: addenda et corrigenda. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 164–177. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/14

1. Публикация крупного и продолжительного издания, каким является «Русский этимологический словарь» (РЭС), была начата автором данной статьи немногим более 15 лет назад по инициативе акад. А. М. Молдована. Первый выпуск словаря издан в 2007 г. К настоящему времени из печати вышли 17 выпусков, в которых охвачен отрезок русского словника от *а-* до *з-*, ведется работа над 18-м и 19-м выпусками.

РЭС представляется автору масштабным «довеском» к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера (1986–1987), продолжающим традицию дополнений к этому словарю, начатую О. Н. Трубачевым. РЭС отличается широкий подход к отбору лексического материала (еще более широкий, чем у М. Фасмера),

в том числе за счет внимания к диалектной, древне- и старорусской лексике, редким словам и привлечение гидронимов, топонимов и этнонимов.

Работа над РЭС включает не только писание словарных статей, но и постоянное редактирование и переделку уже написанных – вследствие знакомства с новым лексическим материалом, новыми публикациями разных авторов по этимологии и истории русских и др. слов, диалектологии, проблематике «Wörter und Sachen» и т. п. Всё это по возможности отражается в словарных статьях РЭС. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда нуждающиеся в изменениях статьи уже опубликованы. Изменения приходится вносить, прибегая к особому роду публикаций – Дополнений к РЭС (далее – ДопРЭС), также под названием «Addenda» или «Addenda et corrigenda» (Дополнения и поправки), помещаемых в конце или начале некоторых выпусков словаря¹. К настоящему времени ДопРЭС опубликованы к статьям 1-го выпуска² (РЭС, вып. 2, с. 321–327), 1–6 выпусков (РЭС, вып. 7, с. 343–350), 1–8 выпусков (РЭС, вып. 9, с. 24–30), после чего публикация ДопРЭС по разным причинам была приостановлена. Лишь в 14-м выпуске РЭС (с. 382) в качестве дополнения было помещено указание на труд С. А. Мызникова (Мызников, 2019). Настоящая статья посвящена работе над РЭС в основном на конкретных примерах ДопРЭС.

Продолжение новых серий ДопРЭС затруднительно прежде всего потому, что это отвлекает от подготовки очередных выпусков словаря. Кроме того, всё труднее следить за заслуживающими внимания научными результатами в многочисленных новых публикациях (книгах, статьях, словарях и проч.), в том числе крупных этимологических словарях наподобие упомянутого огромного (тысячестраничного) труда С. А. Мызникова.

Особо стоит отметить появившиеся в последнее время две книги Б. О. Огибенина [Oguibénine, 2016; 2023], содержащие новые (после О. Н. Трубачева) серии дополнений и поправок к статьям словаря М. Фасмера. Цель этих книг состоит в том, чтобы представить корпус сведений о новейшем (по преимуществу за последние «послефасмеровские» десятилетия, в том числе в XXI в.) прогрессе русской этимологии, главным образом в области изучения индоевропейского наследия в русском лексиконе. Этот корпус в значительной степени опирается на зарубежные труды, не всегда доступные в России, что представляет особый интерес. Иными словами, речь идет о демонстрации на русском материале наиболее интересных новшеств славянской этимологии на индоевропейском фоне, а тем самым и об уточнении места праславянского лексикона в кругу других индоевропейских. Русская лексика становится поводом для краткого изложения и обсуждения извлеченных из научной литературы, предложенных разными авторами³ сопоставлений, реконструкций и этимологий, касающихся по преимуществу индоевропейских истоков русских слов.

Книги Б. Л. Огибенина а priori должны служить хорошим материалом и для РЭС. В немалой степени таковыми они и являются. Простейшим примером может служить указание на родство рус. *блоха* и др.-инд. *plūṣi*- ‘блоха’ [Oguibénine, 2023, p. 15] (в словаре Фасмера и РЭС этого соответствия нет). Для использования дан-

¹ Также по примеру дополнений в конце 1, 3, 4 и 5-го томов труда В. Н. Топорова «Прусский язык. Словарь» (1975–1990).

² Включая дополнения к РЭС, принадлежащие А. В. Дыбо.

³ Книги Б. Л. Огибенина в какой-то мере способствуют уменьшению разъединенности этимологических исследований по русской и славянской этимологии в западно- и восточноевропейских странах.

ных Б. Л. Огибенина есть, однако, определенные помехи. Не касаясь здесь того бесспорно полезного вклада, который дали книги Б. Л. Огибенина русской этимологии (первая из них высоко оценена А. А. Зализняком)⁴, уместно привести замечание скорее ограничивающего свойства. Наиболее существенным представляется то, что, рассматривая то или иное русское слово, Б. Л. Огибенин в меньшей степени занимается его историей, диалектными данными, географией и внутриславянскими связями⁵, стремясь, как правило, перейти к обсуждению индоевропейских соответствий, в том числе тех, которые имеют к русскому материалу более или менее отдаленное отношение. Так, по поводу русского диалектизма *гѹркать* ‘ворковать’ упоминается, что сближаемое с этим словом др.-инд. *gharghara-* (*ghurghura-*) ‘бульканье, неясный звук’ сравнивают также с тох. А *tsärk-* ‘музыкальный инструмент’ [Oguibénine, 2016, p. 90]. Едва ли это так уж существенно для этимологии рус. *гѹркать*. В целом, дополнения Б. Л. Огибенина дают больше материала для праславянского этимологического словаря, а не для русского. Заметен переход автора от довольно осторожного использования реконструкций с ларингальными (что наблюдалось в [Oguibénine, 2016]) к более смелому и даже систематическому оперированию ими [Oguibénine, 2023].

Это касается, например, содержащегося в книге Б. Л. Огибенина дополнения к статье словаря Фасмера о церковнославянизме *вѣжда* ‘веко’ < ст.-слав. *въжда* < праслав. (южн.) **vĕdja*, индоевропейский прототип которого Г. Бихльмейер представил в виде **(H)uēh₁-d^hh₁-jo/eh₂-* или **(H)uēh₁-d^hh₁-jo/eh₂-*. По поводу полезности данной реконструкция для русской этимологии возникают сомнения, тем более что она не учитывает, как справедливо указывает Б. Л. Огибенин, весьма вероятной апофонической связи **vĕdja* с праслав. **vidĕti* ‘видеть’ [Oguibénine, 2023, p. 29]. Таким образом, несмотря на недавнюю работу Г. Бихльмейера, из которой Огибенин почерпнул одно из дополнений к Фасмеру для своих книг, проще и нагляднее пользоваться «доброй старой» реконструкцией **vĕdja* < **uoidjā*, учитывающей возможность родства с **vidĕti*.

Как можно видеть уже на примере книг Б. Л. Огибенина, объем данных, которые могут быть включены в ДопРЭС, очень велик, но не во всех случаях бесспорно важен для русской этимологии. В такой ситуации продолжение ДопРЭС имеет смысл ограничить наиболее важным материалом, что и будет проиллюстрировано далее. Поскольку в данной публикации приходится опираться на уже опубликованные словарные статьи РЭС, приводить здесь все содержащиеся в них данные, в том числе ссылки на источники лексического материала, за некоторыми исключениями нецелесообразно: приводится выделяемое жирным шрифтом заглавное слово соответствующей статьи РЭС (с минимумом лексического материала), отграничиваемое знаком //, после чего следуют комментарии, дополняющие или уточняющие содержание соответствующей словарной статьи.

2. К сожалению, начать приходится с встречающихся в опубликованных выпусках РЭС случаев явно неверных объяснений русских слов. Такого рода примеры – первые кандидаты на включение в ДопРЭС, поскольку ошибочные решения

⁴ См. [Аникин, 2018]. Положительная оценка распространяется и на [Oguibénine, 2023]. Б. Л. Огибенин осуществил, в частности, ревизию всего корпуса русско- (славянско-) индоиранских соответствий в словаре Фасмера, особенно в отношении древнеиндийского материала.

⁵ Надо заметить, что этот недочет в определенной мере компенсируется обращением Б. Л. Огибенина к трудам А. А. Зализняка, особенно в [Oguibénine, 2023].

обесценивают словарь. Далее следуют три примера этого рода (по существу, работа над ошибками).

вздымать и воздымать ‘поднимать вверх’ // Принимаемая в РЭС (вып. 7, с. 121; вып. 8, с. 90) связь с укр. *зди́мати(ся)* ‘вздувать(ся)’, праслав. **dumatī*, итеративом на *-atī* от **dъmъ*, **dъti* ‘дуть’ ошибочна и имеет народно-этимологический характер. Досадно, что в РЭС (Там же) отражена, но недооценена литература, где намечено правильное решение, оставшееся без должного развития. Это прежде всего соответствующие соображения, изложенные в книге А. Вайана [Vaillant, 1966, р. 229], где глагол *в(о)здымать* и перфектив *вз(д)нять* толкуются как префиксальные формы от **(j)eti* (ср. рус. *вз-ять*) с презенсом **ime-*, испытавшие действие аналогии с *подымать* и *поднять*. Сходные мысли у Г. Н. Ключова [1966], отметившего, что ошибочно предполагаемый для русского языка переход ‘дуть, вздувать(ся)’ > ‘поднимать(ся)’ никак не прослеживается в других славянских языках. Решение, согласно которому рус. *вздымать*, *воздымать* и близкие слова (диал. *взды́нуть* ‘поднять’ и т. п.) – результат сложной эволюции др.-рус. *вз-яти* в его первичном знач. ‘поднять’, подробно обосновано А. А. Зализняком [2013, с. 31–36]⁶; см. об этом также (РЭС, вып. 9, с. 28, 114–115). Вопреки РЭС (вып. 7, с. 121), глагол *вздымать* следует отделить от укр. *зди́мати(ся)*, праслав. **dumatī* и т. п., в конечном счете от праслав. **dъmъ*, **dъti* > др.-рус. *дути*, *дъму* ‘дуть’ (РЭС, вып. 14, с. 147).

вобщина, вóпщина, вóбщина ‘отруби’, ‘шелуха, отбросы при обдирании крупы’, ‘мякина’ диал. // В РЭС (вып. 8, с. 22–23) предполагается номинация от обозначения совместной молотбы и отождествление с диал. *вóбщина* ‘общая поляна, пожня’, *вобци́на* ‘общее дело, предприятие’, *вопи́на* ‘совместно обрабатываемый сенокос, пашня’ и далее с литер. (< ц.-слав.) *óбщина* – из праслав. **obyjina*, деривата с суффиксом *-ina* от прил. **obyjъ(jь)* ‘общий’ (см. о нем: (ЭССЯ, вып. 31, с. 164–165)). Однако рассматриваемое диалектное название шелухи, мякины и т. п. нигде не обнаруживает ожидаемого рефлекса **tj* > рус. *ч*, который представлен в рус. диал. *(в)обчина* ‘община’ и под. (Там же). Развитие ‘шелуха, мякина’ < ‘общее дело’ явно натянутое.

Правильный этимон рус. *вóбщина*, *вóпщина*, *вóбщина* – праслав. **obryšina*, производное с суфф. *-ina* от **obryša* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна’ < префикс **ob-* + **rys-ja* от **rysti* (ср. **ryxati*) ‘пихать’, сюда же **ryšeno* > рус. *пшенó*, также диал. *опи́а* ‘отходы при обмолоте’, *опи́на* ‘густая каша из зерновых высевок’ (ЭССЯ, вып. 29, с. 59).

взвод ‘волна’ диал. // Следует отклонить изложенное в РЭС (вып. 7, с. 110) понимание этого слова как тождественного *взвод* ‘возведение, подъем (судов, воды и др.)’ – имени действия от ст.-рус. *възводити* ‘поднимать, в(о)зводить’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 271, 273–274) = рус. *взводи́ть*, имперфектива-итератива от *взвести́* < префикс *вз-* + *вести́*, *веду́*. Такое понимание в лучшем случае отражает вторичные и / или народно-этимологические связи: *волны... выше облак небесных... возводятся* (Там же). Этимологически *взвод* ‘волна’, также *звод* ‘сильное волнение на море’ арх. (АОС, вып. 21, с. 365), ‘большая волна’ карел. (СРГК, т. 2, с. 245), несомненно, продолжает праслав. **vъzvodъ* ‘высокая вода, волна’, сложение префикса **vъz-* и корня **vod-* ‘вода’ (ср. **voda* ‘вода’ и проч.), входя в широкий круг подобных сложений, к которым относятся рус. диал. *ízводъ* ‘половодье’,

⁶ Соображения А. Вайана и Г. Н. Ключова в статье [Зализняк, 2013] не упоминаются.

‘залив’ (согласно ЭССЯ (вып. 9, с. 97), из праслав. (вост.) **jъzvodъ*), *návodъ* ‘паводок’, *póvodъ* ‘половодье, подъем воды’, *póvod* ‘направление потока воды, течение’, *сúводъ* (преф. *су-* < **sq-*) и *сúводъ* ‘водоворот’ (РЭС, вып. 17, с. 175), *зáводъ -и* ‘часть реки или озера около берега с замедленным течением’ (СРНГ, т. 12, с. 109; т. 25, с. 111; т. 27, с. 248, 252; т. 42, с. 139; Фасмер, т. 3, с. 793), сюда же укр. *póvidъ* и под.

Широкое распространение (от Беломорья до Камчатки) получило слово *взвó-день, -дня* ‘большая волна, волнение, когда море расколется’, *звóдень, -дня* ‘высокая волна’, ‘сильное волнение на море, озере’ (Даль, т. 1, с. 193; СРНГ, т. 4, с. 250; т. 11, с. 220; АОС, вып. 4, с. 61). Этот диалектизм стал известен и в литературном языке, например: *Океанский взводень забежал в залив...* (К. Случевский, «Поездки по Северу России в 1885–1886 гг.»); встречается также у Б. Шергина, Ю. Германа, Ю. Казакова). Его можно расценить как яркий лексический маркер новгородской и севернорусской колонизации Севера и Сибири. Этимологически он является результатом субстантивации адъектива *взводьнь* < **vъzvodьnъ* от **vъzvodъ* или **vъzvodъ*. Из более раннего *възводьная вода* происходит диалектизм *звóнная вода* ‘речная вода в устье Индигирки, смешавшаяся после прилива с морской’ из говора Русского Устья [Федоров, 1990, с. 5].

3. Уточнение истории слова, эволюции его формы и семантики, ареала с возможными этимологическими импликациями составляет еще один важный для ДопРЭС тип примеров, который конкретизируется ниже.

бот ‘длинный шест с утолщением (чтобы бить по воде и пугать рыбу), ботало’ диал. // В этимологической литературе, также и в РЭС (вып. 4, с. 112) это слово обычно понимается как продолжение праслав. **botъ* ‘ботало’ от **botati* > рус. диал. *бóтáть* ‘качать, болтать, колебать, бить, пахтать масло; бить по воде, загоняя рыбу в сеть’ (Фасмер, т. 1, с. 200; ЭССЯ, вып. 1, с. 224). Иное решение предложено С. А. Мызниковым: *бот* ‘ботало’ < *бóйт* < *болт* от *бо́йтáть* < *болтáть* [Мызников, 2019, с. 91], что влечет вывод о необходимости различать диал. *бóтáть* ‘бить’ из **botati* и *бóтáть* ‘хлопать по воде, загоняя рыбу в сеть’, ‘болтать (руками, языком)’ из **bьltati*, откуда и литер. *болтáть* [Гиппиус, Зализняк 2018, с. 19]. Соответствующие коррективы, обусловленные описанными в статье А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка реликтами древненовгородской фонетики, касаются других слов из РЭС, в частности:

диал. *гобѣц* ‘пристройка к русской печи’ < *гоубѣц* < *голбѣц* [Мызников, 2019, с. 164] < др.-рус. *гълбьць* от **гълбъ* < др.-сканд. *golf, gulf* ‘пол, отделение’, ср. швед. *golv*, датск. *gulv* ‘пол’ (РЭС, вып. 11, с. 112–113);

диал. *вогльй* ‘сыроватый, влажный’ < **воўгльй* < *во́лгльй* < **vьlgьlъ(jь)* (РЭС, вып. 8, с. 128);

диал. *во́хкий* ‘сыроватый, влажный’ < **воўгкий* < *во́лгкий* < **vьlgьkъ(jь)* (РЭС, вып. 8, с. 129).

во́рвань ‘жидкий жир, рыбий или из морских животных’ // В памятниках письменности фиксируется с XV в. в виде *ворвонь* ‘род животного’ (Срз., т. 1, с. 301), *ворвань* ‘кожа морских млекопитающих’, ‘жир, вытопленный из морских млекопитающих и рыб’ XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 28–29). Этимон усматривают обычно в др.-швед. *narhval* ‘морское млекопитающее, Monodon monoceros’, др.-исл. *náhvallr* (Фасмер, т. 1, с. 351).

Наличие лексемы (в виде основы *въръвон-*) в Новгородской берестяной грамоте № 1116, относящейся к первой половине XII в., позволяет существенно

удревнить первую фиксацию этой лексемы, а проведенный недавно анализ грамоты – уточнить ее первоначальный вид: *вървонь* м. р. ‘тюлень’ с притяжательным прилагательным **ворволь (жир)* (= ст.-блр. *ворволь*), которое объясняет рус. *ворвань*, ст.-рус. *ворвонь* как исходное субстантивированное прилагательное [Гиппиус, 2020, с. 27].

4. Еще три примера ДопРЭС с уточненными этимологиями.

драи мн. ‘сырые полосы земли, ложбины с суходолами’ диал. // В РЭС (вып. 14, с. 293), по существу, оставлено без объяснения. По сообщению Р. В. Гайдамашко, является не более чем искажением (результат описки или опечатки) известного диалектизма *арáiи* мн. ‘сырые ложбины по берегам реки Камы’ диал. (СРНГ, т. 1, с. 266), который, согласно Я. Калиме, происходит из источника типа карел. *aro* ‘луг на сыром месте’, ‘сырая ложбинка посреди бора’ (РЭС, вып. 1, с. 254).

ветрюх ‘самый большой отдел желудка жвачных животных и кушанье из него’, ‘живот’, ‘грубый неповоротливый человек’ диал. // В РЭС (вып. 7, с. 60) принимается объяснение ЭССЯ (вып. 6, с. 72–73): предполагается **вятро*, вариант диал. *ятрò, ятро* ‘черева, внутренности’ из праслав. **ętro* ‘печень’, родственного *утрòба, нутрò* и др. Предпочтительнее сравнение со ст.-рус. *вѣт(е)рь, вѣтры* мн. ‘газы в кишечнике’, ср. выражение *пускать ветры* ‘испускать газы из кишечника’: *ветрюх* > *вѣтр-* + суффикс *-’ух*, с развитием значения типа ‘пердун’ > ‘живот’, ‘неповоротливый человек’ [Ушинскене, 2001, с. 169].

гиль ж. р. ‘вздор, чепуха’ // Встречается у многих авторов XIX в., например, у А. Грибоедова: *Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль* («Горе от ума»; также у Л. Толстого, Н. Лескова, М. Салтыкова-Щедрина, А. Фета и др.). В диалектной речи: *гиль гнать* ‘делать неприятности’ (СРНГ, т. 6, с. 172). Встречается в текстах XVIII в.: *гиль* ‘вздор, чепуха’, *гиль молоть, несть* (СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 113).

Слово фактически оставлено в РЭС (вып. 10, с. 222) без определенного объяснения. Для исправления этого недочета целесообразно привлечь рус. диал. *изгиляться* ‘кривляться, ломаться’, ‘насмехаться, издеваться’, ‘лениться’ (СРНГ, т. 12, с. 117), которое со второй половины XIX в. нередко встречается и в литературном языке (см. НКРЯ). В ЭССЯ (вып. 9, с. 33) рус. *изгиляться* «условно» возводится к праслав. **jъzgyľ’ati*, сложению префикса **jъz-* и итератива-дуратива от **gyliti* > рус. диал. *гýлитъ* ‘смешить, острить; удивлять своими шутками, балагурить’ (СРНГ, т. 6, с. 171; РЭС, вып. 10, с. 220). Этимология *гýлитъ* недостаточно ясна, но есть вероятность родства с *изгаляться* ‘насмехаться, потешаться’, ‘издеваться, глумиться’ (помимо диалектной речи встречается у многих писателей, см. НКРЯ), итеративу-дуративу с возвратной частицей *-ся* от *изга́литъ* ‘ругать, бранить’ < префикс *из-* + *га́литъ* ‘смеяться, насмехаться’, ‘смешить, шутить’ < праслав. **galiti* ‘кричать (радостно), смеяться’, ‘злорадствовать, издеваться’ (ЭССЯ, вып. 6, с. 92–94). Рус. *гиль* ‘вздор, чепуха’, вероятно, является производным от *изгиляться* (как писал В. В. Виноградов [1994, с. 52]) или от *гýлитъ*. В этом случае значение ‘вздор, чепуха’ возникло из ‘нелепица (с целью насмешки, издевательства)’, ‘нечто несерьезное, смехотворное’.

Остается недостаточно ясным отношение рассматриваемого *гиль* к *гиль* ‘смута, мятеж, самоуправство’ (Фасмер, т. 1, с. 406). Не исключено их родство: аналогией может служить отношение рус. *вздор* ‘нелепица’ и *вздóры* ‘ссора, брань’, *повздóрить* (РЭС, вып. 7, с. 117).

Здесь же следует упомянуть этимологическое новшество, касающееся рус. диал. *гиль* ‘снегирь’ и его параллелей (чеш. *hejl*, *hýl*, слов. *hýl*, польск. *gil*, *giel*, блр. *gíl*, укр. *гиль*), на основании которых реконструируется праслав. **gylb* ‘снегирь’ (ЭССЯ, вып. 7, с. 221–222). Этот орнитоним недавно объяснен как производный от междометия *guy*, которым приманивали птицу при ловле (с откликом *gyt gyt*), см. [Rejzek 2009, s. 290].

* * *

Данную статью, иллюстрирующую некоторые аспекты работы над РЭС, представляется целесообразным завершить предварительным представлением 3 словарных статей из подготавливаемого в настоящее время 19 выпуска словаря. Речь идет об омонимичных лексемах *икра́*, отношения между которыми не вполне ясны. Лексический материал и литературы из-за недостатка места приводятся в минимальном объеме. Допускается, что все три омонима восходят к одному праславянскому источнику.

икра́ I, *-ы́* ‘рыбьи яички, зернистый рыбий приплод’ (*рыба мечет* или *бьет, выбивает икру*), *лягушачья икра* (Даль, т. 2, с. 40), *икрѠ* ср. р. ‘рыбья икра’ диал. (СРНГ, т. 12, с. 182), *икра* черная, красная; *икра зернистая, паюсная* (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 223), укр. *ікра́*, блр. *ікра́* ‘икра’, ц.-слав. *икра*, болг. *ікра*, *ікро* ср. р., с.-хорв. *ikra*, словен. *ikra*, чеш. *jikra*, обычно *jikru* мн., диал. *ikro* ср. р., слов. *ikra*, *jikru* мн., польск. *ikra*, ст.-польск. *ikru* мн., *ikro*, кашуб. *jikro* / *kro* ср. р., в.-луж. *jikra*, ранее *jikro*, полаб. *jākrā* ‘икра’ // Из праслав. **jьkra* или **jikra* (исходно форма мн. ср. р.) / **jьkro* ср. р. ‘икра (рыбья, лягушачья)’, ‘икра (ноги)’, ‘льдина’ (ЭССЯ, вып. 8, с. 217–220) (см. ниже *икра́* II, III), близкородственного лит. *ikrai*, *-ų* мн. ‘икра рыбы’, лтш. *ikri* мн. ‘то же’ < б.-слав. **ikrā/ǣ* [Smoczyński, 2019, p. 419].

Балто-славянская лексема расценивается как продолжение (с нулевой ступенью) гетероклитического имени на *-r/n* среднего рода, к которому относятся также ср.-ирл. *iuchair*, *juchrach* род. ед. (обычно *iuchra* мн. ж. р.) ‘икра’ и далее названия печени среднего рода **jēkʰr(t)-*, **jēkʰ-n-ēs* род. ед., ср. лит. *jėknos*, *-ų* мн., также *jāknos*, лит. *ėknos*, лтш. *jėknas*, *aknes*, *aknis*, прус. **iagno* вместо *lagno* (< **jēkn-ā-* или **jākn-ā-*), лат. *iecur*, *iecinoris* род. ед., др.-инд. *yákr̥t*, *yaknāḥ* род. ед., греч. *ἵπαρ*, *ἵπατος* род. ед. (*-ḡ-tos*). Промежуточное звено между ‘икра’ и ‘печень’, видимо, ‘мягкий орган тела’ < ‘густая масса, ком’ или ‘вздутие, сгущение’ (ср. рус. диал. *ксень* ‘печень налима’ и ‘икра налима’) (см.: (Фасмер, т. 2, с. 125); см. также: [Дыбо 2004, с. 88]).

Слово *икра́* в значении ‘кушанье из мелко нарубленных кусочков овощей, грибов’ – позднее, вероятно, с 1950-х гг.: *баклажанная икра*; *икра из соленых грибов* (НКРЯ).

икра́ II, обычно *ікры* мн. ‘выпуклые, округлые мышцы на задней стороне голени’ (Даль, т. 2, с. 40; СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 75), *икра́* ‘мышца, сгибающая кисть и пальцы руки’, *икрѠ* ‘икра ноги’ диал. (СРНГ, т. 12, с. 182), *икра* ‘икра ноги’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 223), укр. диал. *ікра́* ‘вымя’, ‘икра ноги’, блр. диал. *ікры* мн. ‘голени’, болг. *ікра*, чеш. диал. *ikro*, слов. диал. *ikra*, *ikro*, польск. уст. и диал. *ikra*, диал. также *ikro* ‘то же’, польск. диал. *ikra* ‘вымя овцы, козы’, кашуб. *kro* ‘икра ноги’ // Из праслав. **jьkra* или **jikra* / **jьkro* ‘то же’, близкородственного лит. *ikrai*, *-ų* мн. ‘икра ноги’, лтш. *ikri* мн., прус. *uścroy* ‘то же’ и далее связанного, видимо, с обозначениями рыбьей икры и т. п., см. выше *икра́* I.

Этимологическая связь названий икроножной мышцы и рыбьей икры, как в случае с б.-слав. **ikrā/ǣ-*, прослеживается в языках Евразии и за ее пределами: голл. *kuit* ‘голень’, ‘рыбья икра’, эст. *sääre-mari* ‘икра ноги’ (*säär* ‘нога’, *mari*, *marja* ‘ягода’) и *kala-mari* ‘икра рыбы’ (*kala* ‘рыба’) – буквально «ного-ягоды» и «рыбо-ягоды», олонек. *mähändüs* ‘икра ноги’, *mähändü* ‘икра рыбы’, коми *kok-pök* ‘икра ноги’ (*kok* ‘нога’, *pök* ‘икра рыбы’), аналогичные примеры в финском, карельском, хантыйском и др. Данный материал использовался для интерпретации татуировки в виде рыбы на ноге мумии скифского вождя из второго Пазырыкского кургана – на основе реконструкции древнего уподобления ноги человека рыбе, в том числе уподобления задней части голени рыбьему брюшку с икрой [Sadovszky, 1975, p. 149–154; Аникин, 2017, с. 21–23]. Аналоги языковых явлений рассматриваемого типа обнаруживаются в Новом Свете, в атапаскских языках [Krauss, 1985, p. 485–486].

икра́ III ‘мелко искрошенные льдины во время ледохода’, *íkra* ‘льдина’ диал. (СлГП, с. 175; Деул. сл., с. 210), *íкры* мн. ‘льдины’ калин., *кра* ‘тонкий лед, плывущий в заморозки по рекам’ диал. (СРНГ, т. 15, с. 159), *íkra* и *кра* ‘льдина’ (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 75), др.-рус. *икра* ‘льдина’, *кра* ‘льдина, тонкий лед, плывущий по реке’ (Срз., т. 1, с. 1310), чеш. *kra* ‘льдина’, ст.-чеш. *kra* ‘глыба, ком’, польск. *kra* ‘льдина’, уст. ‘плотная туча’ // Из праслав. **jýkra* ‘льдина’ (ср. [Дыбо, 2004, с. 88]). За отсутствием у этого слова надежной этимологии остается предположить связь с названиями икры рыбы и икр на голенях, см. выше *икра́ I, II*. Исходное значение может сохраняться в рус. *икра́* ‘мелко искрошенные льдины во время ледохода’ = (?) ‘ледяная «икра»’, ср. ст.-рус. *накра* ‘льдина на реке’, ‘хрупкий весенний лед, ледяная каша’ < праслав. (?) **najýkra* (ЭССЯ, вып. 22, с. 105). Или ‘льдина’ < ‘глыба, ком’ < ‘затверделость, уплотнение’ < ‘густая масса’ < ‘икра (рыбы, ноги)’? Уместно привести англ. *calf* ‘икра ноги’ и ‘небольшая плавающая льдина’ [Sadovszky, 1975, p. 152].

Русские диалектизмы *кри́га* и *кры́га* ‘льдина’, ‘глыба земли, большой камень’ широко распространены по преимуществу в южно- и отчасти в западно-русских говорах (СРНГ, т. 13, с. 252). Считается, что укр. *кри́га*, блр. *кры́га* ‘льдина’, производные с помощью увеличительного суффикса *-iga* от **jýkra* ‘то же’, образуют украинско-белорусскую инновацию (ЭСБМ, вып. 5, с. 129; ЕСУМ, т. 3, с. 89).

Эти слова следует отделять от рус. диал. *кри́га* и *кры́га* как названий разновидности рыболовной снасти (сеть, бредень и др., см. (СРНГ, т. 13, с. 252–253)), которые наряду с укр. диал. *кри́га*, блр. *кры́га* в подобном значении может происходить из немецкого языка, ср. ср.-в.-нем. *kriege* (ЭСБМ, вып. 5, с. 129).

Список сокращений названий языков, диалектов и грамматических терминов

англ. – английский, арх. – архангельский, балто-славянский, в.-луж. – верхнелужицкий, вост. – восточный, голл. – голландский, греч. – греческий, датск. – датский, диал. – диалектный, др.-инд. – древнеиндийский, др.-исл. – древнеисландский, др.-рус. – древнерусский, др.-сканд. – древнескандинавский, др.-швед. – древнешведский, ед. – единственное число, ж. р. – женский род, калин. – калининский, карел. – карельский, кашуб. – кашубский, лит. – литовский, литер. – литературный, лтш. – латышский, м. р. – мужской род, мн. – множественное число, олонек. – олонекский, полаб. – полабский, польск. – польский, праслав. – праславянский, прил. – прилагательное, преф. – префикс, прус. – прусский, род. – родительный падеж, рус. – русский, слвц. – словацкий, словен. – словенский,

ср. р. – средний род, ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий, ср.-ирл. – среднеирландский, ср. р. – средний род, ст.-блр. – старобелорусский, ст.-польск. – старопольский, ст.-рус. – старорусский, ст.-слав. – старославянский, ст.-чеш. – старочешский, суфф. – суффикс, с.-хорв. – сербохорватский, тох. А – тохарский А, укр. – украинский, уст. – устарелое, ц.-слав. – церковнославянский, чеш. – чешский, швед. – шведский, эст. – эстонский, южн. – южный

Список литературы

- Аникин А. Е. Две историко-типологические заметки // В созвездии слов и имен: Сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2017. С. 16–25.
- Аникин А. Е. Рец. на кн.: B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. 1re série (a – ящерица). Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris: Institut d'études slaves, 2016. 396 p. // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 153–161.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
- Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 7–24.
- Дыбо В. А. В защиту некоторых забытых и неотвергнутых положений сравнительно-исторической фонетики славянских языков // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова. С. 83–110.
- Зализняк А. А. К истории слов // Slavica Svetlanica. К юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 31–41.
- Клюсов Г. Н. О происхождении глагола *вздымать* // Этимологические исследования по русскому языку 5. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 39–42.
- Ушинскене В. Этимологические заметки (К вопросу об использовании диалектных и исторических данных в этимологии) // Slavistica vilnensis. 2001. Т. 50 (2). С. 161–171.
- Федоров А. И. Русская диалектная лексика как источник исторических сведений о Сибири // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1990. № 3. С. 3–8.
- Krauss M. E. Russian Ikrá 'Caviar; Calf of Leg' and Similar Pairs in Athapaskan-Eyak // International Journal of American Linguistics. 1985. Vol. 51 (4). P. 485–486.
- Oguibénine B. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer. Paris: Institute of Slavic Studies, 2016. 396 p.
- Oguibénine B. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. II. Nouveau compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris: Institut d'études slaves, 2023. 168 p.
- Rejzek J. České etymologie // Studia etymologica Brunensia 6. Praha: Lidové noviny, 2009. S. 289–294.
- Sadovszky O. J. The Concepts of the 'calf of the leg' and 'fish eggs' and the Tattooed Man of Pazyryk 2 // Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Pars I: Acta linguistica. Tallinn, 1975. P. 149–154.
- Smoczyński W. Lithuanian Etymological Dictionary. Berlin: Peter Lang, 2018. 2256 p.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. V. 3. Le verbe. Paris: Klincksieck, 1966. 577 p.

Список источников и словарей

- АОС – Архангельский областной словарь. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.
- Деул. сл. – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М.: Наука, 1969. 612 с.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / Головн. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наук. дум., 1982–2012. Т. 1–6.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка.
- РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История и др., 2007–. Вып. 1–.
- СлГП – Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М.: Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969. 598 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2002. Т. 1–6.
- Срз. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893–1903. Т. 1–3.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–.
- Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. М.: Наука, 1975–1990. Т. 1 (А–D); Т. 2 (E–H); Т. 3 (I–K); Т. 4 (K–L); Т. 5 (L).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. Ё. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка / Белорусская наука, 1978–. Вып. 1–.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

References

- Anikin A. E. Dve istoriko-tipologicheskiye zametki [Two historical and typological notes]. In: *V sozvezdii slov i imen: Sb. nauch. st. k yubileyu M. E. Rut* [In the constellation of words and names. Coll. of sci. art. for the anniversary of M. E. Ruth]. Ekaterinburg, UrSU Publ., 2017, pp. 16–25.
- Anikin A. Ye. Rets. na kn.: B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. 1re série (a – yashcheritsa). Sompléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris, Institut d'études slaves, 2016, 396 p. [Review of the book: B. Oguibénine. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. 1re série (a – yashcheritsa). Sompléments au Dictionnaire

étymologique de la langue russe de Max Vasmer. Paris, Institut d'études slaves, 2016, 396 p.]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2018, no. 4, pp. 153–161.

Dybo V. A. V zashchitu nekotorykh zabytykh i neotvergnutykh polozheniy sravnitel'no-istoricheskoy fonetiki slavyanskikh yazykov [In defense of some forgotten and unrejected provisions of comparative-historical phonetics of Slavic languages]. In: *Slavyanskiy vestnik. Vyp. 2*. Moscow, MAKS Press, 2004, iss. 2: K 70-letiyu V. P. Gudkova [To the 70th anniversary of V. P. Gudkov], pp. 83–110.

Fedorov A. I. Russkaya dialektnaya leksika kak istochnik istoricheskikh svedeniy o Sibiri [Russian dialect vocabulary as a source of historical information about Siberia]. *Izv. SO AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. 1990, no. 3, pp. 3–8.

Gippius A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe [Birch bark documents from excavations in 2019 in Veliky Novgorod and Staraya Russa]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2020, no. 5, pp. 22–37.

Gippius A. A., Zaliznyak A. A. Berestyanyye gramoty iz raskopok 2017 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe [Birch bark documents from excavations in 2017 in Veliky Novgorod and Staraya Russa]. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the study of language]*. 2018, no. 4, pp. 7–24.

Klyusov G. N. O proiskhozhdenii glagola *vzdymat'* [On the origin of the verb *vzdymat'*]. In: *Etimologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku 5* [Etymological studies on the Russian language 5]. Moscow, MSU Publ., 1966, pp. 39–42.

Krauss M. E. Russian Ikrá 'Caviar; Calf of Leg' and Similar Pairs in Athapaskan-Eyak. *International Journal of American Linguistics*. 1985, vol. 51 (4), pp. 485–486.

Oguibénine B. *L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. Compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de M. Vasmer* [The Heritage of the Indo-European lexicon in the Russian vocabulary. Addenda to the Etymological Dictionary of the Russian Language by M. Vasmer]. Paris, Institute of Slavic Studies, 2016, 396 p.

Oguibénine B. *L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe. II. Nouveau compléments au Dictionnaire étymologique de la langue russe de Max Vasmer* [The Heritage of the Indo-European lexicon in the Russian vocabulary. II. New Addenda to the Etymological Dictionary of the Russian Language by M. Vasmer]. Paris, Institut d'études slaves, 2023.

Rejzek J. České etymologie [Czech etymologies]. In: *Studia etymologica Brunensia* 6. Praha, Lidové noviny, 2009, pp. 289–294.

Sadovszky O. J. The concepts of the 'calf of the leg' and 'fish eggs' and the Tattooed Man of Pazyryk 2. In: *Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Pars I: Acta linguistica*. Tallinn, 1975, pp. 149–154.

Ushinskene V. Etimoloricheskie zametki (K voprosu ob ispol'zovanii dialektnykh i istoricheskikh dannyykh v etimologii) [Etymological notes. (On the issue of using dialectal and historical data in etymology)] *Slavistica vilnensis*. 2001, vol. 50 (2), pp. 161–171.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. V. 3. Le verbe*. [Comparative grammar of Slavic languages. V. 3. The verb]. Paris, Klincksieck, 1966, 577 p.

Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, Tolk, 1994.

Zaliznyak A. A. K istorii slov [To the history of words]. In: *Slavica Svetlanica. K yubileyu S. M. Tolstoy* [Slavica Svetlanica. For the anniversary of S. M. Tolstaya]. Moscow, Indrik, 2013, pp. 31–41.

List of sources and dictionaries

- Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, Znak, Nestor-Istoriya, 2007–, iss. 1–.
- Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Moscow, MSU Publ., 1980–, iss. 1–.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1955, vols. 1–4.
- Etymalogichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. V. U Martynaŭ, G. A. Tsykhun (Eds.). Minsk, Navuka i tekhnika, 1978–, iss. 1–.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Eds.). Moscow, Nauka, 1974–, iss. 1–.
- Etimologichniy slovník ukraïns'koï movi* [Etymological Dictionary of Ukrainian]. O. S. Mel'nychuk (Ed. in Ch.). Kyïv, Nauk. dum., 1982–2012, vols. 1–6.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German and suppl.), B. A. Larin (Ed. and pref.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987.
- Ivanova A. F. *Slovar' govorov Podmoskov'ya* [Dictionary of govorovs of the Moscow region]. Moscow, Moscow Oblast Pedagogical Institute Publ., 1969, 598 s.
- Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. A. S. Gerd (Ed.). St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2002, vol. 1–6.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–, vol. 1–.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century] Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–, iss. 1–.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka, 1975–, iss. 1–.
- Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of the modern Russian vernacular (v. Deulino, Ryazan district, Ryazan region)]. Moscow, Nauka, 1969, 612 p.
- Smoczyński W. *Lithuanian Etymological Dictionary*. Berlin, Peter Lang, 2018, 2256 p.
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian Language]. St. Petersburg, Tipogr. Imp. Akademii nauk, 1893–1903, vols. 1–3.
- Toporov V. N. *Prusskiy yazyk: Slovar'* [Prussian language: Dictionary]. Moscow, Nauka, 1975–1990, vol. 1 (A–D), vol. 2 (E–H), vol. 3 (I–K), vol. 4 (K–L), vol. 5 (L).

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

*Статья поступила в редакцию 18.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 01.02.2024
The article was submitted on 18.01.2024;
approved after reviewing on 01.02.2024; accepted for publication on 01.02.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/87/15

**Роль вспомогательного глагола
в составе русской глагольной перифразы
(на материале современных электронных СМИ)**

Ян Цзайхуэй

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

953558921@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-7680-7205>

Аннотация

Дается определение глагольной перифразы, описываются ее типы в русском языке. Глагольная перифраза представляет собой аналитическую номинативную единицу языка, построенную в основном по модели «вспомогательный глагол + существительное событийной семантики», которая служит для выражения семантики действия. Вспомогательные глаголы в составе глагольной перифразы в русском языке по семантике можно разделить на десять основных типов, ранжированных по встречаемости: 1) осуществление; 2) фазисность и другие аспектуальные значения; 3) каузативность; 4) конверсивность; 5) экспликация; 6) проявление; 7) операция; 8) участие; 9) модальность; 10) интенсивность. Выступая в качестве вспомогательного в составе глагольной перифразы, многозначный глагол частично или полностью десемантизируется, однако он приобретает новое, служебное значение и в некоторых случаях сохраняет элементы исходной семантики.

Ключевые слова

глагольная перифраза, вспомогательный глагол, синтаксическая семантика, каузатив, конверсив, семантика действия

Для цитирования

Ян Цзайхуэй. Роль вспомогательного глагола в составе русской глагольной перифразы (на материале современных электронных СМИ) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 178–191. DOI 10.17223/18137083/87/15

© Ян Цзайхуэй, 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 178–191

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 178–191

The role of auxiliary verbs in the composition of the Russian verbal periphrasis (a case study of modern electronic media)

Yan Tsaikhuei

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

953558921@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-7680-7205>

Abstract

The paper explores the definition and typology of periphrastic expressions in both Russian and Romance languages, taking into consideration a range of linguistic criteria. Given its multidimensional nature, periphrasis cannot be specified in terms of subject, resulting in ambiguity in its designation. Most Russian linguists consider periphrasis as a descriptive expression that may be ambiguous but serves to convey the meaning of another expression or word. The verbal periphrasis holds a significant position in language, serving an indispensable function in conveying the meaning of actions. In the Russian language, verbal periphrasis is a binomial compound construction, with its basic model typically involving an auxiliary verb and a verbal or nominal form denoting an action. Within this model, four structures can be identified, including (1) verb + verbal noun, (2) verb + substantive phrase, (3) verb + primitive noun, and (4) verb + infinitive. The auxiliary verb within the verbal periphrasis assumes a functional role while retaining its lexical meaning to some extent. Semantically, ten main types of auxiliary verbs can be identified in verb periphrasis in Russian. These express (1) implementation, (2) phasing and other aspectual values, (3) causativity, (4) conversivity, (5) explication, (6) manifestation, (7) operation, (8) participation, (9) modality, and (10) intensity. The auxiliary verb used in the verbal periphrasis undergoes a process of desemanticization while occasionally preserving a partial semantic significance or acquiring a novel meaning.

Keywords

verbal periphrasis, auxiliary verb, syntactic semantics, causative, conversive, action semantics

For citation

Yan Tsaikhuei. The role of auxiliary verbs in the composition of the Russian verbal periphrasis (a case study of modern electronic media). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 178–191. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/15

Введение

Статья посвящена выявлению роли вспомогательного глагола в составе русской глагольной перифразы в текстах электронных СМИ последних лет.

Материалом исследования послужили русскоязычные порталы и каналы новостей «Лента», «Известия», «РИА новости» и др. Объем выборки составил около 1 000 контекстов, содержащих глагольные перифразы.

Перифраза как явление языка и речи и как предмет описания имеет долгую историю. Еще в период античности Аристотель и позднее Квинтилиан обратили внимание на перифрастические выражения и положили начало их научному изучению. В наше время в работах русистов Ю. Д. Апресяна [1972], В. П. Григорьева [1979], Л. Я. Паклиной [1971], Д. П. Вовчок [1974], С. Я. Макаровой [1972], Т. И. Бытевой [1994] и др. выразился большой интерес отечественной лингвистики к перифразам, были выявлены многие особенности их функционирования. Среди отечественных лингвистов наиболее распространено мнение, что перифра-

за – это описательное (неоднословное) выражение, передающее смысл другого выражения или слова (см.: [Розенталь, Теленкова, 1985; Ожегов, 1964; Москвин, 2006] и др.). При этом замещающее выражение имеет потенциальный характер, т. е. не обязательно присутствует в том же тексте, где употреблено перифрастическое выражение.

Хотя лингвисты уже признали перифразу как факт языка, до сих пор не вполне понятно, к какому языковому уровню она принадлежит, и в какой области языкознания перифраза может быть использована в качестве объекта исследования, поскольку перифрастическое выражение представляет собой сложный языковой феномен, который включает в себя смешение единиц лексического, фразеологического, синтаксического уровней [Бытева, 2002, с. 16].

Обзор литературы на материале русского и других языков показывает, что лингвисты выделяют разные типы перифрастических выражений, используя несколько критериев. Т. И. Бытева в своей работе обобщила типы перифрастического выражения, выделила два основания классификации в соответствии с семантическими особенностями, внешними и внутренними [Там же, с. 38, 50].

Чаще всего перифразы делятся на большие классы по нескольким основаниям.

1. По типу организации семантики: «образные» и «необразные» [Розенталь, Голуб, 1996, с. 105; Голуб, 1976, с. 154]. Г. З. Розанова в своей классификации более точно передает содержание, которое скрывается за «негативным» термином «необразная перифраза»: это «логические» и «описательные» перифразы [Розанова, 1971, с. 95].

2. По способу существования в языке: «общезыковые» и «индивидуально-авторские» [Голуб, 1976, с. 154]. В энциклопедии «Русский язык» перифразы разделяются на две группы: общепринятые и понятные только из контекста [Бельчиков, 1979, с. 203], что в целом соответствует разделению И. Б. Голуб.

3. По грамматическому составу наиболее часто встречаются именные (субстантивные сочетания, «замещающие» существительное) и глагольные перифразы («замещающие» глагол). Ю. А. Бельчиков делит именные перифразы на четыре типа: 1) прилагательное + существительное; 2) существительное + существительное в Р. п.; 3) комбинации этих структур; 4) предложно-именные сочетания [Бельчиков, 1990, с. 371].

Отметим, что лингвисты избирательны в изучении разных типов перифраз. По первому критерию чаще исследуются образные перифразы, построенные на основе метафоры и метонимии. По второму критерию ученых в равной степени интересуют общезыковые и авторские перифразы. По третьему – чаще изучаются именные перифразы.

В русском языке глагольная перифраза рассматривается как периферия системы перифраз: она чаще представляет собой номинативную единицу логического типа, при этом такие перифразы в основном являются языковыми. Этим русская традиция изучения перифраз отличается от романской, в которой очень много исследований посвящено именно глагольной перифразе (см.: [Штейнберг, 1957; Скворцова, 1956] и др.). Основное расхождение с богатой романской традицией в теории глагольной перифразы русского языка заключается в том, что в русистике сочетания многих вспомогательных глаголов с инфинитивом интерпретируются как составное глагольное сказуемое, например: *Названо российское оружие, с которым не **могут справиться** системы ПВО США*¹. Выражение *могут спра-*

¹ https://smotrim.ru/article/3138456?utm_source=vesti_left (дата обращения 11.01.2023).

виться с точки зрения теории членов предложения представляет собой составное глагольное сказуемое, а не глагольную перифразу. Поэтому в качестве глагольной перифразы описываются сочетания инфинитива с полузнаменательными глаголами, например: *В воронежских вузах планируют провести массовую вакцинацию от ковида*². В нашей статье мы придерживаемся точки зрения, сложившейся в русистике.

Русская глагольная перифраза в самом общем виде имеет структуру «глагол + существительное» [Грехнева, 1999, с. 172]. Л. В. Шубина [1973] называет глагольную перифразу глагольным перифрастическим оборотом. Существует традиция, в которой такие обороты, как *подвергать критике* по отношению к *критиковать*, *производить ремонт* по отношению к *ремонтировать*, *принимать пищу* по отношению к *питаться*, не считаются перифрастическими выражениями и определяются как описательные предикаты [Москвин, 2006, с. 38]. В. А. Кузьменкова в своей диссертации называет такие сочетания на формальном уровне описательными предикатами (ОП) [Кузьменкова, 2000, с. 13].

Мы, в свою очередь, придерживаемся позиции, что такие аналитические глагольно-субстантивные выражения являются перифрастическими, поскольку обладают способностью взаимно заменяться глаголами и другими глагольными сочетаниями. При этом глагол выполняет в таких аналитических выражениях роль, близкую к служебной, т. е. является вспомогательным.

Анализ вспомогательных глаголов в глагольных перифразах приведен в кандидатской диссертации [Похмельных, 1985, с. 30–55]. Автор применяет традиционный для подобного рода описаний семасиологический подход, суть которого заключается в фиксации семантического переноса (лексико-семантического варианта 1 (ЛСВ-1)) от прямого номинативного значения к ограниченному в том или ином отношении значению (ЛСВ-2 или еще более далекому от семантического прототипа варианту). Похмельных говорит приблизительно о 310 глаголах, используемых в глагольно-субстантивных сочетаниях, из них около 75 % имеют прототипическое значение **созидания** (*делать, производить* и т. п.), **вручения** (*давать, доставлять* и т. п.), **приобретения** (*брать, принимать* и т. п.), **движения и перемещения в пространстве** (*вести, нести* и мн. др.), **физического действия и воздействия** (*завязывать, кидать* и мн. др.), **процессов речи** (*вызывать* и т. п.). Остальные имеют значение **обнаружения** (*иметь, обладать* и т. п.), **сбережения** (*беречь, хранить* и т. п.), **физических и физиологических процессов** (*гореть, кипеть* и т. п.) [Там же, с. 32]. Она отмечает, что такие глаголы выступают во фразеологически связанном значении [Там же, с. 30].

Е. А. Лагузова, также следуя семасиологическому подходу, описывает сам процесс перехода из полнозначного глагола во вспомогательный и его результат. Она обращает внимание на сохранение глаголами в функции вспомогательного глагола архисемы 'действие' (или 'состояние') и утрату дифференциальных сем (*вести борьбу*) или их сохранение (*поддаться соблазну*) [Лагузова, 2003, с. 20].

Но для нас более важным в оценке семантики вспомогательного глагола является тот вклад, который он вносит в значение всего перифрастического выражения (см. п. 2).

² <https://www.vesti.ru/article/2513979> (дата обращения 22.01.2021).

1. Глагольная перифраза: определение, критерии выделения, основные модели

В данной работе мы определяем глагольную перифразу как описательный (аналитический) оборот в форме словосочетания, потенциально заменяющий однословное обозначение (основное наименование) соответствующего процесса или состояния и обозначающий его существенные черты и признаки. Основным критерием выделения глагольной перифразы является то, что перифрастическое выражение расчлененно обозначает целостное положение дел и, возможно, акцентирует какие-то его аспекты. В принципе, это может означать, что существует или возможен глагол, который заменяет перифрастическое выражение или которым можно заменить данное выражение. Определяющим для нас является ономаσιологический подход, при котором исследовательское действие совершается от обозначаемой реалии к языковому выражению. В этом случае приоритет остается за целостностью обозначаемого события, морфологическими характеристиками компонентов перифрастического выражения, а синтаксические свойства оказываются менее значимыми. Расчлененность перифрастического выражения позволяет его компонентам оказываться в разных частях актуального и даже конструктивно-синтаксического членения – например, распадаться на подлежащее и сказуемое, при этом оставаясь частями одного номинативного целого: *Выборы президента Турции могут пройти досрочно*³. Изосемическим перифрастическим выражением обозначаемого действия будет являться порядок слов «сказуемое – подлежащее», что позволяет поместить оба компонента перифразы в ремю, например: *В России / продолжается массовая вакцинация*⁴.

Логический и аналитический характер построения глагольной перифразы приводит к тому, что она может быть связана с глаголом, который замещает перифрастическое выражение целиком, одним из двух способов:

1) с глаголом – мотиватором для существительного, например, *дать разрешение* вместо *разрешить*, *делать анализ* вместо *анализировать*, *заниматься решением* вместо *решать*. Очевидно, в этих примерах вспомогательные глаголы в глагольной перифразе десемантизируются, они утрачивают свою семантику, только помогают образовать конструкцию глагольной перифразы;

2) с глаголом, который соотносится со всем перифрастическим выражением, например, *покинуть должность* вместо *уволиться*. Глагол *уволиться* не связан словообразовательно ни с глаголом *покинуть*, ни с существительным *должность*.

По отношению к видам глагольных перифраз мы полагаем, что глагольная перифраза чаще всего строится как описательное выражение логического, а не образного типа. Гораздо реже употребляется глагольная перифраза, которая построена на основе метафоры или метонимии, такие виды глагольной перифразы употребляются в их переносном значении, например, перифраза *покинуть мир* вместо *умереть*, которая построена на основе метафоры, перифраза *открыть рот* вместо *сказать*, которая построена на основе метонимии.

В русском языке глагольная перифраза в синтаксическом отношении – это конструкция, чаще всего состоящая из двух частей: вспомогательный глагол +

³ <https://radiosputnik.ria.ru/20220821/turtsiya-1811097546.html> (дата обращения 21.08.2022).

⁴ <https://www.vesti.ru/article/2513965> (дата обращения 22.01.2021).

субстантивное или (реже) глагольное наименование действия. Основываясь на этой модели, мы можем выделить следующие две структуры.

(1) Глагол + существительное:

- отглагольное существительное, например, *дать разрешение* = *разрешить*;
- субстантивное словосочетание, например, *вернуться к традиционной форме обучения* = *учиться в аудитории*;
- первообразное существительное, например, *брать в аренду* = *арендовать*.

(2) Глагол + инфинитив, например, *дать проехать* = *пропустить*.

2. Семантические группы вспомогательных глаголов в составе перифрастического выражения

В русском языке вспомогательный глагол, участвующий в составе глагольной перифразы, выполняет служебную роль, во многих случаях не утрачивая полностью своего лексического значения. В перифразе он способен лексически выразить разные аспекты протекания и существования в событийном мире действия, в том числе модальную семантику осуществления, намерения, желания, а также каузативную, фазисную и конверсивную семантику. Эти значения иногда могут быть выражены в составе глагольной лексемы, самостоятельно обозначающей действие, но часто вспомогательный глагол выражает такую семантику более детализированно и точно.

В соответствии с классификационными критериями и методами, используемыми указанными выше языковедами, а также в результате исследования собранного нами материала мы полагаем, что вспомогательные глаголы в составе глагольной перифразы в русском языке можно разделить на следующие десять основных семантических типов: 1) осуществление (*принять решение*); 2) фазисность и другие аспектуальные значения (*войти в контакт* (начало), *продолжить службу* (длительность), *прийти к выводу* (окончание)); 3) каузативность (*одобряя применение*); 4) конверсивность (*завоевать доверие*); 5) экспликация (*признать отказ*); 6) проявление (*выразить сожаление*); 7) операция (*подписать закон*); 8) участие (*участвовать в борьбе*); 9) модальность (*планировать встретиться*); 10) интенсивность (*усиливать контроль*). Большинство вспомогательных глаголов выражает значение **осуществления**, и число таких глагольных перифраз составляет 264 контекста на 1 тыс. единиц (*делать, вести* и т. п.), значение **фазисности** – 149 контекстов (*вести, продолжать, вывести* и т. п.), значение **каузатива** – 85 контекстов (*приводить, вводить* и т. п.), значение **конверсива** – 75 контекстов (*вызывать, получать* и т. п.), значение **экспликации** – 57 контекстов (*выступать, заявлять* и т. п.), значение **проявления** – 47 контекстов (*выражать, проявлять* и т. п.), значение **операции** – 23 контекста (*подписать, принимать* и т. п.), значение **участия** – 21 контекст (*вступать, участвовать* и т. п.), значение **модальности** – 14 контекстов (*смочь, планировать* и т. п.), и значение **интенсивности** – 12 контекстов (*активизировать, усилить* и т. п.).

Типы глагольных перифраз различаются не только по характеру, но и по степени отвлеченности значения вспомогательного глагола, находящейся в зависимости от особенности русской глагольной системы в целом. Очевидно, что глагольная перифраза по распределению вспомогательной и полнозначной лексем недалеко отстоит от составных глагольных сказуемых и аналитических глагольных форм. При этом вспомогательный глагол выполняет служебную роль, во многих случаях не утратив полностью своего лексического значения.

3. Группы вспомогательных глаголов: актуализация семантических компонентов перифразы

По роли вспомогательного глагола в семантике всего перифрастического выражения мы разделили глагольные перифразы на четыре группы. В первой группе глагол вносит минимальный вклад в смысл перифрастического выражения: осуществление, фазисность и другие аспектуальные значения, модальность и интенсивность.

(1) Глагол осуществления + существительное, например: *делать, вести / про-вести, дать*: 1) *Преступник сразу же отправился делать покупки и за сутки израсходовал половину украденной суммы*⁵; 2) *Лондону необходимо вести борьбу «ниже порога войны»*⁶. В этих примерах исходное лексическое значение вспомогательного глагола утрачивается, он выражает грамматическое значение, а лексическое значение сосредоточено во второй части конструкции.

(2) Фазисный глагол + существительное. В глагольной перифразе фазисный глагол обозначает начало или становление, продолжение или возобновление, а также окончание или прекращение действия. Полнозначные глаголы в этой функции десемантизируются.

(2.1) Фазисные глаголы, обозначающие начало или становление действия: *начать, взять (на поруки и др.), встать (на защиту)* и др., например: 1) *Новые правила должны вступить в силу 15 сентября*⁷; 2) *Российские официальные лица не пытались войти в контакт с представителями белорусской оппозиции*⁸.

(2.2) Фазисные глаголы, обозначающие продолжение или возобновление действия, например: *продолжать, возобновлять, продлевать* и т. п.: 1) *В пятницу министр энергетики Росен Христов заявил, что страна готова возобновить контакты с «Газпромом» по поводу поставок газа*⁹; 2) *Зеленский захотел продлить свое президентство*¹⁰. Обратим внимание на то, что возобновление действия в русском языке не может быть выражено грамматически, хотя глаголы *контактировать* и *президентствовать* в русском языке существуют и обозначают действие в его срединной фазе.

(2.3) Фазисные глаголы, обозначающие окончание или прекращение действия, иногда в сочетании с соответствующими предлогами, например: *выйти (из / с), довести (до конца), завершить, прекратить* и т. п. 1) *На сегодня точно известно, что студенты ВГУ выйдут с дистанционки 8 февраля*¹¹ ([?]*учиться дистанционно*); 2) *Ремесло намерен довести до конца дело о мошенничестве Навального с донатами (расследовать)*¹². В обоих случаях мы не сможем привести глагол, который можно было бы заменить описательным выражением, если учитывать конечную фазу.

(3) Глагол со значениями намерения и планирования, например: *запланировать, намереваться, допускать* и т. п. 1) *Помимо этого, запланировано специальное учение с совместным формированием радиационной, химической, биологиче-*

⁵ <https://lenta.ru/news/2021/03/03/doch/> (дата обращения 03.03.2021).

⁶ <https://lenta.ru/news/2020/12/19/igra/> (дата обращения 19.12.2020).

⁷ <https://www.vesti.ru/hitech/article/2602431> (дата обращения 19.08.2021).

⁸ <https://lenta.ru/news/2020/12/01/rasstroilas/> (дата обращения 01.12.2020).

⁹ <https://ria.ru/20220828/besporiadki-1812649042.html> (дата обращения 28.08.2022).

¹⁰ <https://lenta.ru/news/2021/09/11/zelenskiy/> (дата обращения: 11.09.2021).

¹¹ <https://www.vesti.ru/article/2513979> (дата обращения 22.01.2021).

¹² <https://news.rambler.ru/conflicts/45733935> (дата обращения 03.02.2021).

ской защиты и медицинского обеспечения ОДКБ «Барьер-2023»¹³; 2) По его словам, власти Анголы допускают использование национальных валют при взаимных расчетах¹⁴. В данном случае вспомогательный глагол с модальным значением выражает то, что действие не связано с объективной действительностью, но субъект мысленно стремится к переводу действия из идеального «мира» в реальность жизни. Полнозначные глаголы в этой функции подвергаются десемантизации.

(4) Глагол со значением изменения степени признака (ослабления или усиления): активизировать, наращивать, усиливать, ослаблять, например: 1) В Запорожской области усилят контроль на пунктах въезда с территории Украины¹⁵; 2) Американцы будут постепенно наращивать поставки вооружений на украинскую территорию, они постоянно тестируют, проверяют общественное мнение в своей стране¹⁶. Само действие контролировать и враждовать уже происходит, в определенном случае необходимо изменить силу его реализации. В этих примерах усилить контроль вместо контролировать, наращивать поставки вместо поставлять показывают, что интенсивность действия увеличивается.

Во второй группе, состоящей из одного семантического типа, вспомогательный глагол выполняет сугубо синтаксическую функцию, представляя изменение актуальной значимости актантов. Перифрастическое выражение в такой функции выступает конверсивом по отношению к исходному глаголу. В этом случае используется сочетание частично или полностью десемантизированного глагола с существительным, ср., например: принимать извинения и извиняться, вызывать волнение и волноваться, например: 1) «Могут получать эту поддержку в том числе семьи, дети в которых... по заявлению родителей пойдут в школу с 6 лет», – сказал господин Путин¹⁷; 2) Мы будем просить ребят, я и сейчас обращаюсь: сделайте эти прививки¹⁸.

Конверсивы обозначают одно событие или явление с разных сторон, т. е. в высказывании они обозначают процессы и явления, задавая в качестве исходной точки разные актанты, чаще всего субъект и объект. В первом примере семьи могут получать эту поддержку (от государства) ↔ государство поддерживает семьи. Во втором примере ребята сделают-1 прививки ↔ врач сделает-2 прививки ребятам (наблюдается случай конверсивной энантиосемии). Мы видим, что конверсивы выражают отношения противоположности, однако обозначают одну и ту же ситуацию. Иначе говоря, независимо от того, к какому типу относится конверсив, он выражает смену направления отношения между субъектом и объектом.

В третьей группе вспомогательный глагол выделяет особую роль субъекта по отношению к действию: участие, операция и каузативность – и тем самым имеет возможность сохранить основные семантические компоненты своего лексического значения.

(1) Глагол со значением участия субъекта действия в самом действии: участвовать, подключиться, вступить и др., например: 1) Избиратели вступают в беседу менее охотно, чем наблюдатели¹⁹; 2) В Испании сотни людей присоедини-

¹³ <https://ria.ru/20230824/ucheniya-1891894989.html> (дата обращения 24.08.2023).

¹⁴ <https://lenta.ru/news/2022/08/27/angola/> (дата обращения 27.08.2022).

¹⁵ <https://lenta.ru/news/2022/08/24/gfgfgfgf/> (дата обращения 24.08.2022).

¹⁶ <https://ria.ru/20230201/postavki-1849109035.html/> (дата обращения 01.02.2023).

¹⁷ <https://lenta.ru/news/2021/08/24/kurenje/> (дата обращения 24.08.2021).

¹⁸ <https://www.vesti.ru/article/2601778/> (дата обращения 17.08.2021).

¹⁹ https://lenta.ru/articles/2019/06/10/noursoultan_vybiral/ (дата обращения 25.08.2020).

лись к протестам против НАТО²⁰; 3) Пользователь Reddit ответил, что дети наркоманов заслуживают любви, как и другие дети, а затем ввязался в ссору с родителями²¹. Обозначение события существительным, не имеющим обязательных субъектной и объектной валентностей, позволяет оставлять в тени не только динамические характеристики действия (время, особенности протекания во времени), но и состав участников. Этому способствует также полиактантность социальных действий. При наличии в пропозиции действия большого количества актантных ролей глагол выделяет только наиболее важные для говорящего, а выражение действия существительным приводит к тому, что актантная позиция не требует обязательного заполнения. Поэтому появляется возможность эксплицировать вхождение лица в ситуацию, что было бы странно при глагольном выражении, ср., например: *В Испании сотни людей протестуют против НАТО* – с отсутствием позиции для вхождения в ситуацию. Часто вспомогательные глаголы участия выступают в роли глаголов осуществления, если не выражается вхождение в уже существующую ситуацию, или обозначают начальную фазу действия, как в примере (3): *ввязался в ссору* = *поссорился*.

(2) Глагол со значением операции (*заключить, подписать, оформить, подготовить* и др.), например: 1) *В послании Власов подчеркнул, что руководство ряда российских регионов стремится оформить стимулирующие для вакцинации выплаты пожилым гражданам*²²; 2) *Однако, когда девушка заключила помолвку со своим партнером, мать наконец начала уделять ей массу внимания*²³. Социально и операционально распределенный характер деятельности социальных институтов и учреждений приводит к тому, что в высказывании может быть отражена только одна операция, но благодаря отношению «часть вместо целого» она замещает всё социальное событие. Вспомогательный глагол со значением операции в составе глагольной перифразы часто обозначает социальное действие, которое выполняется совместно многими субъектами. Ср., например, *оформить выплаты*: для выплаты нужна не только операция (документального) оформления, но и выделение денег, и определение необходимых сумм, и непосредственная передача денег людям.

(3) Каузативный глагол + существительное, например: *ввести, наладить, одобрить* и др., например: 1) *В России собрались ввести новые запреты для вывода денег за границу*²⁴; 2) *Страна одобрила экстренное применение российского препарата 21 января*²⁵.

В лингвистике каузатив рассматривается как средство выражения, отражающее причинно-следственные отношения между разными фактами и объектами действительности. В каузативном отношении субъект вызывает ответное действие, состояние или изменение качества другого объекта. В каузативном процессе центром является взаимодействие между субъектом и объектом. Как правило, действие субъекта оказывает влияние на состояние объекта, изменение объекта является результатом действия субъекта, и каузативный глагол представляет со-

²⁰ <https://iz.ru/1492091/2023-04-01/v-ispanii-sotni-liudei-prisoedinilis-k-protestam-protiv-nato/> (дата обращения 02.04.2023).

²¹ <https://lenta.ru/news/2020/08/14/adopting/> (дата обращения 14.08.2020).

²² <https://lenta.ru/news/2021/07/19/vaccination/> (дата обращения 19.07.2021).

²³ https://lenta.ru/news/2022/11/07/no_wedding/ (дата обращения 07.11.2022).

²⁴ <https://lenta.ru/news/2021/01/25/zapret/> (дата обращения 25.01.2021).

²⁵ <https://lenta.ru/news/2021/02/17/oe/> (дата обращения 17.02.2021).

бой главный акцент, фиксирующий причинно-следственные отношения между субъектом и объектом.

Четвертая группа показывает возможности публичного осуществления события, связанного с внутренней сферой человека: экспликация и проявление.

(1) Глагол со значением экспликации (обнаружения того, что потенциально скрыто: *заявить, признать, выдвинуть*), например: 1) *В свою очередь Украина призывает Россию признать ответственность за крушение рейса МН17*²⁶; 2) *В последнее время в Киеве неоднократно заявляли о намерении контрнаступления на Херсонскую область*²⁷. Можно испытывать ответственность за что-то, но не показывать этого. Если кто-то признает ответственность, то он обнаруживает ее наличие. Намерение тоже не показывают, оно существует в психической сфере человека. Если кто-то заявляет о намерении, то оно становится наблюдаемым.

(2) Глагол публичного проявления эмоции, например, *выразить, поделиться* и др.: 1) *Небензя выразил надежду на скорую сертификацию ВОЗ российской вакцины*²⁸; 2) *Поклонники оценили внешний вид певицы и выразили восторг в комментариях*²⁹. Надо отметить, что проявление несущественно отличается от экспликации тем, что связано с эмоциями, с неконтролируемыми событиями психической сферы человека, а экспликация фокусируется на деятельной стороне человеческой активности. В принципе, экспликацию и проявление можно объединить, в этом случае глаголы этого объединенного класса будут занимать второе место по встречаемости.

Заключение

Таким образом, в русском языке вспомогательный глагол представляет собой компонент глагольной перифразы, который играет служебную роль. Во-первых, вспомогательный глагол помогает образованию глагольной перифразы. Во-вторых, он выражает дополнительный смысл, который может быть выделен в структуре значения исходного глагола или добавлен к нему без искажения семантики. Вспомогательный глагол в глагольной перифразе десемантизируется, но не утрачивает своей семантики полностью, напротив, он может приобретать значение, позволяющее ему выполнять вспомогательную функцию. Номинативная семантика глагольной перифразы обычно отражается в зависимом существительном, а вспомогательный глагол выражает грамматическое значение и добавляет в перифрастическое выражение семантику, связанную в основном с модусными и припропозитивными (в терминологии Т. В. Шмелевой [1994]) смыслами, например, модальность, фазисность, каузативность, конверсивность, но также и другие смыслы, соответствующие сложности социальных и иных процессов. Семантика вспомогательного глагола может являться основой для классификации глагольных перифраз.

²⁶ <https://lenta.ru/news/2021/02/06/zakrito/> (дата обращения 06.02.2021).

²⁷ <https://ria.ru/20220825/sudba-1811977589.html/> (дата обращения 25.08.2022).

²⁸ <https://lenta.ru/news/2021/01/25/vaccine/> (дата обращения 25.01.2021).

²⁹ <https://lenta.ru/news/2021/02/10/jlo/> (дата обращения 10.02.2021).

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Современная лингвистическая семантика. IV. Синонимические средства языка и правила перифразирования // Русский язык в национальной школе. 1972. № 3. С. 19–27.
- Бельчиков Ю. А.* Перифраза // Русский язык: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 203–204.
- Бельчиков Ю. А.* Перифраза // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 371.
- Бытева Т. И.* К проблеме лингвострановедческой лексикографии (на материале русских перифраз) // Проблемы интенсивного обучения неродным языкам: Тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф. «Герценовские чтения» 26–28 мая 1994 г. СПб., 1994. С. 116–117.
- Бытева Т. И.* Феномен перифразы в русском литературном языке: проблема семантики и лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2002. 352 с.
- Вовчок Д. П.* «Экономическая» функция газетных метафорических парафраз // Исследования по стилистике. Пермь, 1974. Вып. 4. С. 225–234.
- Голуб И. Б.* Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника. М.: Высш. шк., 1976. 208 с.
- Грехнева Л. В.* Перифраза как лингвистическое явление (на материале русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 20 с.
- Григорьев В. П.* К проблеме перифразы // Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. С. 177–199.
- Кузьменкова В. А.* Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 202 с.
- Лагузова Е. Н.* Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 35 с.
- Макарова С. Я.* Перифраза в современном русском литературном языке (на материале газет) // Содержание и методика преподавания русского языка в средней и высшей школе: Материалы XV Науч.-метод. конф. Поволжья. Волгоград, 1972. С. 55–58.
- Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: Ленанд, 2006. 373 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 6-е изд., стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 900 с.
- Паклина Л. Я.* Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике. Саратов: Изд-во СГУ, 1971. 61 с.
- Похмельных В. В.* Глагольно-именные перифрастические обороты современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 273 с.
- Розанова Г. З.* Некоторые аспекты семантики перифразы // Актуальные проблемы лексикологии, фразеологии и стилистики: Тез. докл. науч. конф. аспирантов 23–24 марта 1971 г. М., 1971. С. 95–97.
- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б.* Секреты стилистики. Правила хорошей речи. М.: Астрис Рольф, 1996. С. 105–110.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Скворцова О. Н. Глагольные перифразы в современном французском языке (к вопросу об аналитических глагольных сочетаниях) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца / Гл. ред. Л. И. Базилевич. М., 1956. Т. 9: Словарный состав и грамматический строй языка. С. 228–238.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 47 с.

Штейнберг Н. М. Об одной сложной глагольной конструкции в современном французском языке // Романо-германская филология: Сб. ст. в честь академика В. М. Шишмарева / Отв. ред. М. П. Алексеев, Г. В. Степанов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. С. 343–351.

Шубина Л. В. Глагольные перифрастические обороты в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1973. 22 с.

References

Apresyan Yu. D. Sinonimicheskie sredstva yazyka i pravila perifrasirovaniya [Synonymous means of language and rules of periphrasing]. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*. 1972, no. 3, pp. 19–27.

Bel'chikov Yu. A. Perifraza [Paraphrase]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 371 p.

Bel'chikov Yu. A. Perifraza [Paraphrase]. In: *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl., 1979, pp. 203–204.

Byteva T. I. *Fenomen perifrazy v russkom literaturnom yazyke: problema semantiki i leksikografii* [Phenomenon of periphrase in the Russian literary language: the problem of semantics and lexicography]. Dr. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2002, 352 p.

Byteva T. I. K probleme lingvostranovedcheskoy leksikografii (na materiale russkikh perifraz) [On the problem of linguistic and cultural lexicography (on the basis of Russian paraphrases)]. In: *Problemy intensivnogo obucheniya nerodnym yazykam: Tez. dokl. mezhdunar. nauch. metod. konf. "Gertsenovskie chteniya" 26–28 maya 1994* [Problems of intensive teaching of non-native languages: Proc. of the Intern. sci.-method. conf. "Herzen Readings" May 26–28, 1994]. St. Petersburg, 1994, pp. 116–117.

Golub I. B. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Leksika. Fonika* [The stylistics of the modern Russian language. Vocabulary. Phonica]. Moscow, Vyssh. shk., 1976, 208p.

Grekhneva L. V. *Perifraza kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale russkogo literaturnogo yazyka kontsa 18 – nachala 19 vv.)* [Periphrasis as a linguistic phenomenon (on the material of the Russian literary language of the late 18th – early 19th century)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Nizhny Novgorod, 1999, 20 p.

Grigorev V. P. K problemu perifrazy [On the problems of periphras]. In: *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 177–199.

Kuz'menkova V. A. *Tipologiya opisatel'nykh predikatov i ikh analogov v sovremennom russkom yazyke* [Typology of descriptive predicates and their analogues in modern Russian]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2000, 202 p.

Laguzova E. N. *Opisatel'nyy glagol'no-imennyy oborot kak edinita nominatsii* [Descriptive verbal-nominal turnover as a unit of nomination]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2003, 35 p.

Makarova S. Ya. *Perifraza v sovremennom russkom literaturnom yazyke (na materiale gazet)* [Paraphrase in the modern Russian literary language (based on newspaper

pers)). In: *Soderzhanie i metodika prepodavaniya russkogo yazyka v sredney i vysshey shkole: Materialy XV Nauch.-metod. konf. Povolzh'ya* [Content and methodology of teaching Russian language in secondary and higher schools: Proc. of the XV Volga region sci. and methodol. conf.]. Volgograd, 1972, pp. 55–58.

Moskvina V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi: Tropy i figury. Obshchaya i chastnye klassifikatsii. Terminologicheskiy slovar'* [Expressive means of modern Russian speech: Paths and figures. General and private classifications. Terminological dictionary]. Moscow, Lenand, 2006, 373 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 6nd ed. stereotip. Moscow, Sov. entsikl., 1964, 900 p.

Paklina L. Ya. *Iskusstvo inoskazatel'noy rechi. Ezopovskoe slovo v khudozhestvennoy literature i publitsistike* [The art of allegorical speech. Aesopian word in fiction and journalism]. Saratov, SSU Publ., 1971, 61 p.

Pokhmel'nykh V. V. *Glagol'no-imennyye perifrasticheskiye oboroty sovremennogo russkogo yazyka* [Verb-nominal periphrastic turns of the modern Russian language]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1985, 273 p.

Rozanova G. Z. Nekotoryye aspekty semantiki perifrasy [Some aspects of periphrase semantics]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii, frazeologii i stilistiki: Tez. dokl. nauch. konf. aspirantov 23–24 marta 1971* [Actual problems of lexicology, phraseology and stylistics: Proc. of the scientific conference of graduate students March 23–24, 1971]. Moscow, 1971, pp. 95–97.

Rozental' D. E., Golub I. B. *Sekrety stilistiki. Pravila khoroshey rechi* [Secrets of stylistics. Rules of good speech]. Moscow, Astris Rolf, 1996, pp. 105–110.

Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya* [Dictionary-reference book of linguistic terms: A guide for the teacher]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow, Prosveshchenie, 1985, 399 p.

Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian language"]. Krasnoyarsk, KSU, 1994, 47 p.

Shteynberg N. M. Ob odnoy slozhnoy glagol'noy konstruktsii v sovremennom frantsuzskom yazyke [On one complex verb construction in modern French]. In: *Romano-germanskaya filologiya: Sb. statey v chest' akademika V. M. Shishmareva* [Romano-Germanic philology: Collection of articles in honor of academician V. M. Shishmarev]. M. P. Alekseev, G. V. Stepanov (Ed. in Ch.). Leningrad, LSU Publ., 1957, pp. 343–351.

Shubina L. V. *Glagol'ye perifrasticheskiye oboroty v sovremennom russkom yazyke* [Verbal periphrastic turns in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, MSU Publ., 1973, 22 p.

Skvortsova O. N. Glagol'nye perifrasy v sovremennom frantsuzskom yazyke (k voprosu ob analiticheskikh glagol'nykh sochetaniyakh) [Verbal paraphrases in modern French (to the question of analytical verb combinations)]. In: *Uchen. zapad. Mosk. gos. ped. inst. of foreign language named after M. Thorez* [Uch. app. Moscow. state ped. in-t foreign lang. them. M. Toretz]. L. I. Bazilevich (Ed. in Ch.). Moscow, 1956, vol. 9: Slovarnyy sostav i grammaticheskiy stroy yazyka [Vocabulary composition and grammatical structure of the language], pp. 228–238.

Vovchok D. P. "Ekonomicheskaya" funktsiya gazetnykh metaforicheskikh parafraz ["Economic" function of newspaper metaphorical paraphrases]. In: *Issledovaniya po stilistike* [Studies in style]. Perm', 1974, iss. 4, pp. 225–234.

Информация об авторе

Ян Цзайхуэй, аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Yan Tsaikhuei, Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Humanities Institute, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.03.2023;
одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 27.11.2023
The article was submitted on 19.03.2023;
approved after reviewing on 27.11.2023; accepted for publication on 27.11.2023*

Научная статья

УДК 811.511.21

DOI 10.17223/18137083/87/16

Дезидератив в ласкинском говоре нарымского диалекта селькупского языка

Сергей Васильевич Ковылин

Институт системного программирования имени В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия

Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

kovylin.ser@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0108-9214>

Аннотация

Обсуждаются фонетические и семантические особенности маркеров дезидеративного наклонения в ласкинском говоре нарымского диалекта селькупского языка. Также рассматриваются когнаты суффикса дезидератива *-ndz(V)-*, которые отмечены в ласкинском говоре в качестве показателей имперфективности и будущего времени. Дополнительно обсуждается дистрибуция суффикса *-ndz(V)-* и его позиционных алломорфов в качестве показателя имперфективности / будущего времени / дезидератива в южных и центральных диалектах селькупского языка. Исследование опирается на методы корпусного анализа с использованием инструментов, доступных на платформе «Lingvodoc» и программы Fieldworks Language Explorer с привлечением 23 026 словоформ по в ласкинскому говору нарымского диалекта и 52 521 словоформы по остальным южным и центральным диалектам селькупского языка.

Ключевые слова

дезидератив, имперфективность, будущее время, селькупский язык, нарымский диалект

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных»

Для цитирования

Ковылин С. В. Дезидератив в ласкинском говоре нарымского диалекта селькупского языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 192–211. DOI 10.17223/18137083/87/16

© Ковылин С. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 192–211

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 192–211

Desiderative in the Laskino subdialect of the Narym dialect of the Selkup language

Sergei V. Kovylin

Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

kovylin.ser@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0108-9214>

Abstract

The paper discusses the phonetic and semantic features of the desiderative mood markers in the Laskino subdialect of the Narym dialect of the Selkup language. Consideration is also given to the cognates of the desiderative suffix *-ndz(V)-* as markers of imperfective and future tense that are not clearly separated in synchrony. The study reveals the distinction between the use of the derivational and inflectional suffix *-ndz(V)-*. The reason for this distinction is that imperfective verbs consistently indicate the imperfective aspect. However, the aspectual relationship of the verb in the future tense and desiderative mood depends on the aspect of the verb stem. Additionally, suffixes seem to retain partially the meaning of imperfectivity in inflection. Most examples in the Laskino subdialect have the suffix *-ndz(V)-* used to convey desire, with the indicator *-l(e)-* mainly expressing the future tense. The discussion also focuses on the distribution of the suffix *-ndz(V)-* as a marker of the imperfective/future tense/desiderative in the Southern and Central dialects. In Southern dialects, the suffix *-ndz(V)-* is primarily utilized to convey the future tense. In Central dialects, the suffix *-ndz(V)-* serves to express desire and indicate the peripheral future tense, while the suffix *-l(e)-* is the main marker of the future tense. The identification of the suffix *-(e)ndz(V)-* as an indicator of imperfectivity in the Southern and Central dialects (excluding the Sondrovo subdialects, where it was absent) demonstrated a relatively limited occurrence, suggesting its peripheral usage.

Keywords

desiderative, imperfectivity, future tense, Selkup language, Narym dialect

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 20-18-00403 “Digital description of dialects of the Uralic languages based on big data analysis”

For citation

Kovylin S. V. Desiderative in the Laskino subdialect of the Narym dialect of the Selkup language. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 192–211. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/16

Введение

Несмотря на то, что селькупский язык нельзя назвать слабоизученным, его южные и центральные диалекты еще не получили современного детального описания. В частности, это касается и функционирования суффиксов дезидератива, на изучение отдельных аспектов которых направлена данная статья.

Работа опирается на корпусные методы исследования, что позволяет увидеть распределение явлений на основе анализа относительно больших для бесписьменного языка данных. Ласкинский говор был выбран, так как по нему доступно наибольшее количество корпусных материалов (23 026 словоформ), что позволяет

провести их последовательный анализ. В работе также используются корпуса по другим южным и центральным диалектам селькупского языка (52 521 словоформа, не включая ласкинский говор) для сопоставления данных. Основой корпусных материалов является часть архивов лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Архив ЛЯНС, 1962–1985), а также материалы Л. Жабо по тымскому диалекту [Szabo, 1967] и Н. П. Григоровского по чаинскому диалекту [Григоровский, 1879; Helimski, 1983]. Часть корпусных данных, используемых для анализа, находится в открытом доступе на платформе ИСП РАН «Lingvodoc»¹, другая часть готовится к публикации и в настоящее время хранится в личном архиве (файлы программы Fieldworks Language Explorer). В ходе работы были использованы инструменты, предлагаемые представленными платформой и программой.

Целями статьи являются: 1) выявление формальных и семантических особенностей функционирования показателей дезидератива в ласкинском говоре нарымского диалекта; 2) уточнение дистрибуции и функционирования суффиксов дезидератива в селькупском языке.

В исследовании используется классификация селькупских диалектов Т. Янурика [Janurik, 1978], который выделяет три диалектные группы – северную, центральную и южную.

Северная группа включает диалекты: 1) тазовский, 2) ларьякский, 3) карасинский, 4) туруханский, 5) баихинский (баишенский), 6) елогуйский; центральная группа: 7) ваховский, 8) тымский, 9) васюганский, 10) нарымский; южная группа: 11) среднеобской, 12) чаинский, 13) кетский, 14) верхнеобской, 15) чулымский.

1. О дезидеративе

Под термином «дезидератив» понимается наклонение, служащее для грамматического обозначения желания как намерения [Адамсон, 2006, с. 25]. В смысловом плане значение дезидератива может соответствовать русскому глаголу *хотеть* [Там же].

В работе О. В. Ханиной отмечается, что, с одной стороны, семантическая зона желания в языках мира граничит с такими зонами, как модальность, эмоции / восприятие (и ментальное состояние) и цель, а с другой стороны, не граничит с другими [Ханина, 2004, с. 142]. Средства выражения желания могут сближаться со средствами выражения представленных семантических полей, а сама семантическая зона желания помещается между ними [Там же]. Внутренняя структура семантической зоны желания представлена в работе О. В. Ханиной следующим образом:

- 1) желание, сближающееся с оценкой ситуации извне;
- 2) желание, сближающееся с ментальным и / или перцептивным состоянием;
- 3) желание, сближающееся с целенаправленным действием [Там же, с. 143].

Согласно исследованию И. В. Адамсон (на базе русского языка), высказывания с модальным смыслом дезидеративности обладают следующими отличительными характеристиками:

- 1) потенциальность желаемого действия;
- 2) обращенность высказывания в будущее, т. е. наличие телеологической связи;

¹ <http://lingvodoc.ispras.ru> (дата обращения 23.07.2023).

- 3) интенциональность;
- 4) прикрепленность к Я-субъекту;
- 5) наличие склонности субъекта к действию [Адамсон, 2006, с. 73].

Далее перейдем к обсуждению исследований дезидератива в селькупском языке.

2. История исследования дезидератива в селькупском языке

Описанию разных видов наклонений в селькупском языке в целом посвящено большое количество исследований, которые обобщены в работе Н. Г. Кузнецовой [1995, с. 72–114], в то время как изучению дезидератива – только несколько работ [Морева, 1972, с. 82; 1973; 1975 с. 121, 122; Гальцова, 1993, с. 122–132; Кузнецова, 1995, с. 76, 99, 151–154].

Рассмотрим подробнее исследования, посвященные описанию становления дезидератива в тымско-нарымском ареале. В ряде работ Л. В. Моревой упоминается о том, что в населенных пунктах Ласкино и Напас реальное желание или намерение произвести действие может передаваться при помощи глагола с суффиксом *-нд'жс'* (*-д'жс'*), как и аналитической конструкции, состоящей из глагола в инфинитиве и финитной формы глагола *кыгыгу* 'хотеть', однако, по ее замечанию, информанты отдают предпочтение синтетическому способу [Морева, 1972, с. 82; 1973; 1975, с. 121, 122]. Там же приводится ряд примеров, подтверждающих данное положение, и отмечается способность суффиксов выражать модальное будущее время и их взаимосвязь с имперфективностью. В работах Л. В. Моревой по большей части только обозначается проблема функционирования дезидератива в Ласкино и Напасе.

Описанию данного явления в тымском диалекте посвящена одна из глав диссертационного исследования Н. П. Гальцовой, где она выделяет маркеры 'футурума / оптатива II' (футурума / дезидератива в нашем понимании) *-č(V)-*, *-enčV-*, *-čenč(V)-*, *-penč(V)-* и рассматривает формальную и семантическую стороны функционирования данных суффиксов [Гальцова, 1993, с. 122–132]. Когнаты представленных показателей засвидетельствованы практически во всех диалектах селькупского языка, однако они имеют разные фонетическое оформление и функции, заключающиеся в выражении имперфективности, будущего времени и реального желания или намерения [Там же]. Таким образом, данные показатели находят отражение в плане словообразования и словоизменения. В тымском диалекте засвидетельствованы все представленные функции [Там же]. Н. П. Гальцова говорит о становлении указанных суффиксов в качестве маркеров наклонения в тымском и нарымском диалектах [Там же, с. 130].

Небольшое обобщение по данной теме представлено в работе Н. Г. Кузнецовой, где сообщается о становлении дезидератива в тымско-нарымском ареале и соответствии ему будущего времени в кетском и обском диалектах [Кузнецова, 1995, с. 76, 99, 151–154]. Она отмечает, что развитие дезидератива в тымско-нарымском ареале связано с распадом парадигмы I-го побудительно-желательного наклонения, формы которого обслуживают на синхронном срезе не только сферу некатегоричного побуждения, но и модального будущего [Там же, с. 154].

Других существенных работ по изучению дезидератива в селькупском языке не было обнаружено.

3. Позиционные распределения алломорфов суффикса имперфективности / будущего времени / деизидератива *-ndz(V)-*

Вначале отметим, что в ласкинском говоре один и тот же суффикс *-ndz(V)-* и его позиционные алломорфы могут быть использованы в разных функциях – как в словоизменении, так и в словообразовании, в то время как в других диалектах наблюдаются свои собственные особенности функционирования его когнатов (см. разделы 5, 6). В первую очередь мы рассмотрим формальную сторону данного показателя, а в следующем разделе перейдем к обсуждению его функций.

В табл. 1 представлено позиционное распределение алломорфов показателя *-ndz(V)-* (имперфектив / будущее время / деизидератив) в зависимости от структуры основы глагола в ласкинском говоре нарымского диалекта и их когнаты в других диалектах селькупского языка. Для примера приведем данные из тазовского [Кузнецова и др., 1980, с. 240], тымского [Гальцова, 1993, с. 125], ласкинского говоров нарымского диалекта и чаинского диалекта селькупского языка [Григорьевский, 1879; Helimski, 1983, p. 42].

Из табл. 1 мы видим, что правила позиционного распределения суффиксов имперфективности / будущего времени / деизидератива по диалектам одинаковы для северных, центральных и южных диалектов селькупского языка. Различия наблюдаются по большей части в фонетических явлениях, характеризующих отдельные диалекты, где тазовский смычный *t* переходит уже в самом тазовском (в одной позиции, см. табл. 1), а также в центральных и южных диалектах в аффрикату *č* и далее в аффрикату *dž*. В ласкинском говоре нарымского диалекта согласный *č* наблюдается только в трех примерах, в то время как согласный *dž* – в 44-х.

Приведем примеры из ласкинского говора на зафиксированные позиции.

Односложная консонантная основа

- (1) *à údz'ə-dəl qur údz'u-gu à*
 NEG работать-PRS.PTCP человек работать-INF NEG
qwān-dž-ək.
 пойти-DES-3SG.sub
 'Неработающий человек работать пойти не хочет' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Многосложная консонантная основа на *m, l, s, r, n*

- (2) *mat qaj-kó=da à qond-úl-džendž-ak.*
 1SG что-DEST.TRS=INDF NEG спать-PFV-DES-1SG.sub
 'Я почему-то не хочу спать' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Односложная вокалистическая основа на долгий гласный

- (3) *tab ərk ðčə-ž'é-k é:-ndž'-a.*
 3SG еще молодой-DIM-ADVZ быть-DES-3SG.sub
 'Она все еще молодится' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Односложная вокалистическая основа на краткий гласный

- (4) *tab mādə-p kušəŋ=naj à qo-ndž-íd.*
 3SG дом-ACC сколько=EMPH NEG найти-IPFV-3SG.ob
 'Он дом никак не найдет' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Таблица 1

Распределение алломорфов показателя имперфективности / будущего времени / дезидератива по диалектам

Table 1

Distribution of the allomorphs of the imperfectivity/future tense/desiderative marker among the dialects

Диалект	Типы основ				
	Консонантные		на носовой	Вокалистические	
	односложные	многосложные на <i>m, l, s, r, n</i>		односложные на долгий гласный	односложные на краткий гласный и некоторые на долгий гласный, многосложные на нечередующийся гласный
Тазовский	-t-	-tent-, -cent-*	-nent-	-t-	-nt-
Тымский	-č(V)-	-čepč(V)-, (-čV)-	-nepč(V)-	-č(V)-, -nč(V)-	-(n)č(V)-
Ласкинский говор нарымского диалекта	-dz(V)-, -č(V)-	-dzendz(V)-, -čepč(V)-, -čendz(V)-	—	-ndz(V)-	-ndz(V)-
Чаинский	-č- (-чи-)	-če 'nč- (-дженчи-)	-ne 'nč-	-č- (-чи-)	-nč- (-нчи-)
					-e 'n 'č- (-énчи-)

* Тазовский с = центральный / южный č.

Многосложная вокалистическая основа на нечередующийся гласный

- (5) *qibí-l'dz'əga* *qur* *əlálə-mb-a*,
маленький-DIM человек устать-PSTN-3SG.sub
à *čúdz-e-ndz-à*.
NEG идти-DES-3SG.sub
'Ребёнок устал, не хочет идти' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Многосложная вокалистическая основа на чередующийся гласный

- (6) *mat* *qond-éndz'-ak*.
1SG спать-DES-1SG.sub
'Я хочу спать' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Помимо этого, в ласкинском говоре выделяются фонетические явления, связанные с ассимиляцией и компенсаторной заменой:

- (7) *à umn-éndz* (**umd-éndz*) – NEG сесть-IPFV.3SG 'не сидит (курица не хочет высиживать цыплят)' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1967, т. 16);
(8) *tō:-n-andz* (**tō:-ndz-and*) – приехать-FUT-2SG.sub 'приехать хочешь' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1968, т. 21).

4. Семантическая составляющая суффикса *-ndz(V)-* и его алломорфов в ласкинском говоре нарымского диалекта

Как отмечает Н. П. Гальцова, в процессе становления суффикса дезидератива (оптатива II в ее терминологии) в тымском и нарымском диалектах можно выделить следующие этапы: имперфектив → футурум → оптатив II (дезидератив в нашем понимании) [Гальцова, 1993, с. 130]. Связь словообразовательного суффикса имперфектива *-ndz(V)-* со становлением использования показателя будущего времени и отдельно дезидератива прослеживается во всех диалектах. Согласно Н. П. Гальцовой, в тазовском диалекте суффиксы имперфектива и будущего времени уже разграничены; в кетском и обском вариантах данные показатели используются для отнесения действия к плану будущего времени и практически не применяются в словообразовании; в тымском диалекте задействованы в словообразовании и формообразовании, выражая будущее время и значение намерения, желательности [Там же, с. 127–129]. Следует также отметить, что в словаре Я. Алатало [Alatalo, 2004] указанный суффикс *-nčə-* обозначается как дезидератив (в ряде случаев), судя по примерам, является словообразовательным элементом (прикреплен к основе глагола, например *am-* 'aufessen' (съесть), *amčə-* (дезидератив) (без перевода) [Ibid., p. 7]) и в целом представлен в разных диалектах. Я. Алатало не стал причислять данный суффикс к словоизменению, хотя многочисленные примеры из его словаря (например, *ámđžāt* (Вах) – съесть.DES.3PL 'мы съели бы') могут говорить о словоизменении или, по крайней мере, о промежуточном статусе суффикса. В ласкинском говоре нарымского диалекта также засвидетельствованы все позиции, свойственные тымскому диалекту. Приведем несколько примеров:

Показатель имперфективности

- (9) *mat* *tō:de-ndz-àk*.
1SG тошнить-IPFV-1SG.sub
'Меня тошнит' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Показатель будущего времени

- (10) *grazá é:-ndz-a.*
гроза быть-FUT-3SG.sub
'Гроза собирается' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Показатель дезидератива

- (11) *č'ázə-mbədi qú-la, à*
выстрелить-PST.PTCP человек-PL NEG
qù-ndz-á:dot.
умереть-DES-3PL
'Раненные солдаты не хотят умирать' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

С одной стороны, в ласкинском говоре можно наблюдать разграниченность использования словообразовательного и словоизменительного суффикса *-ndz(V)*- и его вариантов, так как, например, имперфективные глаголы всегда относятся к несовершенному виду, в то время как видовая отнесенность глагола в будущем времени и дезидеративе зависят от вида основы глагола (см. примеры 12, 13). С другой стороны, наблюдаются ситуации, когда одни и те же суффиксы в одних и тех же лексемах могут трактоваться в качестве словообразовательных и сохраняют значение имперфективности, например в инфинитивах, и одновременно в качестве словоизменительных в финитных формах и, очевидно, сохраняют значение имперфективности в ряде случаев (омонимия) (см. примеры 14, 15).

Перевод глаголом совершенного вида

- (12) *mat tə́dúldz'el madz'ó-nd qwǎn-dz'-àp.*
1SG завтра лес-LAT1 пойти-DES-1SG.ob
'Я завтра хочу в лес пойти' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Перевод глаголом несовершенного вида

- (13) *tat qaj-m m'é-spə-ndz'ə-nd-àl?*
2SG что-ACC сделать-CONT-DES-LTNT-2SG.ob
'Ты что делать хочешь?' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Словообразовательный показатель

- (14) *nüd.PFV-éndzu-gu* – жениться.PFV-IPFV/DES-INF 'жениться'² (Ласк.)
(Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Словоизменительный показатель

- (15) *tab áwna nadék nüd-éndz-a.*
3SG другой девушка жениться.PFV-IPFV/DES-3SG.sub
'Он на другой девушке жениться хочет' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Также в ласкинском говоре в большинстве случаев прослеживается разграничение семантики дезидератива и будущего времени, причем использование маркера *-ndz(V)*- в качестве показателя будущего времени в имеющихся у нас мате-

² См. также: 1) *netə-* 'жениться', *netǎnčə-* (дезидератив) (без перевода) [Alatalo, 2004, p. 194]; *nǎdǎnčəgu* (обские чумылькupy, имперфектив) – хотеть жениться [Быконя и др., 2005, с. 143].

риалах незначительно, а использование дезидератива прослеживается как в прошедшем, так и в настоящем-будущем времени, хотя и с модальным оттенком желания, намерения осуществить действие.

Прошедшее время

- (16) *tab* *tõ:-ndz-a* *táldz'əl* *údat*.
 3SG прийти-DES-3SG.sub вчера вечером
 'Он хотел прийти вчера вечером' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Настоящее-будущее время

- (17) *ésl'i* *qwân-n-àndz,* *to* *čázək!*
 если пойти-DES-2SG.sub то идти-IMP.2SG.sub
 'Если хочешь пойти, то иди!' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Будущее время

- (18) *aránnəl* *p'e-də* *haR* *è-ndz-i*
 осенний ночь-POSS.3SG черный быть-FUT-3SG.sub
kúle-nàndo.
 ворон-ABL2
 'Осенняя ночь была (будет) чернее ворона' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

В наших корпусных материалах по Ласкино можно увидеть взаимозаменяемость синтетического и аналитического способов передачи желания или намерения. Частотность передачи обоих способов примерно равна, что может быть обусловлено спецификой корпусных материалов.

- (19) *mat* *qig-ák* *qòndu-gú*
 1SG хотеть-1SG.sub спать-INF
 (*mat* *qond-éndz'-ak*).
 1SG спать-DES-1SG.sub
 'Я хочу спать' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

На данный момент уже нельзя провести полевой эксперимент для выявления всех особенностей использования данного суффикса в связи с отсутствием носителей. Опора идет на опубликованные и корпусные данные, материал которых в ряде случаев является недостаточным для уточнения некоторых явлений. В архивных данных, использованных для создания корпусов, часто наблюдается отсутствие перевода либо примерный перевод, что вызывает ряд сложностей. Например, перевод отдельных предложений (8 примеров) с данным показателем подразумевает долженствование или физическую возможность сделать что-то, однако сложно сказать, являются эти случаи следствием неточного перевода или отражают действительную периферийную семантику суффикса *-ndz(V)*. Приведем примеры.

Долженствование

- (20) *mat* *tapč'él* *ä-m* *qóndzər-kw-èndz-ak*.
 1SG сегодня отец-POSS.1SG видеть-HAB-?DES-1SG.sub
 'Я должен увидеть отца сегодня' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Физическая возможность

- (21) *mádz'ə-t qip húru-m à qwát-čə-nd-ìd.*
 лес-GEN человек зверь-ACC NEG убить-?DES-LTNT-3SG.ob
 'Охотник зверя убить не может' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Как уже отмечалось, в ласкинском говоре нарымского диалекта суффикс *-ndz(V)-* и его позиционные алломорфы используются для выражения имперфективности, будущего времени и деизидератива. В табл. 2 рассматривается семантический план этого суффикса как словоизменительного показателя на основе корпусных данных. Поскольку в ряде случаев он применяется для выражения будущего времени, для сопоставления привлекается статистика по использованию оппозитивного показателя *-l(e)-* в тех случаях, когда он маркирует будущее время, что является его основной функцией в центральных диалектах.

Таблица 2

Распределение показателей деизидератива / будущего времени *-ndz(V)-* и будущего времени *-l(e)-* в ласкинском говоре

Table 2

Distribution of the markers of imperfectivity/future tense/deisiderative *-ndz(V)-* and future tense *-l(e)-* in the Laskino subdialect

Информант	Показатель		будущее время -l(e)-
	дезидератив / будущее время		
Мурзина А. Р.	—		29
Мальков В. С.	DES -ndz(V)-	1	3
Саиспаев Е. Г.	FUT -endz(V)-	1	7
	DES -ndz(V)-	6	
	DES -endz(V)-	3	
	DES -dz(V)-	7	
Тагаева П. Н.	FUT -ndz(V)-	1	351
	FUT -čenc(V)-	1	
	FUT -čendz(V)-	1	
	DES -ndz(V)-	5	
	DES -endz(V)-	2	
	DES -č(V)-	1	
	DES -dzendz(V)-	1	
	DES.2SG.sub -nandz	3	
	-ndz(V)- (мочь)	1	
	-endz(V)- (мочь)	4	
	-dz(V)- (мочь)	1	
	-dzendz(V)- (мочь)	4	
	-endz(V)- (быть должным)	1	
Всего		44	390

Будущее время в нарымском диалекте может выражаться при помощи двух суффиксов *-ndz(V)-* и *-l(e)-* и алломорфов этих суффиксов [Морева, 1975], однако корпусные данные, представленные в табл. 2, показывают, что в ласкинском говоре нарымского диалекта его выражение при помощи суффикса *-ndz(V)-* находится на периферии. В большей части обнаруженных примеров показатель *-ndz(V)-* используется для передачи желания, в то время как для передачи широкого спектра оттенков будущего времени применяется показатель *-l(e)-*. По всей видимости, наблюдается разграничение маркеров в сфере использования будущего времени и дезидератива.

В дополнение приведем примеры использования суффиксов *-ndz(V)-* и *-l(e)-* в качестве показателей будущего времени.

Будущее время *-ndz(V)-*

- (22) *mat tázənd à m'üdə-r-čénč-ak.*
 1SG 2SG.ACC NEG догнать-CHAR-FUT-1SG.sub
 'Я тебя не догоню' (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Будущее время *-l(e)-*

- (23) *ó:dən m'i tas-sé tab'e-ču-gu qwǎl-l-aj.*
 весной 1PL 2SG-COM белка-VBLZ-INF пойти-FUT-1DU
 'Весной мы пойдём с тобой белковать' (Ласк.). (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

В свою очередь, использование суффиксов *-ndz(V)-* (3), *IPFV.3SG -endz(V)-* (1) в качестве показателя имперфективности наблюдается в ласкинском говоре только в четырех примерах, все они были представлены ранее (см. примеры 4, 7, 9, 14).

5. Дистрибуция показателей будущего времени / дезидератива / имперфективности в южных и центральных диалектах селькупского языка

Перейдем к уточнению распространения функционирования суффиксов будущего времени и дезидератива *-(e)ndz(V)-* и его алломорфов в селькупском языке. В табл. 3 представлены количественные корпусные данные дистрибуции позиционных алломорфов по трем южным и трем центральному диалектам. Здесь и далее объемы данных по центральному диалектам насчитывают порядка 54 тыс. словоформ и 20 тыс. словоформ по южным.

Из табл. 3 видно, что обсуждаемые маркеры используются в южных диалектах в основном для выражения будущего времени, в то время как в центральных диалектах их основной функцией является выражение желания и дополнительно будущего времени. С формальной точки зрения количество фиксаций показателей данного суффикса в южных диалектах в несколько раз превышает их количество в центральных диалектах, что говорит об их меньшей распространенности в центральных диалектах.

Приведем примеры использования суффикса *-(e)ndz(V)-* как показателя будущего времени и дезидератива по диалектам.

Кетский: будущее время

- (24) *kundar man ki-m pu:-ndz-aw?*
 как 1SG река-ACC пересечь-FUT-1SG.ob
 'Как я речку переплыву?' (Усть-Оз.) (Архив ЛЯНС, 1962, т. 5).

Таблица 3
Статистика распространения показателей будущего времени и дезидератива в южных и центральных диалектах селькупского языка
Table 3
Statistics of the distribution of the future tense and desiderative markers in the Southern and Central dialects of the Selkup language

	Диалект									
	кетский	чаинский	среднеобской (сондровские говоры)	нарымский	васюганский	тымский				
Показатели будущего времени и дезидератива	-(e)ndz(V)-	53	-ендж(V)- (-енч(V)-, -энч(V)-)	37	74	-(e)ndz(V)-	38	-	-	
	-dz(V)-; -č(V)-; -tč(V)-	17 7 3	-дж(V)-; -ч(V)-	3 10	7 2 18 3	-dz(V)-; -č(V)-; -z(V)-; -ž(V)-	11 1 2	-	-	
	-čedz(V)-; -dzenz(V)-	1 5	-ченч(V)-	3	tzedz(V)- (-dzedz(V)-); -tzenzi(V)- (-tzenz(V)-, -dzenz(V)-, -zenzi(V)-); -tšend(V)-	2 10 2	-dzenz(V)-; -čendz(V)- (-čénč(V)-)	5 3	-dzenz(V)- 1	
	-		-ненч(V)- -неч(V)-	2 2	1	-nenzi-	3	-	-	
	FUT.EVID -čend- (-čenz-)	3	FUT.2SG.sub -нанчъ FUT.2SG.sub -нненчъ FUT.2SG.sub -енанчъ (-енанджъ)	1 1 3	16 1	FUT.2SG.sub -enandz; FUT.EVID.3SG -ennindz	DES.2SG.sub -nandz	3	-	-
	FUT		FUT		FUT		DES (FUT)		DES (FUT)	DES (FUT)
Всего		89		62	136		66	1		0

Чаинский: будущее время

- (25) *пюнэгуссе* *месть* *ám-ч-итъ.*
черт 1PL.ACC съестъ-FUT-3SG.ob
'Черт нас съест' (Кост.) [Григоровский, 1879, с. 32].

Сондровские говоры (среднеобской): будущее время

- (26) *man* *tidám* *as* *títə-m-énz-an.*
1SG теперь NEG подраться-DUR-FUT-1SG.sub
'Я теперь не буду драться' (Канир., Новос.)³ (Архив ЛЯНС, 1962, т. 7).

Нарымский: будущее время

- (27) *šödəgwōjgot* *qu-t* *qanduk* *oqər* *olla-he*
двенадцать человек-PL как один ложка-COM
au-r-čəndz-alt?
съестъ-CHAR-FUT-2PL
'Как вы будете, 12 человек, одной ложкой кушать?' (Соисп., Нель.) (Архив ЛЯНС, 1964, т. 13).

Нарымский: деизидератив

- (28) *qaj,* *mašsek* *am-n-andz?*
что 1SG.ACC съестъ-DES-2SG.sub
'Что, меня съестъ хочешь?' (Тюхт.) (Архив ЛЯНС, 1971, т. 38).

Васюганский: деизидератив

- (29) *n'adek* *tabi-n-nan* *kur-al'-dzəndz-a.*
девочка 3SG-GEN-LOC.ABL бегать-PFV-DES-3SG.sub
'Девочка от него (ото льда) бежать хочет (вырывается)' (Воль., Карг.) (Архив ЛЯНС, 1983, т. 61).

Тымский: будущее время

- (30) *tal'čel* *kβələ-š-ku* *kβen-č-ut.*
завтра рыба-VBLZ-INF пойти-FUT-1PL
'Завтра рыбачить пойдем' [Гальцова, 1993, с. 128].

Тымский: деизидератив

- (31) *mat* *tal'čel* *mačo-ntə* *kβen-č-ak.*
1SG завтра лес-LAT1 пойти-DES-1SG.sub
'Я завтра хочу в лес пойти' [Гальцова, 1993, с. 128].

В табл. 4 представлено количественное сопоставление использования суффиксов будущего времени и деизидератива *-(e)ndz(V)-* и оптативного показателя *-l(e)-* в тех случаях, когда он используется для выражения будущего времени, по тем же южным и центральным диалектам селькупского языка.

Анализ данных показал, что в южных диалектах селькупского языка (кетский, чаинский, сондровские говоры) основным показателем, который служит для

³ Здесь и далее сначала представлено место рождения, затем последующие места проживания.

выражения будущего времени, является $-(e)ndz(V)$ -. Данный суффикс может обозначать разные оттенки будущего времени, однако он не используется в представленных данных в качестве дезидератива. В свою очередь, показатель $-l(e)$ - довольно редко используется для выражения будущего времени. Практически во всех случаях в нем проявляется модальная окраска побуждения, выражения некатегоричного волеизъявления.

В центральных диалектах (нарымском, васюганском, тымском) суффикс $-(e)ndz(V)$ - используется в основном для выражения дезидератива, реже для обозначения будущего времени, в то время как показатель $-l(e)$ - является основным средством выражения будущего времени, а также дополнительно побуждения и некатегоричного волеизъявления. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на утверждения о способности суффикса $-(e)ndz(V)$ - служить показателем будущего времени в тымском и нарымском диалектах (см., например: [Морева, 1975; Гальцова, 1993; Кузнецова, 1995], его реальное использование в этом качестве, по корпусным данным, находится на периферии.

Приведем примеры использования показателя $-l(e)$ - как суффикса будущего времени по диалектам.

Кетский

- (32) *we:diæ-m qwen-di-l-ot qaran.*
 мясо-ACC пойти-TR-FUT-1PL завтра
 ‘Мясо отнесем завтра’ (Усть-Оз.) (Архив ЛЯНС, 1962, т. 5).

Чаинский

- (33) *кундáръ аб-лэ-б-съ?*
 как съест-**FUT-1SG.ob-OPT.PART**
 ‘Как я буду есть?’ (Кост.) [Григоровский, 1879, с. 39].

Сондровские говоры (среднеобской)

- (34) *man t'éga t'apté-ŋ kie(l)-l'é-w-s*
 1SG 2SG.LAT сказка-ACC рассказать-**FUT-1SG.ob-OPT.PTCL**
so:-ts'ka.
 хороший-DIM
 ‘Я тебе расскажу хорошую сказку’ (Канир., Новос.) (Архив ЛЯНС, 1962, т. 7).

Нарымский

- (35) *tábə söt à qwǎl-l-a.*
 3SG в.лес NEG пойти-**FUT-3SG.sub**
 ‘Он в лес не пойдет’ (Ласк.) (Архив ЛЯНС, 1970, т. 34).

Васюганский

- (36) *ku-t üdīt mat-ti takkil-ad-e.*
 человек-PL вечером дом-LAT1 собрать-**FUT-3PL-OPT.PTCL**
 ‘Люди вечером в дом соберутся’ (Воль., Карг.) (Архив ЛЯНС, 1983, т. 60).

Таблица 4

Количественное сопоставление суффиксов будущего времени и дезидератива $-(e)ndz(V)-$ и оппозитивного суффикса $-l(e)-$, выражающего будущее время, в южных и центральных диалектах селькупского языка

Table 4

Quantitative comparison of the suffixes of the future tense and desiderative $-(e)ndz(V)-$ and the optative suffix $-l(e)-$, expressing the future tense, attested in the Southern and Central dialects of the Selkup language

Суффикс	Диалект				
	кетский	чаинский	среднеобской (сондровские говоры)	нарымский	васюганский
$-(e)ndz(V)-$	89	136	62	66	1
$-l(e)-$	9	17	4	1145	193
					0
					44

Таблица 5

Статистика использования суффикса $-(e)ndz(V)-$ в качестве показателя имперфективности в южных и центральных диалектах селькупского языка

Table 5

Statistics of the suffix $-(e)ndz(V)-$ as an imperfective marker, attested in the Southern and Central dialects of the Selkup language

Суффикс	Диалект				
	кетский	чаинский	среднеобской (сондровские говоры)	нарымский	васюганский
$-(e)ndz(V)-$	5	2		3	5
$-nd(V)-$	1		–	$-(e)ndz(V)-$; $-nd(V)-$;	$-(e)ndzi(V)-$
$-dz(V)-$	2			IPFV .3SG $-éndz(V)$	
$-tʃ(V)-$	2			1	
					1

Тымский

- (37) *teldil* *tü-l-ak-s,* *lekarstwa*
завтра прийти-FUT-1SG.sub-OPT.PTCL лекарства
ta:de-l-ak.
принести-FUT-1SG.sub
'Завтра приду, лекарства принесу' (Нап.) (Архив ЛЯНС, 1969, т. 26).

Согласно представленным данным, показатель *-(e)ndz(V)-* был зафиксирован во всех южных и центральных диалектах, кроме сондровских говоров среднеобского диалекта. Несмотря на относительно большое количество корпусных данных, засвидетельствованность суффикса *-(e)ndz(V)-* в качестве показателя имперфективности оказалась невысокой.

Кетский

- (38) *man* *wode-ndi-z-ay* *tüwü*
1SG собрать-IPFV-PST-1SG.sub черёмуха
t'ela-n-də *p'eme-ndz-te-yən.*
солнце-GEN-POSS.3SG зайти(о.солнце)-IPFV-NMNLZ-LOC1
'Я собирал черемуху на закате солнца' (Кар., Усть-Оз.) (Архив ЛЯНС, 1969, т. 27).

Чаинский

- (39) *могнэ* *только* *порóльдже-нч-итъ,* *няннёнъ*
назад только воротиться-IPFV-3SG.ob впереди
комъ *кандженъ* *кётт-ытъ.*
человек нарта-ACC ударить-3SG.ob
'Только заворачивается назад, впереди человек ударил о нарту' (Кост.) [Григоровский, 1879, с. 38].

Нарымский

- (40) *čobər* *e-j-a,* *mozno* *watte-nde-ku.*
ягода быть-PRS-3SG.sub можно собрать-IPFV-INF
'Ягода есть, можно брать' (Пуд., Нап.) (Архив ЛЯНС, 1969, т. 20).

Васюганский

- (41) *tab* *tan* *aʎa* *üde-ndz-id.*
3SG прочь NEG пустить-IPFV-3SG.ob
'Он (его) не отпускает' (Воль., Карг.) (Архив ЛЯНС, 1983, т. 61).

Тымский

- (42) *köt* *č'el* *mat* *kwen-d'iz'-aq.*
десять день 1SG поехать-IPFV-1SG.sub
'Иду я на десять дней' (Варг., Нап.) (Архив ЛЯНС, 1969, т. 26).

Выводы

1. Анализ корпусных данных по южным и центральным диалектам селькупского языка позволил частично пересмотреть выводы, сделанные предыдущими исследователями, так как во многих случаях зафиксированные в ходе отдельных

полевых экспериментов материалы могли не полностью отображать частотность и периферийность использования обсуждаемых явлений языка, хотя они и в полной мере показывали их формальную и семантическую стороны.

2. В ласкинском говоре нарымского диалекта применение суффикса *-ndz(V)*- и его позиционных алломорфов (*-dz(V)*-, *-č(V)*-, *-dzendz(V)*-, *-čenc(V)*-, *-čendz(V)*-, *-ndz(V)*-, *-endz(V)*-) зависит от типа консонантных и вокалистических основ, что является общим правилом для всех диалектов.

3. В ласкинском говоре суффикс *-ndz(V)*- используется для выражения имперфективности, будущего времени и деизидератива. С одной стороны, наблюдается разграниченность применения словообразовательного и словоизменительного суффикса *-ndz(V)*-, так как имперфективные глаголы всегда относятся к несовершенному виду, в то время как видовая отнесенность глагола в будущем времени и деизидеративе зависит от вида основы глагола. С другой стороны, по-видимому, у суффиксов остается способность частично сохранять значение имперфективности в словоизменении. В большинстве случаев прослеживается разграничение семантики деизидератива и будущего времени. В корпусных данных также встретилось 8 примеров, где фиксация на глаголе показателя *-ndz(V)*- подразумевает должествование или физическую возможность сделать что-либо.

4. Корпусные данные показывают, что в ласкинском говоре использование маркера *-ndz(V)*- для выражения будущего времени находится на периферии. В большей части примеров суффикс *-ndz(V)*- употребляется для передачи желания, в то время как для выражения широкого спектра оттенков будущего времени применяется показатель *-l(e)*-.

5. Корпусные данные по трем центральным (кетский, чаинский, сондровские говоры среднеобского диалекта) и южным (нарымский, васюганский, тымский) диалектам демонстрируют, что суффикс *-ndz(V)*- встречается в южных диалектах в основном для выражения будущего времени, в то время как оптативный показатель *-l(e)*- в основном используется для выражения побуждения и некатегоричного волеизъявления. В центральных диалектах основной функцией суффикса *-ndz(V)*- является выражение желания и дополнительно будущего времени, однако корпусные данные показывают, что его реальное применение в качестве маркера будущего времени сильно ограничено, в то время как оптативный суффикс *-l(e)*- является основным средством выражения будущего времени, а также дополнительно побуждения и некатегоричного волеизъявления.

6. Засвидетельствованность суффикса *-(e)ndz(V)*- в качестве показателя имперфективности в южных и центральных диалектах (кроме сондровских говоров, где он не был обнаружен) оказалась примерно равной – невысокой. Это, предположительно, говорит о том, что его использование в качестве маркера имперфективности уходит на периферию.

Список условных обозначений

ABL2 – аблатив 2; ACC – аккузатив; ADVZ – адвербиализатор; CHAR – характеристизационная совершаемость; COM – комитатив; CONT – континуатив; DES – деизидератив; DEST.TRSL – дестинатив-транслатив; DIM – диминутив; DU – двойственное число; DUR – дуратив; EMPH – эмфаза; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабиуталис; IMP – императив; INDF – неопределенность; INF – инфинитив; IPFV – имперфективность; LAT – латив; LAT1 – латив 1; LOC1 – локатив 1; LOC.ABL – локатив-аблатив; LTNT – латентив; NEG – отрицание;

NMNLZ – номинализатор; ob – объектное спряжение; OPT – оптатив; PART – частица; PFV – перфективность; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PSTN – прошедшее повествовательное время; PTCL – частица; PTCP – причастие; SG – единственное число; sub – субъектное спряжение; TR – переходность; VBLZ – вербализатор; 1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо

Список сокращений

Варг. – Варгананджино; Воль. – Вольджа; Канир. – Канирово; Кар. – Карелино; Карг. – Каргасок; Кост. – Костенкино; Кул. – Кулеево; Ласк. – Ласкино; Нап. – Напас; Нель. – Нельмач; Новос. – Новосондрово; Пуд. – Пудино; Соисп. – Соиспаево; Тюхт. – Тюхтерево; Усть-Оз. – Усть-Озерное

Список литературы

- Адамсон И. Модальный смысл дезидеративности: от семантической зоны к семантической типологии высказываний (на материале русского языка): Дис. ... д-ра филос. в обл. рус. яз. Таллин, 2006. 128 с.
- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. 347 с.
- Гальцова Н. П. Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1993. 168 с.
- Григоровский Н. П. Азбука сюессогой гулани / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. 48 с.
- Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск, 1995. 285 с.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку: Материалы полевых исследований. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1: Тазовский диалект. 411 с.
- Морева Л. В. Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1972. Вып. 5. С. 75–84.
- Морева Л. В. Передача некоторых модальных значений показателем -ндъ / -ндж' в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 61–63.
- Морева Л. В. Будущее время в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1975. Вып. 7. С. 119–124.
- Ханина О. В. Желание: когнитивно-функциональный портрет // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 122–155.
- Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sielius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. 465 p.
- Janurik T. A szölkup nyelvjárások os tályo ásáho // NyK. 1978. No. 80. P. 77–104.
- Helinski Eu. The language of the first Selkup book. Szeged: Attila József University, 1983. 268 p.
- Szabo L. Selkup Texts with Phonetic Introduction and Vocabulary. Bloomington, 1967. 13 p.

Список источников

Архив ЛЯНС – Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Селькупы. Томск, 1962–1985. Т. 5–65.

References

- Adamson I. *Modal'nyy smysl deziderativnosti: ot semanticheskoy zony k semanticheskoy tipologii vyskazyvaniy (na materiale russkogo yazyka)* [The modal meaning of desiderativity: from the semantic zone to the semantic typology of statements (based on the Russian language)]. Dr. of philosophy in the field of the Rus. lang. diss. Tallinn, 2006, 128 p.
- Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sielius und Jarmo Alatalo. Jarmo Alatalo (Comp., Ed.). Helsinki, 2004, 465 p.*
- Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk, 2005, 347 p.
- Gal'tsova N. P. *Morfologicheskie sredstva vyrazheniya temporal'nykh otnosheniy v sel'kupskom yazyke (na materiale tymskogo dialekta)* [Morphological means of expression temporal relations in the Selkup language (based on the Tym dialect)]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 1993, 168 p.
- Grigorovskiy N. P. *Azbuka syussogoy gulani* [ABC-book sussogoy gulani]. Comp. by N. P. Grigorovsky for foreigners of the Narym region. Kazan, 1879, 48 p.
- Janurik T. A szölkup nyelvjárások os tályo ásáho. *NyK.* 1978, no. 80, pp. 77–104.
- Helinski Eu. *The language of the first Selkup book.* Szeged, Attila József University, 1983, 268 p.
- Khanina O. V. Zhelanie: kognitivno-funktsional'nyy portret [Desire: a cognitive-functional portrait]. *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language). 2004, no. 4, pp. 122–155.
- Kuznetsova N. G. *Grammaticheskie kategorii yuzhnosel'kupskogo glagola* [Grammatical categories of the South Selkup verb]. Tomsk, 1995, 285 p.
- Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku: Materialy polevykh issledovaniy* [Essays on the Selkup language: Field research materials]. Moscow, MSU Publ., 1980, vol. 1: Tazovskiy dialect [Taz dialect], 411 p.
- Moreva L. V. Budushchee vremya v sel'kupskom yazyke [Future tense in the Selkup language]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, 1975, iss. 7, pp. 119–124.
- Moreva L. V. Nekotorye sposoby vyrazheniya modal'nosti v sredneobskikh govorakh sel'kupskogo yazyka [Some ways of expressing modality in the Middle Ob dialects of the Selkup language]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, 1972, iss. 5, pp. 75–84.
- Moreva L. V. Peredacha nekotorykh modal'nykh znacheniy pokazatelem -nD'/-ndzh'- v sel'kupskom yazyke [Transmission of some modal meanings by the indicator -nD'/-ndzh' in the Selkup language]. In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of the natives of Siberia and their languages]. Tomsk, 1973, pp. 61–63.
- Szabo L. *Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary.* Bloomington, 1967, 13 p.

List of sources

Arkhiv laboratorii yazykov narodov Sibiri TGPU Sel'kupy. [Archive of the laboratory of Siberian indigenous languages of the TSPU. Selkups]. Tomsk, 1962–1985, vols. 5–65.

Информация об авторе

Сергей Васильевич Ковылин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования имени В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия); доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)
Scopus Author ID 57193849387
WoS Researcher ID G-5839-2018

Information about the author

Sergei V. Kovylin, Candidate of Philology, Senior Researcher, Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Associate Professor, Department of Siberian Indigenous Languages, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57193849387
WoS Researcher ID G-5839-2018

*Статья поступила в редакцию 27.07.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 16.10.2023
The article was submitted on 27.07.2023;
approved after reviewing on 16.10.2023; accepted for publication on 16.10.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.17223/18137083/87/17

Лирический герой и образная картина мира Екатерины Боярских по данным языка

Юлия Александровна Арская¹

Ахмед Алипашевич Мамедов²

^{1,2} Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ juliaarskaja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2706-7833>

² aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

Аннотация

Выявляются и описываются некоторые особенности лирического героя и образной картины мира в поэзии современного иркутского поэта Екатерины Боярских через анализ лингвистических данных. Рассматриваются такие лексические и грамматические средства, участвующие в создании образов лирического героя и окружающего его мира, как субстантивация прилагательных и причастий, устранение синтаксического субъекта предложения, отказ от первичных номинаций и использования финитных глаголов. Установлено, что частотное использование этих языковых средств свидетельствует о попытке рефлексии по поводу познаваемой действительности как о важной языковой стратегии создания художественного мира в лирике Е. Боярских.

Ключевые слова

Екатерина Боярских, грамматика поэзии, идиостиль, лингвистическая поэтика, лирический герой, образная картина мира, компаративные тропы, олицетворение

Для цитирования

Арская Ю. А., Мамедов А. А. Лирический герой и образная картина мира Екатерины Боярских по данным языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 212–225. DOI 10.17223/18137083/87/17

© Арская Ю. А., Мамедов А. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 212–225

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 212–225

Persona and figurative picture of the world in the poetry of Ekaterina Boyarskikh in the light of linguistic data

Yulia A. Arskaya¹, Akhmed A. Mamedov²

^{1,2} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ juliaarskaja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2706-7833>

² aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

Abstract

The research analyzes the poetry of Ekaterina Boyarskikh, a contemporary poet from Irkutsk. The aim is to identify and describe the persona and the figurative picture of the world she creates. The method applied is linguistic data analysis. It is the poetic grammar, vocabulary, and the means of creating imagery that are the focus of the study. Consideration is given to lexical and grammatical features contributing to the creation of a persona and the world around it, such as the substantivization of adjectives and participles and the omission of syntactic subjects, finite verb forms, and primary nominatives. The syntactic specificity of Boyarskikh's poetry manifests itself when compared to the conventional usage of the structures under investigation that were retrieved from the Russian National Corpus. The frequent use of the linguistic means involved is found to indicate a reflection on the cognized reality. This reflection proves to be an essential linguistic strategy for creating a fictional world. The analysis of comparative tropes unveils the striking parallels between the main images found in Boyarskikh's poetry and the significant features of her figurative representation of the world. The research identifies nature as a common source of imagery, with natural objects regularly undergoing personification. The persona created by Boyarskikh is found to be strongly connected with the surrounding world being repeatedly cognized, as evidenced by the renunciation of conventional nominations and the search for new nominations of the objects of this world.

Keywords

Ekaterina Boyarskikh, poetry grammar, individual style, linguistic poetics, persona, figurative picture of the world, comparative tropes, personification

For citation

Arskaya Yu. A., Mamedov A. A. Persona and figurative picture of the world in the poetry of Ekaterina Boyarskikh in the light of linguistic data. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 212–225. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/17

Ю. М. Лотман писал: «Идеал поэтического анализа – не в нахождении некоторого вечного единственно возможного истолкования, а в определении области истинности, сферы возможных интерпретаций данного текста с позиций данного читателя» [1996, с. 252]. В поэтическом тексте язык «становится средством особого, художественного, познания действительности» [Золян, 2014, с. 12]. Следовательно, лингвистический анализ художественного текста обеспечивает адекватное и объективное постижение его смысла. Одним из направлений такого анализа является исследование разнообразных составляющих понятия *автор*, поскольку «авторский угол зрения, авторский взгляд, авторское отношение действительно пронизывает и скрепляет все произведение и объединяет место, роль, функцию каждого элемента словесно-художественного произведения» [Одинцов, 1980, с. 178].

В филологии термин *автор* имеет 3 основных понимания: 1) реальная личность (поэт, писатель), создающая художественный текст; 2) производитель речи (нарратор, лирический герой), сообщающий о событиях и / или описывающий переживания; 3) идея текста, воплощающаяся в отборе языковых единиц (подробнее об этом см.: [Мамедов, 2022]).

Что касается первого аспекта, то Екатерина Боярских – это современный иркутский поэт и автор малых прозаических форм, филолог по образованию, лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная поэтическая форма». Отдельные особенности ее творчества и поэтики рассматриваются в работах И. Кукулина [2005], И. И. Плехановой [2020].

Ниже детально остановимся на лирическом герое Е. Боярских, а также рассмотрим некоторые особенности авторского сознания, представленные в ее поэзии.

Лирический герой Екатерины Боярских

Для анализа выбраны некоторые лексические и грамматические средства из поэтических произведений Е. Боярских, участвующие в создании художественного мира и образа лирического героя.

Самые частотные из обнаруженных нами языковых приемов в поэзии Е. Боярских – это избегание первичных номинаций, избегание глагольных предикатов или совершенное отсутствие финитных глагольных форм в предложении, а также устранение синтаксического субъекта предложения.

Избегание первичных номинаций является, по нашему мнению, одной из языковых стратегий создания художественного мира в лирике Е. Боярских, реализующейся с помощью различных языковых средств.

Первый способ – это субстантивация прилагательных и причастий. Оказионально используемые для номинации прилагательные и причастия обладают гораздо меньшим номинативным потенциалом, нежели существительные, но большей экспрессивностью и образностью, что отмечает Н. А. Николиной: «В экспрессивно-эмоциональной функции субстантивация может служить средством создания нового имени, которое воплощает важный для автора субъективный смысл. Она используется для номинации явлений, реалий, понятий, не имеющих имени в языке, и одновременно может заменять существующую точную номинацию, выступать как знак отказа от нее, в этом случае экспрессивность транспонированных единиц усиливается» [1988, с. 119].

В стихотворениях Е. Боярских субстантивированные прилагательные и причастия сообщают ощущение «невыразимого», а также создают эффект остранения, приглашая читателя к переосмыслению описываемого фрагмента действительности:

Пока *живородящая* спала,
Живых мальков выплескивала мгла,
И ясен был янтарный промежуток –
Скользкий перелив небытия
(Боярских, 2005, с. 15);

Было *живое* –
куда потом укатилось?
Мысли ушли в *ночное*.

Когда закрываю глаза,
никого не вижу
(Боярских, 2005, с. 15);

Незнакомки, невесомки, разнополюсы надежды
падают на скамейки, на кромки мира.
Они очарованы *нестерпимым*.
Милые, мыльные, лишние,
лопаются – как нищие,
когда прикасаются к милосердию
(Там же, с. 85);

Сломанный изначально крепче *сломанного* случайно
(Боярских, 2009, с. 24).

Второй способ избежать первичных номинаций, используемый в поэтических текстах Е. Боярских, – вопросительное предложение с вопросительным местоимением в позиции подлежащего. Так, в стихотворении «Голуби», в котором метафорическая перспектива перемежается с конкретно-изобразительной, замена существительного вопросительным местоимением в предложении с тремя однородными сказуемыми создает впечатление непознанного фрагмента действительности:

Что это бьётся, не может сделаться шире,
выйти за контур собственного незнания?
(Там же, с. 12)

Третий обнаруженный нами способ избегания первичных номинаций – сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительными придаточными, в которых субъект главного предложения характеризуется с помощью придаточного, но не называется:

Вина на том, кто утратил жар,
беда на том, кто утратил жар
(Там же);

Кто лежит на правом боку,
думает: всё, трындец.
Кто лежит на левом боку,
думает: я не здесь. <...>
Кто лежал на правом боку,
думает: бока нет.
Кто лежал на левом боку,
думает: Бога нет
(Боярских, 2016, с. 17);

Чудно, медленно, многолюдно
Развиднеется то, что смутно
(Боярских, 2005, с. 51).

Близкой к данным языковым средствам по функции и очень частотной грамматической особенностью лирики Е. Боярских является устранение синтаксического субъекта в предложении. Иногда это опущение субъекта, которое при этом не приводит к созданию аграмматичных высказываний и не нарушает логику тек-

ста, поскольку такие предложения напоминают двухкомпонентные неполные, предполагающие на уровне семантики конкретно-референтный субъект:

Не нарушая хода сердца, втайне
не наяву такое *говорит*
(Боярских, 2005, с. 62);

Устал быть столпотвореньем
обернулся белым светом
во все стороны *ушел*
(Там же, с. 88).

В других случаях грамматический субъект отсутствует при глагольных формах в предложениях, имеющих семантический «шлейф» безличных конструкций:

Неисчерпаема – как река.
Если *дано*, никуда не уйдет.
Лед – это тоже вода
(Там же, с. 68);

Тяжело *смеется*, беззвучно *рвется*.
Дорого *обойдется*.
Поэтому лучше гулять по чудесным местам
(Там же, с. 62).

В первом примере характер синтаксической конструкции может быть интерпретирован двояко: как личная пассивная конструкция с опущенным субъектом (ср.: *Еще более конкретное определение понятия онтологии дано в проекте Ontolingua Стендфордского Университета* (С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004) ¹) и как безличная конструкция (ср.: *Но зато Гансовскому никогда не дано было испытать и тени того счастья, которое досталось после полугода полулюбовного волнения Гольдбергу...* (Людмила Улицкая *. Казус Кукоцкого (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000) ²).

Во втором примере параллелизм внешне однотипных конструкций так же, как и в первом, не предполагает одинаковой и однозначной семантической интерпретации высказываний ввиду многообразия функций постфикса *-ся*. Так, предложение *Тяжело смеется* может быть интерпретировано как двухкомпонентное неполное: *Он / она тяжело смеется* и как однокомпонентное: *А мне не смеется, а хочется* ³. Даже если интерпретировать все три предикативные единицы с постфиксом *-ся* как двухкомпонентные неполные предложения, семантическая структура глаголов в них скорее предполагает три разных субъекта, а не один. Так, глагол *смеяться* является агентивным и не предполагает никакого объекта действия. В актантную рамку глагола *рвется* входит Пациенс в именительном падеже,

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 13.07.2023).

² Там же.

* Минюстом РФ Л. Улицкая включена в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

³ Пример из рецензии в Интернете: URL: <https://www.livelib.ru/story/28321-die-reise-nach-trulala-wladimir-kaminer> (дата обращения 13.07.2023).

а кроме этого, Агенс или Каузатор «за кадром»⁴. В семантике предложения *Дорого обойдется* имеется модальный компонент, при этом и субъект долженствования, и семантический объект, который в подобных предложениях занимает позицию подлежащего, отсутствуют; ср.: *Он лежал на зеленом замеске и думал о том, что его болезнь, пожалуй, слишком дорого обойдется семье* (Федор Абрамов. *Две зимы и три лета* (1968))⁵; *Это высокомерие дорого обойдется Пономареву* (А. С. Черняев. *Дневник* (1984))⁶. Таким образом, соотношение семантических участников и синтаксических позиций в трех данных предложениях настолько различно, что не позволяет интерпретировать этот ряд как описание цельной ситуации. Возможно, «просвечивающие» в данных синтаксических конструкциях субъекты и объекты не участвуют в создании художественного мира произведения, в то время как негативные коннотации в семантике слов *тяжело* и *рваться* и выражение *дорого обойдется* передают тягостное настроение лирического героя.

В стихотворении «Рыженькая» устранение синтаксического субъекта из предложения позволяет имитировать безличную конструкцию и актуализировать ее семантический ореол:

Её в лесу остановило. <...>

Её в лесу запечатлело

(Боярских, 2009, с. 61).

Характерно, что в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) не обнаружилось формы *запечатлело* в однокомпонентных конструкциях, а в двухкомпонентных с конкретно-референтным объектом встречаются только три субъекта: *кино*, *фото* и *сознание*. Форма *остановило* из 723 вхождений лишь дважды оказалась употреблена в однокомпонентных предложениях, оба раза – в художественной речи: *Ну, вот я и здесь! Опять меня **остановило** над Лизиной квартиркой... Что за бедность!* (В. Ф. Одоевский. *Живой мертвец* (1844))⁷; *Вдоль реки меня не пустили идти глыбы натолканных льдов, вздувшиеся ручьи и глубокие старицы; **остановило** вольно сияющей, куда попало бегущей снежной водой* (В. П. Астафьев. *Не хватает сердца* (2015))⁸. В свете данных фактов можно с определенностью говорить об индивидуальной художественной стратегии актуализации семантики безличности, бессубъектности, стихийности, неопознанной каузирующей силы.

Кроме этого, обращает на себя внимание такая яркая языковая особенность лирики Е. Боярских, как избегание глагольных предикатов. В анализируемых текстах часто встречаются большие фрагменты, не содержащие или почти не содержащие глаголов:

За стеной стена, за стеной стена за стеной,
не в уме болезнь, за стеной она на окне,

⁴ Существует и другое значение глагола *рваться* с Агенсом в именительном падеже, но, как кажется, в рассматриваемом контексте оно не реализуется, хотя полностью этого исключить нельзя.

⁵ НКРЯ. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 13.07.2023).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

не в уме у меня змей, да я и сам не в уме,
а по ночам страшно или не страшно
(Боярских, 2009, с. 19);

Пепельно-красный неба, угольно-синий леса,
звёзды ночного сердца, черничный траур
(Боярских, 2016, с. 20);

Волна за волной, вокруг прибой –
черемуха и весна.
Одна с одной,
одна со дна,
другая едва видна.
Одна напротив – против – одной,
а вместе – опять одна.
Душа с душой
одной хорошо,
другая едва живет.
Душа за душой,
одна как озноб,
другая как Дон Кихот
(Боярских, 2005, с. 51).

Контексты другого типа содержат глаголы, но в нефинитных формах:

Из окна клевера клевета, маета коров уже не видна,
суматоха рыб, верб, рук,
всех быть, верящих в проснуться навек,
спешащих успеть упасть вверх
до начала иных их,
до гари и чада иного дня
(Боярских, 2009, с. 34);

О, бедным путём, походным, затопленным,
неродным
от помойных ям сквозь талое облако,
через кладбище, через дым...
(Там же, с. 37);

Тюрьма земли была пуста,
вращаясь с чистого листа,
прощаясь и свободу образуя
(Боярских, 2016, с. 45).

В следующем двустийшии синтаксическая конструкция, лишённая как субъектов, так и финитных глаголов, утрачивает узнаваемость:

Навсегда спасительно, навсегда вопросительно,
невыносимо, избрано-изгнано на тот свет
(Боярских, 2009, с. 36).

Лексему *вопросительно* морфологически можно квалифицировать только как наречие, в то время как слова *спасительно* и *невыносимо* могут быть и наречиями,

и краткими прилагательными, что создает заведомую неопределенность синтаксической интерпретации данного двустийшия.

Представляется, что избегание первичных номинаций, устранение синтаксических субъектов и финитных глаголов из предложений является важной языковой стратегией создания художественного мира в лирике Е. Боярских, заключающейся в рефлексии, идеей которой является познаваемый характер действительности

Образная картина мира Екатерины Боярских

Как отмечает А. Л. Гришунин, «главным и универсальным способом обнаружения “авторского присутствия” в тексте является анализ стиля» [1993, с. 12]. В частности, в [Мамедов, 2022] показано, что одним из способов постижения авторского сознания является исследование созданных поэтом компаративных тропов. К ним относятся разнообразные метафоры:

Носим *рубашки* ветра,
платья прозрачной речи
(Боярских, 2016, с. 20),

и сравнения:

Жизнь, очевидная, *как свиток*
(Там же, с. 14),

в том числе метаморфозы (творительный сравнения):

Они *ласточками* кинулись бы за реку
(Боярских, 2005, с. 62).

Далее речь пойдет о той авторской составляющей, которая обнаруживается в отборе языковых средств лексического уровня, используемых для создания компаративных тропов. Всё это позволяет выявить образную картину мира, которую А. В. Гик и З. Ю. Петрова понимают как «систему устойчивых образных соответствий, которые выражаются в конструкциях компаративных тропов» [Гик, Петрова, 2020, с. 496]. Каждый компаративный троп З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева предлагают описывать «как пару $\langle x, y \rangle$, где x – предмет сравнения (то, что сравнивается), а y – образ сравнения» [Петрова, Фатеева, 2019, с. 34].

Ниже (см. таблицу) представлены образные параллели, реализующиеся в поэзии Е. Боярских с помощью сравнений, извлеченных методом сплошной выборки из текстов двух поэтических сборников «Dagaz» (Боярских, 2005) и «Народные песни дождевых червей» (Боярских, 2016).

Анализ этого материала позволяет сделать некоторые наблюдения.

Природа для Е. Боярских часто становится источником образности:

Так мы и шли, осенние пешеходы.
Тихо шли, под ноги не смотрели,
что-то шуршали сами себе, *как листья*
(Боярских, 2016, с. 13).

В следующем контексте при создании образа звезд используется образ растения:

Они растут, *как чертополох*, на самых краях небес
(Боярских, 2005, с. 55).

Образные параллели в поэзии Е. Боярских по данным сравнений *
Image-bearing parallels in the poetry of E. Boyarskikh
according to the comparative data

Предмет сравнения	Образ сравнения
вода	бумага
вопрос	рванный носок
глаза	воздух, вознесенье
гора	ветер
город	веер, кожа
дерево	имя, сон, время
дождь	огонь
душа	озноб, Дон Кихот
женский голос	нежный крик
жизнь	свиток
звезды	чертополох
звук	шов
зеркало	известка
имя	кочевник, качели
капли	стихи
кругосветные фонари, перекладины на мосту	мыльные пузыри
кто-то	дождь, камыш
лес	мост
лестница	зверь
листья	лопасти, дожди
люди	солнечные кочки, солнечные кошки, солнечные зайчики
мех	дождь
молчанье	калитка
мотылек	сокол
мы	листья, ночь, желуди, звери
нежность	нож
ночь	любовь
окошко	лупа, телескоп
Подушкин	дым
поэт	ельник, понедельник
растение кораблик	палочка, спица
река	кровь
речь	лестница
руки	тепло
ручей	мысль
сад	рыба
сердце	хлам
скала	семечко тепла, девушка
слово	семя

Предмет сравнения	Образ сравнения
слон	мох, пух, слух
смысл	лист
снег	химеры
страна	янтарь
ты	музыка
утки	взгляды, люди
черновик	сажа, рыбий жир
шемаханская царица	снег
я	вор, зверь, пустой доспех, дурная собака

* Слова, обозначающие предмет сравнения, в таблице представлены в алфавитном порядке.

При этом возникает ощущение пантеизма, который «роднит поэтику Боярских с поэтикой Хлебникова» [Кукулин, 2005, с. 10]:

Так мы и шли, *как ночь*, и широким краем
падали на дороге себе под ноги,
да у кого-то мерцала *звезда* за ухом,
скрытая, находимая по приметам
(Боярских, 2016, с. 13).

Особое внимание обращают на себя сравнения, создающие образ лирического героя. Слова, описывающие в них образы сравнения (*вор, зверь, пустой доспех, дурная собака*), имеют семантическую общность, связанную с наличием в прямых значениях этих слов отрицательных коннотаций.

Кроме этого, яркой особенностью идиостиля Е. Боярских является использование олицетворений. Этот троп на современном этапе развития лингвистической поэтики активно исследуется З. Ю. Петровой и Н. А. Фатеевой (в первую очередь в связи с созданием ими «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.» [Петрова, Фатеева, 2022]). Вслед за ними термин *олицетворение* мы используем в узком смысле и понимаем под ним «компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории “Человек”» [Петрова, Фатеева, 2019, с. 36].

Персонализации у Е. Боярских подвергаются разнообразные сущности.

1. Объекты физического пространства:

ладошка *Иноземья*
(Боярских, 2005, с. 18);

Сверху сырое *солнце* белой тряпочкой машет
(Там же, с. 29);

Только пускай *земля*
сначала сама упокоит сосны,
утешит плачущую *траву*
(Боярских, 2005, с. 62);

<...> уродливая лысая *скала*,
покачиваясь в толще поднебесной,
плыла в тазу, как семечко тепла,
как девушка, сияла и краснела
(Там же, с. 15);

Тело *горы* и есть ее время,
есть ее пламень, бремя и детство
(Там же, с. 53);

Всё так. *Река* Каторжанка
проснётся в четыре тридцать,
будто глаз не сомкнула.
Спала сто лет.
(Боярских, 2016, с. 58).

2. Растения:

безумие желтой *травы*
(Боярских, 2005, с. 36).

3. Части тела человека:

переключалось острое *плечо* / и думало
(Там же, с. 34).

4. Артефакты:

Боже, не спится *консервной банке*,
она считает себя цыганкой,
она гадает себе на картах,
щелкает каблуками
(Там же, с. 49).

5. Абстракции:

Я *новость* видела в саду.
Она отбрасывала когти,
она отвязывала корни –
и оставалась без корней!
Она не требовала корма
и тем не менее росла.
<...>

Я *новость* видела в огне,
но там ее не удержала.
Она оставила открытой
печную дверь, и побежала,

и, объясняя Гераклита,
всё разгоралась на ходу.
(Боярских, 2005, с. 37–38);

<...> видно, как *взгляды* взлетают
или на цыпочках ходят по глади, как люди
(Там же, с. 36).

Встречаются контексты с олицетворением, где имеют место «переплетения» компаративных тропов:

Спросонок вопрос *похож на рванный носок*,
он отложен на выброс, он виноват в том, что попал впросак,
угадал ответ –
смотрит из сентября, как цельный отдельный свет
движется за прямым углом по своим делам,
как акварельный свет, параллельный свет
из своего далёкого далека
пересекает бегство черновика
(Боярских, 2016, с. 27).

Отправной точкой создания образа здесь является сравнение вопроса с рванным носком, при этом наличие единиц *виноват, попал в просак, угадал ответ и смотрит* свидетельствует об использовании олицетворения.

Подобные случаи представлены в следующих примерах:

<...> древнее слово снова *растёт, как семя*
(Там же, с. 48);

Жалобы холода, *жалобы* духа,
которому слон наступил на ухо,
а был он легкий *как мох, как пух*,
как мой раздавленный слух
(Боярских, 2005, с. 81).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что лирическому герою Е. Боярских свойственно обостренное субъективное восприятие мира, который предстает как вновь и вновь познаваемый, о чем свидетельствует отказ от привычных и поиск новых номинаций объектов этого мира. Выявленные в связи с описанием лирического героя лексические и грамматические средства отличаются повышенной экспрессивностью, которая коррелирует с создаваемой компаративными тропами образностью.

Лирический герой находится в тесной связи с окружающим его миром, значимую часть которого составляет природа, часто становящаяся источником образности. В свою очередь, природные объекты подвергаются персонификации, что является важной художественной стратегией Е. Боярских.

Список литературы

Гик А. В., Петрова З. Ю. Эволюция образной картины мира русской литературы: фрагмент «Человек – насекомое» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 495–502.

Гришунин А. Л. Автор как субъект текста // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 4. С. 20–25.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: УРСС, 2014. 336 с.

Кукулин И. «Останемся живыми голосами»: поэзия Екатерины Боярских // Боярских Е. Г. *Dagaz*. М.: ОГИ, 2005. С. 5–11.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. 848 с.

Мамедов А. А. Автор в художественном тексте: лингвистический аспект. «Маленькие» поэмы Сергея Есенина. СПб.: Нестор-История, 2022. 320 с.

Николина Н. А. Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / [Редкол.: В. В. Бабайцева (отв. ред.) и др.]. М.: МГПИ, 1988. С. 116–131.

Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 33–46. DOI 10.15688/jvolsu2.2019.1.3

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв. 2-е изд. М.: ИД ЯСК, 2022. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. 872 с.

Плеханова И. И. Вопросы и вопрошание в лирической рефлексии: И. Жданов, Г. Сапгир, Ф. Тютчев, А. Прасолов, Е. Боярских, М. Степанова. М.: Флинта, 2020. 332 с.

Список источников

Боярских Е. Г. *Dagaz*. М.: ОГИ, 2005. 96 с.

Боярских Е. Г. Женщина из Кимей. М.: Время, 2009. 128 с.

Боярских Е. Г. Народные песни дождевых червей. N. Y.: Ailuros Publ., 2016. 74 с.

References

Gik A. V., Petrova Z. Yu. Evolyutsiya obraznoy kartiny mira russkoy literatury: fragment “Chelovek – nasekomo” [The evolution of the world image of the Russian literature: “human – insect” fragment]. *The Russian language and culture in the mirror of translation*. 2020, no. 1, pp. 495–502.

Grishunin A. L. Avtor kak sub’ekt teksta [The author as the subject of the text]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1993, vol. 52, no. 4, pp. 20–25.

Kukulin I. “Ostanemsya zhivymi golosami”: poeziya Ekateriny Boyarskikh [“We stay living voices”: Ekaterina Boyarskikh’s poetry]. In: Boyarskikh E. G. *Dagaz* [Dagaz]. Moscow, Associated Humanitarian Publishing House, 2005, pp. 5–11.

Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii* [On the poets and poetry]. St. Petersburg, Iskustvo – SPb, 1996, 848 p.

Mamedov A. A. *Avtor v khudozhestvennom tekste: lingvisticheskiy aspekt. “Malen’kie” poemu Sergeya Esenina* [The author in a poetic text: linguistic aspect. Sergey Esenin’s “small” poems]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022, 320 p.

Nikolina N. A. Ekspressivnye vozmozhnosti transpozitsii v khudozhestvennoy rechi [Expressive potential of conversion in the language of fiction]. In: *Yavleniya perekhodnosti v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Phenomena of transitivity in the grammar system of the contemporary Rus-

sian language: Interuniv. Coll. of sci. works]. V. V. Babaytseva (Ed.). Moscow, MSPI Publ., 1988, pp. 116–131.

Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, Nauka, 1980, 264 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. *Materialy k slovaryu metafor i sravneniy russkoy literatury 19–21 vv.* [Material for the Dictionary of metaphors and similes in the Russian literature of 19–21 centuries]. 2nd ed. Moscow, LRC Publishing House, 2022, iss. 6: “Chelovek”. Zhizn’, smert’, sud’ba, vremya [“Human”. Life, death, fate, time], 872 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Slovarnoe opisanie olitsetvoreniya kak problema poeticheskoy leksikografii [Lexicographic description of personification as a problem of poetic lexicography]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>.

Plekhanova I. I. *Voprosy i voproskanie v liricheskoy refleksii: I. Zhdanov. G. Sapgir. F. Tyutchev. A. Prasolov. E. Boyarskikh. M. Stepanova* [Questions and interrogation in the lyric reflection: I. Zhdanov. G. Sapgir. F. Tyutchev. A. Prasolov. E. Boyarskikh. M. Stepanova]. Moscow, Flinta, 2020, 332 p.

Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a text of poetry]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, URSS Publishing House, 2014, 336 p.

List of sources

Boyarskikh E. G. *Dagaz* [Dagaz]. Moscow, Associated Humanitarian Publishing House, 2005, 96 p.

Boyarskikh E. G. *Narodnye pesni dozhdevykh chervey* [Folksongs of rainworms]. New York, Ailuros Publ., 2016, 74 p.

Boyarskikh E. G. *Zhenshchina iz Kimeya* [A woman from Kimei]. Moscow, Vremya, 2009, 128 p.

Информация об авторах

Юлия Александровна Арская, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Ахмед Алипашевич Мамедов, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, декан факультета теоретической и прикладной филологии Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the authors

Yulia A. Arskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Akhmed A. Mamedov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Dean of the Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2023;

одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 01.12.2023

The article was submitted on 18.08.2023;

approved after reviewing on 01.12.2023; accepted for publication on 01.12.2023

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI 10.17223/18137083/87/18

**Семасиологический и ономасиологический факторы
порождения метаязыковых комментариев:
к определению оснований для построения
семантической типологии рефлексивов**

Михаил Александрович Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия

oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Аннотация

Решается задача поиска и описания универсального основания для семантической типологии рефлексивов. Обосновывается роль семасиологического фактора, лежащего в основе создания рецептивных рефлексивов, и ономасиологического фактора, приводящего к созданию продуктивных рефлексивов. Дистинктивные признаки обоих типов рефлексивов определяются через понятийные дихотомии «статика / динамика», «нелинейность / линейность», «открытость / закрытость». В ходе исследования устанавливается статичный, нелинейный и открытый характер рецептивных рефлексивов и динамичный, линейный и закрытый характер продуктивных рефлексивов.

Ключевые слова

метаязыковая рефлексия, рефлексивы, семантическая типология, семасиологический фактор, ономасиологический фактор

Для цитирования

Кравченко М. А. Семасиологический и ономасиологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 226–239. DOI 10.17223/18137083/87/18

© Кравченко М. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 226–239

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 226–239

Semasiological and onomasiological factors of meta-language commentary generation: determining the grounds for constructing a semantic typology of reflexives

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University
Rostov on Don, Russian Federation

oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Abstract

The study follows the principles of everyday linguistics, a scientific field dedicated to examining language markers of metalanguage reflection. Specifically, it focuses on reflexives, which are text segments that convey explicit or implicit information of a metalanguage nature. Such metalanguage contexts differ significantly in structure, semantics, functionality, stylistics, and other aspects. Of relevance are the criteria for identifying a specific unit for analyzing and terminologically semanticizing reflexives. The analysis of the classifications of reflexives created by Russian linguists reveals that the semantics of reflexives is not limited to the sum of component meanings. The compilation of the semantic typology of reflexives started by defining the parameters of their semantics and identifying two categories. The first category includes the reflexives resulting from meta-linguistic reflection on a “ready-made” linguistic unit, while the second one comprises the reflexives generated through nomination. In terms of semantic theory, two distinct approaches can be observed in the formation of reflexives: semasiological and onomasiological. The semasiological approach suggests that the metalanguage tension arises between a word and its characteristics. The onomasiological approach places the metalanguage tension between the subject-conceptual domain and its designation. The semasiological factor underpins the creation of receptive reflexives, while the onomasiological factor leads to the creation of productive reflexives. The distinctive features of each category of reflexives are delineated by the conceptual dichotomies of “statics/dynamics,” “nonlinearity/linearity,” and “openness/closeness.” The study findings indicate that receptive reflexives possess static, nonlinear, and open attributes, whereas productive reflexives display dynamic, linear, and closed properties.

Keywords

metalanguage reflection, reflexive, semantic typology, semasiological factor, onomasiological factor

For citation

Kravchenko M. A. Semasiological and onomasiological factors of meta-language commentary generation: determining the grounds for constructing a semantic typology of reflexives. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 226–239. (in Russ.) DOI 10.17223/1813-7083/87/18

Определение направления, актуальности, цели и задач исследования

На рубеже XX–XXI вв. исследование метаязыковой рефлексии носителей языка выделилось в отдельное лингвистическое направление с неустоявшимся до настоящего времени названием. В разных работах его именуют «наивной лингвистикой», «обыденной филологией», «народной лингвистикой», «стихийной лингвистикой», «лингвистикой обыденного сознания», «теорией обыденной лингвистики» и др. Однако подобная вариативность не говорит о несформированности теории или недостаточной глубине и оригинальности практических исследований.

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

Становление и развитие этого направления исследований связано с именами Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Н. К. Рябцевой, И. Т. Вепревой, Н. Д. Голева, А. Н. Ростовской, В. Б. Кашкина, О. И. Блиновой, Н. А. Николиной, Н. П. Перфильевой, М. Р. Шумариной, А. Вежицка [1978], Н. Д. Арутюновой [1999], В. И. Поставаловой [2012] и др.

В качестве объекта исследования в работах данного научного направления выступают языковые маркеры метаязыковой рефлексии. Как правило, в структуре текста они проявляются в виде метаязыковых комментариев. Такого рода метаязыковые контексты существенно разнятся со структурной, семантической, функциональной, стилистической и иных точек зрения. Поэтому вопрос о критериях выделения специальной единицы анализа и ее последующей терминологической семантизации является одним из самых дискуссионных в теории обыденной лингвистики. В настоящий момент для обозначения такой единицы параллельно употребляются два близких по значению термина – «метатекст» (вслед за А. Вежицкой) и «рефлексив» (предложен И. Т. Вепревой). Для решения задач нашего исследования мы будем использовать термин «рефлексив».

Под рефлексивами И. Т. Вепрева понимает «относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребленному слову или выражению» [Вепрева, 2005, с. 8]. Сразу заметим, что данное определение, на наш взгляд, несколько «обедняет» потенциальный состав рефлексивов. Считаем, что метаязыковой контекст может не только проступать через вербализованный комментарий к слову или выражению, но также носить латентный характер и присутствовать в тексте в свернутом виде. В этой связи мы причисляем к рефлексивам любые отрезки текста, содержащие информацию метаязыкового характера, выраженную эксплицитно или имплицитно.

Как известно, степень научной разработанности проблемы во многом определяется глубиной и непротиворечивостью таксономии изучаемого объекта. Этот принцип вполне применим для оценки достижений теории обыденной лингвистики. Следует отметить, что установление таксономических характеристик рефлексивов является очень сложной задачей ввиду того, что рефлексивы напрямую не соотносимы ни с одной из единиц языка или речи. Они, как правило, не имеют четко выделенных границ внутри текста и образуют его отдельный семантический слой. Особую сложность представляет построение семантической типологии рефлексивов. Очевидно, что семантика рефлексивов отличается почти неисчерпаемым разнообразием. Фактически каждый объект рефлексии задает особые семантические параметры, которые находят свое воплощение в метаязыковых комментариях. Даже те немногочисленные существующие семантические классификации рефлексивов требуют дополнительного осмысления и внесения корректив. Главный их недостаток заключается в отсутствии универсальности: разработанные классификационные матрицы не вмещают в себя всё богатство эмпирического материала. Поэтому поиск и определение оснований для семантической типологии рефлексивов остается актуальной задачей современной лингвистики.

Считаем необходимым отметить, что термин *семантика* в настоящей статье употребляется, как правило, в своем широком значении, подразумевающим наличие как семасиологических, так и ономасиологических параметров. Иными словами, семантика объединяет в себе проблематику теории значения и проблематику теории номинации. Это, в свою очередь, оказывает влияние на широкие трактовки используемого в статье понятия «семантическая типология».

Объектом нашего исследования выступают рефлексивы, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений современных русских писателей.

Предметом исследования является семантика собранного корпуса рефлексивов.

Цель статьи заключается в поиске и определении оснований для семантической типологии рефлексивов. Достижение поставленной цели предполагает решение задач, связанных с анализом существующих классификаций рефлексивов (в том числе семантических классификаций), с выявлением и описанием базовых оснований для построения семантической типологии рефлексивов, с выделением дистинктивных признаков таксономических групп рефлексивов, с обоснованием перспектив дальнейшего расширения и углубления намеченной типологии.

Источником языкового материала выступили тексты художественных произведений современных русских писателей. Выбор источника обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, тексты современной литературы отличаются повышенной рефлексивностью, что проявляется в изобилии и разнообразии метаязыковых контекстов. Во-вторых, художественные тексты, как правило, отличаются «над-дискурсивностью», под которой мы понимаем их способность сочетать в себе характеристики различных типов дискурса. Считаем, что в художественных текстах современных русских писателей наиболее полно отражается картина метаязыковой деятельности современного носителя языка, что свидетельствует о релевантности собранного материала цели и задачам исследования.

Достижения и проблемы в области построения типологии рефлексивов

Решение обозначенных задач начнем с анализа созданных отечественными лингвистами классификаций рефлексивов (метатекстов). Следует отметить, что общая типология рефлексивов находится в процессе формирования, а отдельные ее части имеют разную степень разработанности. Наименьшее количество вопросов и споров вызывает, пожалуй, структурная классификация рефлексивов. Она отвечает на вопрос о том, в каких структурных формах рефлексив может быть представлен в тексте. По мнению М. Р. Шумариной, рефлексивы существуют в двух структурных формах: как рефлексивы-тексты и рефлексивы-субтексты [Шумарина, 2011, с. 76]. Первые представляют собой тексты, пространство которых заполнено проявлениями рефлексии над языком или отдельными ее элементами. Вторые включены в пространство текста в качестве его компонентов. Рефлексивы-субтексты подразделяются на внутритекстовые и маргинальные. Внутритекстовые рефлексивы синтаксически и семантически встроены в ткань текста, но отличаются формальным разнообразием: они могут соотноситься с разными единицами (сложным предложением, простым предложением, частью предложения, отдельным словом и др.). Маргинальные рефлексивы, как правило, вынесены за пределы основного текста и образуют метатекстовую рамку повествования. К ним относятся разного рода предисловия, примечания, гипертекстовые ссылки и т. д. [Там же, с. 76–78]. Вариантом описанной классификации рефлексивов-субтекстов можно считать разделение рефлексивов на включенные (иннективные) и автономные (сепаративные) [Лукина, 2011, с. 11]. Таксономические принципы обоих вариантов классификации совпадают.

Изучение научных работ по проблематике метаязыка и метаязыковой рефлексии позволяет обнаружить, что пристальное внимание в последние два десятилетия ученые уделяли вопросу описания так называемых «метаязыковых операторов».

ров», или «метапоказателей». Метапоказатели представляют собой означающие, план выражения рефлексивов, форму воплощения метаязыковой рефлексии в тексте. Проведенные исследования привели к созданию целого ряда формальных классификаций рефлексивов. На наш взгляд, наиболее последовательной формальной классификацией рефлексивов является классификация, разработанная М. Р. Шумариной [2011]. Все метаоператоры в ней распределены на три категории: 1) собственно метаоператоры (языковые средства, для которых метаязыковая функция является первичной); 2) аналоги метаоператоров (языковые средства, способные выполнять метаязыковую функцию, но для них она не является основной); 3) нулевые метаоператоры (языковые средства, позволяющие путем импликаций указывать на совершение метаязыковой рефлексии при полном отсутствии прямых или косвенных метапоказателей) [Там же, с. 80–113].

К числу формальных классификаций рефлексивов стоит отнести классификацию, построенную на основании наличия / отсутствия в письменном тексте графических показателей рефлексии. Наличие специальных графических маркеров свидетельствует о прямой форме выражения метаязыкового сознания, отсутствие таких показателей – о не прямой [Трикоз, 2010, с. 11].

Разновидностями формальных классификаций рефлексивов можно считать классификации, построенные на принципах распределения метапоказателей по морфологическим классам слов [Одекова, 2009] или уровням языка [Батюкова, 2009], к которым они принадлежат. Похожие таксономические принципы уровневой дифференциации используются при построении классификации от объектов рефлексии [Трикоз, 2010, с. 12].

Рефлексивы классифицируются также на основании выполняемой ими в тексте функции. Среди функциональных классификаций центральное место занимает обретающая уже статус классической классификация, разработанная И. Т. Вепревой. В соответствии с этой классификацией рефлексивы в зависимости от функциональной направленности речевого напряжения делятся на коммуникативные, представляющие собой реакцию на коммуникативное затруднение и нацеленные на его преодоление, и концептуальные, свидетельствующие о концептуальном напряжении, вызванном разного рода социальными и культурными факторами [Вепрева, 2005].

Значительная часть классификаций ориентирована на анализ дискурсивных признаков рефлексивов. Через такого рода классификации описываются особенности рефлексивов в телевизионном [Васильев, 2000], политическом [Шейгал, 2002; Голев, 2015], рекламном [Батюкова, 2009] дискурсах.

Как было отмечено выше, наименьших результатов лингвисты добились в типологизации семантики рефлексивов. Контуры структурных, формальных, функциональных и дискурсивных признаков оказались различимы даже на фоне большого объема эмпирических данных, что позволило сформировать вышеназванные классификации. Многообразие семантики рефлексивов выступило серьезным барьером на пути отбора релевантных признаков, необходимых для построения типологии.

Попытки преодолеть этот барьер осуществляются главным образом через опору на метапоказатель. При этом изучается метаязыковая семантика конкретных метаоператоров: вводных конструкций с компонентами «говорить», «сказать», «называть» [Розина, 2009; Богданова-Бегларян, 2015; 2021; Байдуж, 2017; Лю Эншуай, 2022]; метаязыковых конструкций, построенных по модели «*в + прилагательное + смысле / значении*» [Перфильева, 2018]; парентетических конструк-

ций, употребленных в метаязыковой функции [Кравченко, 2022], и др. Следует признать, что в указанных работах скорее изучаются метаязыковые контексты употребления и смыслы отдельных слов и выражений без поиска их места в семантической матрице. При этом необходимо учитывать, что содержательная сторона целого ряда языковых средств, используемых в роли метаоператоров, не исчерпывается метаязыковой семантикой.

Отдельно стоит упомянуть исследования, направленные на изучение определенных категорий метаязыковой семантики. В частности, специальному анализу подвергались аксиологический [Вепрева, 2009] и мотивационный [Блинова, 2009] аспекты метаязыковой семантики.

Научные исследования, в которых рассматриваются вопросы обобщения и систематизации метаязыковой семантики (даже в качестве второстепенного, сопутствующего вопроса), носят спорадический характер. Среди единичных примеров выделим попытку Н. А. Батюковой обобщить семантику корпуса рефлексивов, собранных для решения задач диссертационного исследования. Рефлексивы были классифицированы по наличию общего семантического компонента значения опорного слова [Батюкова, 2009, с. 11–12].

Понимая актуальность задачи, некоторые ученые стремятся к расширению рамок семантических исследований, направленных на обобщение и систематизацию семантики рефлексивов. Так, Н. В. Лукина [2011] решала амбициозную задачу определения смысловой структуры метатекста с последующим построением соответствующей семантической типологии. Однако, по нашему мнению, исследователю не удалось выйти за пределы *circulus vitiosus*. Семантика рефлексивов определяется в работе исключительно через значения компонентов метаязыковых конструкций. Утверждение автора, что «смысловая структура метатекста представляет собой многоуровневую организацию содержания метатекстовых единиц, компонентами которой являются смыслы, формируемые языковым значением составляющих метатекст единиц, ситуацией их употребления, а также их коннотативным и коммуникативно-прагматическим потенциалом» [Там же, с. 13], можно трактовать так, что семантика рефлексива не имеет собственного измерения и полностью определяется семантикой его компонентов. Тем самым Н. В. Лукина фактически растворяет семантику рефлексива в семантике его составляющих, а вопрос создания семантической типологии сам по себе теряет смысл. В этом отношении мы придерживаемся принципиально иного мнения. Считаем, что рефлексивы обладают семантикой, не сводимой к сумме значений компонентов. Определение параметров семантики станет отправной точкой для составления семантической типологии рефлексивов.

Поиск и определение оснований для построения универсальной семантической типологии рефлексивов

В процессе анализа обширного корпуса примеров (более 10 тысяч единиц) удалось выявить одну важную, по нашему мнению, закономерность, которая распространяется на все известные нам метатекстовые отрезки. Считаем, что наличие этой закономерности является ключом к построению универсальной семантической типологии, которая охватит все установленные на настоящий момент таксономические группы рефлексивов. Вместе с тем существующие семантические классификации (как и те, которые еще предстоит построить) не только не вступят с ней в противоречие, но будут способствовать ее уточнению и детализации, не разрушая основополагающих принципов.

Итак, нами было установлено, что все рефлексивы, с точки зрения происхождения, делятся на две семантические категории. К условно первой категории относятся рефлексивы, полученные в ходе метаязыковой рефлексии над «готовой» языковой единицей (последовательностью единиц). Ко второй категории относятся рефлексивы, порождаемые в ходе акта номинации, в процессе обозначения денотата. Применяя в описании данной ситуации известную терминологию семантической теории, можно сказать, что в порождении рефлексивов проявляются два подхода: семасиологический и ономасиологический. При семасиологическом подходе метаязыковое напряжение возникает в пространстве от слова к его характеристикам. При ономасиологическом подходе метаязыковое напряжение фиксируется между предметно-понятийной областью и ее обозначением.

Противопоставление двух названных факторов образует базовое основание для построения семантической типологии рефлексивов. Рефлексивы семасиологического типа мы будем называть рецептивными (далее – РР) ввиду того, что они ориентированы на восприятие и осмысление заданной единицы речи. Рефлексивы ономасиологического типа, принимая во внимание их связь с рождением знака непосредственно в акте семиозиса, обозначим как продуктивные (далее – ПР).

Перейдем к решению задачи, связанной с описанием дистинктивных признаков (свойств) выявленных типов рефлексивов. Первый и, по сути, системообразующий дистинктивный признак, по которому отличаются РР от ПР, определяется с помощью дихотомии «статика / динамика». Для иллюстрации данного положения воспользуемся высказыванием Е. С. Кубряковой о том, что «...переход от значения или смысла к формам его выражения соответствует деятельности говорящего, а переход от формы к значению – деятельности слушающего», на основании чего делается вывод о том, «...что ономасиология имеет динамический характер, семасиология же статична, так как исходит из готовой, имеющей формы» [Кубрякова, 1998, с. 346]. Поэтому можно утверждать, что РР онтологически статичны, а ПР онтологически динамичны.

Отправной точкой для порождения РР является готовый знак (последовательность знаков), который попадает в фокус метаязыковой рефлексии. В приведенных ниже примерах таковыми выступают словосочетания *летальный исход* и *левер понч*:

...само слово «*летальный исход*»... не испугало, а утешило его. Он понял всё очень просто и буквально: «летальный» – от слова «летать». Наверное, так оно и было: когда человек умирает, он улетаёт (А. Варламов «Душа моя Павел», с. 79);

Левер понч (заголовок рассказа. – М. К.). Был когда-то в профессиональном боксе такой жаргонный термин, обозначающий сокрушительный вдребезги неожиданный удар; в буквальном переводе это удар ломом (М. Веллер * «Марина», с. 47).

ПР рождается непосредственно в процессе семиозиса. Выбор номинации постоянно сопровождается рефлексией, «говорящие творят акт ономасиологии, номинации в каждом акте речи, так как они должны обозначить, наименовать предмет, действие, качество, представленные в данном отрезке ситуации» [Гак, 1998, с. 203]. При этом обычно рефлексия протекает в свернутом виде на уровне авто-

* Минюстом РФ М. Веллер включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

матического проявления языковой способности, и только в особых случаях она выводится в «светлое поле» сознания, что собственно и фиксируется в метапоказателях продуктивных рефлексивов. В фокусе метаязыковой рефлексии оказывается процесс выбора номинации для обозначения некоторого фрагмента реальности. Как правило, наличие ПР в тексте свидетельствует о трудностях выбора слова, о возникновении «нештатной ситуации» в акте именования. Зачастую в письменном тексте место метаязыкового напряжения маркируется исключительно графическими средствами:

– А ты-то здесь при чём? – спрашивали однокурсники. – Ты ж психолог, а не архитектор, *не этот... не дизайнер* (Р. Сенчин «Немужик»);

И несколько последующих лет можно считать счастливыми, *но... но пустоватыми* (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

В отдельных случаях в целях экспликации причин затруднений в выборе языковых средств в объём рефлексива может включаться специальная пояснительная конструкция:

– Почему? Ты же теперь... – *он не знал, какое слово подобрать, чтобы её случайно не обидеть, – ... свободная* (А. Варламов «Душа моя Павел»);

– Ага. И мама дальше поехала ну... – *Гордей запнулся на сложном слове, – путешествовать* (Р. Сенчин «А папа?»).

Второй дистинктивный признак проявляется на оси «линейность / нелинейность» протекания семиозиса. ПР характеризуются семиотической нелинейностью в том смысле, что рефлексия воплощается в специальном семиотическом акте, разворачивающемся параллельно основной линии текста. Для наглядной иллюстрации данного положения мы намеренно используем примеры, в которых рефлексив помещен в рамки парентетической конструкции, что подчеркивает автономию метаязыкового комментария относительно основной линии повествования:

Да, важно: мы ведь расписались (*какое советское словечко!*) (Е. Водолазкин «Авиатор»);

Так, позвольте... (*Чукин растянул второе о*) (Е. Водолазкин «Брисбен»).

ПР (за исключением рефлексивов с оценочной семантикой), наоборот, не выходят за рамки основной семиотической линии. Рефлексия не формирует семантического ответвления в ткани текста даже в случаях возможной коррекции (автокоррекции) речи:

Он уже столько уроков пропустил, и сейчас ему надо было прийти в незнакомую группу, которая уже сложилась, почти два месяца занимается и ушла вперед, и учителя – *или нет, теперь они называются «преподаватели»* – будут недовольны... (А. Варламов «Душа моя Павел»);

Подняла лицо на секунду – вообще! Я такой прибалдел. *Лунарики... не, глаза – глаза у неё, настоящие – тёмные, яркие такие, большие...* (Р. Сенчин «Сюжеты»).

Наконец, третий дистинктивный признак лежит в области «открытости / закрытости» метаязыкового комментария. Последняя определяется фактом наличия / отсутствия объекта рефлексии в структуре рефлексива. Метаязыковые ком-

ментарии открытого типа характерны для РР (объектом рефлексии выступают знаковые средства, эксплицитно обозначенные в тексте):

Скорее всего, *«контакт отошел»* – так в общежитии говорят, если возникают перебои с электричеством (Ю. Поляков «Совдетство»).

ПР в большинстве случаев представляют собой метаязыковые контексты закрытого типа. Они реализуются в тексте в условиях невербализованного объекта рефлексии, в качестве которого выступает семиотическая связь знака и денотата (фрагмента внеязыковой действительности), который остается «за кадром»:

Трудно не признать, что глубокоуважаемый дипломат избрал весьма, э-э, убедительную форму защиты своих научных взглядов... (М. Веллер * «Оружейник Тарасюк»).

Вместе с тем необходимо заметить, что ПР могут описывать метаязыковые контексты открытого типа. Прежде всего речь идет о рефлексивах, которые вводятся с помощью метаоператора *называть* или его семантических эквивалентов. Особенность указанного глагола заключается в его способности к одновременной реализации в тексте двух семантических валентностей, объединяющих слово и денотат: 1) называть что-либо (денотат); 2) называть как-либо, чем-либо (слово). В результате использования этого глагола образуются рефлексивы, состоящие из имени и фрагмента действительности, обозначенного в тексте:

В ресторане по утрам кормили как на полевых кухнях – *простой пищевой кашей*, которую бойцы *называли «блондинкой»* (А. Иванов «Тени тевтонов»);

Периоды жизни не здесь сначала Сергей стал *называть экспедициями*... (Р. Сенчин «Ты меня помнишь?»).

В приведенных примерах наблюдается нейтрализация семантических признаков ПР. Вербализация в тексте объекта рефлексии сообщает метаязыковым контекстам черты РР. Указанные выше рефлексивы могут восприниматься адресатом (читателем) двояко: как обозначение акта номинации или как семантизация значения языкового знака. При этом степень близости комментария к категории ПР или РР во многом определяется метаязыковым контекстом. Так, в приведенных ниже примерах восприятие ПР как способа семантизации слов-регионализмов усиливается:

И вот он, лысеющий, грузноватый мужик... собирал *садовую клубнику*, которую в *этих краях называли викторией* (Р. Сенчин «Очнулся»).

В отдельных случаях продуктивная семантика в рефлексивах с метаоператором *называть* практически стирается, и сама номинация превращается в объект рефлексии:

На самом деле *ситро* (так называет лимонад бабушка Аня) сладкое (Ю. Поляков «Совдетство»);

Память о *жизни «до несчастья»* (так академик называл октябрьский переворот 1917-го) была, возможно, одной из тех вещей, которые впоследствии не позволили Дмитрию Сергеевичу окончательно впасть в отчаяние (Е. Водолазкин «Постижение свободы»).

Отдельного упоминания заслуживает вопрос переплетения метаязыковых контекстов, когда в одном фрагменте текста реализуются ПР и РР. Анализ собранного языкового материала показал, что контактное развертывание рефлексивов разного типа не приводит к их смешению и образованию особого типа рефлексивов синкретичного типа. Между контактно расположенными рефлексивами, как правило, устанавливаются каузальные отношения *sui generis*. Один из рефлексивов создает семантические предпосылки для реализации другого. При этом рефлексивы разворачиваются в тексте не параллельно, а последовательно. Наиболее типичным является случай, при котором после рефлексии по поводу выбора номинации (ПР) продуцент обращается к рефлексии над выбранным словом (рецептивный рефлексив):

– *Это... это беспредел* самый настоящий... *извините за слово* (Р. Сенчин «Функции»);

Татьяна поморщилась: «Совсем, э-э, *орусились*. *Есть ведь такое слово?..*» (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

В приведенных примерах акцент в метаязыковой рефлексии последовательно смещается от осмысления акта номинации к осмыслению характеристик слова.

РР с дескриптивной семантикой отражают результаты рефлексии над разного рода формальными и содержательными характеристиками языковых знаков (значением, внутренней формой, внешней формой, особенностями функционирования и т. д.):

Начался антонов огонь – *по-нашему, заражение крови* (Ю. Поляков «Совдетство»);

Потому что на этой силе чувства... всю вещь не сыграть, а оканчивать уровнем, который ниже изначального, – это провал. *В прямом смысле провал, движение вниз* (Е. Водолазкин «Брисбен»).

РР с оценочной семантикой содержат аксиологические характеристики языковых единиц, выступающих объектом рефлексии. Они заключают в себе отношение адресанта к знаку:

Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в *контейнере*. Несмотря на *красивое название*, помойка остается помойкой... (Е. Водолазкин «Авиатор»).

ПР с дескриптивной семантикой обозначают нетривиальность выбора номинации в определенном коммуникативном контексте. При этом процесс выбора номинации в тексте может маркироваться явлениями хезитации и коррекции:

Нас кто-нибудь вообще туда звал, просил, *уполнома... уполномо...* – забормотал он, – а черт его знает, как правильно (А. Варламов «Душа моя Павел»);

Особенно *удивил – нет, поразил* – Андрея ведущий этого марафона... (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

ПР с оценочной семантикой определяют степень соответствия выбранной номинации обозначенному фрагменту внеязыковой действительности:

Андрей не удивился, что такую простенькую девушку зовут Алина. Странно было бы, если б она оказалась Жанной или Анжелой... (Р. Сенчин «Дождь в Париже»);

Телефон всё звонил. Андрей Львович встал и побрел на кухню. Впрочем, «звонил» – *чересчур громко сказано* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»).

Необходимо отметить, что детальное рассмотрение дескриптивной и оценочной семантики РР и ПР с последующим формированием таксономических групп предполагает проведение специального исследования.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Интерес лингвистов к метаязыковой деятельности рядового носителя языка привел к формированию и развитию отдельного направления в отечественной лингвистике – теории обыденной лингвистики. Основной операционной единицей исследования в рамках научного направления является метатекст или рефлексив. К числу основных задач теории обыденной лингвистики относится задача создания типологии рефлексивов. Результатом многочисленных исследований стали разработка и описание ряда классификационных матриц. Однако существенных достижений в описании семантических характеристик рефлексивов добиться не удалось по причине многоаспектности содержания метаязыковых контекстов. В статье была решена задача поиска и описания универсального основания, необходимого для создания семантической типологии рефлексивов. Рефлексивы классифицируются в зависимости от семантического фактора порождения метаязыкового комментария: семасиологического или ономасиологического. Реализация семасиологического фактора лежит в основе создания рецептивных рефлексивов, реализация ономасиологического фактора приводит к созданию продуктивных рефлексивов. Дистинктивные признаки обоих типов рефлексивов определяются через понятийные дихотомии «статика / динамика», «нелинейность / линейность», «открытость / закрытость». В ходе исследования удалось установить, что рецептивные рефлексивы носят статичный, нелинейный и открытый характер, продуктивные рефлексивы – динамичный, линейный и закрытый.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с.
- Байдуж Л. М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в высказываниях с метапоказателем *скажем так* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 59–64.
- Батюкова Н. А. Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
- Блинова О. И. Обыденная мотивология и ее аспекты // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 228–238.
- Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н. В. *Так сказать* – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в совре-

менном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.

Васильев А. Д. Рефлективы в телевизионном дискурсе // Речевое общение. 2000. № 3 (11). С. 28–36.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–424.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

Вепрева И. Т. Метаязыковой взгляд на любимые и нелюбимые слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 202–227.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (45). С. 30–37.

Кравченко М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина // Современный ученый. 2022. № 3. С. 41–50.

Кубрякова Е. С. Ономазиология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 345–346.

Лукина Н. В. Смысловая структура метатекста (на материале творчества Т. Толстой): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 26 с.

Лю Эншиуай. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говоря» и «сказать» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 25 с.

Одекова Ф. Р. Существительные в системе эксплицитных метатекстовых операторов русского языка (на материале художественных текстов Н. В. Гоголя) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 192–193.

Перфильева Н. П. Метаконструкции: семантико-прагматический подход // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 195–204.

Постовалова В. И. Идея «мета» в самосознании культуры XX–XXI веков // Метафизика. 2012. № 4. С. 6–25.

Розина Р. И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 426–431.

Трикоз Э. Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.

Шейгал Е. И. Рефлективы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 133–141.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): Монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, I–XV, 896 p.

Bayduzh L. M. Strategii kvazinominatsiy, realizuemye v vyskazyvaniyakh s meta-pokazatelem *skazhem tak* [Strategies of quasi-terminations implemented in statements with a meta-indicator *skazhem tak*]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2017, vol. 16, no. 9: Philology, pp. 59–64.

Batyukova N. A. *Metazyazykovye sredstva sovremennoy publitsisticheskoy i khudozhestvennoy rechi* [Metalanguage means of modern journalistic and artistic speech]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 24 p.

Blinova O. I. *Obydannaya motivologiya i ee aspekty* [Obydennoe metazyazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty]. Kemerovo; Barnaul, 2009, pt. 1, pp. 228–238.

Bogdanova-Beglaryan N. V. Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoy ustnoy rechi [Reflexive in the system of discursive units russian oral speech]. *The World of Russian Word*. 2015, no. 3, pp. 11–17.

Bogdanova-Beglaryan N. V. Tak skazat' – rozhdenie pragmaticheskogo markera (ob aktivnykh protsessakh v russkoy ustnoy rechi) [Tak skazat' – the birth of a pragmatic marker (about active processes in Russian oral speech)]. In: *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe: Sb. nauch. st.* [Active processes in the modern Russian language: national and international: coll. of sci. articles]. Moscow, Flinta, 2021, pp. 73–85.

Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Linguistic transformations]. Moscow, LRC Publishing House 1998, 768 p.

Golev N. D. Obydenny politicheskiy diskurs: metazyazykovoy i metalingvisticheskiy aspekty [Ordinary political discourse: meta-linguistic and meta-linguistic aspects]. *Politicheskaya lingvistika*. 2013, no. 4 (45), pp. 30–37.

Kravchenko M. A. O metazyazykovom statuse parenteticheskikh konstruktov v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniyakh E. Vodolazkina [On the meta-linguistic status of parenthetical constructions in E. Vodolazkin's fiction and journalistic works]. *Sovremennyy uchenyy*. 2022, no. 3, pp. 41–50.

Kubryakova E. S. Onomasiologiya [Onomasiology]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. The Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1998, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 345–346.

Lukina N. V. *Smyslovaya struktura metateksta (na materiale tvorchestva T. Tolstoy)* [Semantic structure of metatext (based on the material of T. Tolstoy's creativity)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2011, 26 p.

Lyu En'shuay. *Funktsionirovanie metatekstovykh operatorov s komponentami "govorya" i "skazat'" v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of metatext operators with the components "govorya" and "skazat'" in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Vladivostok, 2022, 25 p.

Odekova F. R. Sushchestvitel'nye v sisteme eksplitsitnykh metatekstovykh operatorov russkogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh tekstov N. V. Gogolya) [Nouns in the system of explicit metatext operators of the Russian language (based on the material of artistic texts by N.V. Gogol)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Moscow, 2009, no. 2, pp. 192–193.

Perfil'eva N. P. Metakonstruktsii: semantiko-pragmaticheskiy podkhod [Metaconstructions: semantic and pragmatic approach]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 4, pp. 195–204.

Postovalova V. I. Ideya "meta" v samosoznanii kul'tury 20–21 vekov [The idea of "meta" in the self-consciousness of culture of the 20th–21st centuries]. *Metafizika*. Moscow, 2012, no. 4, pp. 6–25.

Rozina R. I. Tak nazyvaemyy: semantika vvodnykh metayazykovykh oborotov [So-called: semantics of introductory metalanguage turns]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2009"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialog 2009"]. Moscow, RSHU, 2009, iss. 8 (15), pp. 426–431.

Sheygal E. I. Refleksivy v politicheskoy kommunikatsii [Reflexives in political communication]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Theoretical and applied linguistics: interuniversity collection of scientific works]. Voronezh, VSU, 2002, iss. 3: Aspekty metakommunikativnoy deyatel'nosti [Aspects of metacommunicative activity], pp. 133–141.

Shumarina M. R. Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy): Monografiya [Language in the mirror of a literary text. (Metalanguage reflection in works of Russian prose): Monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 328 p.

Trikoz E. L. Obydannaya metayazykovaya refleksiya nositelya russkogo yazyka vtoroy poloviny 19 veka [Everyday metalanguage reflection of a native speaker of the Russian language of the second half of the 19th century]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Vologda, 2010, 22 p.

Vasil'ev A. D. Refleksivy v televizionnom disкурсе [Reflexives in television discourse]. *Rechevoe obshchenie*. 2000, no. 3 (11), pp. 28–36.

Vepreva I. T. Metayazykovoy vzglyad na lyubimye i nelyubimye slova [Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty]. Kemerovo, Barnaul, 2009, pt. 1, pp. 202–227.

Vepreva I. T. Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu [Linguistic reflection in the post-soviet era]. Moscow, 2005, OLMA-PRESS, 384 p.

Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1978, iss. 8: Lingvistika teksta [Text linguistics], pp. 402–424.

Информация об авторе

Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» РГУПС (Ростов-на-Дону, Россия)
RSCI Author ID 355292

Information about the author

Michail A. Kravchenko, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Mass Communications and Applied Linguistics, Rostov State Transport University (Rostov on Don, Russian Federation)
RSCI Author ID 355292

Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
The article was submitted on 06.09.2022;
approved after reviewing on 23.12.2022; accepted for publication on 23.12.2022

Научная статья

УДК 81'27

DOI 10.17223/18137083/87/19

**Хранительница нематериального культурного наследия:
о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры
(на материале социолингвистических обследований
в чувашской и марийской диаспорах
Московского региона)**

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Аннотация

На материале, полученном автором в ходе проведения социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона, рассматривается один из важных механизмов внутрисемейной передачи этнического языка – от старших к младшим. Межпоколенческая трансмиссия языка от родителей к детям в условиях города (в выборке – уроженцы городской среды в первом поколении диаспоры и опрошенные во втором поколении) представляется крайне слабой, при этом язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности респондентов. Задача передать этнический язык возлагается в большинстве случаев на старшую женщину в семье. В статье изучается роль, которую играет бабушка в передаче этнического языка, традиций, обычаев, религиозного мировоззрения подрастающему поколению.

Ключевые слова

чувашский язык, марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, Московский регион, семейная языковая политика, нематериальное культурное наследие

Для цитирования

Куцаева М. В. Хранительница нематериального культурного наследия: о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры (на материале социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 240–253. DOI 10.17223/18137083/87/19

© Куцаева М. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 240–253

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 240–253

**Keeper of intangible cultural heritage:
the role of grandmothers in the transmission of ethnic language
and culture (a case study of sociolinguistic surveys
in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region)**

Marina V. Kutsaeva

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Abstract

An essential mechanism for transmitting ethnic language within families involves the transfer from older to younger generations, with grandmothers playing a prominent role in this process. The paper presents the findings of the field research conducted within the Chuvash and Mari internal diasporas of the Moscow region. The study subjects were the first-generation natives of the diaspora urban environment and the second-generation representatives. The findings indicate that intergenerational language transmission is notably weak, mainly because Russian is omnipresent in urban environments and minority languages are marginalized due to prevailing linguistic ideologies. Although being recognized as state languages along with Russian in the relevant administrative-territorial entities, Chuvash and Mari languages do not have this status in the internal diaspora, becoming minority languages. Nevertheless, according to the research results, ethnic language is one of the key markers of ethnic identity necessary for preserving ethnic group boundaries. In the majority of cases, the task of preserving the ethnic language is assigned to grandmothers, the eldest women in the family, who reside in the rural area of their small native land. This model follows the long-existing practice of city dwellers sending their children to the countryside in summer for the latter to learn an ethnic language in the natural environment by communicating with their grandmother. Besides teaching the ethnic language, the grandmother also imparts knowledge about ethnic customs and traditions, such as ethnic cuisine, songs, and elements of folk and religious culture, making her a valuable keeper of intangible cultural heritage.

Keywords

Chuvash language, Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, family language policy, intangible cultural heritage

For citation

Kutsaeva M. V. Keeper of intangible cultural heritage: the role of grandmothers in the transmission of ethnic language and culture (a case study of sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 240–253. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/19

В 2014–2017 и 2019–2021 гг. автором статьи были проведены социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах Московского региона соответственно. Чуваш и марийцы, автохтонное население Среднего Поволжья, в силу ряда исторических причин проживают как компактными, так и дисперсными группами за пределами соответствующих территориально-административных образований (35,8 % чувашей (382 209 чел.) – вне Чувашской Республики и 41,8 % марийцев (177 243 чел.) – вне Республики Марий Эл (ВПН, 2020)) и образуют на территории Российской Федерации внутреннюю диаспору, что обусловило научный интерес автора, в частности, к вопросу функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры на примере Московского региона.

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

В Москве и Московской области зафиксировано проживание 17 693 чувашей и 3 165 марийцев (ВПН, 2020).

Обе выборки являются репрезентативными (100 чел. в чувашском обследовании и 106 чел. в марийском) и включили представителей первого и второго поколений диаспоры (подробнее об опыте данных обследований см.: [Куцаева, 2020а, с. 36–39; 2022, с. 117–119]). В настоящей работе приведем наиболее релевантные обсуждению сведения относительно первого поколения (табл. 1, 2). Второе поколение представлено 15 чел. в чувашской выборке и шестью в марийской. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических чувашей или марийцев соответственно.

Таблица 1

Половозрастная структура выборок в первом поколении

Table 1

Sex and age structure of the first generation sample

Выборка	Число респондентов в возрастной когорте									
	20–30		31–40		41–50		51–60		61–84	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Чувашское обследование	7	10	9	14	5	5	10	11	9	5
Марийское обследование	12	19	12	14	8	6	6	14	4	5

Таблица 2

Место рождения и проживания респондента на малой родине
(первое поколение в выборке)

Table 2

Place of birth and residence of the respondent in the small native land
in the first generation sample

Выборка	Число респондентов, уроженцев соответствующего типа населенного пункта		
	деревня	поселок городского типа	город
Чувашское обследование	55	10	20
Марийское обследование	83	8	9

Описание функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры предполагало составление лингвистических биографий респондентов, выявление актуального использования этнического языка (сферы употребления и функции, закрепленные за этническим языком), а также соблюдения этнических традиций и обычаев, включая религиозные. При обсуждении данных аспектов опрошенными неоднократно упоминалась фигура бабушки, с ней же – как представительницей старшего поколения в семье – связывались надежды на передачу языка и знаний о культуре подрастающему поколению. «Сто процентов, без ба-

бушки не было бы моего марийского» (М., № 65, I, м., 43)¹; «Были бы живы бабушка с дедушкой – знал бы больше на чувашском» (Ч., № 99, I, м., 63), – считают те, кто был лишен в детстве возможности общения с бабушкой.

В ходе сопоставительного анализа результатов, полученных в обеих выборках, были выявлены некоторые общие аспекты, которые будут освещены ниже: роль бабушки как старшей женщины рода в передаче этнического языка и знаний об этнической культуре (традиционная кухня, музыкальная этническая культура, соблюдение народно-праздничной и обрядовой культуры) и в формировании религиозного мировоззрения опрошенных. Такого рода обычаи, традиционные знания и навыки коренных народов формируют у общины чувство самобытности и преемственности, язык выступает в качестве носителя нематериального наследия (Конвенция..., 2003, ст. 2). В выборках ключевыми маркерами этнической идентичности признаны принадлежность роду (малая родина, корни, детство, родители, предки), язык, знание традиций и обычаев [Куцаева, 2020а, с. 184–185], [Куцаева, 2020б, с. 126–127]. Хранителем живого наследия, по свидетельству опрошенных, выступает (или являлась в прошлом) бабушка.

Подавляющее большинство опрошенных являются уроженцами сельской среды (см. табл. 2), однако уроженцы городов и поселков городского типа, как показало изучение их лингвистических биографий, сохраняли тесную связь с деревней: родители респондентов переехали в город или поселок городского типа, а старшие родственники, как правило, проживали в деревне. В случае проживания респондентов в небольших населенных пунктах с моноэтническим составом населения (марийская / чувашская деревня) внутрисемейное общение всех членов семьи осуществлялось на «своем» языке. Иная ситуация складывалась, если респондент проживал в городе или поселке городского типа и в ряде случаев (в младших когортах) – в крупном селе, со смешанным составом населения; сюда же относим и кировских марийцев, особенно представителей младших когорт, которые, хотя и являлись уроженцами марийских деревень, испытывали сильное влияние русского языка (русский в качестве языка воспитания и обучения в дошкольных учреждениях и в школе, использование марийского старшими членами семьи исключительно в бытовой сфере общения и доминирование русского в других сферах, как следствие – рост предубеждения в отношении марийского языка). Языком внутрисемейного общения являлся русский, однако родители использовали этнический язык в общении между собой (часто – в качестве «секретного» языка). Задача обучить ребенка этническому языку (если такие цели формулировались для себя поколением родителей) возлагалась на старших родственников, преимущественно на бабушку (ситуация своего рода не уникальная, характерная и для других народов (см. [Агранат, 2021, с. 14]). Идея подобного освоения чувашского или марийского унаследована и респондентами первого поколения в выборках: они считают, что их дети, представители второго поколения внутренней диаспоры, смогут выучить язык «летом у бабушки», как когда-то это происходило с другими «городскими детьми». Косвенно это свидетельствует об отсутствии желания родителей самостоятельно передавать язык детям, шире – о засилье языковых идеологий, имплицитно выражаемых в негативном отноше-

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводится указание на обследование (принятые сокращения: Ч. – чувашское, М. – марийское), номер анкеты респондента, поколение в выборке (I, II), пол (м., ж.), возраст респондента.

нии к языку: «Сильно я не хотела ей чувашский дать, она сама должна выбирать². Ну вот с бабушкой могла остаться, она понимала!» (Ч., № 37, I, ж., 53); «Если они вернутся от бабушки и будут по-чувашски говорить, я буду, как говорится, больше рад за бабушек-дедушек. Что они привили это – чувашский язык. Но вот детям – ну, потому что им самим потом тяжело будет в садике по-русски и по-чувашски» (Ч., № 36, I, м., 39). В настоящее время в целях создания благоприятных условий для поддержания естественной передачи языка от старшего поколения к младшему «Концепцией языковой политики Российской Федерации» предусматривается формирование в обществе позитивного образа семей, в которых родители или хотя бы бабушки и дедушки говорят с детьми на миноритарных языках (Концепция..., 2021, с. 34).

Обратимся непосредственно к вопросу, связанному с передачей старшими женщинами младшим членам семьи этнического языка.

Бабушки респондентов старших когорт владели преимущественно или исключительно этническим языком, русский язык был у них «ломаным» или отсутствовал вовсе: «Бабушки и дедушки знали очень плохо, особенно бабушки. А дедушки все-таки воевали, служили, знали русский язык» (М., № 16, I, м., 47); «У меня дедушка точно знал русский язык, он войну прошел. А бабушка совершенно не знала русского языка. Ни письменности, ни языка русского не знала» (М., № 24, I, ж., 61). По воспоминаниям участников опроса, женщинам старшего поколения в целом была свойственна более низкая в сравнении с мужчинами территориальная и социальная мобильность: «Бабушка говорила со мной по-чувашски постоянно, потому что она по-русски плохо говорила очень. Но при этом она всегда говорила, что женщина сидит дома, а вот мужчина должен уезжать, и он поэтому должен разговаривать не только на чувашском языке» (Ч., № 44, I, м., 49); «Бабушки-марийки, они редко на русском общаются, потому что они в основном еще тех времен. Они коренные марийки, русский язык некоторые знали плохо, так как жили всю жизнь в Марий Эл и общались всю жизнь на марийском» (М., № 97, I, м., 36). Определенное влияние на речевые практики оказывал уровень образования. В выборке заметно чаще женщины – педагоги по профессии – использовали в общении с внуками русский язык: «Трудностей с русским я не испытывала, потому что у меня семья – все учителя как бы, бабушка мне читала сказки на русском, на русском языке меня обучала» (М., № 96, I, ж., 28); «Я помню, что говорили по-русски. У бабушки с дедушкой был чистейший русский язык. А марийский мы слышали, когда приходили из соседних деревень их языческие родственники. Была какая-то двоюродная бабушка, она была немножко с проблемой – с головой, и она мало знала русского, она знала марийский, потому что всё время жила в деревне. И вот те фразы, слова, которые она с нами всё время разговаривала, – мы их знали. Не очень много, конечно, но на марийском» (М., № 50, I, ж., 53); «Ну, бабушка с дедушкой в основном, конечно, по-русски с внуками говорили. Они учителя, ну, люди-то образованные» (Ч., № 20, I, м., 63).

Большое значение имели ранние и устойчивые контакты с бабушкой³. Деревенские дети ввиду отсутствия детского сада воспитывались до школы дома ба-

² Языковой сдвиг обычно представляется в виде «выбора носителей», но действительно ли этот выбор свободный: мощное влияние на него оказывают неравновесные отношения между доминантной и миноритарной языковыми группами [Hinton et al., 2018, p. xxi].

³ Привлечение пожилых членов языкового сообщества к воспитанию детей младшего возраста на этническом языке составляет сущность метода языкового гнезда [Fishman, 1991, p. 238–239]. Эффективность этого механизма признана авторами «Концепции языко-

бушкой, что впоследствии влияло на их распределение в смешанные (параллельные) классы – с русским или национальным языком обучения: «В детский сад именно не ходил. У меня же бабушка вообще не разговаривала по-русски. Я только с нею. Она вместо садика меня воспитывала. Именно на марийском языке» (М., № 65, I, м., 43); «Село было крупное, вот делили: кто ходил в детский садик и ясли, там всё преподавали на русском, а те дети, которые не ходили в садик, их бабушки-дедушки воспитывали – тогда на чувашском, их в чувашский класс» (Ч., № 65, I, м., 56) (о влиянии на языковые практики такого фактора, как посещение ребенком ДООУ мы непосредственно указывали в [Куцаева, 2022, с. 125–126]).

Контакты городских детей с бабушкой носили сезонный характер: детей отправляли в деревню на лето, где они, как предполагалось, могли приобщиться к этническому языку («Если и не говорить, то хотя бы понимать»). Во втором поколении в выборке ввиду удаленного проживания опрошенных от малой родины родителей визиты в чувашскую или марийскую деревню не столь частые и менее продолжительные. С родителями представители первого поколения в выборке (уроженцы городской среды), а также представители второго поколения использовали преимущественно русский язык в собственно коммуникативной функции. О влиянии языковых идеологий на выбор языка общения мы указывали в некоторых других наших работах, здесь же ограничимся цитатой из интервью с респондентом, в которой довольно выпукло представлено общее положение с этническими языками и отношением к ним, в том числе и самих носителей, вследствие осуществлявшейся в те годы языковой политики: «Родители с нами разговаривали только по-русски. Потому что они, я так думаю, ошибочно считали, если русский язык человек – ну, будет только русский – чтобы не путался, то он большего достигнет чего-то. А кроме того, вся политика была государственная, что чувашский язык на втором месте. И вообще, менталитет был такой: городской это, а если деревенский – не котировались люди деревенские» (Ч., № 12, I, м., 58). За этническим языком во внутрисемейном общении в городской среде в лучшем случае закреплялись некоторые другие функции: «тайного» языка, эмоциональная (об этом см.: [Куцаева, 2020а, с. 130–135; 2021а, с. 62–66]).

В этих обстоятельствах коммуникация респондентов с представителями самого старшего поколения в семье осуществлялась главным образом путем использования дуально-лингвальной модели, при которой собеседники прибегают к употреблению каждый «своего» речевого кода [Smith-Christmas, 2016, p. 59] или монологической модели (исключительно русский язык), причем последняя модель, кажется, получает всё большее распространение, особенно в младших когортах: «Бабушка иногда разговаривала на марийском, насколько произвольно – не знаю. По большей части всё же на русском общались. Скорее всего, она понимала, что я ее не очень понимал, и поэтому говорила на более понятном мне языке» (М., № 46, I, м., 30); «Дедушка с бабушкой между собой могли разговаривать, но я всегда говорила: “Бабушка, говорите, пожалуйста, по-русски!”». Нам они ничего на марийском не говорили, между собой так» (М., № 33, I, ж., 27). Наблюдая за языковым поведением взрослых, особенно тех, кто является для них авторитетом (родители, старшие сиблинги), дети замечают роль, которую играет

вой политики Российской Федерации», методика рекомендована к реализации в случае прекращения внутрисемейной передачи языка от старших к младшим (Концепция..., 2021, с. 34).

в этих взаимодействиях язык, точнее выбор того или иного языка общения [Smith-Christmas, 2016, p. 110].

Использование в общении исключительно этнического языка или дуально-лингвальной модели обусловлено также «несгибаемым» характером бабушки (особенно в случае опрошенных в младших когортах, старшие родственницы которых с большой долей вероятности владели русским языком ⁴): «С бабушкой на марийском. У нее прямо было принципиально. Не понимаешь – твои проблемы! Мне по барабану, я буду говорить, как мне удобно. Она всю жизнь прожила в марийской деревне. Она понимала всё, что ты можешь по-русски сказать, но выдавала ответ обязательно на марийском. Мы с сестрой, конечно, что мы знали, мы ей отвечали на марийском: давай, покажем, что мы тоже можем!» (М., № 42, I, м., 31). Отметим, что в отношении представителей второго поколения диаспоры (детей наших респондентов) репутация «несговорчивой» бабушки всё чаще закрепляется за прабабушкой, поскольку сами бабушки, как правило, используют русский язык. Помимо летних языковых «стажировок» у бабушки в деревне, другим вариантом приобщения ребенка к этническому языку ⁵ (в выборке это представители старших когорт) были контакты с бабушкой, которая переезжала к детям в город и употребляла в ежедневном общении с внуками только этнический язык: «Я по-чувашски, знаете, как научился разговаривать? Потому что у нас была бабушка девяноста лет. Она когда с нами сидела, она просто не знала по-русски. И нужно было с ней общаться» (Ч., № 12, I, м., 58); «Пришлось говорить на чувашском, потому что папина мама стала жить с нами, она в возрасте была, только на чувашском говорила» (Ч., № 47, I, м., 73).

В отношении длительности и регулярности контактов с бабушкой необходимо отметить следующее: старшим «городским» внукам, вполне естественно, «доставалось» больше общения с бабушкой, что в итоге коррелирует с их уровнем владения этническим языком. Старшие внуки заметно чаще декларируют знание этнического языка или владение им в сравнении с младшими, которые могли и не застать бабушку или, приезжая в деревню, чаще прибегали к использованию русского языка в общении со старшими детьми: «Я-то знала более-менее, потому что летом в деревню ездила постоянно к бабушке. Вот мои сестра и брат – они уже не ездили, бабушка тогда умерла. То есть я ездила – и я знала, а они, получается, не ездили – и не знали» (Ч., № 22, I, ж., 62). О влиянии речевых практик старших сиблингов, прошедших систему социализации в школе на мажоритарном языке,

⁴ Курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия был взят в 1970-х гг., «в этих условиях русский язык всё более становится фактически родным языком или вторым родным языком большинства советских людей» [Исаев, 1982, с. 115–116]. Несмотря на многозначность и некоторую затемненность термина «родной язык» [Куцаева, 2020а, с. 30–34], в данном контексте очевидно его употребление в значении «функционально первый язык» независимо от этнической принадлежности говорящих.

⁵ В процессе обращения вспять языкового сдвига приоритетная роль принадлежит внутрисемейной коммуникации, когда язык передается естественным путем от поколения к поколению (GIDS стадия 6) [Fishman, 1991, p. 395], однако для достижения положительного эффекта требуются усилия со стороны всех членов семьи, включая представителей среднего поколения, что в случае наших респондентов не имело места вовсе, поскольку, будучи несвободными от идеологических установок прошлого, таких целей родители опрошенных перед собой не ставили. В реализации семейной языковой политики трансмиссия миноритарного языка предполагает коренную трансформацию лингвистических практик в семье (включая всех домочадцев) и в языковом сообществе в целом [Smith-Christmas, 2016, p. 112].

на младших и неизбежном переходе последних на «большой» язык см. [Smith-Christmas, 2016, p. 49–56], об этом же сообщали и наши респонденты: «Когда я родилась пятым ребенком, я вообще не знала родного языка! А старшие братья знали, но со мной они по-русски. К сожалению, не застала бабушек и дедушек» (М., № 12, I, ж., 50).

По мнению респондентов-горожан, школьные годы которых пришлись на языковые реформы в области образования, внедрение обязательного изучения титульных языков в качестве государственных (в 1990-х гг.), уроки чувашского или марийского в школьном расписании едва ли принесли им ощутимую пользу: «Чувашский я знала до школы, потому что бабушка у меня говорит по-чувашски. Именно бабушка заложила, таким образом, необходимость изучения языка. В остальном, скажем так, мне не донесли, зачем мне учить язык – именно этот язык» (Ч., № 33, I, ж., 26). Необходимость выхода за пределы монолингвальности (русский язык в городской среде) и развития двуязычия, следовательно, определялась речевыми практиками, сложившимися благодаря старшим членам семьи. Если бабушки и дедушки говорили с внуками по-русски или допускали использование дуально-лингвальной модели, респонденты не испытывали потребности учить и активно использовать этнический язык: «Бабушки – они между собой по-марийски, а вот с нами по-русски, потому что мы приезжали – мы ни слова! Они могли по-марийски начинать говорить, понимали, что мы не понимаем. Ну, неохота же что-то делать, выполнять! Делает вид, что не понимаешь. То есть практика как таковая была, но не было необходимости – изучить глобально. Если бы была более жестко поставлена цель: вообще – ни слова по-русски, допустим. Может быть, изучал бы» (М., № 59, I, м., 41); «Бабушки, естественно, разговаривали на марийском языке между собой. Но с нами они разговаривали на русском. Я понимаю в принципе марийский. Просто сам на практике никогда им не пользовался, ничего сказать не могу. То есть могу при желании какие-то фразы построить, если долго над этим думать. Просто не с кем. Нет необходимости и не было. И прикладной его функции в жизни не встречается. И не встречалось никогда» (М., № 66, I, м., 42).

Ввиду того, что с городскими детьми (и с уроженцами средних населенных пунктов в сельской местности) на этническом языке общались скорее старшие родственники, со всей неизбежностью за этническим языком закреплялся образ «языка бабушки» в pejоративном смысле (прочная ассоциация с пожилыми людьми, деревенским образом жизни, языком бытовым в сравнении с «большим» языком, охватывающим широкие сферы использования). Впрочем, ряд респондентов, преимущественно мужчины, которые в общении с бабушкой в детстве использовали дуально-лингвальную модель, с возрастом ощутили острую потребность восполнить сложившийся языковой вакуум и предпринимали усилия по реактивации этнического языка. Основным источником выступала бабушка: ее голос записывался на магнитофонную ленту, она помогала вести тетради, в которые заносились слова на этническом языке, респонденты начинали отвечать бабушке на «бабушкином» языке: «Первоначально отвечал на русском бабушке, а потом на марийском. Совесть просто замучила всё время на русском отвечать! Какой-то прогресс, наверное, сделал внутри себя и начал на марийском говорить. И бабушка мне по телефону говорила: “Скажи по-марийски!” Потому что, когда люди пожилые становятся, для них русский язык, получается, он немножко чужой» (М., № 39, I, м., 29).

В настоящее время на малой родине респонденты, особенно молодые уроженцы городской среды, склонны использовать этнический язык в семейно-бытовой сфере⁶ скорее с самыми пожилыми родственниками, чем с родителями: «На родине – ну русский в основном тоже, с бабушкой только я разговариваю на марийском» (М., № 43, I, ж., 25); «Между собой сейчас на русском. Раньше, когда с бабушками контактировали, тогда на марийском больше» (М., № 51, I, м., 29). Помимо употребления языка в коммуникативной, пусть и ограниченной узким кругом лиц, функции, этнический язык используется респондентами в эмоциональной функции: «Я на чувашском ругаюсь, потому что нас бабушка с дедушкой так ругали на чувашском» (Ч., № 58, I, ж., 33); «Но когда в деревне, то ругательства на марийском – это более жестко звучит. И поэтому здесь как раз явно по-марийски высказываюсь – по отношению к хозяйственной деятельности. Когда управляешься с хозяйством, с животными. Им это привычнее, поэтому и лучше слушаются. Поэтому с детства знал, что с ними лучше на более понятном им языке» (М., № 59, I, м., 41); «Есть у меня словечки на марийском. И все эти фразы я слышал от бабушки. Возможно, так уже и не говорят, но это отложилось у меня в голове!» (М., № 42, I, м., 31). Кроме того, некоторой части респондентов в обеих выборках (и активным, и пассивным билингвам) доводится видеть сны на этническом языке. Частым мотивом этих снов является встреча с бабушкой, с которой в жизни участники опроса говорят или говорили (нередко снятся усопшие родственники) на чувашском или марийском соответственно: «На марийском тоже вижу: у меня так сложилось, если я бабушку вижу, своих, которые уже ушли» (М., № 45, I, ж., 35); «Марийский бывает, но очень редко. Это когда, например, во сне бабушка с дедушкой появляются, тогда да – могут что-то на марийском» (М., № 31, I, м., 36).

Заключительный блок анкеты касался вопросов поддержания и сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры. Культурологический аспект был освещен нами в [Куцаева, 2020а, с. 187–198; 2021б], здесь же рассмотрим роль старшей женщины в семье в передаче знаний об этнической культуре. Знакомство с традициями и обычаями, а также их соблюдение являются важным маркером этнической идентичности в выборках и способом поддержания этнических границ группы в условиях диаспорного проживания. В этом смысле получение знаний о нематериальном культурном наследии и развитие сопутствующих умений и навыков связаны именно с фигурой бабушки.

В первую очередь это касается традиционной кухни: рецепты некоторых несложных блюд, таких как чувашский пирог *хуплу* или вареники *пӱремеч*, марийские пироги *подкогыльо* или трехслойные блины *коман мелна*, которые респонденты часто готовят и в Московском регионе, напоминают о малой родине, детстве, маме и бабушке: «Соблюдаю традиции: пирог чувашский пеку, это такой картофель с мясом, всем нравится, его еще *хуплу* называют. Это даже не мама, а бабушка скорее передала его, в городе каких-то традиций чувашских не было.

⁶ Кроме того, один из вопросов анкеты касался дистрибуции языков СМИ (на каких языках респонденты смотрят ТВ, слушают радио, читают газеты и пр.). Оказалось, что возможность послушать радиопередачу, полистать местную газету на этническом языке связана в представлении опрошенных в большей степени с домом бабушки: «А вот когда в деревне был, бабушка выписывала на горномарийском. Всегда брал, оттуда и узнал написание вот этих слов, мне было интересно!» (М., № 27, I, м., 37); «Телевизор в последнее время смотрю только у бабушки. Она смотрит всё чувашское – музыкальные поздравления, чувашские передачи» (Ч., № 39, I, ж., 40).

Это был чисто русский город в то время (Чебоксары. – М. К.)» (Ч., № 21, I, ж., 55); «Я, конечно, всё умею. Все те блюда, которые готовили наши бабушки» (М., № 60, I, ж., 30); «Но это всё ностальгия по бабушке просто – это мое детство» (М., № 41, I, ж., 29). Более сложная рецептура утрачивается, чувашские респонденты с сожалением говорили о том, что не успели перенять от бабушки традицию пивоварения, характерную для чувашской культуры. Некоторые опрошенные, преимущественно мужчины в выборке, заявили о своем желании восстановить рецептуру пива [Куцаева, 2020а, с. 188–189]), в марийской выборке – возобновить приготовление *пушто* (толокна) [Куцаева, 2021б, с. 11].

Песни на чувашском или марийском, позволяющие унять ностальгию по малой родине, адаптироваться в новых условиях жизни, крепко связаны в представлении опрошенных с домом, малой родиной, в ряде случаев – со старшей женщиной в семье: «Все песни, которые бабушка мне пела в детстве, сидя около печки, либо летом где-то на лужайке мы гуляли, либо на праздниках каких-то – всё это мне близко» (М., № 20, I, ж., 41). Песни на этническом языке, особенно те, что пелись бабушкой в детстве, служат своеобразным проводником в язык для слабо владеющих им, уроженцев городской среды в выборке: «У бабушки с дедушкой, когда они юбилеи справляли и гостей звали, много же гостей из деревень приезжает, они пели песни. И там были две интересные песни, тягучие какие-то, особенно когда гостей провожают. Очень интересные, мне они нравились, и вот когда стала постарше, мне захотелось их выучить. Изучала по магнитофонной ленте, не всё понимала, у мамы спрашивала» (Ч., № 21, I, ж., 55). Передача знаний о музыкальной культуре подрастающему поколению признается важной многими опрошенными: «Хочется передать. Культура. Чтобы они знали, например, любимые песни моих бабушек, любимые песни нашей семьи. Мы же не всегда... вечные. Чтобы помнили нас, пели песни» (Ч., № 38, I, ж., 43).

Сохранению празднично-обрядовой культуры способствуют тесные связи опрошенных с малой родиной, с этнической деревней, которая, несмотря на существенные изменения в современной жизни, остается центром сосредоточения народных традиций и знаний [Калинина, 2019, с. 160]. Респонденты регулярно выезжают на малую родину для участия в традиционных народных праздниках, таких как чувашский *Симёк* и марийский *Семык* (летнее поминовение усопших), посещают организованные землячества в Москве чувашский *Акатуй* или марийский *Пеледыш пайрем*, посвященные окончанию весенних полевых работ. В быту отмечают и другие народные праздники, обрядовая часть которых также может быть связана с детством, бабушкой: «*Сурхури* – это обязательно. Рождество. Орехи кидаю, дети ловят, собирают. Моя бабушка всегда так делала» (Ч., № 73, I, ж., 47); «По-русски же вот Пасха, а у нас *Кугече*, например. Уже как-то всегда родители, бабушка с дедушкой перед тем, как сесть за стол, что-то говорили. Тоже я пытаюсь на марийском» (М., № 88, I, ж., 40).

Кроме того, с бабушкой в представлении респондентов ассоциируется язык религии. С одной стороны, это знакомство с молитвами (в том числе на этническом языке), конфессиональной литературой, непосредственно принятие респондентами православия в чувашской выборке [Куцаева, 2020а, с. 151] и частично марийской (уроженцы Горномарийского района и некоторых других районов республики, где проживают луговые мари). С другой стороны, это приобщение части луговых мари к марийской традиционной религии или к языческому компоненту синкретизма, характерного для религиозной жизни значительного числа луговых марийцев. Бабушка, по воспоминаниям респондентов, брала с собой внуков на мо-

ления в священную рощу *кўсото*, учила молиться марийским богам и духам, соблюдать правила поведения в роще, формируя, таким образом, особое отношение к природе: «Бабушка моя была язычницей, потому что мы всегда ходили в рощу молиться всем богам, то есть выходила вся деревня» (М., № 20, I, ж., 41); «За водой ходим. У нас там есть свое место, где святая вода. Обращаемся на марийском. Бабушка говорила, как брать, как туда зайти – всё соблюдаем, всё знаем!» (М., № 88, I, ж., 40).

Нематериальное культурное наследие и язык в качестве его носителя проявляются в устных традициях и формах выражения, исполнительских искусствах, обрядах и празднествах, знаниях и обычаях, относящихся к природе и вселенной или связанных с традиционными ремеслами (Конвенция..., 2003, ст. 2, п. 2). На индексную и символическую связь языка и определенной этнокультуры (а также на их соотношение как части и целого) указывал Дж. Фишман. Язык и культура «выросли вместе», наилучшим образом сонастроены друг на друга, им свойственна парциальная идентичность, т. е. элементы культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура теснейшим образом ассоциируется [Fishman, 1991, p. 20–24].

Поскольку ввиду указанных выше факторов передача языка от родителей к детям в семье слабая, постольку респонденты второго поколения диаспоры демонстрируют остаточные знания языка и культуры в целом [Куцаева, 2020а, с. 197; 2021б, с. 18]. В отсутствие полноценной коммуникации между бабушкой и внуком (в идеале – на этническом языке) передача знаний о культуре (песни, молитвы, заповеди, пословицы, сказки, формулы приветствия, проклятия и благословения и пр., выражаемые через язык [Fishman, 1991, p. 24]) представляется невозможной: «Бабушка по-русски не говорила, до ее смерти мы общались так: я как бы ее всё время обнимал, целовал. Как бы – бабушка, привет» (Ч., № 42, II, м., 32). Ревитализация языка в диаспоре возможна путем восстановления ослабленной или прерванной внутрисемейной передачи языка и посредством активизации бытования *языка-в-культуре* [Ibid., p. 17]. Начать говорить на языке предков подразумевает восстановление связей с прошлым, лингвистическим и культурным наследием, особенно если живы еще старшие родственники: это принесет несомненную пользу как старшим, так и младшим членам семьи, позволит приблизиться к пониманию своего культурного наследия и создать новое будущее для культуры [Grenoble, 2021, p. 12]. Результаты наших социолингвистических обследований в диаспоре свидетельствуют о ключевой роли, закреплённой за старшей женщиной в семье при передаче знаний о языке и культуре подрастающему поколению.

Список литературы

Агранат Т. Б. Особенности (не)передачи языка у сибирских сето // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 9–18.

Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР: Вопросы языковой политики и языкового строительства. М.: Высш. шк., 1982. 168 с.

Калинина О. А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2011. С. 158–163.

Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре Московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020а. 312 с.

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. 2020б. № 2. С. 124–150.

Куцаева М. В. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021а. Вып. 4 (34). С. 58–72.

Куцаева М. В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. 2021б. Т. 3, № 4. С. 6–21.

Куцаева М. В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры Московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. № 1 (44). С. 116–153.

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters: 76. Clevedon, 1991. 431 p.

Grenoble L. A. Why Revitalize? // Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide / Ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2021. P. 9–22.

Hinton L., Huss L., Roche G. Introduction. Language Revitalization as a Growing Field of Study and Practice // The Routledge Handbook of Language Revitalization / Ed. by L. Hinton, L. Huss, G. Roche. 2018. P. xxi–xxx.

Smith-Christmas C. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016. 295 p.

Список источников

ВПН – Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 15.01.2023).

Конвенция об охране нематериального культурного наследия. 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения 29.01.2023).

Концепция языковой политики Российской Федерации. 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/koncepcija_jazykovo_j_politiki.pdf (дата обращения 30.01.2023).

References

Agranat T. B. Osobennosti (ne)peredachi yazyka u sibirskikh seto [Peculiarities of language (non)transmission in Siberian Seto community]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, iss. 3 (33), pp. 9–18.

Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters: 76. Clevedon, 1991, 431 p.

Grenoble L. A. Why Revitalize? In: *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank (Eds.). Cambridge Uni. Press, 2021, pp. 9–22.

Hinton L., Huss L., Roche G. Introduction. Language Revitalization as a Growing Field of Study and Practice. In: *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (Eds.). 2018, pp. xxi–xxx.

Isaev M. I. *Sotsiolingvisticheskie problemy yazykov narodov SSSR: Voprosy yazykovoy politiki i yazykovogo stroitel'stva* [Sociolinguistic problems of languages of the peoples of the USSR: Questions of language policy and language planning]. Moscow, Vyssh. shk., 1982, 168 p.

Kalinina O. A. Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariytssev [Holidays in daily life of Urban Maris]. In: *Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Mariy El* [Development of Humanities in the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola, Mar. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii, 2011, pp. 158–163.

Kutsaeva M. V. Funktsii etnicheskogo yazyka v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, iss. 4 (34), pp. 58–72.

Kutsaeva M. V. *Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoy diaspore moskovskogo regiona* [Functioning of ethnic language in Chuvash diaspora of Moscow region]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020a, 312 p.

Kutsaeva M. V. Mariytsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loy-al'nost' v usloviyakh vnutrenney diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty]. *Rodnoy Yazyk (Mother Tongue)*. 2020b, no. 2, pp. 124–150.

Kutsaeva M. V. Moskovskie mariytsy: etnicheskaya kul'tura v usloviyakh vnutrenney diaspory [Moscow Mari: Ethnic culture in the internal diaspora]. *Ethnic Culture*. 2021b, vol. 3 (no. 4), pp. 6–21.

Kutsaeva M. V. Yazykovye biografii predstaviteley mariyskoy diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rayonov rasprostraneniya lugovogo mariyskogo yazyka v Respublike Mariy El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El]. *Ural-Altaic Studies*. 2022, no. 1 (44), pp. 116–153.

Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016, 295 p.

List of sources

Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 2003]. 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed 29.01.2023).

Kontseptsia yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Conception of Language Policy of the Russian Federation]. 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/koncepcija_jazykovoj_politiki.pdf (accessed 30.01.2023).

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda [The All-Russian Census of 2010]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 15.01.2023).

Информация об авторе

Марина Васильевна Куцаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Scopus Author ID 57221937702

WoS Researcher ID ABD-8944-2021

Information about the author

Marina V. Kutsaeva, Candidate of Philology, Researcher, Department of the Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Scopus Author ID 57221937702
WoS Researcher ID ABD-8944-2021

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 29.06.2023; accepted for publication on 29.06.2023*

Рецензии

Научная рецензия

УДК 81

DOI 10.17223/18137083/87/20

Рецензия на книгу:

Словарь языка русской поэзии XX века. Том IX. Книга 2: Уж – Цезарь / Сост.: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 536 с. – (Studia philologica)

Наталья Викторовна Патроева

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Аннотация

Рассматриваются основные особенности лексикографического труда, подготовленного в Институте русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук. Вторая книга девятого тома «Словаря языка русской поэзии XX века» содержит 2 290 словарных статей, которые демонстрируют контексты из источников этого лексикографического издания – произведений десяти выдающихся поэтов эпохи Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Ключевые слова

авторская лексикография, поэтический словарь, русская лирика, Серебряный век, история поэтического языка

Для цитирования

Патроева Н. В. Рецензия на книгу: Словарь языка русской поэзии XX века. Том IX. Книга 2: Уж – Цезарь / Сост.: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 536 с. – (Studia philologica) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 254–257. DOI 10.17223/18137083/87/20

© Патроева Н. В., рец., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 254–257

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 254–257

A book review:

Dictionary of Russian Poetry Language of the Twentieth Century. Volume IX. Book 2: Uzh – Tsesar. Compiled by L. L. Shestakova (Ed. in Ch.), A. S. Kuleva (Ed.), A. V. Gik. Moscow, LRC Publishing House, 2022, 536 p. (Studia philologica)

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation
nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract

Consideration is given to the main features of the lexicographic project developed at the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. It is the second book of the ninth volume of the Dictionary of the language of Russian poetry (20th century). The 2290 entries present the poetic lines from the sources of the Dictionary, the works of ten outstanding poets of the Silver Age: I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, and M. Tsvetaeva. The review briefly describes the purpose, structure, and content of the Dictionary. Moreover, it delineates the frequency of individual lexemes, exemplifies instances of metaphorization, and establishes correlations with experiences in constructing the composite dictionaries. Dictionary entries provide insights into the history, frequency, and morphology of lyric phraseology in poetry, along with stylistic marks and information on word production and rhyming. The conclusion is made that the Dictionary demonstrates the variety and expressiveness of the language of poetry and the “artistic memory” of its words, enriching the reader’s aesthetic horizons.

Keywords

author’s lexicography, poetic dictionary, Russian lyrics, Silver Age, history of poetic language

For citation

Patroeva N. V. A book review: Dictionary of Russian Poetry Language of the Twentieth Century. Volume IX. Book 2: Uzh – Tsesar. Compiled by L. L. Shestakova (Ed. in Ch.), A. S. Kuleva (Ed.), A. V. Gik. Moscow, LRC Publishing House, 2022, 536 p. (Studia philologica). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 254–257. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/20

В течение последних десятилетий авторская, или писательская, лексикография превратилась в активно развивающееся научное направление¹. Так, например, проект многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» уже на протяжении более двадцати лет на регулярной основе реализуется силами научного коллектива Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Создание «сопоставительной эстетики авангарда» [Григорьев, 2000, с. 739], систематизация «экспресsem» (в терминологии В. П. Григорьева) эпохи модернизма в русской поэзии как демонстрация необычайно богатого функционально-

¹ См.: [Шестакова, 2011].

семантического потенциала «самовитого» лирического слова – главные цели, поставленные перед коллективом составителей словаря автором идеи и первым его главным редактором, который в предисловии к первому тому выражал надежду, что экспериментальный лексикографический опыт, посвященный десяти поэтам Серебряного века, «усилит или пробудит у значительной части его читателей жажду настоящей поэзии и нетривиального поэтического языка» [СЛЯРП, 2001, с. 10].

Вокабулы, представленные в рецензируемом опыте писательского словаря, содержат полученный методом сплошной выборки морфологически разнообразный конкорданс, имеют четкую структуру, состоящую из заголовочного слова и четырех отделов – зон значения, контекстов, комментариев и шифра. С особой скрупулезностью составители рецензируемого издания отнеслись и к хронологически выверенному размещению поэтических контекстов.

Все элементы вокабулы, несмотря на то что включенные в словарь контексты не сопровождаются интерпретацией узуального или окказионального смысла используемой поэтом лексемы, позволяют проследить жизнь, эволюцию и «память» слов-«экспрессем», ставших фактом художественных систем и индивидуально-авторских картин мира.

Многое о лирической фразеологии и словоупотреблении может сказать сама протяженность словарной статьи – незаменимый помощник в поиске доминант идиостилей и стиля русского авангарда в целом на фоне предшествующих и последующих литературных методов, течений, направлений, школ. Так, объемы контекстов концептуально важных для русской картины мира понятий ХЛЕБ, ХРАМ, ЦАРЬ, поэтизма ЦВЕТОК и однокоренных лексем занимают во второй книге девятого тома словаря огромные ниши, в то время как термины ФОСФАТ [СЛЯРП, 2022, с. 293] (только у Б. Пастернака), ХЛОП, ХЛОРОЗ [Там же, с. 341] (только у И. Анненского), абстрактное понятие ХРАНЕНЫЕ (только у Б. Пастернака) представлены единичными репрезентациями. Редкое ХРАНИЛИЩЕ МЫСЛИ (А. Блок) и ХРАНИЛИЩЕ ТРУДА (А. Ахматова) дополняют столь же маргинальный ряд метафор этой лексемы, известных XIX столетию (ХРАНИЛИЩЕ ВРЕМЕН у Ф. Тютчева [Иванова Н., Иванова О., 2004, с. 102]). Неожиданно скромной по количеству контекстов оказывается статья ФОРТУНА [СЛЯРП, 2022, с. 293], если сравнить данные словаря со степенью популярности этой лексемы у русских романтиков.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют материалы вокабул, посвященных окказиональным словам, – приведем примеры из стихотворных произведений О. Мандельштама и С. Есенина: «УХАЖНУТЬ [нов.] Свободный художник, / рисующий задочки, / дремлет в девяностом [этаже], / думает одно: / как бы у. / за хозяйской дочкой – / да так, / чтоб хозяину / всучить полотно...» [Там же, с. 230]; «ЦВЕТЬ [нов.] Не жаль мне лет, растрченных напрасно, / Не жаль души сиреневую цвет. / В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть...» [Там же, с. 517].

Сводный «Словарь языка русской поэзии XX века» расширяет горизонты филологического поиска в области культуры Серебряного века, убеждая читателя и исследователя в безграничных возможностях лирического дискурса впечатляющим объемом проделанной научным коллективом работы.

Список литературы

Григорьев В. П. К поэтике и эстетике авангарда // Григорьев В. П. Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 737–740.

Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Транзиткнига, 2004. 666 с.

СЛЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В. П. Григорьев и др. Т. 1: А–В. М.: ЯСК, 2001. 895 с.

СЛЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 9, кн. 2: Уж – Цезарь / Сост.: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. М.: ИД ЯСК, 2022. 536 с.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: ЯСК, 2011. 464 с.

References

Grigor'ev V. P. K poetike i estetike avangarda [To the poetics and aesthetics of the avant-garde]. In: Grigor'ev V. P. *Budetlyanin*. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 737–740.

Ivanova N. N., Ivanova O. E. *Slovar' yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa 18 – nachala 20 v.)* [Dictionary of the language of poetry (a figurative arsenal of Russian lyrics of the late 18th – early 20th centuries)]. Moscow, AST, Astrel', Russkie slovari, Tranzitkniga, 2004, 666 p.

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author's lexicography: theory, history, modernity]. Moscow, LRC Publishing House, 2011, 464 p.

Slovar' yazyka russkoy poezii 20 veka [Dictionary of the language of Russian poetry of the 20th century]. V. P. Grigor'ev et al. (Comps.). Moscow, LRC Publishing House, 2001, vol. 1: A–V, 895 p.

Slovar' yazyka russkoy poezii 20 veka [Dictionary of the language of Russian poetry of the 20th century]. L. L. Shestakova (Ed. in Ch.), A. S. Kuleva (Ed.), A. V. Gik (Comp.). Moscow, 2022, vol. 9, bk 2: Uzh – Tsezar', 536 p.

Информация об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Scopus Author ID 56732932100

WoS Researcher ID ABF-7100-2020

Information about the author

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 56732932100

WoS Researcher ID ABF-7100-2020

Статья поступила в редакцию 22.07.2023;

одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 15.08.2023

The article was submitted on 22.07.2023;

approved after reviewing on 15.08.2023; accepted for publication on 15.08.2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2